

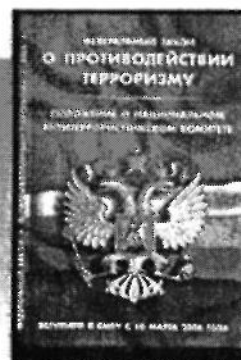
В.Д. Дзидзоев
Н.Н. Левченко

Сепаратизм, терроризм и экстремизм на Северном Кавказе: политико-правовой анализ

В.Д. Дзидзоев
Н.Н. Левченко

**Сепаратизм,
терроризм и
экстремизм
на Северном Кавказе:
политико-правовой анализ**

Владикавказ
2008

66.О(2Рос-Осе)
Д-43

Д-43 **Дзидзоев В.Д., Левченко Н.Н.**
Сепаратизм, терроризм и экстремизм на Северном Кавказе: политико-правовой анализ / В.Д. Дзидзоев, Н.Н. Левченко — Владикавказ: Ир, 2008. — 288 с.
ISBN 5-7534-1175-4(978-5-7534-1175-4)

Книга посвящена анализу сепаратизма, терроризма и экстремизма в постсоветский период на Кавказе. Вскрываются причины обострения этнополитической ситуации и сепаратизма в Чеченской Республике в начале 90-х годов XX в., в также острые противоречия в межэтнических отношениях в сложнейшем и проблемном регионе Российской Федерации. Большое место отведено анализу уроков и перспектив окончательного преодоления чеченского кризиса.

Авторы придерживаются собственной оригинальной концепции причин, характера и последствий вооруженного противостояния федерального центра и Чеченской Республики в конце XX—нач. XXI века.

Книга рассчитана на политологов, историков, юристов, конфликтологов, занимающихся проблемами Кавказа.

Д $\frac{0503020900-51}{M131(03)-08}$ 28-08

66.О(2Рос-Осе)

© ГУП РСО-Алания «Издательство «Ир», 2008
© Дзидзоев В.Д., Левченко Н.Н., 2008
© Григорян В.С., оформление, 2008
ISBN 5-7534-1175-4(978-5-7534-1175-4)

*Жертвам и защитникам
Беслана и Цхинвала
посвящается*

ВВЕДЕНИЕ

Процесс общественной и политической модернизации, начатый в Российской Федерации в декабре 1991 года, изначально нес в себе массу противоречий, которые отразились на межгосударственных отношениях вновь созданных государств, демократизации всех сфер жизни общества, государственной национальной и федеративной политике. В ряде регионов России глубокий кризис всех сфер жизни общества обострил рост политического и этнического противостояния, уснчил центробежные тенденции в государственном строительстве.

Особенно остро центробежные процессы проявили себя на Северном Кавказе. Попытка образования на базе Чечено-Ингушской Республики Республики Ингушетия (РИ) в составе Российской Федерации и независимой Чеченской Республики — Ичкерия (ЧР—И),¹ подтолкнуло деструктивные политические силы к аналогичным шагам в Кабардино-Балкарской Республике, Карачаево-Черкесской Республике и в других республиках. Логическим продолжением образования суверенной Чеченской Республики — Ичкерия стал ее выход из состава Российской Федерации и переход в новое качество — субъекта международного права. Этот сложный и болезненный процесс затронул государственные интересы России на Северном Кавказе, так как вел к дальнейшему распаду страны на более мелкие национально-государственные образования, что, в конечном счете, неминуемо вело к гражданской войне за передел территорий. Подтверждением тому является вооруженное нападение ингушских национал-экстремистов на Северную Осетию (так называемый «осетино-ингушский конфликт») 1992 года с целью насильственного отторжения от Северной Осетии Пригородного района и правобережной части Владикавказа, где многие влиятельные ингушские лидеры и идеологи «видели» столицу будущей Республики Ингушетия.

Борьба за сохранение территориальной целостности и укрепление государственности России в рамках конкретного исторического процесса актуализировала необходимость глубокого всестороннего исследования всех объективных и субъективных причин, ведущих к росту межэтнического и политического противостояния, центробежных устремлений отдельных национальных и религиозных объе

дмнений и организаций, теоретического переосмысления исторических процессов с учетом новейших данных истории, юриспруденции, политологии, конфликтологии, социологии, социальной философии, этнологии и геополитики. Возникла потребность выработки предупредительных защитных управленческих механизмов воздействия на центробежные процессы в реальном масштабе времени, до принятия решения о применении силы.

Важное значение в выработке новой эффективной внутренней государственной политики приобретает концептуальный пересмотр ряда положений теории познания и методологии внутрисоциальных отношений, касающихся федеративного устройства и национального фактора в истории нашего государства, а также необходимости применения силы в рамках конституции для сохранения целостности Российской Федерации. На наш взгляд, очень важно при рассмотрении этого вопроса учитывать мировой опыт. Так, например, в Конституции США² сделан акцент на недопустимости разрушения государства путем выхода штата из США. Для ратификации этого положения потребовалось 35 лет, но благодаря этому по сей день США остается самой мощной территориально целостной державой планеты.

Одним из главных аспектов данной проблемы является необходимость уточнения и переосмысления некоторых теоретических положений в области национальной политики и международных отношений на территории бывшей Чечено-Ингушской АССР, в целом Северного Кавказа. Это вызвано тем, что «теоретическое обоснование вопросов национальной политики, соответствующей нынешнему этапу развития страны, остается мало проработанным»,³ а о практическом применении выработанных теоретических положений вообще говорить не приходится. Вся новизна в этой области находится в сфере эмпирической деятельности властных структур на местах без учета опыта, накопленного десятилетиями в отечественной и зарубежной науке.

В отечественной науке среди ранних работ, посвященных межнациональным и межцивилизационным отношениям, можно отметить труды Н.Я. Данилевского, И. А. Ильина, К.Н. Леонтьева, А.Ф. Лосева, И.О. Лосского, С.М. Соловьева, Н.С. Трубецкого и других.

В советский период проблема самоопределения наций и межнациональные отношения разрабатывались, главным образом, в срезе общей марксистско-ленинской теории наций и национальных отношений в трудах известных советских ученых — историков, философов, социологов, этнографов Р. Г. Абдулатипова, А. Г. Агаева, А. В. Авксентьева, В.А. Авксентьева, С.И. Арутюняна, А.О. Аствацатурова, Т.Ю. Бурмистровой, Ю.В. Бромлея, Э.А. Баграмова, А.А. Барсукова, В.Б. Виноградова, М.И. Гиоева, А.Ф. Дашдамирова, С.Т. Калтахчана, Н.С. Киняпиной, М.М. Кучукова, В.И. Козлова, Х.О. Лайпанова, А.А. Магомедова, Ш.Г. Магидова, А.Л. На-

рочницкого, П.М. Рогачева, Н.А. Смирнова, М.Л. Свердлина, В.Л. Тишкова, Э.В. Тадевосяна, И.П. Цамсряна, В.П. Шерстобитова, А.К. Хачирова, СИ. Эфендиева, Э.Ю. Юсупова и других.

Проблеме сосуществования и взаимодействия представителей различных наций, цивилизаций уделяли большое внимание и классики мировой науки, например М. Вебер, М. Тарки, А. Тойнби, О. Шпенглер и другие. Преодоление стереотипов в подходе к изучению национальных отношений дает возможность приобщить к анализу обозначенной темы исследования большое число идей, прежде отставшихся как «буржуазные» и потому враждебные советской науке. В частности, представляют интерес работы классиков западной социологической мысли Э. Геллнера, Э. Дюркгейма, Э. Смита, Э. Годда, С. Хантингтона и многих других.

Загрозные проблемы, копившиеся не только десятилетиями, но и веками, усиливаемые колонизационными и революционными процессами, мировыми войнами, депортацией целых народов, не продуманной до конца в правовом и политическом отношении реабилитации наказанных народов, демографическими процессами, развалом СССР, стали одним из главных катализаторов эскалации вооруженного конфликта на Северном Кавказе в конце XX века.

Вопросы регулирования межнациональных конфликтов всегда представляли интерес как научного характера — для исследователей, так и практического — для тех, кто занят в сфере разрешения подобных проблем. Именно поэтому возникло новое направление в политической науке — конфликтология.

Актуальность темы также обусловлена рядом причин, объективно вытекающих из нынешней социально-политической, правовой и экономической ситуации в Российской Федерации. Кризисные явления все еще просматриваются не только в политической, но и в экономической, духовной, социальной сферах. Они, в свою очередь, оказывают значительное влияние на этнополитические процессы в обществе. Сегодня мы наблюдаем один из результатов этого влияния, выражающийся в многообразии этнополитических конфликтов на территории России, особенно в Северо-Кавказском регионе.

Смена политической системы, губительный распад СССР, становление новой российской государственности и, следовательно, новых подходов к федеративному устройству страны и принципам федерализма, национальной политике и межнациональным отношениям, глубокий экономический и политический кризис, грубейшие ошибки федерального центра, особенно в первой половине 90-х годов XX века, бездействие, духовное обнищание общества, — вот неполный список факторов, сыгравших определенную роль в усилении конфликтогенности в Северо-Кавказском регионе.

Актуальность темы данного исследования обусловлена также тем, что современные этнополитические процессы на Северном Кавказе

имеют глубинный характер, их причины и корни заложены в сложной и зачастую противоречивой истории народов региона. Здесь тесно переплелись колониционные явления и национально-освободительная борьба отдельных народов, массовые миграционные процессы и волюнтаристская передача властями исконной территории проживания одного народа другому. Куначество, добрососедство и, в то же время, этническая рознь, иногда возникающая на религиозной или социально-политической почве — все это в разной степени проявляется в ходе современного развития Северного Кавказа. Полиэтническая структура населения региона в значительной мере способствует развитию перечисленных факторов.

Серьезный отпечаток и значительную дополнительную остроту сложнейшим этнополитическим процессам на Северном Кавказе в 90-е годы XX века придал, как подчеркивалось выше, глубокий и затяжной кризис государственности в современной России. Ее переходный характер обусловлен постепенным противоречивым и крайне болезненным изживанием прежнего социалистического уклада социально-экономической жизни народов страны. Переход к так называемым либеральным демократическим реформам сопровождается уже 18 лет (!) разрушением старых норм и ценностей, дезориентацией личности, что ставит ее перед необходимостью выбора новых ориентиров, важных для создания собственного бытия.

Здесь уместно напомнить, что во времена существования Советского Союза национальная политика, проводившаяся на Северном Кавказе, основывалась на том, что территория советского государства была едина и на ней действовали одинаковые для всех законы. Исходя из этого был создан единый взаимосвязанный хозяйственный организм, в котором одни были поставщиками сырья и материалов для других, третьи собирали агрегаты из деталей, поставленных со всех уголков страны. Потребителями же были все заинтересованные в произведенной продукции народы страны. Едиными были также транспортная и энергетическая системы. С распадом СССР в 1991 г. все экономические и хозяйственные связи, создававшиеся десятилетиями, стали в одночасье рушиться, где по невежеству, а где и по злumu, корыстному умыслу. За несколько «смутных лет» в начале 90-х годов XX в. они оказались полностью разрушенными и парализованными. Это во многом усугубило и без того непростые взаимоотношения на местах властей и трудового населения, а также различных народов, испокон веков проживающих на относительно небольших территориях республик Северного Кавказа. Все были заинтересованы с переходом на рыночную экономику в том, чтобы выхватить из общего пирога «кусоч побольше», как правило, в личное пользование. Появилась безработица, снижение уровня жизни абсолютного большинства населения. Кое-где наблюдался полный паралич всей промышленности и сельского хозяйства. В этих условиях люди со слабым, безвольным характером лишились последних средств к существованию, жилья и значительно пополни-

нили армию лиц без определенного места жительства — бомжей. Наиболее сильные физически и духом, агрессивны настроенные «к реформируемому обществу» стали создавать свои «бригады» и заниматься деятельностью явно криминального характера, вскоре пополнив контингент тюрем. Так постепенно, но уверенно общество стало на путь деградации.

Указанные причины и обстоятельства усугубили этнополитическую, экономическую и морально-психологическую напряженность на Северном Кавказе и стали детонатором конфликтного развития. Данные явления сопровождалась переделом власти и собственности на местах и закреплением ее за различными национальными, клановыми и религиозными группами, часто спаянными весьма крепкими, в том числе и кровнородственными, узами. Вместе с ускоренной криминализацией общества, ростом терроризма и экстремизма все указанные обстоятельства стали почвой, на которой межнациональные конфликты стали суровой и опасной реальностью нашей жизни.

С распадом Советского Союза современная Российская Федерация во многом потеряла былой вес в геополитическом и геостратегическом противостоянии с ведущими державами мира. Это обстоятельство отразилось и на Северном Кавказе, который на протяжении веков был одним из центров геополитических устремлений различных стран мира. Ослабление позиции России в данном геостратегическом пространстве вызвало вакуум, в который устремились интересы целого ряда европейских, арабских стран и Соединенных Штатов Америки. Влияние на Северный Кавказ целого ряда зарубежных стран, в первую очередь, США, усилилось не только потому, что здесь ослабли позиции России, хотя и с этим аргументом трудно не считаться. На наш взгляд, этот процесс следует связать в целом с мировым процессом политизации ислама, ростом мусульманского фундаментализма и настойчивыми попытками реализовать идеи панисламизма в этом регионе.

Северный Кавказ традиционно связан культурными, историческими, этническими и хозяйственными связями с рядом арабских стран, в первую очередь, со странами Среднего Востока, на территориях которых давно существуют диаспоры северокавказских народов. Это также обусловило то, что Северный Кавказ стал регионом геополитических устремлений ряда стран Среднего Востока.

Небезынтересна и военная составляющая данного процесса, поскольку вооруженные силы, как правило, являются «слепком» общества, то есть отражают состояние, в котором находится то или иное общество. Обращаем внимание на то, что этнополитическая ситуация в стране в первой половине 90-х годов XX в. была накалена до предела и грозила выходом из-под контроля. Вооруженное вторжение на территорию «независимой» Чеченской Республики и наведение силами Российской армии «конституционного порядка» при отсутствии реальных альтернативных вариантов оставалось последним весомым аргументом руководителей федерального центра во главе с Б.Н. Ельциным, которые своими многочисленными ошибка-

ми и просчетами вольно или невольно доводили сложную обстановку до гражданской войны.

Эти и многие другие обстоятельства делают выбранную тему этнополитических, межнациональных конфликтов на Северном Кавказе актуальной в теоретическом и практическом отношении. Представляется архиважным объективное изучение причин межнациональных конфликтов в современной России, и, прежде всего, на Северном Кавказе.

Необходимость обращения к теме исследования именно сейчас вызвана, в первую очередь, тем, что этнополитическая ситуация в регионе предполагает потенциальную возможность обострения тех конфликтов, которые находятся в данный момент в латентном⁴ состоянии. Обращаем особое внимание на то, что до конца не урегулирован чеченский кризис, попытки поколебать властные структуры предприняты международными террористами и их пособниками в Дагестане, Ингушетии и Кабардино-Балкарии. Неутешительны прогнозы и оценки этнополитической ситуации на ближайшую перспективу в Ставропольском крае, Карачаево-Черкесии, Северной Осетии. Надо признать, что фактически сегодняшний Северный Кавказ — потенциально наиболее уязвимая в сфере этнополитической конфликтности регион Российской Федерации. Сложность заключается еще и в том, что ряд республик региона с момента распада СССР стали приграничными. Это, несомненно, привносит в их политическую жизнь новую грань — большую доступность для иностранных эмиссаров. В этой части данное исследование вносит в освещаемые вопросы определенную ясность.

Обращение к настоящей тематике обусловлено быстрым накоплением новой информации по данной проблеме и необходимостью более глубокой разработки актуальной проблемы. В то же время, неполно очерчен круг политико-правовых проблем регулирования этнополитических конфликтов. Например, соглашения по урегулированию этнополитических конфликтов, рекомендуемые в качестве действенной меры отдельными исследователями, не выдерживают критики. Зачастую эти соглашения представляют собой не договор, из которого вытекают права и обязанности сторон, а лишь выражение политического духа, носящее декларативный характер, что весьма характерно для предложений Х.-А. Нухаева. Тем не менее, многолетний опыт регулирования этнополитических конфликтов в регионе следует, на наш взгляд, изучать глубже и пропагандировать активнее.

Настоящая работа, выполненная в четком соответствии с требованиями науки, является попыткой решения некоторых насущных теоретических проблем регулирования этнополитических конфликтов в регионе.

Вопрос обобщения опыта и освещения военно-политических проблем регулирования этнополитических конфликтов на Северном Кавказе стоит на повестке дня чрезвычайно остро, ведь прежнего

знания о регулировании этнополитических конфликтов на Северном Кавказе уже недостаточно, а новое знание еще не приобрело развитой формы, достаточной для принятия взвешенных политико-правовых решений. Актуальность темы настоящего исследования определяется наличием в конфликтологической науке такой ситуации, когда в результате новых фактов, открывшихся в ходе регулирования чеченского, осетино-ингушского и других этнополитических конфликтов на Северном Кавказе, видно, что они явно не укладываются в рамки прежних теоретических представлений. К числу таких фактов можно отнести специфику межэтнических противоречий в регионе — роль государства в этнополитических конфликтах Северного Кавказа, функционирование федеральных посреднических структур в процессе их урегулирования, противоречия нормативной базы федерального центра и законодательства субъектов Федерации, правомерности применения силовых действий и т.д.

Определенную ценность имеют обобщение и анализ исторического наследия и современного опыта регулирования этнополитических конфликтов в регионе, выявление новых потенциальных проблем в сфере межнациональных отношений и управления этнополитическими процессами на Северном Кавказе с учетом религиозного фактора. Учитывая все это, авторы поставили перед собой следующие исследовательские задачи:

- объективно и всесторонне изучить причины и характер конфликтных процессов в период краха одного государства — СССР — и образования другого государства — современной демократической Российской Федерации;

- максимально раскрыть влияние внутренних и внешних факторов на сложную современную этнополитическую ситуацию в регионе;

- обозначить геополитические проблемы и их влияние на регулирование этнополитических противоречий на Северном Кавказе;

- исследовать роль иностранных спецслужб в разжигании и поддержании конфликта в регионе на примере деятельности террористов из Организации освобождения Палестины и других аналогичных структур;

- максимально объективно выявить проблемные ситуации в региональной практике урегулирования этнополитических конфликтов, в том числе возникающие на религиозной почве;

- обобщить позитивный опыт постконфликтного регулирования этнополитических противоречий на Северном Кавказе.

Основная гипотеза настоящего исследования, по мнению авторов, сводится к тому, чтобы показать наиболее оптимальные методы исследования и варианты возможного регулирования конфликтных ситуаций, в том числе и с помощью Вооруженных сил Российской Федерации, применительно к конкретным ситуациям и конкретным регионам.

Источниковой базой исследования являются в основном политико-

правовые документы Российской Федерации — Конституция Российской Федерации 1993 года, Федеративный договор Российской Федерации 1992 года, Конституции республик Северного Кавказа, концепция государственной национальной политики в Российской Федерации, федеральные и республиканские законы, постановления правительства Российской Федерации, правительств субъектов федерации, а также труды советских, современных российских и зарубежных ученых, общественных и государственных деятелей, материалы государственных и личных архивов и т.д.

В ходе анализа этнополитической ситуации на Северном Кавказе выделены основные военно-политические, правовые, религиозные, социальные проблемы, требующие незамедлительного политического решения и правовой оценки. Особо вычлняются факторы, влияющие на затяжной характер конфликтов.

В предлагаемой монографии показана необходимость особого подхода к выработке управленческих стратегий и реализации политико-правовых основ регулирования этнополитических противоречий в регионе. Именно в этом контексте авторы анализируют различные методы и возможности государства в регулировании этнополитических процессов. Федеральные органы власти четко определили свою позицию в намерении сохранить и упрочить территориальную целостность Российской Федерации и нейтрализовать действия радикальных и террористических организаций в Северо-Кавказском регионе, в том числе и с применением вооруженных сил страны. Анализируя роль Российского государства в этнополитическом процессе на Северном Кавказе, делается акцент на взаимосвязи проблем регулирования этнополитических конфликтов с проблемами государственного управления этими конфликтами в целом.

Практическая значимость настоящей монографии определяется характером выполняемого исследования и обусловлена тем, что его результаты позволяют внести необходимые коррективы в практику в целях более целенаправленного и эффективного разрешения губительных этнополитических конфликтов в регионе, которые без преувеличения можно отнести к серьезным угрозам национальной безопасности Российской Федерации.

Собранный в монографии богатый и разносторонний материал, его системный анализ, а особенно выводы, могут быть использованы для дальнейшего, более углубленного фундаментального исследования проблем этнополитики, геополитики, федеративного устройства, межнациональных отношений на Северном Кавказе.

Авторы с пониманием воспримут обоснованные замечания и конструктивные пожелания и намерены продолжать углубленную научную разработку данной проблемы.

Глава I
ТЕОРИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ЧЕЧЕНСКОГО
СЕПАРАТИЗМА

1. Причины обострения этнополитической ситуации в
Чеченской Республике в начале 90-х годов XX века

В конце XX века стало очевидным, что проблемы национальной политики и межнациональных отношений стали доминирующими не только в Российской Федерации и других странах СНГ, но и во всем мире. Нагорный Карабах, Абхазия, Южная Осетия, Таджикистан, Приднестровье, Северная Осетия, Ингушетия, Чечня — таков далеко не полный список «горячих точек», появившихся на карте бывшего Советского Союза. Дружба народов СССР, о которой много говорили советские идеологи и которая выдержала самые жестокие и суровые испытания Великой Отечественной войны 1941—1945 годов, не устояла под натиском интриг и предательства партийно-советской верхушки СССР и РСФСР, антисоветской и антироссийской западной идеологии и рукотворных экономических, политических трудностей, следствием которых стал многолетний тяжелейший кризис государственности Российской Федерации.

Самые масштабные социально-политические события на территории Российской Федерации произошли в канун распада бывшего Советского Союза и фактически продолжают до сих пор на юге России — в Северо-Кавказском регионе, где Чеченская Республика провозгласила себя в ноябре 1991 году независимым государством.⁵

Со дня провозглашения «независимости» Чеченской Республики прошло уже около 20 лет. За это время население мятежной республики на себе испытало немало ужасов террора, экстремизма, воинственного сепаратизма и т.д. На территории Чеченской республики прошли две войны, которые в СМИ и научной литературе интерпретируются достаточно вольно в зависимости от профессиональной подготовки, симпатий и антипатий авторов (например, «конфликт», «чеченский конфликт», «чеченская кампания», «российско-чеченский конфликт», «российско-чеченская война», «военная операция по наведению конституционного строя в Чечне», «чеченский кризис», «этнополитический конфликт в Чечне» и т.д.). 15 апреля 2000 г. руководство Российской Федерации объявило о завершении войсковой части «контртеррористической операции в Чеченской Республике» (официальное название второй российско-чеченской войны 1999—2002 гг.). Тем не менее, боевые действия между федераль

ными военными, другими силовыми структурами и боевиками продолжались до 2002 года, в ходе которых с обеих сторон гибли тысячи людей. Это была война на территории Чеченской Республики.

Следует подчеркнуть, что чеченцы, как и другие народы Северного Кавказа, на себе испытали и великодержавную имперскую политику царской России, и советскую национальную политику, в результате которой они сначала получили свою автономию, а затем в 1944 году ее лишились. По решению высшего политического руководства СССР она была ликвидирована, а сами чеченцы депортированы в Казахстан и другие республики Средней Азии.

В отечественной историографии Кавказа есть немало интереснейших работ по истории и культуре чеченцев в XVII—XIX веков.⁶ Большое внимание исследователи уделили истории, культуре, национальному самосознанию чеченцев, их революционной освободительной борьбе в конце XIX — начале XX веков, а также гражданской войне на Северном Кавказе и участию в ней чеченцев. Немало работ было посвящено автономии Чечни, национально-государственному строительству народов Северного Кавказа, в том числе и чеченцев. Безусловно, отечественные исследователи в своих трудах не обошли вниманием и трагические страницы истории чеченцев, связанные с их депортацией в 1944 году и трудным возвращением на историческую родину в 1957 году. В последнее время разным аспектам национальной политики, проводимой на Северном Кавказе поочередно царской Россией, Советским государством и Российской Федерацией, посвящены содержательные статьи, монографии, кандидатские и докторские диссертации отечественных исследователей.⁷

Идея отделения Чечни от Российской Федерации и создания независимого государства возникла в условиях горбачевской перестройки в конце 80-х годов XX века, когда негативные процессы в общественно-политической жизни страны стали приобретать угрожающий характер. Наиболее дальновидные депутаты Верховного Совета РСФСР пытались обратить внимание руководства страны на угрожающие этнополитические процессы в ЧИ АССР. Так, например, в аналитической записке на имя руководства страны депутаты выразили серьезную озабоченность тем, что происходило в Чечено-Ингушской АССР: «Национализм титульных народов автономной республики становится угрожающим и дестабилизирующим. Имеется большая вероятность того, что национализм... отзовется через короткое время непредсказуемыми событиями, которые уже невозможно будет контролировать».⁸ Народные избранники настойчиво просили руководство страны принять адекватные меры по пресечению бурного роста этнического национализма, который «в таком виде угрожает даже национальной безопасности страны».⁹ К сожалению, в разгар политической борьбы за власть федеральный центр не придал должного внимания этим призывам народных депутатов.

Следует подчеркнуть позитивное начало, которое содержалось в общественных, религиозных и общественно-политических движе

ниях в республиках Российской Федерации, возникших в ходе фундаментальных преобразований, получивших название «перестройка». Однако в целом годы горбачевской перестройки не дали ожидаемых положительных экономических и политических результатов в обществе. Во многих республиках Кавказа быстро нарастали опасные и мощные центробежные силы, возникали серьезные и угрожающие межнациональные и этнополитические конфликты. Народы Кавказа столкнулись со многими «рукотворными» проблемами в сфере национальной политики, межнациональных отношений и этнополитических процессов. Во многих союзных республиках, а затем и в автономных, возникло мало подкрепленное серьезными аргументами устойчивое мнение о способности не только субъектов СССР, но и Российской Федерации самостоятельно организовать свое суверенное, независимое государство со всеми надлежащими государственными атрибутами. Недальновидные политики и откровенные политиканы, боровшиеся за власть, наперебой обещали измученному и многострадальному народу быстрый прогресс и процветание в своей республике или автономии при условии отделения от СССР и РСФСР. Появились воинственные и опасные сепаратисты, идеология современной «национально-освободительной борьбы», агрессивный политический экстремизм, терроризм, многочисленные заложники и другие атрибуты «свободной демократической жизни». Национальный вопрос в России в начале 90-х годов, как и в 1917 году при развале Российской империи, выдвинулся на передний план, подтвердив на практике свою исключительную значимость и масштабность.

Следует обратить особое внимание на то, что во многих республиках Северного Кавказа, в целом Юга Российской Федерации хорошо понимали потенциальную опасность непродуманных действий в области национальной политики и межнациональных отношений в самом опасном и проблемном регионе страны. Так, например, в октябре 1991 года на имя Б.Н.Ельцина поступило обращение от руководителей Ростовской области, Дагестана и Северной Осетии, в котором говорилось о «катастрофическом обострен™» этноконфликтной ситуации на территории Юга Российской Федерации.¹⁰ Там же отмечался значительный рост этноцентризма на Юге Российской Федерации в связи с сильным обострением межнациональных отношений." Внимание президента страны обращалось на опасные вспышки вооруженного противостояния по этническому признаку в Чечено-Ингушетии, Дагестане, Карачаево-Черкесии, Кабардино-Балкарии и Северной Осетии. Кроме того, в обращении особое внимание уделялось существованию реальной опасности «гражданской, межнациональной войны на Северном Кавказе из-за территориальных притязаний одних народов к другим».¹² Обращаем внимание на то, что через год произошло вооруженное нападение ингушских национал-экстремистов на Республику Северная Осетия—Алания (в октябре 1992 года), что лишней раз подчеркнуло дальновидность упомянутых политиков.

Далее авторы обращения отмечали большую негативную роль некоторых общественных (национальных) движений в республиках Северного Кавказа, лидеры которых статьи 3 и 6 Закона РСФСР 1991 года «О реабилитации репрессированных народов» истолковали как официальное разрешение на перекройку существующих административно-территориальных границ.¹³

В связи с этим считаем уместным напомнить, что подобные события уже происходили ранее в истории Российского государства. Так, например, Октябрьская революция 1917 года упразднила все государственные институты и, первое время, не могла предложить каких-либо новых. В создавшемся вакууме правовых отношений и в условиях мнимой свободы стал процветать пресловутый «культ силы» — кто сильнее, тот и прав. Российское общество раскололось на мелкие части, сплоченные на основах национальности, социальной принадлежности, вероисповедания, или просто интернациональных криминальных интересов. В этой сложной и противоречивой ситуации стали появляться всевозможные национальные лидеры, знающие тонкости ментальности местных сообществ, умеющие ловко манипулировать этими особенностями в своих политических и иных интересах.

В этой обстановке большевики быстро разобрались, что главным является земельный вопрос и на II съезде народов Терека^{1,1} были очерчены цели и задачи будущих земельных органов, указаны конкретные принципы удовлетворения земельных потребностей коренных народов плоскостной части, горцев, русскоязычных, казаков. Но, приняв решения съезда за санкционирование самоуправления на местах, «безземельные» горцы, особенно чеченцы и ингуши, начали захватывать земли, принадлежавшие зажиточным казакам.

Так, например, «ингуши захватили земли, на которых проживали временно с разрешения Войскового правительства. Они захватили так называемый «Галашкинский войсковой земельный участок» (около 33424 десятин), на котором находились хутора: Галашки (1346 десятин), Мужичи (1029 десятин), Верхний Датых (1072 десятины) и Сарали-Опиева (328 десятин).

Ингуши предприняли отчаянные попытки вернуть себе земли, занимаемые казачьими станицами Тарская, Сунженская, Фельд-маршальская и другими. Свою позицию они объяснили решениями II съезда народов Терека¹³. Таким образом, откровенному бандитизму придавалась видимость политической борьбы. Под флагом борьбы за новую власть Советов они, заметим, не селились совместно с другими народами для налаживания будущей мирной жизни, а устраивали побоища и грабежи «не своих народов».

Таким образом, постсоветские реформаторы в Москве не учли суровых уроков прошлого, а лидеры общественных движений отдельных народов Северного Кавказа (например, ингушского) полностью игнорировали часть 3 закона РСФСР 1991 года «О реабилитации репрессированных народов», где говорилось о недопу

стимости ущемления прав и законных интересов народов, проживающих на «спорных территориях». Заметим, что в начале 90-х годов XX в., как и сейчас, На Северном Кавказе, в целом в Российской Федерации многие требовали и требуют исключить из закона РСФСР 1991 года «О реабилитации репрессированных народов» статьи 3 и 6, послужившие «поводом для межнациональных конфликтов и началом развала единой России».¹¹

Анализируя проблемы Чеченской Республики конца 80-х — нач. 90-х годов XX в., необходимо помнить о том, что в тот период в бывшем СССР часто звучали имена авторитетных ученых, политиков, государственных деятелей — выходцев из Чечни. Среди них Р. И. Хасбулатов, избранный председателем Верховного Совета Российской Федерации, С.А. Хаджиев — министр нефтехимической промышленности СССР, генерал-майор милиции А. Аслаханов — руководитель комитета по вопросам законности, правопорядка и борьбы с преступностью в российском парламенте. Большие успехи были достигнуты чеченцами в спорте — С. Хасимиков, Х. Орцуев и другие, в искусстве — М. Эсамбаев, в науке — И. Алсроев, Дж. Гакаев, Ю. Дешериев, Х. Ибрагимов, В.Межидов и другие. Все это способствовало росту национального самосознания чеченцев, формированию вайнахской национальной идеи, уверенности в самостоятельном процветании Чеченской Республики вне России.

Первые концепции создания государственности чеченцев и ингушей не насторожили федеральный центр. Видимо, в Москве считали, что чеченцы и ингуши хотят воспользоваться благами демократии для успешного развития в составе единой и неделимой Российской Федерации. Однако последующие масштабные события показали весь трагизм происходивших на территории бывшей Чечено-Ингушской Республики общественно-политических событий.

Кризис в Чеченской Республике — явление сложное, многоплановое и противоречивое. Определить его причины с абсолютной точностью сегодня чрезвычайно сложно. На наш взгляд, должно пройти какое-то время для того, чтобы стал возможен объективный и всесторонний анализ всех предпосылок, породивших этот масштабный кризис и его катастрофические последствия не только для Чечни и чеченского народа, но и всей Российской Федерации. Авторы ставят перед собой задачу подвергнуть анализ} сущность и содержание российско-чеченского противостояния, произвести историко-политологическое осмысление российско-чеченской войны 1994-1996 годов.

Активным действующим субъектом этнополитического конфликта на территории Чечни является Российская Федерация как многонациональное государство, его властные и силовые структуры, с одной стороны. С другой, чеченской стороны, масса активных субъектов-носителей конфликта более однородна — это в основном чеченский народ, который поддерживается небольшой частью других на

родов бывшего СССР и стран зарубежья. Степень участия в противостоянии у всех разная: от вооруженной борьбы до материальной помощи и простого поддержания идеи независимости. Из субъект-носителя с чеченской стороны, идентифицированного как чеченский народ, следует, на наш взгляд, исключить часть антидудаевской оппозиции, выступавшей на стороне федерального центра и поддерживавшей его, а также представителей чеченских диаспор в других городах и регионах России, которые не участвовали в боевых действиях и не поддерживали идею национальной независимости Чечни.

Противостояние Москвы и Грозного началось с того, что Верховный Совет ЧИАССР 27 ноября 1990 года принял Декларацию о государственном суверенитете республики. К тому же конфликтные отношения между союзным и российским руководством объективно способствовали росту негативных политических процессов в ЧИАССР. Принятие декларации фактически означало выход ЧИАССР из состава РСФСР. Ответственность за такое развитие событий, по нашему убеждению, должен нести Верховный Совет СССР, который принял закон, ставивший автономные республики в один ряд с союзными и признававший их субъектами СССР. По такому сценарию пытались вывести из состава России ее автономии, которым М.С. Горбачев обещал повышение статуса в результате заключения нового союзного договора. Все это было проявлением популистской, непродуманной национальной политики союзного центра, который поддерживал председателя Верховного Совета ЧИАССР Д. Г. Загаева. В обострение взаимоотношений между Москвой и Грозным вносили свою лепту и национальные движения Прибалтики, которые, будучи заинтересованы в скорейшем распаде СССР, оказывали большую помощь оппозиции в Чечено-Ингушской АССР (Чечено-Ингушской Республике). Эта помощь носила политический и пропагандистский характер. Они направляли оппозиции в г. Грозный проекты постановлений, резолюций, четко указывая направления политической деятельности и государственного устройства северокавказской республики. Бывший председатель Верховного Совета РСФСР Р.И. Хасбулатов по этому поводу пишет: «В декабре 1990 года мне привезли из Грозного пухлую пачку с документами ОКЧН (Общенационального конгресса чеченского народа. — Авт.) — проекты постановлений, резолюций, указов по экономической независимости, политической самостоятельности, государственному устройству. Мне показалось, что все это я уже читал, даже неоднократно. Вспомнил, подошел к одному из своих многочисленных шкафов, взял три папки: «Литва», «Латвия», «Эстония». Все сходится! Буквально с запятыми, даже ошибками. Только вместо слов Эстония, Литва или Латвия проставлена «Чеченская Республика». Обратил внимание, что некоторые бумаги даже не были перепечатаны, а просто заклеены. По-видимому, вместо слова «Эстония» ставился трафарет «Чеченская Республи-

ка», и все это ксерокопировалось и распространялось среди публики». ¹⁷

При анализе причин, хода и последствий российско-чеченского противостояния 90-х годов XX в., необходимо, на наш взгляд, иметь в виду столкновение интересов криминально-мафиозных группировок федерального центра и Чеченской Республики «прежде всего из-за нефти». ¹⁸ На мировом рынке высоко ценилось качество грозненской нефти и продуктов из нее, а полученный при переработке бензин шел в основном на нужды авиации. По территории мятежной республики проходят важные нефтепроводы к портам Черного моря, в том числе ветка от Тенгизского месторождения нефти — крупнейшего в СНГ. Нет сомнения в том, что «борьба за нефть неизбежно сталкивала финансово-экономические и политические элиты Москвы и Грозного и была главным стимулятором усиления военного противостояния». ¹³ Положение осложнялось и тем, что в противостояние между Москвой и Грозным все более активно вмешивались влиятельные антироссийские внешние силы. О них открыто было заявлено в мировых СМИ только после нью-йоркской трагедии: «И сентября стало ясно: нефть и терроризм — вот оружие, которое арабский мир готов использовать в своей борьбе» ²⁰ за воплощение панисламских идей.

В начале 90-х годов XX в. федеральный центр допустил много серьезных ошибок, особенно на Северном Кавказе. Одна из них состояла в том, что устами президента Российской Федерации Б.Н. Ельцина была высказана идея о том, что субъекты федерации могут брать суверенитета столько, сколько хотят. Тем самым подогревался и без того кипевший опасными страстями националистический экстремизм на Северном Кавказе. Авантюристическое заявление главы государства посеяло на Северном Кавказе политические зерна разъединения, усилило центробежные силы во многих республиках, особенно в Чечне.

В начале 90-х годов президент Российской Федерации Б.Н. Ельцин и его ближайшее окружение в решении серьезных внутренних проблем делали ставку в основном на военную мощь страны. Классическим примером в подтверждение этого тезиса, на наш взгляд, служит расстрел из танков здания Верховного Совета (парламента) Российской Федерации в октябре 1993 года. Вооруженные силы государства, таким образом, превратились в главную силу в руках власти для решения острых внутривнутриполитических вопросов. Утрата властью уважения, доверия, авторитета у собственного народа на фоне процветания мафиозных структур, правового нигилизма, терроризма, экстремизма, бандитизма, коррупции, проституции, других чрезвычайно опасных и омерзительных явлений в обществе все больше толкало политическое и военное руководство к желанию управлять страной посредством военной силы, страха, внушаемого мощью ядерной державы. Все это, на наш взгляд, объективно способствовало развязыванию войны в Чеченской Республике.

После августовского путча 1991 года, а затем распада СССР образовалось множество независимых государств, что вызвало сепаратистские настроения и в ряде автономных республик бывшего СССР. Обращаем внимание на то, что в истории многих государств были периоды присоединения чужих земель. Однако бывают и периоды неизбежных потерь, вызванные экономическим и политическим ослаблением государства. Особенно отчетливо это видно на примере России. Начало 90-х годов XX века как раз является временем распада СССР, созданного на территориальной основе Российской империи. Как показали этнополитические события на Северном Кавказе в 90-е годы XX в., процесс распада при определенных условиях может начаться и в Российской Федерации. Поэтому все чаще появляются проекты по преобразованию государственного устройства от постепенных, растянутых на десятилетия, до радикальных — с принятием новой конституции с новым устройством России. При этом «радикалы» приводят простые аргументы: «Нынешнее деление страны себя исчерпало. Национальные субъекты с их особыми правами — мина замедленного действия, тлеющий рассадник национализма и сепаратизма. История Чечни — самый яркий пример».²¹

Следящей причиной чеченской трагедии, по нашему мнению, является тот факт, что крах горбачевской перестройки к концу 80-х годов XX века уже предопределил смену общественно-политической формации. Крах социализма в СССР (в экономическом и политическом аспектах) при существовавшем политическом руководстве КПСС и Советского государства становился неизбежным. Политическая ситуация, сложившаяся в стране, давала простор для преобразований, в том числе и негативных.

На наш взгляд, следует заострить внимание и на политических причинах российско-чеченских войн. Одной из них было наличие в республике в 1990 году оппозиции, открыто выступающей против властей. В период перестройки в Чечено-Ингушетии «возник ряд политических и общественных организаций, возглавляемых амбициозными лидерами, которые в качестве основной задачи провозглашали захват власти».²² В 1988 году образовался Народный фронт Чечено-Ингушетии во главе с Х.-А. Бисултановым, в 1989 году — политическая организация «Барт» (Единство), затем преобразованная в «Вайнахскую демократическую партию» (лидер З. Яндарбиев), в мае 1990 года возникли различные экологические движения, многие из которых затем объединились в республиканское общественное движение — Общенациональный конгресс чеченского народа — ОКЧН). Они оказали мощное давление на руководство республики, «которое было не в состоянии противостоять этому»²³ нажиму». Далее, желая выбить почву из-под ног оппозиции, Верховный Совет Чечено-Ингушетии начал заниматься подготовкой декларации о суверенитете ЧИАССР, которая 27 ноября 1990 года была ратифицирована, что означало выход республики из состава

РСФСР и превращение ее в субъект СССР. Все это было подготовлено решением союзного центра, так как 26 апреля 1990 года Верховный Совет СССР принял закон, в котором было сформулировано: «Субъектами СССР являются союзные и автономные республики».²⁵

Такой политико-правовой ход событий создавал большие проблемы для РСФСР с ее автономиями. Продолжая свою политическую игру, М.С. Горбачев стал приглашать лидеров российских автономий к себе на совещания, обещая более высокий статус благодаря заключению нового союзного договора. Отвергая обвинения в чеченском кризисе, адресованные Верховному Совету Российской Федерации и его руководству, Р.И. Хасбулатов в своих воспоминаниях по этому поводу пишет: «Напомню, что 26 апреля 1990 года Верховный Совет СССР принял закон, в котором было сформулировано: «субъектами СССР являются союзные и автономные республики». И тем самым были практически «вырваны» из состава Российской Федерации все ее внутренние республики. И когда Горбачев стал устраивать свои совещания, приглашая лидеров из союзных и автономных республик, — это ведь что-то странное было, как там выступал тот же Завгаев, поливая грязью российское руководство. А сепаратистам такое правовое решение развязывало руки для ведения пропаганды в пользу полной самостоятельности».²⁵ Таким образом, противостояние между руководством РСФСР и СССР негативно сказывалось на общественно-политической ситуации не только в Чеченской Республике, но и на всем Северном Кавказе. Противостояние союзных и российских властей для Северо-Кавказского региона стало в итоге роковым. Такая политическая «грязня» между союзным и российским руководством, по мнению профессора Р. Г. Абдулатипова, нанесла большой урон «авторитету Российского государства».²⁶ В то же время, среди московских политиков нашлись такие, которые в решении сложных вопросов Северного Кавказа опирались на номенклатурно-клановые элиты и не задумывались над решением стратегических вопросов, таких как целостность Российской Федерации, защита прав человека, отток русскоязычного населения даже из благополучных республик, безопасность государства и другими. Такая политическая близорукость, как выяснилось очень скоро, была не только ошибочной, но стала трагедией для миллионов россиян, особенно на Северном Кавказе.

Сегодня уже нет сомнения в том, что противостояние союзных и российских властей было одной из важных причин разрастания конфликта в отношениях федерального центра с Чеченской Республикой. После принятия декларации о государственном суверенитете, Чечено-Ингушетия настаивала на подписании союзного договора в ранге одной из равноправных республик. Разумеется, эти действия предпринимались Грозным при попустительстве руководства РСФСР, занятого в то время борьбой с союзным центром.

Одной из главных причин обострения этнополитического конфликта на территории Чеченской Республике, на наш взгляд, была

политика российского руководства в период распада СССР. Московские политики забыли о национально-территориальных проблемах на Северном Кавказе, где быстрыми темпами зрели опасные этнополитические и этноконфессиональные проблемы. Национальная политика Кремля была непродуманна и противоречива. В то же время лидер чеченских сепаристов генерал-майор Д. Дудаев и его соратники не только не скрывали, но и всячески провозглашали лозунг, что обретение независимости — их главная цель, и всеми силами нагнетали обстановку националистического психоза, когда в условиях «идеологической сумятицы, психологического перевозбуждения», с одной стороны, и слабости правоохранительных органов, общественного контроля, с другой, — кровопролития избежать было очень сложно».²⁷ Вскоре эти опасные прогнозы подтвердились. Сначала при подавлении оппозиции, в Грозном, а затем и в протывборстве с российскими силовыми структурами. Обращаем внимание на серьезные ошибки, которые были допущены союзным центром, а затем и руководством Российской Федерации в деле укрепления военной мощи сепаратистской Чечни. Необдуманный и экстренный вывод федеральных войск из мятежной республики, скорее походивший на бегство, огромное количество оставленного оружия, техники, снаряжения, боеприпасов создали материальные предпосылки для формирования сильной и боеспособной чеченской армии. Все это позволило генералу Дудаеву за короткое время создать мобильную армию, оснащенную советской военной техникой и вооружением.

Для официального создания в Чеченской Республике собственной армии, на наш взгляд, нужны были следующие необходимые условия. **Во-первых**, де-факто выйти из состава России и узаконить себя в мировом сообществе как независимое суверенное государство. **Во-вторых**, надо было получить законное право на владение оружием, боевой техникой, военным имуществом, оставшимся в начале 90-х годов XX века в Чечне, но являвшимся собственностью федерального центра. Москва в этом вопросе проявила попустительство и непростительную лояльность к Грозному), политическую близорукость, негативные последствия которых стали для всей страны и особенно для Северного Кавказа катастрофическими. **В-третьих**, республика должна была быть способной содержать свою армию и самостоятельно вести современное военное строительство, таких возможностей у Чечни не было. **В-четвертых**, важнейшим условием создания чеченской армии было наличие чисто оборонительной доктрины и невмешательство федерального центра. Москва, как известно, только на словах осуждала создание собственных вооруженных сил Чеченской Республики. В действительности же оружие было передано чеченским сепаристам официально, что будет подробнее рассмотрено в третьей главе данного исследования.

Милитаризация Чеченской Республики с момента провозглашения ее независимости, а точнее, с 1 ноября 1991 года, была направ

лена против Российской Федерации, ее целостности, безопасности. Самую большую опасность она представляла и продолжает представлять для русскоязычного населения республики, а также других народов Северного Кавказа, живущих по соседству.

На наш взгляд, необходимо отметить, что руководители республик Северного Кавказа (за исключением Чеченской Республики и Республики Ингушетия) неоднократно обращали внимание федерального центра на опасность текущего развития политических событий в регионе.²⁸ Так, например, в 1993 году на имя Б.Н. Ельцина от руководителей Северной Осетии, Кабардино-Балкарии и Дагестана поступила служебная записка, где вновь обращалось внимание руководства Российской Федерации «на реальную угрозу безопасности страны», на «взрывоопасность в регионе».²⁹ Руководители субъектов Российской Федерации настоятельно просили не только обратить внимание на сложную общественно-политическую обстановку в регионе, но и принять адекватные эффективные меры по пресечению возможности гражданской, межнациональной войны.³⁰ Здесь, на наш взгляд, уместно обратить внимание на позицию Северной Осетии, Дагестана и других субъектов Юга Российской Федерации, которые неоднократно поднимали вопрос реальной угрозы со стороны сепаратистов Чеченской Республики. Так, например, в декабре 1993 года на заседании Народного собрания (Парламента) Республики Дагестан было сказано: «Мы призываем лидеров Чеченской Республики и федеральный центр сесть за стол переговоров — не силой оружия, а путем цивилизованного диалога найти пути мирного разрешения чеченского кризиса, который становится угрожающим для всей Российской Федерации».³¹

Таким образом, депутаты Народного собрания Дагестана уже в 1993 году предвидели реальную угрозу гражданской войны на Северном Кавказе. Они обращали внимание на опасность «большой кровопролитной войны» на Северном Кавказе, которая может стать причиной развала Российской Федерации.³² Депутаты отмечали, что «Дагестан придерживается прежних своих позиций и считает, что мирные, политические средства чеченского кризиса не исчерпаны».³³

В 1993 году Парламент Северной Осетии, как и Народное собрание Дагестана, с тревогой воспринимал чеченские события, противостояние федерального центра и Чеченской Республики. Парламент республики видел в этом противостоянии «серьезную угрозу безопасности Российской Федерации на Юге страны».³⁴ К сожалению, многочисленные обращения руководителей северокавказских республик к руководству страны оставались без должного внимания.

Анализируя причины, сущность и последствия чеченского кризиса, в целом этнической обстановки на Северном Кавказе в 90-е годы XX века, нельзя не учитывать и такую деликатную для России проблему, как подверженность лидера государства влиянию фаворитов. Накануне ввода войск в Чеченскую Республику для «восстановления конституционного порядка» в декабре 1994 года, в бли-

жайшем окружении Б.Н. Ельцина находились высокопоставленные чиновники, претендующие на эту роль.

Отсутствие цензуры на первых этапах становления демократической России позволило журналистам относительно свободно высказывать свои мнения на это явление в политической жизни страны. Так, например, корреспондент еженедельника «Аргументы и факты» А. Барни в № 29 1994 года, за шесть месяцев до ввода войск в Чечню, в статье под названием «Фавориты Б. Ельцина»³⁵ определяет несколько категорий влияния, оказываемого на лидера. К ним относятся: профессиональное, которое включает в себя подготовку докладов, решений и других документов, что является прерогативой администрации президента, его помощников, правительства. Также влияние может быть идеологическим, подчиняющим лидера государства обаянию какой-нибудь идеи, программы, концепции и т.д. К ним А. Барни отнес идеи раннего Г. Бурбулиса. Далее следуют влияния личного характера, исходящие от членов семьи и преданных сторонников лидера, которым он полностью доверяет. Как нам представляется, к ним можно добавить людей из окружения высокопоставленного лица, возможно, лично не симпатичных лидеру, но наделенных сильной внутренней энергетикой и способных убедить лидера в правоте своей точки зрения. Этому типу³⁶ приближенных в отечественной истории более всего соответствует такая одиозная историческая личность, как Григорий Распутин при царствовании Николая II. Аналогичную роль при Б. Ельцине, возможно, играл начальник службы безопасности президента генерал Александр Коржаков.

По мнению того же А. Барни, на решения президента оказывали влияние его ближайшие помощники, сильной стороной которых являлась их профессиональная компетентность. Это — Виктор Илюшин, Лев Суханов, прошедшие с Б. Ельциным через все трудности его политической карьеры. Далее следуют его исполнительные и надежные помощники Дмитрий Рюриков и Людмила Пихоя. Но наиболее близок, по утверждению знающих людей, начальник службы безопасности президента А. Коржаков, которому были отданы немалые властные прерогативы, едва ли уступающие грачевским и степашинским, вместе взятым.³⁷ Одно из ключевых мест в кремлевской иерархии занимал в то время Управляющий делами президента П. Бородин, к которому ближайшее окружение Б. Ельцина от носилось более чем уважительно.

Далее идут высокопоставленные чиновники, чьи взаимоотношения с президентом строились на личных симпатиях. К ним относятся: министр по спорту Ш. Тарпищев — на досуге партнер лидера государства по теннису, секретарь Совета безопасности О. Лобов,

* Речь идет о стоявших в то время во главе силовых структур: министре обороны П. Грачеве и директоре Федеральной службы контрразведки С. Степашине (Прим. авторов).

и, с некоторыми оговорками — пресс-секретарь В. Костиков, министр обороны П. Грачев и другие. Большую долю ответственности за профессиональный имидж Б. Ельцина, регулярно повергавший сограждан в недоумение, необходимо возложить на руководителя президентской администрации С. Филатова, также достаточно близкого к главе Российского государства.

По необходимости влияние на решения и действия президента оказывали такие структуры, как Совет безопасности (О. Лобов), служба протокола (В. Шевченко), аналитический центр (Е. Ясин), государственно-правовое управление (Р. Орехов), управление информационного обеспечения (С. Носовец). Естественно, в их работе глава государства что-то отвергал, а чем-то руководствовался, то есть делал все то, что и положено.

Список рассмотренных кандидатов был бы не полным, если не вспомнить личности, парадоксально влиявшие на мнения и поступки Б. Ельцина. К ним относятся: известный правозащитник С. Ковалев, возглавляющий комиссию по правам человека, никак не оказывавшую влияния на государственную политику, представитель президента в компании «Росвооружение» Е. Шапошников и еще не потерявший к тому времени политического влияния Е. Гайдар. Отмечалось аналитиками и возрастание влияния на фоне профессиональной компетенции помощников лидера государства Ю. Батурина, Г. Сатарова и руководителя группы экспертов А. Лившица. Завершают предложенный список «идейно близкий» и влиятельный в армейском кругу Д. Волкогонов и глава телевидения А. Яковлев.

Безусловно, отношения между руководителем государства и его окружением — тема деликатная и является наиболее закрытой во всех странах хотя бы потому, что все здесь находится в постоянном движении, изменении, борьбе и интригах. В этой ситуации, чтобы оставаться в кругу близких к президенту людей, конечно же, П. Грачев' советовал больше других и настойчивее всех заставить Чечню повиноваться, потому что был уверен — «Грозный можно взять одним десантным полком». Американцы своей успешной высадкой 19 сентября 1994 года на Гаити 15-тысячного десанта как бы подталкивали российского министра обороны показать президенту, что вверенные ему войска не хуже. Интересно высказанное в то время мнение о Грачеве последнего Маршала Советского Союза Д. Язова:

" Грачев Павел Сергеевич (р. 1948), министр обороны Российской Федерации (1992—1996), генерал армии (1992), Герой Советского Союза (1988) С 1965 г. в Советской Армии. В 1982—1983 гг. командир парашютно-десантного полка, в 1985-1988 гг. командир воздушно-десантной дивизии в Афганистане. С июня 1990 г. 1-й заместитель, с декабря командующий воздушно-десантными войсками. В августе — декабре 1991 г. 1-й заместитель министра обороны СССР — председатель Государственного комитета РСФСР по оборонным вопросам. В январе — апреле 1992 г. 1-й заместитель Главнокомандующего Объединенными Вооруженными силами Содружества Независимых Государств (СНГ).

«Грачев — человек, который не имеет настоящего боевого опыта. Ну какой же боевой опыт в Афганистане? У них и выражения такие: «бандформирования», «поставить блок». Они совершенно не понимают, что такое штурмовать город!».³⁶

К числу лидеров других государственных структур и организаций, других лиц, к мнению которых, в силу определенных причин, мог прислушиваться президент, следует отнести С. Шахрая, активно участвовавшего в нормализации отношений в осетино-ингушском конфликте и нормализации отношений с Чечней на предшествующем войне этапе, а также Р. Хасбулатова, хоть и опального, но не сидящего сложа руки политика, сыгравшего свою известную роль в тех событиях.

Далее на главу государства оказывали влияние те, кто в канун войны в Чечне еще не вышел на передний край политического пиара, но уже имел возможность напрямую общаться с Б. Ельциным. Речь идет о Б. Березовском, который финансировал в 1994 году издание второй книги Ельцина и, в роли предприимчивого дельца, остро чувствующего наживу, все больше и больше втирался в доверие к президенту. Он также внес свою лепту в дело активизации противостояния с Чечней. Его роль хорошо обозначена таким тезисом: «Восстановление правопорядка в России напрямую зависит от качества кадров в госаппарате. И, кстати говоря, все тот же Б. Березовский немало усилий приложил к его развалу, содействуя назначению на высокие государственные посты людей малокомпетентных и к тому же напрямую зависимых от него».³⁷ На наш взгляд, эта тема глубоко рассмотрена в книге трагически погибшего журналиста журнала «Форбс» П. Хлебникова «Крестный отец Кремля — Борис Березовский, или история разграбления России».

Ответ на вопрос, почему в громадном государстве вопросы управления опираются не на хорошо продуманную и тщательно просчитанную группой специалистов стратегию и тактику, а на советы и мнения временно симпатичных людей, то есть фаворитов, кроется в том, что в политической системе Российского государства это, скорее всего, единственно возможная модель политической карьеры независимого лидера. На наш взгляд, точно сказано о Б. Ельцине: «Он сам создал конституцию, делающую его всевластным, а парламент — бессильным. И КПСС он тоже сам разрушил, освободившись от пут партийных традиций и ритуалов. Этим он сделал для себя не только возможным, но и единственно возможным правление через фаворитов».³⁸

Как известно, такой подход к решению вопросов государственной важности был наказан — опасности физического уничтожения подверглось все население Южного федерального округа и Москвы, ставших объектом нападений хорошо вооруженных боевиков, совершающих масштабные террористические акты и даже захватнические войны (имеются в виду террористические акты в Москве, Владикавказе, Буденновске, Волгодонске, Пятигорске, Кизляре,

Назрани, Беслане и другие, а также вторжение чеченских бандформирований на территорию Республики Дагестан в 1999 году).

Высшее политическое и военное руководство Российской Федерации, подверженное интригам, не только не пресекло в самом начале процесс милитаризации мятежной республики, но и содействовало созданию материальной основы для российско-чеченских войн в конце XX века.

Таким образом, главной причиной обострения этнополитической ситуации, переросшей в первую российско-чеченскую войну 1994—1996 гг., является общий кризис Российского государства, связанный с распадом СССР. Другими причинами чеченского кризиса, в целом войны 1994—1996 гг., на наш взгляд, стали отсутствие надежного государственного аппарата управления, отвечающего интересам государства, взаимопонимания, твердой гражданской позиции, во главу которой поставлены государственные интересы, а не личные амбиции президентов распадающегося Советского Союза М.С. Горбачева, Российской Федерации Б.Н. Ельцина и самопровозглашенной Чеченской Республики—Ичкерия Д.М. Дудаева.

2. Противоречия в межэтнических отношениях в Чеченской Республике в конце XX в.

Объективный анализ причин чеченского кризиса, переросшего в российско-чеченские войны, будет неполным, если не рассмотреть вопрос о межнациональных отношениях в этой республике. Их состояние всегда было неустойчивым, сложным, противоречивым и взрывоопасным. Эти отношения еще более обострились после прихода к власти Д. Дудаева. Официальный Грозный заявлял, что гражданами Чеченской Республики являются те, кто проживает на ее территории, фактически же все нечеченцы оказались под мощным давлением сепаратистов и националистов. Это, в свою очередь, привело к тому, что «исход русскоязычного населения из республики из-за невыносимых условий проживания и нарушений конституционных прав граждан принял повсеместный и массовый характер».³⁹

При определенных обстоятельствах для характеристики начала миграционных процессов в Чеченской Республике до прихода к власти Д. Дудаева можно было бы согласиться со следующим тезисом: «Неудовлетворенность результатами модернизации подчас приводит к формированию своеобразных комплексов 3'щемленности и «культурной неполноценности», особенно характерных для этнонациональной психологии нетитульных народов национально-государственных образований».⁴⁰ Вполне вероятно, что если бы у рычагов управления в республике остался Д. Завгаев, то, руководствуясь проверенными на практике принципами, он бы смог приостановить миграционные процессы и удержать республику от погружения в костер войны. Не получив поддержки от федерального центра, не

имея надежной опоры в Чечне, чтобы противостоять агрессивным противникам, «партократ Завгаев» не смог удержать власть. На наш взгляд, это был отголосок перекосов в национальной политике КПСС, создавшей обстоятельства, когда для лидеров чеченской национальной партийно-советской элиты в ходе пребывания в депортации было сохранено членство в коммунистической партии. Оно давало некоторые привилегии, «но морально обезоруживало, делало советскую элиту неспособной возглавить активное сопротивление или просто влиять на общественное мнение».⁴¹ Подтверждением своих доводов мы считаем сохранившееся относительно спокойствие в соседних с Чечней республиках — Северной Осетии, Кабардино-Балкарии, Дагестане, где управляли достаточно зрелые и искушенные в политических интригах руководители, впоследствии передавшие власть в руки новых более молодых и более демократичных преемников.

Среди влиятельных государственных деятелей и политиков Российской Федерации, отстаивавших силовой вариант решения чеченского кризиса, без достаточно продуманного учета его межнационального характера, видное место принадлежало вице-президенту Российской Федерации, генералу А. Руцкому. Так, по его докладу в Верховном Совете Российской Федерации было принято постановление «О политической ситуации в Чечено-Ингушской Республике», в котором предлагалось всем незаконным вооруженным формированиям в трехдневный срок сдать оружие, а единственной законной властью считать временный Верховный совет Чечено-Ингушетии. Это спровоцировало дудаевцев на пополнение вооруженных сил мятежной республики новыми людскими резервами. Незаконные вооруженные формирования (НВФ) стали блокировать все улицы и правительственные здания в Грозном. А. Руцкой, стремясь выполнить задание Б.Н. Ельцина, допустил ряд некорректных выражений в адрес Д.М. Дудаева и его сторонников. Вместо дипломатических методов отстаивания интересов Российской Федерации вице-президент страны стал угрожать руководству Чеченской Республики ввести войска и за несколько часов разогнать бандитов. Такое грубое по всем меркам поведение взорвало и без того сложную ситуацию в Грозном и дало возможность Д. Дудаеву, ссылаясь на «агрессивность» России, назначить выборы президента и парламента Чеченской Республики. В ответ на это А. Руцкой в спешном порядке подготовил указ «О введении в Чеченской Республике чрезвычайного положения» и 6 ноября 1991 года его утвердил Б.Н. Ельцин. Этот указ был согласован с С. Шахраем, Е. Шапошниковым, В. Баранниковым, ближайшими помощниками М.С. Горбачева.⁴² На наш взгляд, такие действия генерала А. Руцкого фактически способствовали укреплению в Чечне антироссийских настроений, утверждению идеологии сепаратизма, укреплению авторитета Д. Дудаева, который тотчас объявил военное положение в мятежной республике и вооружил народ. Неуклюжие дипломатические

маневры вице-президента сделали генерала Д. Дудаева более популярным и мужественным защитником национальных интересов, лидером чеченских сепаратистов. В спешном порядке в Грозном началась подготовка к приведению к присяге первого президента «независимой» Чеченской Республики Д.М. Дудаева.

Таким образом, на наш взгляд, А. Руцкой допустил грубую ошибку, отказавшись от политического и финансового урегулирования чеченского конфликта. Всего через 5 дней — 11 ноября 1991 года — указ «О введении в Чеченской Республике чрезвычайного положения» был отменен, что лишний раз характеризует непродуманность действий российского руководства и отсутствие твердой воли в воплощении в жизнь принятых решений. Руководители федерального центра, такие как Б.Н. Ельцин, А.В. Руцкой, П.С. Грачев, СМ. Шахрай и другие допустили слишком много грубых ошибок в разгар чеченского кризиса. Считаю уместным напомнить, что ученые уже в начале 90-х годов XX века обращали внимание на ошибки государственных деятелей и политиков Российской Федерации, занимавшихся урегулированием российско-чеченских отношений. Так, например, один из нас в соавторстве с А.М. Кадилаевым в 1992 году писал: «Наша общая беда состоит в том, что небывалый кризис межнациональных отношений ужесточается экономическим и политическим кризисом. Процесс политического пробуждения совпал с процессом национального пробуждения. Можно с уверенностью сказать, что даже некоторые руководители страны, народные депутаты Российской Федерации полностью не осознают сложности этого процесса. Даже вице-президент Российской Федерации, отставной генерал Александр Руцкой позволил себе бестактные высказывания в адрес Чеченской Республики и ее президента Джохара Дудаева».⁴³

Анализ фактов, касающихся общественно-политической обстановки на Северном Кавказе в 90-е годы XX века в ходе развития чеченского кризиса, в целом, позволяет утверждать, что многие высокопоставленные чиновники федерального центра, политики и генералы Вооруженных сил Российской Федерации так и не поняли менталитет чеченцев и некоторых других народов Северного Кавказа. Эту сторону многогранной проблемы национального характера подметили некоторые ученые-кавказеды, которые писали о том, что в конце 1991 года А.В. Руцкой прибыл в Грозный и вел переговоры с Д.М. Дудаевым, после чего он давал интервью, «где чеченцев назвал несколько раз «чеченами». Ингушей он назвал правильно, если не считать ошибкой неправильно поставленное ударение на букву «у».⁴⁴ Такая «мелочь» позволяет считать вице-президента России, по меньшей мере, невеждой.

Таким образом, в условиях противостояния субъекта федеративного государства с федеральным центром (или двух народов одного федеративного государства) необходимо, по нашему убеждению, максимально учитывать менталитет нации (народа), под ко

торым подразумевается специфическая форма организации, отличающийся от многих других наций (народов) склад различных политических свойств и качеств, особенностей и проявлений поведения и мышления. Не подлежит сомнению, что склад ума, способ мышления, умонастроения, особенно политические и религиозные, заметно отличаются у русских и чеченцев, осетин и ингушей, черкесов и калмыков, а также других наций (народов), населяющих Северный Кавказ. В данном случае понятие «менталитет» несет в себе квалификационно-оценочный оттенок, отражая способности политического, правового религиозного мышления и уровень интеллекта его носителей. Оно, как правило, несет содержательно-идентификационную нагрузку политико-идеологического характера. Например, сепаратистский менталитет большинства чеченцев, которые хотели отделиться от Российской Федерации и создать свое независимое государство, на языке самих чеченцев подразумевает — они не сепаратисты, а борцы за национальную свободу Чеченской Республики—Ичкерия. Непонимание многих особенностей чеченского общества, менталитета чеченцев способствовало, на наш взгляд, созданию образа врага (в Москве «партия войны» создавала этот образ из чеченцев во главе с Д. Дудаевым, а в Грозном лидерами сепаратистов — из местных русских и федерального центра во главе с Б. Ельциным) — идеологического и психологического стереотипа, позволяющего строить политическое поведение в условиях противостояния и дефицита проверенной и объективной информации о политическом оппоненте и о среде в целом. Культивирование искусственно созданного образа врага было связано с развитием острейшего российско-чеченского антагонизма, порожденного кризисом российской государственности. Этот образ (в Чечне его создавали Д. Дудаев, З. Яндарбиев, М. Удугов и другие идеологи независимости чеченской нации, а в Москве — Б.Н. Ельцин, А.В. Руцкой, СМ. Шахрай и другие теоретики «партии войны») оказался непосредственно связанным с политическим негативизмом, характерной особенностью которого является однозначная ориентация — победить или проиграть. Затем в Чечне в силу различных причин эта особенность подкрепилась принципом толпы (с агрессивными лозунгами типа: «кто не с нами, тот против нас») и принципом политической бескомпромиссности («кто кого»).

Перечисленные принципы и другие негативные факторы российско-чеченского противостояния в 90-е годы XX века, как правило, ставили политического субъекта перед дилеммой и не оставляли возможности свободного выбора. В такой сложной ситуации безальтернативное™ (которую создавали политики с обеих сторон) политические субъекты (в данном случае федеральный центр и его мятежный субъект — Чеченская Республика) постепенно стали превращаться в сознании значительной части общества из оппонентов в образ врага, в демонизированного противника. В такой искусственно созданной обстановке стала возможной максимальная мо

билизация воли общества и его ресурсов на ведение «справедливой, бескомпромиссной и смертельной» борьбы. На наш взгляд, следует обратить особое внимание на негативную роль СМ. Шахрая, который в разгар чеченского кризиса был одним из идеологов национальной политики и межнациональных отношений в Российской Федерации. В силу разных объективных и субъективных причин у него сложились почти враждебные взаимоотношения с Д.М. Дудаевым. Личная неприязнь министра федерального правительства к президенту Чеченской Республики в дальнейшем сыграла свою отрицательную роль. Шахрай был активным сторонником военной поддержки оппозиции, а в тот момент, когда был готов к подписанию договора между федеральным центром и Чеченской Республикой, настоял на том, чтобы правительство и президент не имели дела с сепаратистом Дудаевым. Политик объяснял свою позицию тем, что Верховный Совет Российской Федерации не признал выборов в Чечне. В дальнейшем С. Шахрай принимал все более жесткую и принципиальную позицию в вопросах урегулирования взаимоотношений федерального центра и Чеченской Республики. Он выступал откровенным противником всех переговоров с дудаевцами. Когда пришло время нести ответственность за содеянное, С. Шахрай был освобожден от должности заместителя председателя правительства Российской Федерации, которую занимал с апреля 1994 по январь 1996 года. Заметим, что, занимая высокие государственные должности (председателя Комитета Верховного Совета РСФСР по законодательству, советника президента Российской Федерации Б.Н. Ельцина по правовой политике, председателя Государственного комитета Российской Федерации по национальной политике — заместителя председателя правительства Российской Федерации), СМ. Шахрай оказался не на должном уровне как специалист в сфере национальной политики и межнациональных отношений. Так же он продемонстрировал свою некомпетентность в вопросах правового, политического урегулирования российско-чеченских взаимоотношений, не сумев подчинить свои эмоции государственным интересам. Будучи активным членом московской «партии войны», СМ. Шахрай переговорам предпочитал демонстрацию возможностей силы федерального центра по отношению к мятежной Чеченской Республике.

Объективный и всесторонний анализ причин, породивших конфликт Чечни с федеральными властями, требует подробнее остановиться на социально-экономическом положении республики в советское время. В конце 80-х годов ЧИАССР, с точки зрения социальной обеспеченности, здравоохранения, образования, занятости населения, занимала одно из последних мест в СССР. После возвращения из депортации в 1957 году, чеченцы и ингуши переживали демографический взрыв. Население ЧИАССР быстро росло, а количество рабочих мест не увеличивалось. В результате значительная часть трудоспособного населения республики выезжала на за

работки в другие регионы и республики СССР, чаще всего в Казахстан, где все уже было знакомо. Вместе с тем ЧИЛССР обладала мощным нефтехимическим комплексом, имевшим государственное значение и получавшим большую прибыль, а в республике оставался всего 1 % от доходов этого комплекса.

Бывший председатель Верховного Совета РСФСР Р.И. Хасбулатов по этому поводу пишет: «Только-только стала формироваться чеченская и ингушская интеллигенция, как начались серьезные идеологические гонения, обвинения в национализме. Люди ставили, как правило, одни и те же вопросы: почему от доходов от нефти лишь один процент должен идти на социальные нужды республики? Почему нельзя два процента и т.д.? Это уже называли национализмом».⁴³ Соглашаясь с авторитетным мнением Р.И. Хасбулатова, отметим, что этнополитические, социальные и экономические процессы, как правило, развиваются взаимосвязано, так что изменения в одних неизбежно влекут перемены в других. В этой связи уместно особо подчеркнуть плачевное состояние экономики не только Чечни, но и других республик Северного Кавказа. Сепаратисты, как правило, использовали и используют тезис о том, что федеральный центр всегда уделял мало внимания экономике автономных республик, беззащитно отбирал природные богатства, поэтому люди влачили такое жалкое существование. Кстати, точно такое же мнение по отношению к союзному руководству было распространено во многих бывших союзных республиках перед распадом СССР.

И все же, необходимо иметь в виду, что до начала боевых действий в 1994 году продолжалась поставка в Чечню российской нефти. К этому времени своя нефть там уже не добывалась, а российская, поступающая на переработку, назад не возвращалась. Всего в Чечне перерабатывалось нефти до 11 млн тонн в год.⁶ Вырученные от продажи украденных продуктов переработки деньги оседали в западных банках, а отчислений в Россию не было, тогда как тезис об ограблении Чечни Россией активно эксплуатировался дудаевцами. Нефть из мятежной республики уходила либо в чистом виде по нефтепроводам за рубеж, либо туда же в виде продуктов переработки. Несмотря на это, федеральные органы власти не предпринимали эффективных мер для наведения порядка в этом вопросе. Торговля нефтью всегда дает сверхприбыли, а где большие деньги, там и все виды преступности. Чеченская Республика стала «черной дырой» в экономике России. Государственной границы между ЧРИ и Россией нет, и из Чечни был прямой и беспошлинный вылет за границу. Законы Российской Федерации в республике не действовали, а российские правоохранительные органы были там бессильны. В таких условиях политической вакханалии в Чечню устремился капитал преступного мира и сами преступники со всей территории СНГ.

Чеченский исследователь профессор Д.Д. Гакаев пишет о том, что авторам чеченского кризиса необходимо было «дискредитировать саму идею чеченского суверенитета, показав тем самым незре-

лость, неспособность чеченского народа (а значит и российских автономий) к самостоятельному историческому творчеству, созданию независимого государства. При этом делается это руками самих чеченских национал-радикалов, утвердившихся у власти в сентябре-октябре 1991 года, но по сути своей неспособных создать продуктивно работающую систему власти, а значит, и реализовать идею суверенитета».⁴⁷ Продолжая этот, в целом точный, на наш взгляд, вывод ученого, отметим, что в середине 90-х годов в Чеченской Республике процветала торговля оружием, наркотиками и людьми. Появились возможности отмывания «грязных денег» через банки непризнанного «независимого государства», начались аферы с фальшивыми авизо и другие масштабные махинации. Все это происходило из-за связи с Д. Дудаевым коррумпированных кругов в Москве и непосредственной заинтересованности в канале сбыта оружия представителей военно-промышленного комплекса Российской Федерации. Большое влияние на общественно-политическую обстановку в Чечне оказывала также перспектива перекачки каспийской нефти. В акватории Каспийского моря и на прилегающих к ней территориях разведаны месторождения нефти на 850—870 миллионов тонн, газа — на 410 триллионов кубометров, и потому на Кавказе идет борьба за приобщение к этим ресурсам. В соответствии с межправительственным договором о транзите азербайджанской нефти через российский порт Новороссийск используется нефтепровод Баку—Грозный, Тихорецк—Новороссийск, который был построен для перекачки западно-сибирской нефти на грозненские и бакинские нефтеперерабатывающие заводы. Если в 1991 году было важно, кто контролирует нефтепровод, в смысле воровской продажи нефти, то теперь неизбежно встает вопрос о безопасности проекта, иначе международный консорциум может отдать предпочтение конкурентам — Грузии, Турции, Ирану. Таким образом, мы солидарны с выводом о том, что «злейшим врагом чеченского суверенитета был и остается криминалитет».⁴⁸ Профессор Гакаев, как один из лучших специалистов по чеченской проблеме, в своих исследованиях пишет, что никто не нанес престижу Чеченской Республики, ее народу, идее независимости большего вреда, чем национал-казнокрады, разграбившие и разворовавшие республику. Власть клептократии дискредитировала идею независимости, лишив Чеченскую Республику международной поддержки, солидарности и признания, «авторы чеченского сценария сделали все возможное и невозможное, чтобы не допустить к власти в Чечне демократическую оппозицию, ее лидеров, способных продуктивно освоить власть и реализовать в интересах народа идею государственного суверенитета Чечни».⁴⁹

Действительно, нерешенность экономических проблем республик Северного Кавказа на протяжении многих десятилетий способствовали дестабилизации общественно-политической обстановки, росту межнациональной напряженности. Профессор Р. Г. Абдулатипов по этому поводу пишет: «Мы видим, какое негативное воз

действие оказывает затяжной социально-экономический кризис, переживаемый Северным Кавказом в результате неэффективности проводимых в стране реформ». ⁵⁰ О серьезных последствиях неудовлетворительного состояния экономики на Северном Кавказе предупреждают и авторы «Основных направлений государственной национальной политики Российской Федерации на Северном Кавказе», где сказано: «Падение производства, как следствие снижения уровня жизни основной массы населения... само по себе является существенным фактором обострения как межэтнических отношений, так и отношений между субъектами федерации и федеральным центром. Кроме того, все это порождает борьбу за ресурсы, финансы, доступ к ключевым постам в управлении экономикой, становится питательной почвой роста коррумпированности и криминализации общества, которые зачастую приобретают ярко выраженную этническую окраску». ⁵¹ Таким образом, значительные экономические проблемы Чечни наряду с социальными и этнополитическими стали своеобразными козырными картами в руках сепаратистов в затеянной ими политической игре.

9 ноября 1991 года в республиканском театре им. М.Ю. Лермонтова города Грозного состоялась церемония принятия присяги первым президентом Чеченской Республики Джохаром Дудаевым, который в своей речи говорил: «Когда мы говорим о чеченском народе и его праве на самостоятельное решение его судьбы, мы исходим из того, что чеченский народ, а вместе с ним и ингушский, в ЧИАССР находились в статусе колонии. Люди колониального подчинения вправе решать свою судьбу самостоятельно. Но вот другой вопрос: при решении своей собственной судьбы не ущемляются ли интересы других национальностей, проживающих на их исконной, богом дарованной земле?». ⁵² В этом риторическом вопросе звучат ноты, вселяющие надежду на справедливую национальную политику, не ущемляющую ничьих интересов. На самом же деле дудаевский режим не сделал ничего для защиты интересов той части населения Чечни, которую принято называть «русскоязычной», то есть всех других наций и народов, избравших языком общения между собой русский язык. На наш взгляд, в данном случае сыграли свою роль давние обиды, возникшие еще во времена депортации. Большая часть чеченцев и ингушей, помнивших эти трагические события, еще жива, и старые обиды еще будоражат массовое сознание вайнахов.

Открытие источников еще недавно секретных фондов МВД СССР, Прокуратуры СССР, бывшего общего отдела ЦК КПСС и начало публикаций работ, написанных на их основе, дают возможность не только увидеть контуры нараставшей с середины 50-2 годов волны насилия в обществе, но и рассмотреть подробности событий, о которых до сих пор имелись лишь скудные сведения, недостаточно достоверные, основанные на случайно прорвавшихся через завесу цензуры обрывков информации, обраставших со временем слухами и мифами.

Факты таковы, что география насильственных этнических конфликтов с участием чеченцев в 50-е годы распространялась на районы освоения целины, государственных новостроек и на Северный Кавказ, где произошло 20 из 24 известных и зафиксированных в архивных документах открытых столкновений с этнической окраской.⁵³

По своей вовлеченности в конфликты чеченцы и ингуши уступали только русским (16 против 19 эпизодов), их также отличала наиболее высокая активность и самая высокая «антиимперская» настроенность, усиленная давними обидами. По, не смотря на это, время от времени между чеченцами и ингушами тоже возникали споры, кто из них больше «виноват» в депортации. Ингуши были убеждены и твердо стояли на том, что их не выселили бы, не будь они объединены с чеченцами в одну автономию, и «что чеченцы первыми организовали банды и помогали немцам в оккупации Северного Кавказа».⁵⁴

Депортированные главным образом в Казахстан вайнахи (335 тысяч чеченцев и ингушей), были вовлечены в большинство насильственных этнических конфликтов на целине. В 9 из 12 эпизодах за период 1953 — 1960 годов, порознь или совместно, представители этого этноса принимали самое активное участие. Противоположной стороной во всех случаях выступали русские, один раз вместе с казахами. С таким багажом обид во вновь образованной ЧИР русские, а затем все русскоязычные оказались «пятой колонной» для радикально настроенных чеченцев, вооруженных до зубов и алчных до наживы. В этой ситуации создались условия, весьма схожие с антисемитскими погромами в гитлеровской Германии, только в роли евреев оказались русские: «их ограбление давало массам озверелых люмпенов иллюзию справедливости».⁵⁵ Накануне начала боевых действий федеральных войск в Чеченской Республике в 1994 году политические аналитики отмечали: «Реально на территории Чечни российские властные структуры не осуществляют своих полномочий уже три года. Нельзя сказать и того, что нормируются структуры чеченского государства. В республике фактически не действует полиция, нет парламента, не выплачиваются пенсии... Устранение Дудаева не сможет остановить массового оттока нечеченцев, не прекратит экспорта преступности и оружия из Чечни. Сам по себе формальный приход к власти Хасбулатова или тем более Автз'рханова не сможет распространить центральную власть в республике за пределы президентского дворца».³⁶ Запущенность всех вопросов формирования институтов государственной власти в Чеченской Республике — Ичкерия, отсутствие грамотной работоспособной команды и творческих созидательных способностей у первого президента обусловило возникновение и вызревание кризиса в вопросах национальной политики и по всем остальным направлениям.

Занимаясь политической риторикой, генерал Д. Дудаев часто использовал эффективные приемы публичной речи. В удобный мо-

мент он ловко заменял реальное решение какой-либо проблемы рассуждениями о ней, нередко высокопарными и пафосными. Это было, по нашему мнению, или следствием его некомпетентности, или сознательным стремлением создавать конфликтную общественно-политическую обстановку, вводить в заблуждение слушателей, ничего не решая по существу. Отметим, что в выступлениях президента Чеченской Республики есть много из области агитации с целью побуждения к политической активности населения самопровозглашенной «независимой» республики. Справедливости ради отметим, что агитация является распространенным инструментом политической борьбы. Конечно, генерал Дудаев был не первый политик, который занимался агитацией в скрытых целях. В его публичных выступлениях было немало политической демагогии, основанной на спекуляции реальными проблемами, запросами и надеждами чеченского народа. Некоторые вопросы он представил народу республики, в целом общественности Российской Федерации в ложном свете. Действуя таким образом, он добился высоких результатов, отвлекая соотечественников от вошедшего в привычку одномерного мышления и восприятия единственной версии событий, навязанной СМИ — той, что «показали по телевизору» или «написали в газете»,⁵⁷ и мобилизуя их на реализацию своих планов и амбиций. Одним словом, Джохар Дудаев — ключевая фигура чеченской войны 1994—1996 годов. По авторитетному мнению профессора, члена-корреспондента РАН В. А. Тишкова, «феномен Дудаева возможно понять не столько сугубо в чеченском, сколько в более широком (постсоветском контексте. Подобные явления политиков-воинов (независимо от прошлой профессии) мы наблюдаем и в других регионах бывшего СССР».⁵⁸ Под его влиянием сформировался тип «защитника независимости», который в одном строю с иностранным наемником, но не за деньги, а за идею сражался против федеральных войск. Это о Д.М. Дудаеве с уверенностью можно сказать: «лидер формирует самосознание последователей, а вместе с переплавкой внешней мифологии в личный миф героя лидер приобретает и необходимую устойчивость и неподверженность превратностям судьбы».⁵⁹ Анализ причин и особенностей чеченского кризиса убедительно свидетельствует о том, что в нем были заинтересованы как сами чеченские сепаратисты, так и влиятельные политики и крупные государственные чиновники федерального центра. В подтверждение этого тезиса можно привести много конкретных и убедительных примеров. Так, например, в конце 1993 года генерал В.Н. Очиров был послан министром обороны Российской Федерации П.С. Грачевым в Грозный для изучения обстановки, сложившейся в Грозненском гарнизоне и несколько раз встречался с Д.М. Дудаевым. Во время обсуждения возможности переговоров между руководством Чеченской Республики и Российской Федерации Дудаев заявил, что, по его мнению, война неизбежна и будет начата для того, чтобы скрыть полеты самолетов гражданской авиации в Турцию,

Арабские Эмираты, Иорданию и другие страны южного направления: «Значит, такой маршрут был очень нужен, если в течение трех лет его как бы никто в России не замечал, хотя это практически невозможно без прикрытия самого высокого уровня. Тем более, что самолеты ходили совершенно официально с российской символикой, со всеми необходимыми разрешениями и маршрутом, в которых отсутствовала лишь одна малость — посадка в Грозном».™ Далее в беседе президент Чеченской Республики привел пример и с ограблениями поездов на территории республики. Дудаев был абсолютно уверен в том, что чеченские бандиты на протяжении двух лет грабили поезда, шедшие транзитом через Чечню, по четкой наводке, получаемой из Москвы и других российских городов. Они, как правило, брали во всем эшелоне именно те два—три вагона, в которых находился самый дорогостоящий груз. И лишь на третьем году, охмелев от безнаказанности, стали грабить эшелоны целиком. В этой связи Д.М. Дудаев сказал В.Н. Очирову: «Все это не может продолжаться бесконечно, вскоре придет пора замечать следы и убирать свидетелей, поэтому Москва, откуда все это тянется, не оставит нас в покое. Все будет валить на меня».⁶¹ В откровения Дудаева можно было бы не верить, если бы они не подтверждались другими данными. Так, например, советник президента Российской Федерации в 1994 году Эмиль Паин, анализируя события в Чечне, писал: «Но что же сделала Россия, чтобы предотвратить или пресечь превращение одного из ее «блудных субъектов» в очаг опаснейшей для российского общества экономической и политической нестабильности? Сказать «ничего» — значит, ничего не сказать. Слишком многим в Москве и в целом в России оказалась нужна и удобна именно такая Чечня. Только очень наивные люди могут думать, будто столь масштабная операция, как «чеченская авизо» (4 триллиона руб.), могла быть организована и проведена в обход государственных и коммерческих структур по всей России».⁶² Следует подчеркнуть и то, что определенные политические силы в Москве активно помогали мятежному генералу, обеспечивая его квотами на доступ к российским нефтепроводам и терминалам, лицензиями на экспорт нефти. Кроме того, Москва разрешала самолетам (150 рейсов ежемесячно) лететь с контрабандным грузом из Грозного и в Грозный, нарушая воздушное пространство Российской Федерации».⁶³ Отметим и то, что различные международные организации предупреждали Москву о том, что через Грозный переправляются наркотики. И, тем не менее, федеральное правительство не принимало действенных мер для пресечения на своей суверенной территории такого беззакония. По мнению чеченского историка профессора Д.Д. Гакаева такое было возможно потому, что высокопоставленные чиновники в федеральном правительстве «получали за это деньги, и немалые»."

Нежелание федерального правительства установить хотя бы воздушную блокаду самопровозглашенной «независимой» Чеченской

Республики, которая серьезно угрожала территориальной целостности Российской Федерации, ее безопасности, наводит на обоснованные сомнения в его компетентности и преданности интересам государства. Правы Э. Паин и А. Попов, которые по этому поводу отмечают: «Политика выжидания в чеченском вопросе оказалась удобна всем. Политическая неопределенность статуса Чечни, ее двусмысленная, но зато устраивавшая всех «полуизолированность» от России, дававшая возможность одним сохранять и наживать политический капитал, другим — извлекать фантастические доходы, третьим (в самой Чечне) — укреплять бесконтрольную власть, — вот тот букет причин, который и обусловил прогрессирующую криминализацию... «свободной криминальной экономической зоны» и не только экономической».⁶⁵ К этому не лишним будет добавить выдержку из интервью С. Шахрая: «На территории Чечни сложилась и активно функционирует криминальная «свободная экономическая зона»... В республике нет федерального таможенного и налогового контроля за импортом—экспортом сырья и другой продукции. Фактически легально функционирует рынок оружия и наркотиков».⁶⁶

Еще раз обращаем внимание на актуальность анализа субъективных причин в развязывании российско-чеченской войны, при этом одна из ключевых — деятельность различных политиков Москвы и Грозного. Огромную роль сыграли непомерные амбиции Д.М. Дудаева и его окружения. Он появился в Чечне осенью 1990 года и сразу возглавил исполком Общенационального конгресса чеченского народа (ОКЧН). Примечательно, что в запас генерал Д. Дудаев вышел лишь в мае 1991 года с должности командира соединения дальней авиации, дислоцирующегося в Прибалтике, где уже кипели политические страсти сепаратистского характера. Он решительно вступил на путь конфронтации с действовавшей властью. В своем первом публичном заявлении новый лидер потребовал роспуска Верховного совета Чечено-Ингушской Республики (ЧИР) как выполнившего принятием Декларации о государственном суверенитете свою политическую задачу и не соответствующего статусу парламента нового суверенного государства.⁶⁷ Председатель Верховного совета ЧИР Д. Завгаев просчитался, когда недооценил влияние генерала на чеченское общество. События августа 1991 года увеличили амбиции Д. Дудаева и его соратников: Л. Умхаева, З. Яндарбиева, М. Удугова, Ю. Сосламбекова, Я. Мамодаева и других. Ими был взят курс на захват власти в Грозном и достижение независимости республики от России. Во время последовавшего за этими событиями кризиса сентября 1991 года генералу Дудаеву «обещали очередное воинское звание и высокую должность в главном штабе ВВС России, но его цель была уже иной — президентские выборы».⁶⁸

Большой специалист в области политической истории современной Чечни, бывший профессор ЧИГУ Д. Гакаев пишет: «Официальный Грозный не воспринял Дудаева всерьез. Завгаев был занят проблемами большой политики, в частности, стал открыто

подыгрывать М. Горбачеву⁶⁵ в его стремлении разыграть карту автономии в борьбе против сепаратизма нового российского руководства». Примечательно, что в начале 90-х годов Д. Дудаева, как руководителя республики, поддерживал бывший в то время спикером российского парламента Р. Хасбулатов. Однако в дальнейшем, увидев, в каком направлении движется «независимая» Чечня, он настроился принципиально против мятежного генерала. В событиях 1994 года Р. Хасбулатов не стал поддерживать оппозицию, не связал себя ни с одной из политических сил Чечни. Он попытался выступить с миротворческой миссией. На вопросы российских журналистов, что будет с Хасбулатовым, Дудаев отреагировал по военному прямо: «Если за то, что он говорил, нужно преследовать по закону, то будем привлекать. А так — это ваш гражданин, преступление он совершил на вашей территории. Он в вашей власти. Зачем он нам нужен?»⁷⁰ Тем самым он дал понять общественности, что не допустит участия опального для Б. Ельцина политика во внутричеченских событиях.

Таким образом, распад СССР вызвал в северокавказских республиках чрезвычайно высокий рост этноцентризма. Создались условия, когда старые властные структуры рушились быстрее, чем создавались новые. Новый президент Чеченской Республики Джохар Дудаев, обладавший несомненным уважением и симпатией (особенно в начале своей политической карьеры) значительной части чеченцев, за три года управления не смог создать дееспособный государственный аппарат, который мог бы не на словах, а на деле проводить в жизнь справедливую экономическую и национальную политику. При полном попустительстве власти в Чечне развернулась травля и физическое уничтожение всех нечеченцев, отстаивающих свои права. За это же время сотни тысяч вынужденных переселенцев бежали из Чечни в другие республики Северного Кавказа и в другие регионы России, бросив в местах прежнего проживания все свое имущество.

3. Предпосылки возникновения и развития чеченского сепаратизма

Анализируя чеченский кризис, переросший в войны на территории Северного Кавказа, их истоки, важно, на наш взгляд, рассмотреть конституционно-правовые причины конфликта. Как нам представляется, анализ необходимо начать с первых дней работы съезда чеченского народа, состоявшегося с 23 по 26 ноября 1990 года в помещении Грозненского городского цирка. Съезд чеченского народа был по счету четвертым в XX веке.* Среди делегатов были

* I съезд состоялся в Грозном в апреле 1917 года; II съезд состоялся в селе Урус-Мартан в начале 1918 года; III съезд состоялся после утверждения в Чечне советской власти снова в селе Урус-Мартан в начале 1921 года.

представители различных общественных и общественно-политических организаций Кавказа, чеченских диаспор Москвы, Ленинграда, других городов СССР, а также США, Турции, Сирии, Иордании и других государств. Среди приглашенных гостей был и первый из чеченцев советский генерал, ставший впоследствии первым президентом Чеченской Республики, Джохар Мусаевич Дудаев, который «выступил на съезде с экстремистской речью».⁷¹ Основной целью, обозначившейся на съезде, стала идея выхода Чечни из состава РСФСР и создание независимого чеченского государства.⁷² Основные доклады были посвящены проблемам исторического прошлого народа в составе царской и советской России, национально-освободительной борьбы чеченского народа, обоснованию необходимости государственной независимости Чечни. Это стремление сепаратистов как нельзя более соответствовало планам фундаменталистов из арабских стран, которые с развалом СССР активизировали свою деятельность «в бывших союзных республиках и автономных республиках РСФСР, традиционно считавшихся «мусульманскими». Нынешняя долгосрочная цель фундаменталистов — полное отделение от России мусульманских регионов».⁷³ Таким образом, цель отделения Чечни от России, обозначенная на съезде, нашла широкую поддержку фундаменталистов, в особенности сто радикального крыла — ваххабитов. На съезде выступил бывший первый секретарь Чечено-Ингушского обкома КПСС, а к тому времени председатель Верховного совета Ч И АССР Д. Г. Завгаев, обещавший содействие возрождению чеченской нации, ее культуры. Съезд декларировал государственный суверенитет Чеченской Республики Нохчи-Чох.

Обращаем особое внимание на то, что Декларацию о государственном суверенитете Чеченской Республики приняла общественная организация, чем на самом деле являлся съезд чеченского народа. Таким образом, декларация не имела юридической силы. Но на самом деле она стала важным фактором дестабилизации общественно-политической, правовой обстановки в ЧИАССР, инструментом силового давления сепаратистов и националистов на Верховный совет автономной республики. Сразу вслед за этим, 27 ноября 1990 года после острых и продолжительных дискуссий Верховный совет Чечено-Ингушской АССР под председательством Д. Г. Завгаева принял «Декларацию о государственном суверенитете Чечено-Ингушской республики», придавая документу юридический статус. Теперь Чечено-Ингушская республика (ЧИР) объявлялась «суверенным государством», которое будет подписывать союзный и федеративный договоры на равноправной основе (как союзная республика). На наш взгляд, необходимо обратить внимание на то, что в декларации не упоминаются ни РСФСР, ни СССР (за исключением статьи № 10, где осуждается «геноцид в отношении чеченцев, ингушей и других народов СССР» и обосновывается право пострадавших от депортации на возмещение морального и материального ущерба,

причиненного республике и ее народу в 1944—1957 годах), из состава которых «вышла» Чечено-Ингушская Республика, за которой «признавались», согласно документу, атрибуты независимого государства.⁷⁴

Примечательно, что по требованию ингушских депутатов Верховный совет ЧИАССР выдвинул обязательное условие, при выполнении которого вновь провозглашенная Чечено-Ингушская Республика подпишет договоры с союзным и федеративным центрами. Этим условием было возвращение Чечено-Ингушской Республике Пригородного района Северной Осетии, который в 1944 году из упраздненной Чечено-Ингушской АССР был передан под юрисдикцию Северо-Осетинской АССР. Другими словами, требовалось выполнение закона РСФСР «О реабилитации репрессированных народов» от 26 апреля 1991 года в части территориальной реабилитации.⁷⁵ По существу это был ультиматум Верховного совета ЧИР союзному и федеральному центрам. О негативной роли закона РСФСР «О реабилитации репрессированных народов» в том виде, в каком он был принят Верховным Советом РСФСР, российские ученые высказали свое мнение.⁷⁶ Объективная оценка этого закона дана одним из авторов настоящего исследования в монографии «Кавказ конца XX века: тенденции этнополитического развития» (Владикавказ, 2000; 2004) где сказано: «Отсутствие в нем нормального правового механизма исполнения его положений, в том числе тех, которые предусматривают территориальную реабилитацию выселенных в 1944 году народов, позволяет говорить о законе как непродуманном с точки зрения права, ущербном с точки зрения соблюдения Конституций республик и Российской Федерации, инвалидном с точки зрения здоровой национальной, федеративной политики».⁷⁷

Вместе с тем, ингушским (как и чеченским) депутатам Верховного совета ЧИР этот закон казался и до сих пор кажется главным неоспоримым документом в реализации своей*¹ национально-государственной идеи, имеющей сомнительные, авантюрные и рискованные цели. С момента принятия «Декларации о государственном суверенитете Чечено-Ингушской республики» Д. Г. Завгаев и его Верховный совет, находившиеся у власти, повели многоходовую рискованную политическую игру: «Суть ее — использовать возникшие противоречия между горбачевским союзным центром и новым российским руководством с целью решения своих стратегических и тактических задач».⁷⁸

Следующие факты свидетельствуют о том, что в голосовании по Конституции России 1993 года жители Чеченской Республики участия не принимали. Чечня также не подписала федеративный договор 1992 года. Обращаем внимание на то, что федеративный договор не конституировал новое федеративное государство, а представлял собой соглашение о разграничении сфер ведения и полномочий в рамках уже сложившегося государственного единства Российской Федерации.

Примечателен тот факт, что в принятой 12 декабря 1993 года Конституции Российской Федерации статья 4 часть 3 говорит о том, что «Российская Федерация обеспечивает целостность и неприкосновенность своей территории». На наш взгляд, эта неясная формулировка скорее относится к защите от внешних притязаний на территориальную целостность. Возможность изменения территории России косвенно допускается статьей 71 пункт «б», согласно которому: «В ведении Российской Федерации находится: <среди прочего> «федеративное устройство и территория Российской Федерации»,⁸⁰ — то есть территория не рассматривается как нечто неизменное. Кроме того, статьи 66 часть 5 и 67 часть 3 трактуют о возможности изменений статуса и границ субъектов федерации при взаимном согласии сторон.⁸¹

Понятно, что все эти доводы являются только косвенными соображениями, но важно здесь то, что прямого запрета на выход «субъекта» из федерации конституция не содержит. Видимо, вопрос этот мог бы быть вынесен на рассмотрение Совета Федерации, к ведению которого, например, относится утверждение изменений границ между субъектами Российской Федерации при наличии доброй воли и взаимопонимания всех заинтересованных сторон. Как известно, Д. Дудаев на это не пошел.

Аналитический центр «Известий» в обширном обзоре, опубликованном 3 декабря 1994 года, высказывал соображения о том, что признание независимости Чечни приведет к этническому террору Дудаева против русского населения этой республики — предположение, подтвердившееся с началом боевых действий и в большей степени по той же причине. Вообще использование национального вопроса в качестве дубинки против Чечни дело обоюдоострое. Нарушение прав русских в Чечне существовало при попустительстве и Грозного, и Москвы. Русские страдали, но в равной мере с ними страдали и многие чеченцы, и представители других наций (народов). Права же чеченцев в России нарушались открыто задолго до начала боевых действий на территории Чеченской Республики.

Аналитический центр прогнозировал также конфликты Чечни с казачеством. Это было еще менее обоснованной гипотезой, тем более что в то время казачество не было едино в своих оценках по чеченскому вопросу. Заметим, что казачество в то время в значительной части было настроено продудаевски до тех пор, пока не последовали страшные террористические акты в Дагестане, Северной Осетии, на Ставрополье и в других субъектах Российской Федерации.

Признание независимости Чечни, в случае такого хода событий, должно было бы сопровождаться и принятием всех необходимых сопутствующих мер: закрытием границ, прекращением бюджетного финансирования, установлением таможенных барьеров и взиманием оплаты за транспортировку чеченской нефти через территорию Ставропольского края по трубопроводу и других соседних республик автотранспортом и по железной дороге. Весьма высока вероят-

ность того, что прекращение противодействия России чеченской независимости с одновременной демонстрацией экономической невыгодности для Чечни ее изоляции от России привело бы в скором будущем к радикальному изменению баланса сил в самой Чечне не в пользу Дудаева. В таком случае вопрос о той или иной форме нового союза с Россией встал бы вновь. Но этот сценарий не состоялся, в том числе и в результате решения самих чеченцев. По поводу именно такой позиции Грозного высказался бывший председатель парламента Конфедерации горских народов Кавказа Юсуп Со-сламбеков: «Россия воспринимается чеченцами как государство, способное в любой момент нанести скрытый, а может быть, смертельный удар, а потому лучше будет жить без него».⁸² Возможно, эта точка зрения тенденциозна, но она в полной мере отражает настроения того периода.

Одна из главных проблем, на наш взгляд, состояла в том, что на протяжении четырех предвоенных лет федеральные власти мирились с ситуацией, сложившейся в результате самоопределения чеченского народа, а она вела к отделению Чеченской Республики от Российской Федерации. Упорное игнорирование данной проблемы привело к тому, что политическую независимость Чеченская Республика обеспечила себе де-факто. Об этом свидетельствует проведение всех выборов в республике исключительно по чеченскому законодательству при полном пренебрежении законами Российской Федерации. А в это время видные российские политики поддерживали сепаратистские настроения своими высказываниями в прессе: «Укорененность представления о Чечне как о независимом государстве к концу 1994 года прорывается буквально во всем. Сергей Юшенков, возвращаясь из думской миссии в Грозный, самым естественным тоном объявил, что среди военнопленных* — двадцать российских граждан, остальные — «лица чеченской национальности». То есть чеченцы российскими гражданами больше не являются».⁸³

Однако власти мятежной республики должны были решить еще вопросы юридической и экономической независимости. Чечня была и остается субъектом Российской Федерации. Она до сих пор не признана ни одним государством, хотя объявила в одностороннем порядке о выходе из состава России.** Поэтому на протяжении многих лет Чечня стала важнейшим очагом дестабилизации общественно-политической обстановки на Северном Кавказе, в целом в Российской Федерации.

* Имеются в виду пленные российские солдаты, захваченные в Грозном дудаевцами после провала попытки захвата власти чеченской оппозицией в ноябре 1994 года.

** Исключением является взаимное признание независимости друг друга, заявленное представителями Чеченской Республики — Ичкерия и движения «Талибан», самопровозгласившего об образовании Исламского эмирата Афганистана в начале 2000 года.

При всей своей амбициозности Д. Дудаев и его окружение понимали, что без доброй воли Москвы Чечня никогда не получит фактической независимости. Попытки переговоров о разных уровнях самостоятельности велись постоянно, но позитивных результатов не давали. Первые попытки переговоров были предприняты осенью 1991 года, когда дело чуть не дошло до военного конфликта. Переговоры велись во Владикавказе. Чеченскую делегацию возглавлял вице-президент Чечни Я. Мамодаев, российскую сторону представлял С. Шахрай. После постановления седьмого съезда народных депутатов РСФСР о ведении переговоров с Чеченской Республикой состоялась встреча в Сочи 12—14 марта 1992 года. Делегации возглавляли заместитель председателя Верховного Совета РСФСР В. Жигулин и председатель комитета парламента Чечни З. Яндарбиев. 25—28 мая переговоры продолжились в Москве. Результатом этой встречи были предложения экспертов Верховному Совету Российской Федерации и парламенту Чеченской Республики по принятию Декларации о взаимоотношениях сторон.⁸⁴ Но Верховный Совет не спешил с рассмотрением проекта, так как, вероятнее всего, не хотел брать на себя ответственность за решение этого вопроса.

Когда 12 марта 1992 года Чеченская Республика приняла конституцию «независимого государства», Верховный Совет Российской Федерации в ответ на это создал секретную парламентскую комиссию по Чечне.⁸⁵ Возглавлял ее до 1993 года заместитель председателя Верховного Совета Ю. Яров, через которого шла вся информация по Чечне. Комиссия отслеживала и анализировала все события — от передачи оружия Д. Дудаеву до расследования фактов широкомасштабной аферы с чеченскими авизо. Все накопленные документы, как бы по стечению обстоятельств, были уничтожены после расстрела здания Верховного Совета в октябре 1993 года.⁸⁶

Политическое руководство в Москве не признавало легитимность выборов 1991 года в Чеченской Республике, поэтому Б.Н. Ельцин отказывался вести переговоры с Д.М. Дудаевым. Упомянутые выборы, конечно же, были далеки от подлинного волеизъявления народа Чечни. Сторонников Д.М. Дудаева, всех, кто поддерживал идею независимости Чечни, этот факт не волновал. За ними был вооруженный народ и уже захваченная силой власть в республике, под которую нужно было подвести законодательную базу. Сам факт свершившихся выборов президента Чеченской Республики придавал *всему* произошедшему в октябре 1991 года видимость законности. Уже 1 ноября 1991 года президент Чеченской Республики Д.М. Дудаев подписал свой первый указ «О государственном суверенитете Чеченской Республики», где якобы на «законном основании» было объявлено о «государственном суверенитете республики».⁸⁷

Анализируя конституционно-правовые причины чеченской проблемы, российско-чеченского противостояния, следует, на наш взгляд, остановиться подробнее на периоде вооруженной борьбы между федеральным центром и мятежной Чеченской Республикой.

По существу это была война между Российской Федерацией и Чеченской Республикой. В заявлении профессора Р. И. Хасбулатова от 18 июля 1994 года «К ситуации в Чеченской Республике» было сказано (заявление было сделано после пребывания экс-председателя Верховного Совета Российской Федерации в Лефортовской тюрьме): «Как все знают, Дудаев вместе с группой своих приспешников обманным путем захватил власть в республике и провозгласил себя «президентом». Верховный Совет Российской Федерации, а затем V съезд народных депутатов, как высший орган власти в Российской Федерации, в ноябре 1991 года признали эти выборы незаконными и предложили соблюдение элементарных конституционных норм при повторном проведении соответствующих выборов на основе Конституций Российской Федерации и республики. Недавно Государственная дума, по сути, пришла к аналогичным выводам. В ответ Дудаев «пригрозил» Российской Федерации объявить войну и даже «взорвать атомные электростанции». Эти и другие аналогичные безответственные заявления грозненского авантюриста произвели на российское общество огромное негативное впечатление, в одно мгновение исчезло мнение о чеченцах как о добродушном трудолюбивом народе, хотя излишне горячем. Вот и заговорили о «чеченской мафии» в Москве, других российских городах, СНГ и даже в дальнем зарубежье. И если стали вытеснять чеченцев со своих насиженных мест — так в этом виновен, прежде всего, сам Дудаев. И к большому нашему сожалению, сегодня трудно вновь «облагородить» образ народа, трудно переменить сложившееся общественное мнение о чеченцах как о разбойниках и мафиози».⁸⁸ Здесь следует отметить, что к голосу Р.И. Хасбулатова не прислушались ни в Грозном, ни в Москве. Политики и в Грозном, и в Москве допустили серьезные ошибки, и в 1994 году началась первая чеченская война. Ответственность за это, на наш взгляд, лежит на президенте Российской Федерации и федеральной исполнительной власти, которые предприняли попытку разрешения конфликта военным путем. В соответствии с актами президента и правительства Российской Федерации в Чеченскую Республику были введены войсковые части и подразделения Министерств обороны и Внутренних дел, хотя законы «Об обороне», «О безопасности» не предусматривают прямое участие Вооруженных сил страны во внутренних вооруженных конфликтах. И все же Конституционный суд Российской Федерации признал, что указ президента Б.Н. Ельцина соответствует конституции страны. Следует иметь в виду, что положение указа о применении «всех имеющихся у государства средств» необходимо рассматривать исходя из конституционных признаков, то есть использования законных средств и исключения незаконных.⁸⁹ Решение о начале боевых действий («наведение конституционного порядка») в Чеченской Республике принималось непродуманно, волюнтаристским методом. Поводом послужило и обращение к президенту Российской Федерации Б.Н. Ельцину глав администраций и президентов северокавказских республик и краев (за исклю-

ченизм президентов Чеченской Республики и Республики Ингушетия). Вся информация о положении в Чечне Б.Н. Ельцину представляли спецслужбы. Решение о вводе войск было принято на Совете безопасности. Одной из причин, которая позволила российско-чеченскому противостоянию вылиться в войну, была слабая поддержка демократических преобразований в Российской Федерации. Народы России в большинстве своем не приняли эту войну, но мало кто выступил и против нее. А в это время большинство средств массовой информации в один голос трубили о неспособности президента Российской Федерации проводить твердую государственную политику и прочили в лидеры государства кого-нибудь из генералов. Так, выступая на страницах еженедельника «Аргументы и факты», лидер организации «Русский национальный собор» А. Стерлигов заявил, что следующим президентом России будет генерал, а о правительстве выразился вовсе бескомпромиссно: «Сейчас в политику пришло много шпаны. Они только компрометируют здравые идеи...».⁹⁰ Конечно же, от внимания политиков не могла укрыться такая интересная особенность этого периода, как временное затишье в конфликтах на территориях Нагорного Карабаха, в Южной Осетии, в Абхазии. В то время независимость закавказских республик еще окончательно не была осознана, и границы государств региона не были очерчены, а реально обозначались только административными границами на картах бывшего СССР. Возникшая передышка давала возможность российскому правительству организовать противодействие сепаратистской политике и практике, проводимой Чечней на всем Северном Кавказе, как «лидером» народов Кавказа (эту роль чеченские сепаристы присвоили себе, не спрашивая мнение по этому поводу других народов). Но тогда еще никто не предполагал, сколь долгим и кровопролитным будет решение сложнейшей этнополитической, правовой проблемы.

Ужасы российско-чеченской войны 1994—1996 гг. стали более понятными россиянам после очевидного краха военных операций федеральных войск на территории Чеченской Республики. Целый ряд громких побед чеченских сепаристов над федеральными войсками повергли в шоковое состояние российское общество. Трагические события первых дней войны и неудачного штурма Грозного на все лады склонялись средствами массовой информации, как будто все показанное на экранах телевизоров происходило не в собственной стране со своим народом. Народы Российской Федерации в полной мере осознали трагедию российско-чеченской войны после будешювекой и кизлярской трагедий, когда вооруженные бандформирования во главе с Шамилем Басаевым и Салманом Радиевым, выйдя за пределы Чеченской Республики, устроили дикую расправу над мирным населением ставропольского и дагестанского городов. Затем последовали взрывы жилых домов и мест массового скопления людей (таких, как вокзалы, рынки и т.д.), нападения на представителей силовых структур с целью завладения оружием.

География действий террористов обширна. Они оставили свои кровавые следы в Москве, Волгодонске, Владикавказе, Грозном, Нальчике, Пятигорске, Махачкале, Магасе, Моздоке, Буйнакске. Масштабные трагические события в городе Беслане 1—3 сентября 2004 года лишний раз убеждают в том, что чеченские сепаратисты избрали террор как особую форму политического насилия, характеризующуюся чрезвычайной жестокостью, целенаправленностью, изобретательностью и эффективностью. Именно эти особенности и оперативность их освещения средствами массовой информации, на наш взгляд, предопределили широкое использование чеченскими сепаратистами террора не только в Чеченской Республике, но и на всей территории Российской Федерации. Один из авторов настоящего исследования, анализируя причины и последствия чеченского кризиса 90-х годов XX в. 8 лет назад писал: «Война в 1994—1996 годах в Чеченской Республике—Ичкерия ни к чему позитивному не привела. Цель войны («наведение конституционного порядка в Чечне») не была достигнута, хотя федеральный центр потерял 8 тыс. солдат, офицеров и генералов, а гражданского населения в Чечне погибло до 100 тыс. человек. Добавим к этому, что русские и так называемые «русскоязычные» составляли большинство гражданского населения Чечни. Анализируя чеченскую трагедию, нельзя не провести аналогию с Афганистаном, где за 10 лет войны наша страна потеряла убитыми и без вести пропавшими 14,5 тыс. солдат и офицеров. Вырисовываются масштабы огромной национальной трагедии Российской Федерации, которую «мудрые и дальновидные» руководители ни в коем случае не должны были допустить. Мировая практика конфликтологии знает немало поучительных примеров, когда даже более запутанные и противоречивые проблемы удавалось разрешить мирным путем. Но это в том случае, когда над волюнтаризмом в политике и желанием наказать целый народ силой оружия преобладает трезвый, взвешенный до мелочей политический анализ сложной ситуации и дар предвидения хода событий».⁹¹

Объективный анализ фактов убеждает в том, что чеченский кризис относится к управляемым, спланированным конфликтам, в разжигании которого было слишком много заинтересованных лиц как в Грозном, так и в Москве. На наш взгляд, следует еще раз акцентировать внимание на том, что военно-политическая и финансовая элиты Москвы несколько лет возвращали режим Д. Дудаева. Идея независимости Чеченской Республики превратилась в ширму для прикрытия преступных сделок власти по ограблению многонационального народа мятежной республики и обогащению чеченских и московских олигархов. Ближайшее окружение Дудаева использовало лозунги национального самоопределения чеченского народа, свободолюбия чеченцев, демократических преобразований для утверждения власти награбленных денег. Парадокс, на наш взгляд, состоит в том, что лидеры «независимой» Чеченской Республики ради сохранения власти оказались готовыми на самую преступную

ставку: на существование чеченской нации, которую втянули в военное противостояние с Российской Федерацией, тем самым обрекая на истребление. Вспыхнувшие с новой силой внутречеченские противоречия, новый передел преступных доходов между мафиозными группировками Москвы и Грозного спровоцировали гражданскую войну, и затем ввод федеральных войск под предлогом разоружения противоборствующих сторон. «Восстановление конституционного порядка» в Чеченской Республике обернулось масштабной трагедией многонационального народа мятежной республики и крупнейшим в современной истории погромом. Этими трагическими событиями не замедлили воспользоваться иностранные спецслужбы: «Главная цель западных государств, в частности, США и Англии, — отделение Северного Кавказа от России и создание отдельного исламского государства».⁹² И в этой ситуации, на наш взгляд, особенно важной становится способность власти к проявлению твердой воли в сохранении единства и целостности государства в сочетании с гибкой дипломатией на международном уровне в решении этой внутригосударственной проблемы.

Вывод: состояние конституционно-правовых отношений между правительствами Российской Федерации и Чеченской Республики в канун вооруженного конфликта не соответствовало ни внутренним, ни международным нормам. В связи с тем, что в предшествующий войне период российское руководство было занято заботой о сохранении собственной власти и пользовалось в работе законами и законодательными документами уже не существующего союзного государства, то все документы, касающиеся государственного устройства, вышедшие до принятия Конституции Российской Федерации 12 декабря 1993 года, на наш взгляд, следует считать декларативными, содержащими описание намерений сторон, но не более того. Действия общественных организаций, направленные на разрушение государства и дестабилизацию обстановки в обществе следует отнести к компетенции государственных организаций, отвечающих за безопасность.

4. Уроки чеченского кризиса и перспективы окончательного его преодоления

Чеченский кризис был следствием крутого перелома российской государственности 90-х годов XX века. Сегодня уже нет сомнений в целях и задачах, которые преследовали московские и грозненские архитекторы чеченского кризиса. Войны на Северном Кавказе 90-х годов XX века, связанные с чеченским сепаратизмом, многие годы держали не только Северный Кавказ, но и всю Российскую Федерацию в состоянии глобального этнополитического кризиса, губительные последствия которого до сих пор негативно отражаются на состоянии россиян. В этой связи представляется интересным анализ

отдельных работ, посвященных Чеченской Республике, российско-чеченским взаимоотношениям в 90-е годы XX века.

В научной литературе и периодической печати чеченской проблеме уделяется большое внимание.⁹³ Комплексный их анализ позволяет сделать объективные выводы о предпосылках, причинах, ходе и последствиях губительных российско-чеченских войн 1994—1996 и 1999—2002 годов. Публикации по чеченскому вопросу убеждают в чрезвычайной сложности взаимоотношений народов Российской Федерации, особенно на Северном Кавказе, где на протяжении десятков лет накапливались серьезные проблемы в сфере экономики, культуры, религии, национальной политики и т.д. Выясняя сущность и последствия чеченского кризиса, нельзя не обратить внимание на то, что после крушения СССР нашлись политические силы, добивавшиеся по примеру «старшего брата» развала и Российской Федерации. Многие из тех закономерностей, которые отправили на свалку истории СССР, активно проявляли себя и в Российской Федерации. Следует особенно подчеркнуть большую негативную роль, которую сыграл государственный переворот, выразившийся в расстреле Верховного Совета Российской Федерации в 1993 году, и проведение новых выборов в парламент с одновременным принятием конституции страны 12 декабря 1993 года. С принятием новой Конституции Российской Федерации десятки миллионов россиян, в том числе и на Северном Кавказе, надеялись на торжество демократии, новой национальной политики, качественно новых федеративных отношений, экономического процветания и межнационального мира в стране.

Однако события октября 1993 года в Москве, которые следует, с нашей точки зрения, называть конституционным переворотом, оказали заметное негативное влияние на многие стороны общественно-политической, межнациональной жизни в Российской Федерации. Они стали своеобразным мощным детонатором развития негативных процессов на Северном Кавказе. Говоря о проблемах Чеченской Республики — Ичкерия, в целом Северного Кавказа, нельзя обойти одну странную особенность российской действительности. Усиленно внедряемая в сознание многонационального народа Российской Федерации идеология утверждает возможность решения всех многочисленных проблем путем формирования рыночной экономики. Однако в реальной действительности народы Российской Федерации в большинстве своем получили коррумпированный капитализм или олигархический режим.⁹⁴ За годы «радикальных экономических реформ» в России создана система патронажного регулирования экономики. А это означает, что государственная бюрократия получила необоснованно большое право самостоятельно решать, каким отраслям промышленности, монополиям и регионам создавать преимущества через льготные мероприятия. Такая экономическая политика не могла вывести огромную страну из экономического, политического и межнационального тупика, где она, кста

ти, оказалась по вине недалководидных политиков и государственных деятелей.

Российская Федерация вместо обещанной и ожидаемой демократии, гласности, экономического и межнационального благополучия, торжества справедливости и законности получила безраздельное господство бюрократии, высших государственных чиновников и властных структур. В такой обстановке узкая группа высших государственных чиновников, занятых в сфере исполнительной власти, стала заинтересованной в углублении кризиса в государстве. Углубление всеобщего кризиса в стране парадоксальным образом стало могучим источником силы государственной бюрократии, узкой группы олигархов. Такая экономика может возникать в коррумпированном обществе и сама, в свою очередь, поддерживает, как правило, не настоящую демократию, а деформированную, вождистско «демократию». С начала 90-х годов XX века в Российской Федерации создан мощный бюрократический аппарат, пользующийся неоправданно большой самостоятельностью и полностью работающий по своим, непонятным большинству населения страны, законам и правилам.

В экономической сфере мы продолжаем переживать кризис. В области политики в государстве утвердилась не демократия, а вседозволенность, право сильного, игнорирование закона, в том числе и конституционного. В сфере федеративных, межнациональных отношений мы являемся свидетелями тотального кризиса, выражающегося в межнациональных конфликтах и войнах, стремлении отдельных субъектов Российской Федерации, включая даже отдельные «чисто русские» регионы, выйти из нее и образовать независимое государство. Таким образом, деформированная демократия, которую мы имеем с конца 80-х годов XX века, стала одним из источников общественно-политических и межнациональных конфликтов, порождаемых волюнтаристским решением сложнейших проблем в сфере экономики, политики, культуры, внутренней и внешней политики государства. В этих условиях для разрешения отдельных актуальных проблем президент страны Б.Н. Ельцин и его ближайшее окружение считали возможным применение насилия. Расстрел войсками Российской Федерации в октябре 1993 года Верховного Совета, т.е. парламента страны, фактически был результатом подобной технологии власти. Парламент страны является во всем мире символом государственности. В «демократической» Российской Федерации этот символ был расстрелян по приказу «всенародно избранного», легитимного президента Российской Федерации Б.Н. Ельцина. Этим актом наша страна (в который раз!) повергла в шок цивилизованное мировое сообщество.

Принципы волюнтаризма и вседозволенности Б.Н. Ельцин и его ближайшее окружение распространили на все сферы, в том числе и на межнациональные отношения. Однако здесь, на наш взгляд, следует подробнее остановиться на одном весьма важном аспекте обозначенной проблемы.

Во-первых, нерусские народы Российской Федерации, особенно татары, башкиры, чеченцы и другие, в XX веке настолько изменились во всех отношениях (численно, духовно, политически, экономически и т. д.), что в нынешних условиях с ними просто невозможно, а то и опасно разговаривать с позиций силы. Желание вести с ними дело с позиций силы есть ни что иное, как кратчайший путь развала Российской Федерации. Это самая верная дорога к широкомасштабной, ожесточенной межнациональной, гражданской войне с предсказуемыми огромными катастрофическими последствиями. Войны в Чеченской Республике, в целом на Северном Кавказе в конце XX—начале XXI в. убедительно доказали бездарность высших государственных деятелей Российской Федерации, которые разрабатывали основные принципы и приоритеты военных доктрин, национальной и региональной политики, федеративных отношений. Войны на Северном Кавказе продемонстрировали, что Б.Н. Ельцин и его ближайшее окружение в вопросах строительства новой Российской Федерации и ее территориальной целостности опирались в основном на силу армии. Таким образом, рассуждения части отечественных политиков, ученых и высокопоставленных чиновников о том, что «демократическая» Российская Федерация окончательно порвала со своим имперским, коммунистическим, тоталитарным прошлым, представляются недостаточно убедительными. В этой связи представляется уместным сравнение между И. В. Сталиным и Б.Н. Ельциным, которое сделал известный западный историк и политолог, чеченец по национальности Лбдурахман Авторханов.⁹⁵ «Сталин, в отличие от Ельцина, оказался джентльменом, — утверждал всемирно известный политолог. — Он чеченцев сослал в Сибирь (Среднюю Азию. — Авт.) на медленное вымирание. А Ельцин решил разом покончить с чеченцами».⁹⁶

Войны на территории Чеченской Республики, в целом Северного Кавказа в конце XX—нач. XXI в. имели тяжелейшие последствия для всей Российской Федерации. Особенно тяжелые последствия они имели для Чеченской Республики и других республик региона, где экстремизм и терроризм повергли в шок многострадальное и многонациональное население. Президент Российской Федерации Б.Н. Ельцин, допустивший целый ряд грубейших ошибок в вопросе урегулирования чеченского кризиса, в целом национальной и региональной политике, так и не сумел решить поставленную задачу — «навести конституционный порядок в Чеченской Республике». Эту задачу с большим трудом решил другой президент — В.В. Путин. Анализируя причины, особенности, специфику и трагические последствия чеченского кризиса, фактически означавшего две кровопролитные войны на Северном Кавказе, загнавшие Российскую Федерацию в многолетний глубокий кризис, необходимо, на наш взгляд, помнить о той огромной цене, которую заплатил российский народ за выход из этого кризиса. Заметим, что точной статистики потерь до сих пор нет. Однако уверенно можно

говорить о том, что в результате «наведения конституционного порядка в Чеченской Республике» Российская Федерация потеряла несколько сот тысяч человеческих жизней, в том числе десятки тысяч солдат, офицеров и генералов. Материальные потери исчисляются многими сотнями миллиардов рублей. Масштабы этой национальной катастрофы ученым еще предстоит уточнить. В силу различных причин это будет сделано еще не скоро. Однако уже сегодня можно говорить уверенно о большой ответственности за эту катастрофу руководителей федерального центра (Б.Н. Ельцина и его «партии войны») и сепаратистской Чеченской Республики.

Во-вторых, провозглашение курса на строительство нового федеративного Российского государства в начале 90-х годов XX в. должно было, на наш взгляд, опираться на солидную научно обоснованную базу, а также идеологию, общую для всех народов страны идею, привлекательную для всех мечту. Но и здесь у нас были и остаются пока серьезные просчеты, ошибки и деформации.

Нынешние руководители страны должны четко осознавать, что «феномен Жириновского» или движение за преобразование республик в губернии активно способствует развалу Российской Федерации. Известно, что многолетний лидер ЛДПР В.В. Жириновский — один из влиятельных политиков в нынешней Российской Федерации, а его позиция в российско-чеченских войнах 1994—1996 гг. и 1999—2002 гг. была самой жестокой и безжалостной: «Сжечь напалмом аулы! Армии — полные права на бесчинства. Никаких переговоров с сопротивлением. Войну до победного конца».⁹⁷ По существу это был призыв к более грандиозной войне в Чеченской Республике, которая могла иметь еще более масштабные и трагические последствия.

В историографии войн на территории Чеченской Республики, в целом Северного Кавказа и чеченской проблемы имеются публикации, где в той или иной степени разделяется жесткая позиция федерального центра.⁹⁸ Однако большинство авторов осуждает использование армии Российской Федерации для разрешения внутреннего, т.е. российского межнационального, этнополитического конфликта.⁹⁹ По их мнению, это противоречит действующему российскому законодательству и общей теории права. К мнению этих авторов присоединяемся и мы. В начале XXI века политики и госз'дар-ственные деятели Российской Федерации и других многонациональных государств (например, Грузии, Азербайджана, Молдовы, Великобритании, Испании, Турции, Ирака и т.д.) должны осознать бесперспективность силовых методов в разрешении межнациональных войн и конфликтов, аморальность и пагубность сохранения средствами политического насилия «территориальной целостности государств». Сказанное вовсе не значит, что авторы настоящего исследования ратуют за развал многонациональных государств и федеративных институтов. Сказанное лишь означает, что гос)дарствен-ные деятели и политики, руководители многонациональных феде

ративных государств должны неустанно работать над совершенствованием федеративной системы, национальной политики и международных отношений. В нынешних условиях необходимо исключить любые силовые решения спорных вопросов. Это тем более важно, что речь идет о весьма своеобразном во многих отношениях субъекте Российской Федерации, который, в отличие от некоторых других национальных окраин России, добровольно в ее состав никогда не вступал. Здесь, как нам кажется, следовало и ныне следует подходить к решению этой проблемы более осторожно, продуманно, с учетом всех особенностей характера и менталитета чеченского народа. Необходимо понять, что мирному диалогу, поиску путей компромиссов нет альтернативы.

Главный урок двух российско-чеченских войн состоит, на наш взгляд, в отказе от силовых решений в спорных вопросах. Однако здесь следует обратить внимание на позицию воинственных политиков, публицистов, всевозможных «специалистов», которые активно помогали Б.Н. Ельцин}' развязать бессмысленную и бездарную российско-чеченскую войну в 1994—1996 гг. Они всячески способствовали тому, чтобы кремлевская «партия войны» втянула ослабленную, деморализованную армию России в чеченскую авантюру, которая закончилась катастрофическими последствиями. Так, например, депутат Государственной думы В. Подмошников в 1995 год}' писал: «Россия должна быть неделимой, и Чечню рассматриваю как ее часть. Я совершенно не удовлетворен трехлетней неопределенностью с этой республикой. Чечня превратилась, на мой взгляд, в своего рода пиратскую территорию. Своим избирателям я говорю, что на операцию в Чечне (т.е. войну. — Лвт.) надо смотреть как на акт по борьбе с организованной преступностью... Оттуда исходила постоянная массивированная криминальная опасность. А режим Дудаева, заявивший об отделении? Нигде так не делается. Существует право, существуют законные нормы. И признавать объявленную «самостоятельность» ни в коем случае нельзя. Чечня превратилась в «оазис» бесправия. И мы морального права не имели терпеть это».¹⁰⁰ Здесь проблема, по нашему мнению, не в В. Подмошникове, а в том, что его воинственную, агрессивную идеологию разделяли и разделяют в Российской Федерации многие. Морализируя о праве, они посылали и готовы посылать на верную гибель десятки тысяч полуголодных юношей, одетых в солдатскую форму российской армии.

Можно согласиться с В. Подмошниковым в том, что Российская Федерация должна быть единой, территориально целостной, однако, вопрос в том, какими методами и средствами можно достичь этого. В. Подмошников фактически оправдывает масштабную кровавую военную акцию, или, проще говоря, силовое решение чеченской проблемы. Кровопролитную войну он завуалировал названием «акт по борьбе с организованной преступностью». Впрочем, и президент страны Б.Н. Ельцин называл эту бессмысленную и масштабную бойню «восстановлением конституционного порядка в Че

ченской Республике—Ичкерия». Однако война не перестает быть таковой, как бы ее ни называли, и во имя чего бы она ни велась. В. Подмоштов риторически заявляет, что «недоволен трехлетней неопределенностью с этой республикой». Обращаем внимание на то, что прошло уже много лет после окончания российско-чеченских войн, но, тем не менее, «неопределенность» сохраняется. И не только в Чеченской Республике, но и на всем Северном Кавказе, в целом в Российской Федерации. Народный избранник называет Чечню «пиратской территорией». Действительно, в Чечне, как и в других регионах Российской Федерации, было и есть много правонарушений. И против этого следовало и следует бороться сообща, без кавалерийских наскоков, и тем более оскорблений национального достоинства миллионного чеченского народа.

Можно согласиться с утверждением В. Подмоштова о том, что Чечня превратилась «в пиратскую территорию» и «оттуда исходит массированная криминальная опасность», но с несколькими существенными оговорками.

Во-первых, если Чеченская Республика — действительно субъект Российской Федерации, то почему федеральный центр страны допустил на своей территории существование пиратского региона? Ведь эти негативные явления в Чеченской Республике, в целом на Северном Кавказе появились не в одночасье и не без помощи федерального центра. Они зрели годами. Почему президент и правительство Российской Федерации, Государственная дума, депутатом которой является столь яростный сторонник «территориальной целостности» и «неделимости» страны В. Подмоштов, допустили на «исконной российской территории» формирование «пиратской республики» и «криминальную опасность»? Во-вторых, есть основания полагать, что на территории Российской Федерации имеется немало других, по выражению В. Подмоштова, «пиратских территорий» и оттуда тоже исходит не менее «массированная криминальная опасность».

В. Подмоштов озаглавил свою статью так: «Чеченский урок должен помочь нам сплотиться». Вероятнее всего, депутат Госдумы ФСРФ имеет в виду сплочение русского и других народов в борьбе против Чеченской Республики. Но нужна ли народам Российской Федерации борьба против чеченцев? К чему такая борьба приведет и кто от этого выиграет? Здесь вопросов больше, чем готовых ответов. Удивляет то, что в газетах и журналах было немало призывов к войне против «коварных чеченцев», от которых будто бы исходят многие беды россиян.¹⁰¹ И. это вместо того, чтобы подумать о необходимости совершенствования федеративных отношений, национальной политики и межнациональных отношений, идеологии общечеловеческих ценностей и т.д.. Есть определенные слои в Российской Федерации (политики, военные, ученые, журналисты и т.д.), которые и в начале XXI века в своей стране не отказываются от «борьбы с врагами Отечества». Иметь врагов для них стало естественной необходимостью, и это должно настораживать. Федеральный центр

уже который год сквозь пальцы смотрит на существование в Российской Федерации профашистских газет, которые проповедуют межнациональную рознь, расизм, шовинизм, превосходство одних народов над другими и т.д. Свобода слова и печати позволяет определенным кругам издавать и распространять на территории страны различные экстремистские газеты и газетенки, которые ежедневно пропагандируют насилие, жестокость, разврат, алчность, ненависть и межнациональную вражду. Газета «Русский Восток» — одна из них. В 1995 году эта газета (девизом которой являются строки: «За дело правое, за честь, за Русь святую!») на первой странице поместила снимок военных лет, на котором изображен залегший за пулемет красноармеец, стреляющий по врагам русского народа. Подпись под снимком гласит: «По врагам русского народа — огонь!».¹⁰² Если иметь в виду, что снимок времен Великой Отечественной войны, то понятно, кого газета считает врагом русского народа. Однако под фотографией в рубрике «Нам пишут» напечатано письмо, где есть и такие слова: «...надежды на милицию бессмысленны, так как она почти повсеместно подкуплена кавказцами. Необходимо самим начать тотальный террор против кавказцев по всей России... (разрядка наша. — Авт.)».¹⁰³

Редколлегия во главе с редактором А. С. Туриком, наверное, уверена в том, что все кавказцы действительно являются врагами России и русских. Обращаем особое внимание на то, что это самое большое заблуждение многих «ура-патриотов» русского народа. Им бы следовало по-настоящему разобраться в истинных причинах больших проблем Российской Федерации, которая является настоящей родиной и для большинства кавказцев. Бороться нужно против катастрофического падения уровня жизни, безнравственности, которую успешно насаждают отдельные средства массовой информации, цинизма, коррупции в высших эшелонах власти (где кавказцев почти нет!), профессиональной непригодности многих представителей высшей военной элиты, распутинщины, манкуртизма и т.д. Необходимо совместными усилиями одолеть губительное пьянство, разврат, политическую беспринципность, волюнтаризм в государственных и политических делах и т.д. Следует, на наш взгляд, разработать качественно новую национальную политику, идеологию российского федерализма, возможность улучшения тяжелого экономического, общественно-политического и межнационального положения в стране. Огромная страна, оснащенная ядерным оружием, оказалась в жесточайшем кризисе вовсе не по вине кавказцев, а из-за недалекости и политической конъюнктурности ее руководителей. Не по вине же кавказцев некогда великая и могучая страна превратилась за 15 последних лет в жалкое подобие державы, где «выдающиеся государственные и политические деятели», удостоенные самых высоких и престижных международных премий, ничего лучшего не придумали, как разъезжать по всему миру и просить унижительное подаяние в виде гуманитарной или иной

помощи. Авторам антикавказских статей следует, по нашему мнению, внимательно и всесторонне проанализировать все объективные причины, от которых задыхается Российская Федерация. Тот же «Русский Восток» предлагает «депортировать... граждан чеченской национальности... выполняющих роль пятой колонны боевиков».¹⁰⁴ Далее эта газета пишет, что кавказцы нанесли России своей непокорностью неслыханное оскорбление и такое оскорбление следует «смыть только кровью в беспощадной борьбе с врагами внутренними и внешними».¹⁰⁵ Это открытый призыв к войне не только против чеченцев, но и всех народов Северного Кавказа.

Между тем многие из кавказцев прилагали и прилагают неимоверные усилия в разрешении чеченского кризиса. Кремлевские неошовинисты, которым охотно подпевали более мелкие шовинисты и русские «ура-патриоты» вроде В. Жириновского, В. Подмошкова, А. Турика и других, развязали кровавую, бессмысленную и позорную войну в Чеченской Республике. Против этой войны активно выступали кабардинская общественно-политическая организация «Адыгэ Хасэ», балкарская общественно-политическая организация «Тере», Всеосетиинский народный совет «Стыр ныхас», ингушская общественно-политическая организация «Нийсхо», Конфедерация народов Кавказа, сотни других общественно-политических, религиозных организаций и партий народов Кавказа, а шовинистическая газетенка «Русский вестник», которая, судя по всему, не знает истинных причин российско-чеченских войн 1994—1996 гг. и 1999—2002 гг., их предыстории, призывает «к беспощадной борьбе с врагами **Внутренними** и внешними — кавказцами». Похоже, что в Российской Федерации определенные круги не могут жить без врагов. Если нет внешнего врага, то обязательно найдется внутренний. При большом желании можно его создать. Чечня — удобный и подходящий объект для такого рода эксперимента. Чеченцев, как уже было сказано выше, некоторые газеты объявили врагами России.

Осуждая такую политикз' и критикуя постановку вопроса в такой плоскости, кабардинский публицист и историк А. Карданов пишет: «А что, Россия думала бомбить мирные города и села безнаказанно, не наживая при этом врагов в лице чеченцев?».¹⁰⁵ В этом риторическом вопросе А. Карданова есть и определенный здравый смысл. Война с «лицами кавказской национальности» свидетельствует о том, что придется очень много и достаточно долго поработать не только на «чеченском участке фронта». «Если в России плохое экономическое, социальное и политическое положение, — пишет далее А. Карданов, — то, выходит, виной тому не бездарное руководство, а внутренние или внешние враги. В начале века врагами России считались евреи, в двадцатые годы — контрреволюционеры, в тридцатые — та же контра на пару с кулаками, потом — западные спецслз'жбы. Совсем недавно главным врагом считалась бюрократия, затем — мафия, а теперь — лица «кавказской национальности». Был ли в истории России хотя бы десяток лет без вра

гов? Почему) эта страна всегда с кем-то или за что-то борется, ищет, разоблачает «врагов»? И так уже на протяжении сотен лет».¹⁰⁷

Действительно, в нашей стране большая человеческая кровь всегда прикрывалась красивыми словами, патриотическими лозунгами и сомнительными конечными целями. Так было, например, в годы войны России с Японией (1904—1905 гг.), первой русской буржуазно-демократической революции (1905—1907 гг.), первой мировой войны (1914—1917 гг.). Этот кошмар имел страшное продолжение в 1917—1921 годах, когда после двух революций 1917 года, неслыханной по своей жестокости и потерям гражданской войны и чудовищного голода в Поволжье в 1921 году жизнь россиянина заметно обесценилась. Но и после 1921 года было немало социальных, политических и военных потрясений в жизни граждан нашей страны. Имеются в виду грандиозные акции по разоблачению «врагов народа», выселению в Сибирь и Среднюю Азию кулаков, а затем «народов-предателей», участие многочисленных наших «добровольцев» в гражданской войне в Испании (1936—1938 гг.), а затем в войне с Финляндией (1939—1940 гг.) и, наконец, в грандиозной, невиданной по масштабам и последствиям Великой Отечественной войне. Казалось бы, после великой и заслуженной Победы над немецко-фашистскими захватчиками многонациональный советский народ наконец-то заживет достойной цивилизованной жизнью, но не тут-то было. Одна за другой начали заявлять о себе проблемы в сфере экономики, духовной жизни, национально-государственного, федеративного устройства народов СССР, национальной политики и межнациональных отношений.

Особо отметим, что некоторые из этих проблем носили рукотворный характер, т.е. создавались искусственно руководством страны. К таковым следует отнести, в первую очередь, выселение отдельных народов СССР, в том числе чеченцев, ингушей, балкарцев, карачаевцев, турок-месхетинцев, калмыков и других, а затем после XX съезда КПСС их возвращение на историческую родину.¹⁰⁸ С возвращением выселенных народов на историческую родину, в частности, на Северном Кавказе заметно и опасно обострилась межнациональная и демографическая ситуация. Сотни тысяч чеченцев, ингушей, балкарцев, карачаевцев, вернувшихся на историческую родину, требовали назад свои дома, деревни, районы, республики. Их нужно было трудоустроить, обучать в школах и вузах; вразумительно объяснить им истинные причины их национальной трагедии, сделать все необходимое для скорейшей стабилизации межнациональной обстановки в сложнейшем регионе страны. Решение задачи осложнялось тем, что в республиках Северного Кавказа к 1957 году проживали сотни тысяч переселенцев разных национальностей, которые по решению партийно-советского руководства СССР были переселены в 1944—1945 годах в дома депортированных народов. При этом никто никому не объяснил, что через 13 лет «добровольным переселенцам» снова придется уезжать на новое место житель-

ства, так как вернувшиеся из ссылки «народы-предатели» совершенно справедливо требовали то, что им принадлежало до 1944 года. Но сотни тысяч семей разных национальностей обустроить в новых местах было очень сложно. Партийно-советское руководство СССР и РСФСР, которое так и не поняло истинных причин многих кавказских проблем, в очередной раз создало искусственные трудности во взаимоотношениях народов Северного Кавказа. А они к тому времени изрядно запутались. По существу, это одна из самых сложных межнациональных проблем в XX веке. К перечисленным проблемам следовало бы добавить тотальные репрессии 30-х—50-х годов XX века, которые продолжались в более «мягкой» форме до недавнего времени. Не следует забывать также о негативных последствиях участия (в той или иной форме) «добровольцев из СССР» в войнах в Корее, Египте, Вьетнаме и Афганистане.

Анализируя большие недостатки, серьезные упущения и ошибки, следует, как нам кажется, заострять внимание не на «лицах кавказской национальности», а на причинах и последствиях перечисленных этапов нашей общей и противоречивой истории. При этом для объективности и глубины анализа необходимо добавить к перечисленному всевозможные «чистки», обстановку «холодной» войны, безудержную и разорительную для советских людей гонку вооружений, необдуманные щедрые подарки Н.С. Хрущева иностранным государствам, всевозможным «друзьям СССР» и его волюнтаристские решения,¹⁰⁹ непродуманные до конца убыточные стройки века и т.д. Опустошительным актом для страны оказался также тройственный союз лидеров славянских государств (России, Украины и Белоруссии), заключенный в Беловежской пуще в 1991 году, порвавший жизненно важные экономические связи и способствовавший обнищанию десятков миллионов людей разных национальностей бывшего СССР.

В дополнение к вышеперечисленным акциям можно добавить конверсию, приватизацию, названную остроумными россиянами «прихватизацией», остановку многих крупных предприятий, разорительную кредитную и налоговую политику, пуск в обращение иностранной валюты, отпуск цен без компенсации, замораживание и полное обесценивание накопленных за многие годы денег соотечественников и т.д. Возвращаясь к проблеме «лиц кавказской национальности», к агрессивным и необдуманным призывам В. Жириновского, В. Подмошкова, А. Турика, «Русского вестника» и других вести беспощадную войну в Чечне, необходимо напомнить, что жестокое и варварское разграбление огромной, богатой страны и превращение бывшего советского человека, а теперь россиянина, в нищего стало возможно из-за бездарного руководства страны. История нашего государства полна хрестоматийных примеров того, как руководитель (генсек или президент) необдуманно распоряжается общенародным имуществом, достоинством государства, судьбами целых наций и республик.

В процессе многолетнего разрешения чеченского кризиса конца XX—нач. XXI в. предлагались различные варианты и модели урегулирования. Общие усилия дальновидных политиков Чеченской Республики и федерального центра привели сложнейшую обстановку в бывшей мятежной республике к стабилизации. В Чеченской Республике, ставшей в 90-е годы XX века очагом терроризма, сепаратизма и экстремизма постепенно жизнь налаживается. К жителям республики возвращается уверенность, надежда, социальная защищенность и на время утраченное чувство россиянина. Все это, конечно же, благодаря новой национальной политике в отношении Чеченской Республики, радикальным подходам федерального центра и официального Грозного и фундаментальному решению чеченского кризиса.

Следует особо подчеркнуть, что федеральный центр учитывает современное состояние чеченского общества, особенности и специфику Чеченской Республики. Конституционный порядок в Чечне нужно наводить конституционными методами. Необходимо показать всем преимущество российского общества, федеральных ценностей, огромные потенциальные возможности Российской Федерации. Опасными и вредными представляются попытки обосновать кровопролитие, репрессии, политический экстремизм и террор. При этом неважно, кто и где занимается обоснованием этой крайне агрессивной идеологии. Последняя всегда должна подвергаться обоснованной и аргументированной критике.

Глава II

ПРИЧИНЫ ОСЛАБЛЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ В 90-Е ГОДЫ XX ВЕКА

1. Экспансия исламистов на Северном Кавказе

Анализируя причины и сущность чеченского кризиса, в целом сложную этнополитическую и правовую обстановку на Северном Кавказе в 90-е годы XX века, следует, на наш взгляд, уделить особое внимание изучению этнополитических процессов в Республике Ингушетия. Этнос вайнахов в жизни имеет территориальные административные границы — де-юре, которые самими вайнахами во всех отношениях игнорируются и не признаются — де-факто. По своим полинациональным особенностям Северо-Кавказский регион Российской Федерации близок бывшей СФРЮ, и многие факторы, сыгравшие весомую роль в развале бывшего многонационального федеративного балканского государства, прослеживаются и здесь. Напомним основные из них:

— историческое наследие югославских народов, ставшее одной из главных предпосылок нежизнеспособности всего югославского общества;

— особенности политической системы Югославии, построенной на федеративных отношениях;

— ослабление экономической системы Югославии, повлиявшее на распад югославской государственности;

— влияние внешнего фактора (спецслужб и эмиссаров США, Великобритании и других государств) на распад Югославии;

— распад Союза коммунистов Югославии — одного из главных столпов государственности Югославии, вызвавший необратимые дезинтеграционные процессы;

— отсутствие необходимого консенсуса при обсуждении проектов переустройства СФРЮ с целью сохранения единого многонационального федеративного государства и недопущения его распада на ряд независимых государств исключительно по национальному признаку.

Очевидно, что ряд перечисленных аргументов настолько характерен для России 1991—1994 годов, что напрашивается вывод о возможности применения метода исторической интерполяции югославских событий на Северо-Кавказский регион, о существовании некоего «единого сценария» разложения многонациональных государств

с одинаковой политической системой. Историческое наследие народов Северного Кавказа, в частности, вайнахов и русскоязычных* граждан, проживающих на территории бывшей ЧИ АССР, в аспекте возникновения причин конфликтности, рассмотрено в первой главе монографии.

То, что развал политической системы, распад государства на независимые республики, разрыв экономических отношений и, как следствие, общее ухудшение экономического положения каждой из 15 республик, входивших в состав СССР, в том числе и России, и всех государственных образований в ее составе в конце XX века, предлагается принять априори.** Нам представляется более интересным в контексте изучения проблемы влияние внутреннего и внешнего факторов, связанных с вероисповеданием вайнахов и периодически проявляющемся у определенной части этого народа религиозном фанатизме. Заметим, что в настоящее время средства массовой информации (СМИ) западного мира, и прежде всего США, активно развивают мысль об угрозе исламского экстремизма в мировом масштабе, подчас забывая о том, что ислам исповедуют и многие их собственные граждане, которые далеко не все поддерживают исламских радикалов. Разжигание мировой истерии по поводу исламской угрозы непосредственно затрагивает интересы России как многоконфессионального государства, где ислам по количеству прихожан стоит на втором месте за Русской православной церковью (РПЦ).

В историко-этнографическом очерке «Чеченское племя» Умала-та Лаудаева (чеченца по национальности), опубликованном в 1872 году, отмечено: «По принятии магометанства все изменилось у чеченцев. Коран вселяет в них непримиримую вражду к иноверцам; соплеменные галгаи (ингуши. — Авт.), оставшиеся в язычестве, как и некоторые осетины, делаются их религиозными врагами».¹¹⁰ В упомянутом очерке У. Лаудаева есть и такое высказывание: «Духовенство еще более возбуждает фанатизм народа; оно ночные набеги и воровство называет войною за веру, а падшим в этих подвигах людям обещает рай, называя их газаватами, то есть пострадавшими за веру».¹¹¹

Приводя эти цитаты, мы не преследуем цель обвинить во всех бедах вайнахов ислам. Это было бы неправильно с точки зрения истории и безнравственно с точки зрения культуры народов Кавказа. Религия, существующая многие столетия, одной своей жизне-способностью подтверждает, что она нужна людям. Заметим, что в нашем исследовании предпринимается попытка проследить связь фанатизма, замешанного на вероисповедании, с попытками заинтересованных антироссийских группировок вырвать Северный Кав

* Имеются в виду русские и другие национальности, использовавшие для общения в ЧИ АССР русский язык (примечание авторов).

** Априори — (книжн.) Не опираясь на изучение фактов, до опыта, независимо от опыта.

каз из состава Российского государства на протяжении длительного исторического периода. Кроме того, явление сепаратизма, возникающее периодически главным образом в одном и том же месте при активном участии одного и того же этноса, говорит о наличии слабого звена в национальной политике Российского государства в данном регионе.

Следует особо подчеркнуть, что в настоящем и будущем для геополитической экспансии исламских фундаменталистов по панисламскому вектору необходим плацдарм с приграничным расположением, чтобы была возможность постепенно шаг за шагом вербовать сторонников и отвоевывать у Российской Федерации территории с проживающими на них единоверцами. В шести приграничных республиках юга Российской Федерации пять исповедуют мусульманство всем автохтонным (коренным) населением в полном составе и только в Северной Осетии — частично (около 20% осетин). Из этого можно сделать вывод, что если провалится попытка укоренить исламский радикализм в Чечне, то иностранные эмиссары будут вербовать новых волонтеров газавата в соседних республиках Северного Кавказа. Это наглядно подтверждают события, связанные с нейтрализацией вооруженных банд в Дагестане, Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии в 2000—2007 годах. Анализ данной проблемы требует вспомнить особенности распространения ислама на Кавказе. Известно, что мусульманство распространялось на Кавказе с двух сторон: на востоке эмиссары арабского халифата исповедовали его преимущественно в приморских дагестанских обществах уже в VII—VIII веках, а на запад принесли его турецкие эмиссары в XVII—XVIII веках, то есть на тысячу лет позже.

Большая часть мусульманских общин вайнахов исповедуют суннизм (ханафитский масхаб), некоторые ингушские общины входят в суфийские тарикаты (братства Кунта-Хаджи и Дейни-Арсан), другие мюридско-дервишеские общины, не имевшие официальной регистрации и собственных мечетей «для отправления ритуалов, собирались на квартирах и в домах единоверцев... проводились суды представителей старейшин «мехка-кхел» и адатско-шариатские суды «кхел» для решения семейно-бытовых вопросов».¹¹² На наш взгляд, первые шаги ислама по Северному Кавказу наглядно иллюстрирует современный известный политический деятель Р. Г. Абдулатипов: «На дагестанской земле начал свою миссию ислам. И он пришел со знаниями, наукой, поэзией, а не с фанатизмом и сектантством, как принято думать в последние годы».¹¹³ В годы Кавказской войны XIX века, в ответ на колонизаторскую политику России, наиболее яркими распространителями радикального учения мусульманства — мюридизма — среди чеченцев был имам Шамиль и его наибы. Краткие сроки внедрения новой веры современник тех событий генерал Р.А. Фадеев объяснял с одной стороны личными качествами: «Горцы потому и поддались исламу», что он оправдывал их свирепый характер, придавал ему законное освящение»,¹¹⁴ бескомпромиссно

стью и жестокостью — с другой: «Поборники мюридизма шли к своей цели кратчайшей дорогой и, не дожидаясь, чтобы чувство религиозного равенства утвердилось привычкой, предпочли утвердить его топором».³

Во что обошлась радикальность мюридизма горцам и России в Кавказской войне в ходе 47 лет непрерывных боевых действий, сказано в сухих отчетах царской канцелярии. Так, безвозвратные потери составили «96 тысяч 275 человек, в том числе 4050 офицеров и 13 генералов»² русской армии, а потери горцев точно неизвестны. По если сложить предполагаемые потери по докладам царских военачальников, то получится, что все население Кавказа было уничтожено полностью и неоднократно. Пошатнувшееся финансовое положение Российской империи в результате Кавказской войны приблизило реформы Александра II и отмену крепостничества 1864 году.

С присоединения Северного Кавказа, ознаменованного пленением имама Шамиля, в 1859 году, до распада СССР крупных конфликтов религиозной окраски в регионе не было. Даже в годы Великой Отечественной войны бандповстанческое движение на Северном Кавказе не рискнуло освящать свои антисоветские действия именем Аллаха.

В исторический период конца XX столетия, названный перестройкой, пользуясь демократизацией общества, на юг России стали часто приезжать различные «гости» из Саудовской Аравии. Предстоящие изменения в политической системе и государственном устройстве приобретали все более отчетливые контуры, Чечня стала втягиваться в сферу интересов чеченских и международных радикальных исламистов.

Распад СССР в 1991 году, и вследствие этого неконтролируемая массовая миграция населения, несли в себе сильнейший этноконфликтный потенциал, связанный с изменением геополитического положения Российской Федерации. Этим воспользовались некоторые политики и политические силы как внутри Российской Федерации, так и за ее пределами в достижении своих корыстных антироссийских целей. Эмиссары ваххабитов из Саудовской Аравии стали частыми гостями на Северном Кавказе, вербуя добровольцев в свои ряды и создавая местные отделения приверженцев учения Мухаммада Бен Абу аль-Ваххаба (1703—1792). Они вступали в брак с представительницами местного населения и по подобию дагестанских сел Кара-Махи и Чабан-Махи стали создавать целые анклавные ваххабизма.

Ваххабизм, как наиболее агрессивная составляющая часть исламского фундаментализма, быстро нашел своих сторонников среди темпераментных горцев. Толерантность* — это один из показ

* Толерантность — (от лат. *tolcrantia* — терпение)..3) Терпимость к чужим мнениям, верованиям, поведению. СЭС, М.: Советская Энциклопедия, 1981, с. 1348.

гелей цивилизованности, который воспитывается с детского возраста в каждой семье, в обществе в целом, причем учебные заведения, на наш взгляд, на любом уровне могут и даже обязаны вносить в это дело свой вклад, будь то школа, медресе, училище или высшее учебное заведение (вуз). Следует подчеркнуть, что толерантность самих чеченцев к ваххабитам внесла раскол в их общество, который стал заметен, только когда боевики арабского наемника Хаттаба попытались взять власть в республике в свои руки.

Небезыгтересно рассмотреть геополитическую ситуацию на Среднем Востоке того периода в главных ее особенностях, как проекцию этой ситуации на геополитические проблемы Северного Кавказа. Для этого необходимо выявить основные заинтересованные силы региона и определить геополитический статус государств Среднего Востока. Это позволит, на наш взгляд, прояснить стратегию крупнейших зарубежных держав в этом регионе, а также интересы Российской Федерации.

Средний Восток — наиболее конфликтный регион мира. Под средневосточным регионом в отечественной литературе зачастую понимается общее название территории современных Ирана и Афганистана, а Турцию, Израиль и арабские страны Азии называют Ближним Востоком. В англоязычной литературе к Среднему Востоку относится территория вокруг южного и восточного берегов Средиземного моря от Ливии до Аравийского полуострова и Ирана. Французские же исследователи называют арабские страны, лежащие восточнее Ливии и Израиль — Ближним Востоком, а Турцию, Иран и Афганистан — Средним Востоком. Определение географической территории термином «Средний Восток» имеет устойчивую тенденцию к расширению за счет включения, кроме указанных стран, еще и Пакистана, а иногда и арабских государств северной Африки. Таким образом, понятие «Средний Восток», будучи, с одной стороны, чисто географическим (наряду с такими понятиями, как Ближний Восток и Дальний Восток), является еще и собирательным для обозначения территории арабских (мусульманских) стран данного региона. А так как в определение термина «Средний Восток» включаются не только чисто географические, но и социальные, а в нашем случае — религиозные, определяемые исламом, аспекты, то это уже, на наш взгляд, геополитическое понятие.

Мы под Средним Востоком подразумеваем области между восточным Средиземноморьем от Судана до Аравийского полуострова, Афганистана и Пакистана, на севере граничащие с республиками бывшего советского Закавказья и среднеазиатскими республиками, которые, приобретя самостоятельность и независимость, ищут новых друзей и союзников среди ближайших соседей. Именно такая конфигурация географической формы более адекватно, на наш взгляд, репрезентирует геополитическое районирование. Территория данного региона определяется как устойчивая и сформировавшаяся целостность, оказывающая определенное влияние на Юг Рос

сийской Федерации, и рассматривается с учетом таких параметров, как географические контуры обозначаемого региона, экономический уклад, этнокультурные и социально-политические характеристики и т.д. Такое определение в более полной мере соответствует следующим критериям:

1. Страны, входящие в данный регион (географическое пространство) характеризуются единством климато-географических, хозяйственно-экономических, этносоциальных, идеолого-религиозных и социально-политических признаков.

2. Страны, обозначенные в данном исследовании термином «Средний Восток», характеризуются определенным единством социально-политических процессов в этом регионе и мерой участия данных стран в мировом политическом процессе, в том числе в международных отношениях.

Обращаем внимание на то, что система критериев первого вида относительно стабильна. Критерии второго вида изменчивы, относительно и во многом обусловлены внешними обстоятельствами, то есть зависимы в определенной степени от того, как организованы и осуществляются процессы мирового порядка в данное время. В том числе и от того, как «указанные представители «мирового порядка» рассматривают меру участия стран региона в международных делах и в какой мере они определяют свое участие в делах данного региона, а это уже важнейший геополитический параметр».⁷

Неоднородность и наличие внутри Среднего Востока, как геополитического центра, источника различных векторов сил, направленных зачастую в прямо противоположные стороны, вызывают участие в жизни региона заинтересованных внешних сил, что позволяет говорить о геополитических зонах влияния. Так, например, Турция является светским государством, в котором, тем не менее, постоянно накапливается потенциал борьбы сдерживания религиозности населения, стремящегося под влиянием духовных лидеров превратить государство в религиозно-националистическое. Власть в Турции, как в светском государстве, осуществляет режим благоприятствования религии, а не наоборот. А вот Иран — ярко выраженное исламское государство, в котором религия (шиитский ислам) является государственной идеологией и именно она санкционирует действия государственной власти. Государство в Иране — не что иное, как легитимное сообщество верующих мусульман.

В Судане, Египте, Сирии и Ираке главными идеями, цементирующими власть и веру, является «панарабизм», в частности, идеи арабского возрождения. Они, по сути, являются официальной государственной идеологией и определяют внешнеполитическую деятельность данных стран. Саудовская Аравия среди всех стран стоит особняком. Это оплот арабского ислама и исламской теократии, которая на религиозно-идеологическом уровне представлена ваххабизмом, авторитарным, моралистическим мусульманством.

Заметим, что указанные элементы составляют несколько геополитических зон влияния.

литических полюсов. Турция, как светское государство, с одной стороны, и Иран, как религиозное государство, с другой, страны арабского возрождения — с третьей, и фундаменталистская Саудовская Аравия — с четвертой. Такой разнополюсный мир Среднего Востока указывает на отсутствие общей идеи, объединяющего государства или «государства-ядра». Разумеется, это ведет к формированию различных ориентации. Турция ориентирована проамерикански и стремится поскорее интегрироваться в Евросоюз. Саудовская Аравия, сохраняя за собой мировое первенство по уровню добычи нефти и газа, может претендовать на самостоятельную политику и одновременно на доминирующие позиции в регионе. Иран, самостоятельно развивая свои экономические и военные потенциалы, предпринимает активные действия, направленные на создание фарсиязычной сферы влияния и организацию на этой основе региональной системы безопасности. Кроме того, необходимо отметить его претензии на лидерство, так как он «оказывает поддержку всем действующим на Среднем Востоке шиитским общинам и радикальным исламским организациям, претендуя на роль мусульманского центра в мире».⁸

На роль потенциального лидера Среднего Востока, до вторжения в него США, претендовал Ирак. Официальной доктриной Ирака был арабский национализм, в котором переплетались идеи опоры на собственные силы и недопущения вмешательства извне, «панарабская» солидарность и примитивно-социалистические идеи всеобщего равенства «арабских братьев» — под ударами американцев она провалилась. Претензии на лидерство в арабском мире имеет и Египет. Остальные страны средневосточного региона образуют группу государств, направленности геополитических векторов которых в межгосударственных отношениях не имеют явно выраженных доминант и идут в фарватере тех интересов, которые на данный момент выгодны.

Какие векторы внешних геополитических сил действуют на страны региона и, в конечном счете — на Юг России, с учетом выявленной выше социально-политической стратификации,* для стран Ближнего и Среднего Востока, а также других крупных мировых держав, имеющих свои интересы в этом регионе, рассмотрим далее: Определяющим является геостратегический вектор Соединенных Штатов Америки. Он изложен в «Стратегии национальной безопас-

* Социальная стратификация — социологическое понятие, обозначающее: структуру общества и отдельных его слоев; систему признаков социальной дифференциации; отрасль социологии. В теориях социальной стратификации на основе таких признаков, как образование, бытовые условия, занятие, доходы, психология, религия и т. п., общество делится на «высшие», «средние» и «низшие» классы и страты. Некоторые концепции социальной стратификации различных типов опираются на марксистскую теорию общественных классов. WWW.KM.RU В данном случае имеется в виду стратификация государств, входящих в средневосточный регион.

ности США». Главное направление этого вектора — сохранение и укрепление своего господствующего положения в мире вообще и в средневосточном регионе, в частности. Необходимость контроля над Средним Востоком обусловлена, с одной стороны, тем, что это самый богатый в мире нефтедобывающий район, а с другой стороны, тем, что данный регион — своеобразный ключ к Евразии. А в мировой политике давно утвердился тезис о том, что тот, кто контролирует Евразию — контролирует весь мир.

Кроме того, средневосточный регион — исторически сложившийся узел, сочленение Европы, Азии и Африки, здесь издавна сходились многие мировые торговые пути и, наконец, это стратегически важнейший плацдарм по своим возможностям нанесения ударов по вероятным противникам в любых направлениях. Так, например, в планах обороны Среднего Востока в 1941—1942 годах, разработанных английским генеральным штабом, указывалось три стратегических направления: «непосредственной была угроза Суэцкому каналу со стороны Западной пустыни. Кавказ являлся «северным флангом», где возможно было наступление противника к нефтепромыслам в районе Персидского залива. Между этими двумя направлениями проходил коридор, по которому немцы также могли нанести удар, чтобы выйти на Анатолийское плато».¹²⁰ Указанные направления остаются актуальными в планах геополитиков ведущих стран мира и в наше время.

Геостратегию США в рассматриваемом регионе, на наш взгляд, можно разделить на три направления: северное, южное и западное. Первое направление связано со своеобразной геополитической осью стратегического контроля: Южная Европа — Турция — Закавказье — Средняя Азия — выход на Китай и Индию. Задача этого направления утвердить после распада СССР и биполярного, в геополитическом отношении, мира — однополярный мир, не допускающий второго центра. Философией такого «мира» является провозглашенный «лозунг многополярности или геополитического плюрализма», за которым стоит старый как мир принцип «разделяй и властвуй».¹²⁰

Южное направление связано с удержанием плацдармов в зоне Персидского залива и контролем над мировыми транспортными направлениями вывоза нефти.

Западное направление обусловлено ролью США как третьей стороны в арабо-израильском конфликте. В этом направлении целью американцев является создание единой геополитической структуры, включающей в себя Иорданию, Израиль, Сирию и Ливан. Интрига в данной ситуации связана с постоянным «перемещением» приоритетов мирового лидера, что создает условия для контролируемого баланса сил, так как американцы то отдают приоритет Израилю, то смещают центр своей внешней политики, демонстрируя «расположение» к арабскому миру. Но такое балансирование требует от США постоянного контроля и изворотливости, оно не может быть надежным и долговечным.

Ситуация в данном регионе каждую минуту может измениться под влиянием факторов, порожденных атакой террористов-смертников на здания торгового центра в Нью-Йорке 11 сентября 2001 года. С этого момента Америка, потерявшая в лице Советского Союза достойного соперника, «тщится превратить «Аль-Каиду» в мощную пагубную силу, в «терроризм», который присутствует всюду — от Боснии до Филиппин, от Чечни до Пакистана, от Ливана до Йемена, оправдывая, таким образом, любую карательную акцию, в любое время и в любом месте».¹²¹

Стремление американцев контролировать ось, соединяющую Ближний и Средний Восток, продиктовано целью — не допустить создания здесь коллективной системы безопасности, которая сразу существенно ослабила бы фактор влияния заокеанской державы. Последовательность действий в этом регионе породила такие часто используемые термины, как «жизненно важные интересы США», «зона стратегических интересов», «зона стратегической ответственности».¹²²

Практичные американцы извлекли уроки из исламской революции 1979 года в Иране, когда по их интересам и позициям в регионе был нанесен серьезный удар. Вашингтон в своей последующей политике перешел от опоры на дружественные, но неустойчивые местные режимы, к стратегии силового давления. С этой целью в начале 1983 года было создано Объединенное центральное командование (Centcom) Вооруженных сил США. В зону оперативной ответственности этого звена стратегического управления вошли территории государств Ближнего и Среднего Востока, Северной и Северо-Восточной Африки, а с распадом СССР — территории Закавказья и Центральной Азии. Подтверждают то, что это не декларативный, а вполне боеспособный орган боевого управления, такие факты: кроме успешной операции «Буря в пустыне» им была спланирована и проведена менее успешная миротворческая военная операция в Сомали. Кроме того, этим органом боевого управления осуществлялся постоянный контроль, в течение более 10 лет, воздушного пространства на севере и юге Ирака с периодическим нанесением авиационных ударов по наземным объектам и блокада морских коммуникаций в Персидском заливе, на подступах к нему.

Таким образом, в обозначенной ситуации, наличие горячей точки на Юге России в виде Чечни, а в потенциале и всего Северного Кавказа, было и остается для США хорошим предлогом для вмешательства во внутренние дела Российской Федерации под предлогом защиты своей «зоны стратегических интересов». Итог такой политики в отношении «экссупердержавы» обозначил видный американский политик З. Бжезинский: «Америка, единственная супердержава, должна проявлять понимание в отношении всех держав второго плана с тем, чтобы окошталенно ликвидировать единственную, непосредственную угрозу ее гегемонии — Россию».¹²³ Такой сценарий развития событий вероятен в случае дестабилизации политической ситуации внутри России и угрозе распада государства

на национально-территориальные образования. Он же описывался в работах западных политологов в 1996 году: «Достаточно Соединенным Штатам чуть-чуть подтолкнуть, стимулировать, спровоцировать процессы в двойном «мягком подбрюшье» Российской Федерации — на Кавказе и в Средней Азии — и партия в шахматы выиграна».^{125*}

Геополитический вектор Западной Европы в этом регионе определяется несколькими факторами. Один из них заключается в том, что внешняя политика западно-европейских стран осуществляется главным образом в русле геостратегии США. Но европейцы все чаще задаются вопросом, почему Америка, постоянно выступающая в роли третейского судьи, не может на протяжении длительного времени урегулировать израильско-палестинский вопрос. На деле она располагает всем необходимым для этого, «не устраивает ли по существу Вашингтон этот вечный очаг напряженности на Ближнем Востоке и растущая враждебность арабских народов по отношению к западному миру?».¹²⁵

Мотивами такого поведения лидирующей мировой державы вполне могут быть желание искусственно создать напряженность внутри Евросоюза между правительствами ведущих европейских государств и мусульманскими общинами в этих государствах. В этом случае Вашингтон в глазах арабских стран выступает в качестве государства, внутри которого нет проблем с мусульманами, а война в Ираке — это только стремление помочь одному из арабских государств устранить кровожадного лидера и наладить «нормальную жизнь в демократическом обществе». Важным является тот факт, что в Европе исторически существуют и принимают большое участие в общественно-политической жизни наиболее многочисленные в мире мусульманские общины. Причиной тому следует считать участие США в получении прибылей от транспортировки и продажи нефти региона, к которым в настоящее время добавились трансферты на восстановление экономики оккупированного Соединенными Штатами Ирака. В настоящее время всем известны истинные причины вторжения образованной американцами коалиции в это арабское государство — это установление контроля над добычей нефти. Этим способом они, «контролируя энергетические ресурсы, необходимые Европе и Японии, стремятся, таким образом, в первую очередь сохранить возможности оказания на них значимого давления».¹²⁶ Заметим, что от возможности получения прибылей от восстановления разрушенной войной экономики региона едва не лишились за свое «особое мнение» по иракскому вопросу Германия и Франция. ■

Геостратегия Евросоюза в этой сложной ситуации выражается в стремлении создать международные организации с его участием. К таким организациям относится Средиземноморский форум как международный механизм решения спорных вопросов. Для Российской Федерации позитивным является постоянное стремление Германии и Франции к взаимным консультациям с ней по важным вопросам современности и поиск путей согласованной внешней политики.

Свои геополитические интересы, по прогнозам аналитиков, в скором будущем будет искать на Среднем Востоке и Китае. По оценкам специалистов, энергетический кризис, который время от времени потрясает западный мир, в скором времени коснется Китая. Ему предстоит искать новые источники энергоресурсов уже к 2010 году, когда его потребности, по прогнозам аналитиков, составят едва ли не половину той нефти, которую сегодня производит Саудовская Аравия. В настоящее время экономические потребности Китая растут быстрыми темпами, поэтому в ближайшее время следует ожидать резкого роста геополитических интересов этой великой державы в данном регионе.

Векторы геополитических устремлений европейских и азиатских государств, направленные в разные стороны, являются потенциалом будущей напряженности и конфликтности, которые могут сыграть существенную роль в том, что данный регион будет во многом предопределять характер международных отношений в XXI веке.

На фоне такой средневосточной геополитики Чечня на первый взгляд выглядит карликом, который не внушает никаких опасений в его возможной причастности к грядущим нефтяным интригам. Но это только на первый взгляд. Режим Д. Дудаева, захватив власть насильственным путем, сразу объявил на весь мир, что будет строить новое государство на основе шариата, таким образом, обозначив границы, в которых будет идти развитие — исламизм. К какому из четырех векторов собирались «присоединить» Чечню ее мятежные лидеры, добившись независимости от России, пока окончательно не ясно. К светскому типу, вероятнее всего, стремился сам Д. Дудаев, но его физическое устранение в ходе проведения операции по «наведению конституционного порядка в Чечне» так и не проявило его окончательную позицию. «Панарабские» идеи также имели место, судя по захваченным у боевиков картам, где российские мусульманские регионы сливаются воедино через Азербайджан со всем остальным арабским миром. Руководящую и организующую роль в деле «слияния» российских регионов Поволжья и Северного Кавказа чеченские сепаратисты оставляли за собой. Поиски поддержки государств, строящих свою политику в русле векторной направленности по иранскому типу и «ваххабизму» Саудовской Аравии также были уместны в строительстве Чеченской Республики — Ичкерия. Это подтверждается тем, что неоднократно лично Д. Дудаев «благодарил за поддержку и конкретную помощь в борьбе с Россией республики Прибалтики, Турцию, Иран и Пакистан».¹²⁷ После смерти Джохара Дудаева в Объединенные Арабские Эмираты перебрался его преемник на посту президента Ичкерии Зелимхан Яндарбиев, который занимался сбором средств на нужды чеченских боевиков и до момента своей гибели продолжал руководство их террористической деятельностью на Северном Кавказе, в целом в Российской Федерации.

Ваххабизм, укоренившийся в регионе в самых его радикальных

проявлениях, стал причиной многих инцидентов и откровенно террористических проявлений в таких северокавказских республиках, как Дагестан, Чечня, Кабардино-Балкария, Карачаево-Черкесия, Ингушетия и Северная Осетия. Первостепенной задачей федерального центра в области религии на современном этапе, на наш взгляд, была и остается согласованная деятельность всех заинтересованных лиц, организаций и конфессий, направленная на противодействие деятельности всякого рода сект и препятствующих единству}' Российского государства религиозных течений в обществе.

2. Исламский радикализм на Северном Кавказе

Активизация исламского радикализма стала проблемой мирового масштаба недавно — после атаки террористов-смертников на Нью-Йоркский торговый центр 11 сентября 2001 года. Популярный и авторитетный для исламистов лидер террористов — Усама бен-Ладен, открыто заявивший о своей причастности к этому преступлению, в 1996 год}' объединил радикальные движения «Ассоциация братьев-мусульман» (Аль-Ихвания) и «Джамаат-и ислами», и стал с успехом использовать их идеологические концепции, разветвленный пропагандистский аппарат для организации деятельности военного крыла системы. Наиболее радикальное суннитское экстремистское исламское движение «Ассоциация братьев-мусульман» оказывает значительное влияние на другие известные группировки: «Аль-Джамаа аль-исламия», «Аль-Джихад аль-исламий», «Хамас». Последняя до настоящего времени активно действует в палестинской зоне арабо-израильского противостояния.

В отличие от христианства ислам, от самых его истоков, играл главенствующую роль в руководстве государством. В раннем исламе были заложены поныне действующие концепции власти и единой исламской общины (уммы), члены которой являлись согражданами и единоверцами одновременно. При этом духовное лидерство в обществе единоверцев и в государстве давало его обладателю большое политическое влияние. Кризисы, периодически охватывающие ислам, силами теологических философов, проповедовавших возврат к истокам веры, породили явление, именуемое нами «исламский фундаментализм». Его главными идеологами являются Мухамад Абдо, Д. Аль Афгани, Х. Аль Банна, С. Кутб. Свои идеи они черпали из древних философских знаний. Так, например, идеи Таки ад-Дин Ахмад ибн Таймийя (1263—1328), переработанные и дополненные в XVIII веке Мухаммадом Беи Абу аль-Ваххабом, легли в основу религиозного течения ваххабизм.¹²⁸ Активно разрабатывая идею всеобщего братства мусульман, философы Мухаммад Джа-маль ад-Дин аль Афгани и Мухаммад Абдо, взяв за основу учение об исламском халифате Ибн-Халдуна, детально разработали идею панисламизма, «которая в дальнейшем получила большое распрос

траненис (причем не только в среде исламских фундаменталистов), привнеся нечто новое в понятие «джихад».¹⁻⁹ Несмотря на кажущуюся монолитность мыслей и поступков мусульман, существуют серьезные противоречия между главными духовными течениями — суннитами и шиитами, которые возникли из за отсутствия консенсуса в способах получения власти главой уммы. Первые настаивали на выборности, когда как вторые требовали соблюдения принципа наследственности. Но, несмотря на эти разногласия, и те и другие объединяются для практической реализации своих фундаменталистских идей, главная из которых — обладание властью. Они не оставляют попыток прийти к власти в Иордании, Египте, Ливане, Судане, Кувейте, Йемене, Марокко, Иране, Пакистане и широко внедрили своих представителей в парламенты перечисленных государств. «В Египте и Иордании они полностью контролируют отраслевые профсоюзы. В своей политической борьбе используют любые методы, как легальные, так и экстремистские»¹³⁰. На первый взгляд, такая напористость создаст впечатление непобедимой целеустремленности. Но это не так, в их идеологической концепции и практической деятельности есть слабые места. Во-первых, это отсутствие в священных текстах Корана и сунны прямых и однозначных указаний — кто из правоверных в общине может быть у власти. Во-вторых, нет оправдания ведения «джихада» внутри исламского общества, а такие фундаменталистские организации как «Аль-джихад аль-исламий», «Ат-Такфир ва-ль-хиджра» ссылаются па расширение понятия «джихада» в «толковании Корана (1369 г.) известного средневекового теолога Ибн Кафира и фатве (1327 г.) факира Ибн Тамийа».¹³¹ Идеологи фундаменталистов искажают смысл, заключающийся в понятиях малого, большого и наибольшего джихада, истолковывая наибольший джихад как борьбу против властей, большой джихад как борьбу против врага, а малый джихад — против себя (борьба за очищение своей души).

Такое толкование означает изменение приоритетности, так как, следуя Корану, «пророк Мухаммад, возвратившись по окончании одного из походов, сказал: «Мы вернулись из джихада малого к джихаду наибольшему».¹³² Из данного заключения следует, что лидеры исламских радикалов узурпируют право выступления с позиций защитников ислама, подменяя Коран своими толкованиями.

Следует обратить внимание на то, что в политической жизни фундаменталисты также допускают много отступлений и противоречий с канонами раннего ислама. Они используют его в своих корыстных целях, проливая при этом кровь зачастую ни в чем не повинных людей и нарушая постулаты об использовании веры для лечения пороков общества. Практические действия радикальных группировок работают против создания привлекательного для потенциальных мусульман образа жизни. «Кровавые преступления экстремистских группировок дискредитируют ислам, лишают его привлекательности и создают у представителей других конфессий пред

взятое мнение о реальностях исламской жизни»,¹³³ — полагают объективные исследователи затронутой проблемы.

В целом западные исследователи фундаментализма, такие как Р.Х. Декмеджан, И.О. Волль, М. Роббе, Б. Тиби, И. Ваартенбург, глубоко анализируют идеологию вероучения, но вместе с тем обнаруживают предвзятый подход к исследованию с позиций априорного превосходства западной цивилизации над восточной и агрессивности самой мусульманской религии. Так, например, в Соединенных Штатах существует весьма антагонистическое отношение к арабскому миру. Некоторые американские исследователи серьезно полагают, что «Америка, где феминизм с годами становится все более догматичным и агрессивным, а терпимость к разнообразию мира уменьшается, была как бы запрограммирована на конфликт с арабским миром».¹³¹ При этом они имеют в виду противоположности в отношениях к семье и браку в этих обществах. Этой позицией, на наш взгляд, Э.Тодд подчеркивает всю глубину противоречий, достигших самой первой ячейки общества — семьи. Он умалчивает, возможно, в силу своего невежества, что произведения, основанные на Коране, Сунне и шариате, проповедуют вечность эксплуататорского общества и являются самыми влиятельными и верными союзниками капитализма. Например, в мусульманском «Домострое» XI века «Кабус-намэ» четко сказано: «Господь всевышний предопределил, чтобы одни были нищими, а другие богатыми. Ведь он мог всех сотворить богатыми, но все же создал два разряда из них, чтобы выявился сан и почет рабов (божьих) и высшие отделились от низших».

Мнение об агрессивности мусульманской религии небеспочвенно, так как наряду со многими миролюбивыми заповедями, к сожалению, существует и активно проповедуется в наши дни определенными лицами антигуманная, с точки зрения западного человека, нетерпимость к людям другой веры. Часто этот антагонизм объясняется теологами как отголосок крестовых походов средневековья, как влияние религии Древнего Востока «с характерным для них отделением людей различных верований друг от друга, так и условиями острой политической борьбы периода раннего ислама, отраженными в этой книге».¹³⁶ Впоследствии и до наших дней богословие стало изображать проповедь нетерпимости как истину, данную Аллахом раз и навсегда, и согласно этому «верующие не должны брать себе в друзья неверных» (3:27; ср. 5:56). «Верующие! — читаем в Коране. — Воюйте с теми из неверных, которые близки к вам: знали бы они в вас вашу жестокость...» (9:124; 48:29).¹³⁷ Обращаем внимание и на то, что учение ислама делит людей на правоверных и неверных, а все страны мира по мусульманской терминологии делятся на «дар аль-ислам» — страны ислама и «дар аль-харб» — страны войны, то есть, говоря современным языком, все немусульманские страны являются зоной боевых действий исламских борцов за веру. Конечно же, современные проповедники ислама в светской беседе возразят, что все сказанное относится ко времени зарожде

ния и становления религии, а не к сегодняшнему дню. В то же время сторонники исламского фундаментализма, призывающие правоверных вернуться к истокам Корана, вряд ли смогут как-то по-другому истолковать эти агрессивные фразы, и призыв к войне так и останется призывом к войне.

Это противостояние на религиозной почве для Российской Федерации и соседних мусульманских стран имеет давние традиции, о которых упоминалось в первой главе. В контексте рассматриваемого вопроса уместно вспомнить, что К. Маркс в своей статье «Объявление войны», посвященной русско-турецкой войне 1877—1878 годов, писал: «Коран и основанное на нем мусульманское законодательство сводят географию и этнографию различных народов к простой и удобной формуле деления их на две страны и две нации: правоверных и неверных. Неверный — это «харби», враг. Ислам ставит неверных вне закона и создает состояние непрерывной вражды между мусульманами и неверными».¹³⁸ Данный фундаментальный тезис стал руководством к действию для чеченских боевиков, которые пытались продолжить традиции полуторавековой давности и по-своему «оригинально» решали многие кавказские проблемы. Во многом их помыслы и действия находили отклик и поддержку именно у ваххабитов, наиболее радикальных исламских фундаменталистов Востока.

Следует обратить особое внимание на необходимость правильного толкования учения о «войне за веру» — джихад (от арабского «усердие», «рвение»), или, как еще его называют, газават (от «газв» — набег), что, на наш взгляд, будет продолжением анализа «набеговой системы» дореволюционных чеченцев, затронутой в первой главе нашего исследования. Учение о «войне за веру» возникло в раннем исламе в Аравии и детально разработано в период завоевательных войн Арабского халифата. Под знаменами «войны за веру» велись войны омейядскими, аббасидскими, фатимидскими и кордовскими халифами, монгольскими ханами, султанами-мамлюками Египта, турецкими султанами-халифами и правителями других мусульманских государств. Идея джихада часто служила различным политическим уловкам, например, султану Махмуду Газнеvidу (968—1030) прикрытием для его захватнических походов из Газны (Афганистан) в Северную Индию; Хромому Тимуру (Тамерлану, 1336—1405), поработившему и в течение десятилетий жестоко разорявшему народы многих стран, в том числе и Северного Кавказа. Войны между властителями отдельных государств, где господствовали разные направления ислама, в основном между суннитами и шиитами, также выдавались за джихад. «Газаватом» не раз объявлялись и кровавые подавления народных антифеодальных восстаний, таких, как под предводительством Бабека в Азербайджане и в Западном Иране в IX веке. А в 1947 году призывы к джихаду уже широко использовали англичане в целях разжигания розни между индусами и мусульманами в Индии при ее разделе по религиозному признаку на Индийский Союз и Пакистан. Призывы к газавату широко ис

пользовались турецкими эмиссарами среди мусульманского населения Северного Кавказа во все времена пребывания России в этом регионе, даже когда его статус стал звучать как «неотъемлемая часть» Российского государства.

Истории известны случаи, когда призывы к джихаду служили целям народно-освободительной борьбы. Так, например, в XIX веке идея джихада была использована в восстании махдистов* в Судане против английских колонизаторов, а в XX веке — в антиимпериалистической борьбе в Алжире, Ливии, Иране, Ираке, Омане и Марокко.

В начале XXI века мы чаще сталкиваемся со случаями, когда понятию «джихад» террористы всех мастей придают такое значение, которое не устраивает ни мировую общественность, ни руководителей мусульманских государств, относящих себя к цивилизованным. На руку такому устойчивому мнению играют последователи идеи наибольшего джихада (борьба против власти) в арабских странах: «В борьбе с собственным правительством экстремистские исламские организации ввергают собственную страну в разруху, «что крайне отрицательно сказывается на уровне жизни мусульманского населения»,¹³⁹ и служит хорошей антирекламой мусульманского образа жизни в СМИ. Исламский экстремизм произрастает на почве чрезмерной политизации религии и это должны понимать лидеры всех мусульманских общин, где бы они ни находились — в арабских странах или в Российской Федерации.

Конечной целью всех экстремистских исламских организаций является «Построение на принципах исламского фундаментализма международного государственного образования — исламского халифата, в состав которого должны войти все населенные мусульманами территории».¹⁴⁰ Стало быть, Чечня и другие регионы России и бывшего СССР, населенные мусульманами, находятся в сфере их интересов. Материальная, моральная, политическая и другие виды помощи чеченским сепаратистам имели в основе своей идею присоединения, прежде всего, территорий, населенных вайнахами и другими этносами России, исповедующими ислам. Отсутствие продуманной национальной политики выгодно фундаменталистам, а «российско-чеченское противостояние играет роль катализатора в развитии процесса исламизации, поскольку возникает явление солидарности единоверцев и территориально близких народов».¹⁴¹

Известный знатный, олигарх и дипломат Российской Федерации Р.Г. Абдулатипов на основе накопленного опыта так определяет причины проявления экстремизма в деятельности религиозных

* Махдистов восстание в Судане, в 1881—1998 против турецко-егип. властей и англ. колонизаторов. Возглавлял Махди Суданский (отсюда назв.), после его смерти — Абдаллах ибн аль-Саид Мухаммед. В ходе восстания махдисты заняли б.ч. страны и создали независимое феод.-теократич. гос-во. В Омдурманском сражении 2.9.1898 армия махдистов была разгромлена англ. войсками; Судан стал фактически англ. колонией (СЭС, М.: Советская Энциклопедия, 1981 с. 783) общин:

Самоустранение органов государственной власти (в большей мере) и органов власти субъектов федерации (в меньшей мере) от диалога с религиозной общиной, от решения государственно-религиозных проблем.

Равнодушно-пренебрежительное отношение к верующим (под предлогом отделения государства от церкви), а также заигрывание с отдельными сектантами и экстремистскими объединениями и их лидерами.

Выхолащивание духовно-нравственного содержания религии и попытки отдельных групп использовать религию в своих корыстных целях.¹⁴²

На примере деятельности фундаменталистских партий мусульманских общин стран с развитыми родоплеменными и клановыми отношениями, такими, как Алжир, Судан, Иордания, Ливан, и путем экстраполяции общих закономерностей необходимо, на наш взгляд, рассмотреть варианты развития ситуации в Чеченской Республике в исторической перспективе.

Наиболее радикально настроенная группировка «Аль-Джамаа аль-исламия» в Алжире представлена известной всему миру, благодаря своим масштабным террористическим актам и массовым убийствам мирного населения (противоречащих всем канонам ислама), организацией «Аль-Джамаа аль-Исламия аль-мусалляха» («Вооруженная исламская группа» — ВИГ), которая окончательно оформилась в движение в начале 1993 года. Особенностью этой алжирской исламистской организации является то, что, в отличие от других подобных организаций и движений Алжира, она с самого начала организовывалась именно как «филиал» международного движения «Аль-Джамаа аль-исламия». Боевое ядро этой организации «составили алжирцы, сражавшиеся в Афганистане против советских войск... Они участвовали и в межафганских конфликтах после 1989 г., в боях на юге Ливана, а также в Таджикистане, Нагорном Карабахе, Чечне, Боснии».¹¹³ Не так давно в интервью корреспонденту межарабского журнала «Аль-В Исат» один из этих «арабских афганцев» («афгану ль-араб»), влиятельный член «Аль-Джамаа аль-исламия», редактор издающейся в Лондоне газеты исламских экстремистов «Аль-Ансар» Мустафа Камиль (работает под псевдонимом «Лбу Хамза аль-Мысрий») без всякого стеснения заявил: «Я уверен, что исламское государство будет. Мы попытались создать его в Афганистане но этот опыт не удался. Затем мы попытались сделать это в Боснии, по тоже неудачно. После этого мы пытаемся осуществить это в Чечне и в других местах».¹⁴⁴

С самого начала группировка «Аль-Джамаа аль-исламия аль-мусалляха» («Аль-Джамаа») пыталась проводить самостоятельную деятельность, не подчиняясь руководству Исламского фронта спасения (ИФС), пытавшегося координировать деятельность всех исламских оппозиционных группировок, организаций и движений Алжира.¹⁴³ Более того, после объявления летом 1997 года руководством ИФС прекращения огня (с целью добиться легитимизации своей политической деятельности), продолжались боевые столкновения

между отрядами «Аль-Джамаа» и ИФС. До настоящего времени «Аль-Джамаа аль-исламия аль-мусалляха» является самой мощной военной силой алжирской исламской оппозиции. С организационной точки зрения данная вооруженная группировка мало чем отличается от других «филиалов» подобного толка, а имеющиеся различия связаны с тем, что в Алжире «Аль-Джамаа» ведет активную партизанскую войну против правительственных войск и других государственных и общественных (отряды самообороны) силовых структур. Во главе ВИГ находится «амир», который номинально возглавляет работу Исполнительного совета, а в условиях партизанской войны — лично руководит деятельностью организации. В период с начала 1992 до октября 1997 года сменилось семь «амиров». Первым «амиром» был Аль-Мансури аль-Мильяни, который начал процесс создания организации из остатков группы алжирского повстанца, прозванного «исламским Робин Гудом» Мустафы Буяли (создавшего исламскую антиправительственную группу в 1979—1981 годах).¹⁴⁶ Вскоре за организацию теракта в аэропорту Бумедьена 26 августа 1992 года аль-Мильяни был схвачен алжирскими силами безопасности и казнен. Руководство организацией перешло в руки Абд аль-Хак аль-Айида, который был арестован марокканской полицией в 1993 году и передан алжирским властям. Далее лидеры сменялись один за другим, но террористический характер тактики действий не менялся.

В нашем исследовании мы заострили внимание на событиях в Алжире и структуре антиправительственной военизированной группировки «Аль-Джамаа аль-исламия аль-мусалляха», так как в общих чертах по ее образу и подобию создавались и действовали организованные вооруженные формирования на территории Чечни, Ингушетии и Дагестана, во главе которых тоже стояли «амиры». В интервью телеканалу Россия руководитель прес-службы МВД Республики Дагестан Абдулмаиал Мусаев в начале декабря 2005 года признал, что подобные вооруженные отряды есть в дагестанских городах «Буйнакске, Хасавьюртс, Махачкале, и они ждут своего часа».¹⁴⁷ В этой же программе ее автор А. Сладков заявил, что в результате активных оперативно розыскных действий силовых структур в дагестанском бандитском подполье никто не хочет быть главарем — амиром, потому что «за ними идет отдельная охота, и судьба каждого из них predetermined».¹⁴⁸ Необходимо подчеркнуть, что многолетняя борьба армии, других силовых структур против различного рода «главарей — амиров» на Северном Кавказе дала положительные результаты и в начале XXI века обстановка здесь начала складываться в благоприятном направлении. Однако для полной стабилизации обстановки на Северном Кавказе потребуется еще много усилий и времени.

В целях углубления понимания проблемы, необходимо, по нашему мнению, рассмотреть этапы формирования боевых групп Организации освобождения Палестины (ООП, или Palestine Liberation Organization, или Муназама Тахрир Фаластин), являющейся авангардом исламского радикализма. По иронии судьбы эта организация,

скрывающая под своей крышей многих террористов, создавалась при активной поддержке СССР. Именно от рук ее активистов-смертников погибали старики, женщины и дети в Израиле, а также спортсмены-израильтяне — участники мюнхенской Олимпиады 1972 года.

Официально о создании этой организации было заявлено по окончании работы I съезда Палестинского национального конгресса, проходившего в Восточном Иерусалиме с 28 мая по 2 июня 1964 года с повесткой дня о контрмерах израильскому проекту переброски воды из реки Иордан. «Неожиданно» для участников конференции было принято решение о создании ООП. Главная причина, по которой арабские страны вдруг изменили повестку дня, заключалась во всеобщем желании создать единую палестинскую организацию, с помощью которой удалось бы поставить под контроль деятельность многочисленных мелких палестинских террористических групп, угрожавших своей деятельностью спокойствию арабских режимов и Израиля.

Первым председателем ЦК ООП большинством голосов был избран известный палестинский юрист Ахмед Шукейри, весьма образованный человек, способный к дипломатической деятельности. Он активно участвовал в работе различных международных форумов в составе сирийской и саводской официальных делегаций, длительное время занимал пост пресс-секретаря Высшего арабского совета. Первым делом этот лидер попытался собрать все политические палестинские движения и террористические группы, базировавшиеся в лагерях палестинских беженцев по всему Ближнему Востоку, под крыло своей организации. Следующим шагом А. Шукейри было выступление на Втором саммите лидеров арабских стран с инициативой создания Армии освобождения Палестины (АОП). Новая инициатива А. Шукейри вызвала настолько значительное одобрение участников конференции, что ими сразу же была обещана широкая материальная и военно-политическая помощь в создании ООП собственных вооруженных сил. Быстрый отклик был вызван желанием лидеров арабских стран уничтожить Израиль руками палестинцев, или хотя бы измотать его силы диверсионными вылазками боевиков перед решающим сражением.

Содержание собственной армии, как известно, дело довольно дорогостоящее, даже если она небольшая. В связи с этим первоначально АОП состояла из четырех бригад: сирийской, египетской, иракской и палестинской (сектор Газы), полностью укомплектованных палестинцами. При этом каждая из бригад входила в состав регулярной армии той арабской страны, на территории которой была сформирована и чье название носила. Позже, к началу 70-х годов, АОП почти полностью вошла в состав сирийских вооруженных сил. К началу Шестидневной войны 1967 года это соединение насчитывало 14 тысяч человек, и было вооружено советским оружием китайского производства, так как Советский Союз отказался открыто поставлять свое оружие набиравшим силу террористам. В упомянутой выше войне с Израилем участвовала только «Палестинская бригада», солдаты которой в плен не сдавались, предпочитая само-

убийство. Однако, несмотря на отчаянное сопротивление, в течение двух дней бригада была разгромлена, а остатки ее рассеяны.

Лидер ООП А. Шукейри, управлявший в стиле монархического абсолютизма, к 1967 году стал вызывать у ближайших сподвижников чувство неприятия, вылившееся в противостояние, которое завершилось 14 декабря 1967 года его отставкой. На пост председателя исполкома ООП вступил Ихие Хамуда (Ihie Hamuda), с приходом которого все институты власти в организации были захвачены менее образованными, но более агрессивными лидерами террористических организаций. Среди них наиболее влиятельными были Ясир Арафат (боевой псевдоним Абу Амар), глава Национально-освободительного движения Палестины (ФАТХ) и его политический соперник Жорж Хабаш, руководитель палестинской террористической организации Народный фронт освобождения Палестины (НФОП).

С этого события началась полномасштабная террористическая война Организации освобождения Палестины против государства Израиль. С территории Иордании происходили постоянные вылазки боевиков, и регулярные провокации по всей иордано-израильской границе, «на постоянном прицеле террористов оказались: израильские государственные, частные и общественные организации и компании, находившиеся за рубежом; еврейские организации и представительства; любая страна и ее учреждения, заподозренные террористами в сотрудничестве с Израилем или сионистским движением».¹⁴⁹ Пытаясь прекратить бандитские вылазки, 21 марта 1968 года крупное израильское воинское соединение при поддержке танков, артиллерии и авиации вторглось на территорию Иордании и приступило к прочесыванию базы палестинских террористов в деревне Караме, что вызвало впоследствии отрицательный резонанс в общественном мнении. Несмотря на это, «Израиль дал ясно понять, что когда вопрос касается безопасности его граждан, он готов в любой момент, игнорируя мировое общественное мнение, без объявления войны начать широкомасштабные военные действия».¹⁵⁰ Эта акция создала условия, при которых экстремисты ФАТХ и подобные им захватили инициативу в ООП и стали определять ее политическую линию в течение последующих десятилетий. Другой итог этой операции, а именно военный, тоже был не в пользу Израиля. Король Иордании Хусейн, как и следовало ожидать, расценил все происходящее как вторжение на суверенную территорию и отдал приказ о выдворении захватчиков за пределы Иордании, что и было выполнено его вооруженными силами, впятеро превосходящими агрессора по численности. Палестинские террористы, благодаря иорданским вооруженным силам, вышли из боя национальными героями и вызвали небывалый приток добровольцев в свои ряды. 4 февраля 1969 года на съезде V Палестинского национального конгресса на пост председателя Центрального исполнительного комитета единогласно был избран Ясир Арафат, остававшийся на этом посту до своей кончины в 2005 году. Тем не менее, лидерство Арафата в палестинском на

циональном движении не было настолько абсолютным, как это могло бы показаться на первый взгляд. Другим влиятельным лидером движения был Жорж Хабаш (George Habash), который имел, может быть, даже больше шансов возглавить ООП. В международном масштабе он был значительно более заметной фигурой, чем Ясир Арафат. По сравнению с ФАТХ его организация БИФОП была более профессиональной и поддерживала широкие связи с такими всемирно известными террористическими организациями, как западногерманская «Баадер— Майнхоф», ирландская ИРА, баскская ЭТА, итальянские «Красные бригады», «Японская Красная армия» и другими. В теснейшем контакте с Жоржем Хабашем работал известнейший международный террорист-наемник латиноамериканского происхождения Ильич Рамирес Саниес, более известный Интерпол) как Карлос Шакал. Но его христианское происхождение не позволило ему «стать во главе палестинской макроорганизации, которая в своей основе имела глубокие традиционные исламские корни».¹⁵¹

Следует особо подчеркнуть важнейший аспект проблемы. Действия палестинских радикалов на территории Иордании привели к тому, что ООП добилась такого высокого положения внутри Хашимитского королевства, которое обеспечило в начале 70-х годов XX в. существование государства в государстве, причем со всемирно известной террористической направленностью. Волна возмущения иорданцев захлестнула общество, когда в конце 60-х годов участились случаи захватов самолетов палестинскими боевиками с последующим их перегонем на территорию Иордании. Опасность потери контроля над возмущенным обществом подтолкнула короля Иордании Хусейна к решительным действиям. 16 сентября 1970 года он вынужден был ликвидировать все лагеря палестинцев на территории Иордании. Заметим, что ликвидация вылилась в кровопролитные столкновения иорданских спецназовцев с палестинскими террористами и многочисленными жертвами в несколько тысяч человек со стороны последних. Массовое уничтожение палестинцев в Иордании привело к возникновению новой ультрарадикальной террористической организации «Черный сентябрь» во главе с Салахом Халафом (боевой псевдоним Абу Иад). Первым громким преступлением боевиков стало убийство премьер-министра Иордании Вас-фи ат-Талы (Wosfi at-Tal) во время его официального визита в Каир в ноябре 1971 года. Израилю выдворение боевиков из Иордании принесло спокойствие на самой протяженной с арабскими территориями границе. Другие участки границы — с Египтом, Сирией, Ливаном вплоть до заключения между Израилем и Египтом кэмп-дэ видского мирного договора 18 сентября 1978 года, стоившего жизни президенту Арабской Республики Египет (АРЕ) Анвару Садату, убитому боевиками в 1981 году, и по сей день остаются источниками напряженности на Ближнем Востоке.

Обращаем внимание на то, что активная деятельность террористических организаций Ближнего Востока почти 30-летней давности

ти нашла свое продолжение в 90-е годы XX в. на Северном Кавказе. До начала первой чеченской войны 1994—1996 годов чеченские лидеры установили тесную связь с представителями международных экстремистских фундаменталистских исламских движений и организаций. Этому сотрудничеству в большой мере способствовала неподконтрольная центральным властям России «спецавиалиния», связывавшая власти Грозного с Турцией, странами Персидского залива и Иорданией. Ниже, в третьей главе, мы приведем некоторые данные из архивных документов на эту тему.

Наибольшую активность в Чечне проявили террористы, вошедшие в международный фронт У. бен-Ладена «Аль-Джамаа аль-исламийя» и «Аль-Джихад аль-исламий». Известно, что вторгнувшиеся в августе 1999 года на территорию Дагестана чеченские боевики во главе с Ш. Басаевым и А. Хаттабом объединились в организацию «Национальный фронт джихада». Тем самым они подчеркивали, что это кавказская национальная часть «Международного фронта джихада против евреев и крестоносцев», лидером которого является У. бен-Ладен. В таком случае становится понятным, куда пошли 15 млн долларов, которые У. бен-Ладен за полтора года, предшествовавшие этому вторжению, «потратил на финансирование деятельности своего представителя в Чечне А. Хаттаба...».¹⁵² Также проясняется, почему в Чечню направлялись из-за границы боевики этого международного фронта. Так, например, в центральной прессе Российской Федерации сообщалось, что «У. бен-Ладен дал согласие направить в Чечню около 1,5 тысяч боевиков»¹⁵³ из своих резервов.

Турецкими спецслужбами 9 сентября 1999 года в Стамбуле был арестован один из помощников У. бен-Ладена некто Махраз Хамдуни. Как оказалось, он прибыл в Турцию с паспортом гражданина Боснии, в чьих вооруженных силах он действительно служил с 1993 по 1995 год, и целью его визита являлась «подготовка к отправке в Чечню нескольких десятков боевиков, уже прибывших к этому времени на турецкую территорию».¹⁵⁴

Самыми подготовленными в Чечне в ходе боевых действий оказались «арабские афганцы» А. Хаттаба. Зачастую они либо входили в элитные спецподразделения, либо были инструкторами по боевой подготовке и особенностям ведения партизанской войны в горных условиях и на равнине. Многие из них были выдвинуты в полевые командиры. По сообщению лондонской организации арабских исламских фундаменталистов «Аль-Марсад аль-исламий» («Исламский наблюдательный пункт»), с момента вторжения в Дагестан отрядов Ш. Басаева и А. Хаттаба по состоянию на 25 августа 1999 года «были убиты в боях такие видные арабские полевые командиры, как Абу Масьяб ат-Табуки, являвшийся также директором Кавказского института исламского призыва (Маахад аль-Кауказ ли-д-даава аль-исламийя); Абу Мухаммад аль-Каннас; Абд ад-Даим; Абд аль-Малик аль-Иракий».¹⁵¹

Во вторжении в Дагестан вместе с А. Хаттабом принимал участие полевой командир Абу аль-Валид, который активно содействовал выходу А. Хаттаба из окружения, где тот находился более 9 часов. Как сообщил в интервью корреспонденту газеты «Красная звезда» начальник Центра общественных связей ФСБ Российской Федерации генерал-майор А. Зданович, террористы, взрывавшие жилые дома в Буйнакске, Волгодонске и Москве, проходили подготовку под руководством арабских полевых командиров Абу Сайда и Абдурахмана.¹⁵⁶

Таким образом, приведенные факты можно расценивать как дополнительное подтверждение, что те, кто взрывал жилые дома во Владикавказе, Буйнакске, Москве и Волгодонске — точная психологическая копия боевиков ООП из «Черного сентября», «Хамаса», прилежными учениками, которых были и остались.

Проведенный нами анализ позволяет усмотреть закономерность в том, что с развалом СССР и прекращением оказания помощи «дружественным» социалистическим режимам и партиям многие из них или вообще прекратили свое существование или нашли новых хозяев, пополнив ряды, в том числе, и террористических организаций. В демократической Российской Федерации в силу многих причин национальное достояние быстро разошлось по рукам предприимчивых нуворишей, а в правительстве появилось влиятельное еврейское лобби. Отношения между Российской Федерацией и Израилем потеплели настолько, что первый канал Общественного российского телевидения (ОРТ) стал почти «государственным» в Израиле. Не будет преувеличением утверждение о том, что это навлекло на себя гнев исламских фундаменталистов, решивших начать с помощью доверчивых чеченцев джихад за присоединение территорий Северного Кавказа, населенных мусульманами, к предполагавшемуся независимому халифату.

3. Связь сепаратистов и террористов Северного Кавказа с иностранными террористическими организациями

В рассматриваемый исторический период террор,* как социальное явление, появился не сразу и не вдруг. Но в истории региона есть исторические временные отрезки, когда он проходил стадии возникновения и развития. Они обозначены в первой главе исследования, так как тесно связаны с конфликтностью этноса и, на наш взгляд, являются ее продолжением. Когда террористическая дея-

* Террор — (лат. **Terror** — страх, ужас). Особая форма насилия, проявляющаяся в подавлении, преследовании, устрашении насильственными мерами, вплоть до физического уничтожения, политических, военных и иных противников. Бакеркина В.В., Шестакова Л.Л. Краткий словарь политического языка. М., 2002, с.262

тельность освящается религиозными символами, происходит ее идеализация, возвышение смысла террористического акта как воплощения в жизнь божьего промысла. В связи с тем, что Россия, как упоминалось выше, многоконфессиональное государство, то попытки сепаратистов осенить свою террористическую деятельность благословением ислама являются явной угрозой целостности государства и должны рассматриваться как попытка разжигания религиозной войны.

В начале XXI века, после трагедии в США 11 сентября 2001 года, СМИ стали активно навязывать всему миру тезис об исламской угрозе, а террористы регулярно подтверждают его своими действиями и своеобразной саморекламой при выступлениях по телевидению на фоне зеленого знамени с цитатами из Корана. Исторически так сложилось, что эта религия появилась более чем на 600 лет позже христианства, в то время, когда в ныне благоденствующей Европе полыхали костры инквизиции. В эпоху средневековья религиозные христианские войны занимали значительное место, это были «войны для обращения в христианство, крестовые походы, гуситские войны и т.п. Во всех этих случаях отношение церкви к явлению войны было руководящим...»,¹⁵⁷ что не совсем вязалось с одной из главных заповедей «не убий», осуждающей всякое убийство, тем более войну. Одним из первых священнослужителей, кто «обошел прямой смысл заповеди «не убий», и обошел по соображениям государственным»,¹⁵⁸ был Гинионийский епископ Августин,* оказавший своими проповедями в IV—V веках большое влияние на судьбы христианской церкви. С его участием создано оригинальное толкование правомочности государства, которое при поддержке церкви стало формой особого священнодействия на случай ведения войны. Церковь стала не врагом войны, а ее покровительницей. В этом заключается кредо христианства — в государственности, освященной крестным знаменем. Свою роль в этом процессе религиозные деятели видели в преобразовании государства и войны в соответствии со своим миропониманием для того, чтобы: «во-первых, смягчить, насколько возможно, их суровый облик и, во-вторых, использовать эти начала для распространения по свету идей христианства».¹³³ Это значит, что, несмотря на всю жестокость, страдания, мстительность, разрушительность, религиозные войны средневековья несли в себе определенный культурный смысл, так же как в наши дни, по всей вероятности, это пытаются делать последователи ислама.

На наш взгляд, проблема нынешнего дня состоит в том, что средневековые методы, которыми пытаются утвердить свою культуру исламские фундаменталисты, не соответствуют духу времени и вызывает острое неприятие всего человечества, считающего себя частью ка

* Августин Блаженный (Augustinus Sanctus) Арелий (354—430) — христианский теолог, епископ г. Гиппон (Северная Африка).

кой-нибудь из существующих цивилизаций.* Конечно, и баскские сепаратисты, и североирландские повстанцы, и чеченские боевики имеют сходные по сути требования к правительствам государств, в состав которых они входят и на территории которых действуют. Но это несколько не оправдывает проводимые ими террористические акты и гибель ни в чем не повинных людей, ставших безвинными жертвами этих военно-политических разбирательств. Перечисленные нами политические группировки относятся к разным цивилизациям и, на наш взгляд, дополнительно иллюстрируют глобальный характер проблемы терроризма. В то же время, исламские радикалы используют террор гораздо чаще и циничнее, чем, например, их «коллеги» из Ольстера. В результате их действий «проблема терроризма выходит на одно из первых мест в иерархии факторов, принимаемых во внимание при разработке концепций национальной безопасности ведущих стран мира и выборе стратегии их военного строительства».¹⁶⁰

Таким образом, глобальная проблема терроризма не только актуальна для Российской Федерации, но при учете многоконфессиональной структуры общества приобретает жизненно важный для сохранения государства смысл. Нельзя не согласиться с профессором Р.Г. Абдулатиповым, что в деятельности СМИ, пропаганды, книгоиздательства, искусства России «редко учитывается наличие в стране достаточно большой мусульманской уммы (общины). Отсюда и его (ислама. — Авторы) попытка в достаточно резких формах занять свое место в обществе».⁵¹ Особенно наглядным стало употребление в мировом масштабе выражения «мусульманские террористы» в последние годы. В нашем исследовании преследуется цель определить, насколько связана деятельность террористов с источниками и многовековой практикой этой религии, есть ли связь между «джихадом» и террором и, наконец, как относится ислам к акциям террористов-самоубийц. По твердом}' убеждению исламских 'чепых-

* В данном случае взято за основу разделение человечества по С.Хантингтону на 9 основных цивилизаций: западную, латиноамериканскую, африканскую, исламскую, синскую, индуистскую, православную, буддистскую, японскую.

** Гюлен Мухаммед Фетхуллах — мусульманский ученый-богослов, мыслитель и общественный деятель. Теоретик и практик межконфессионального диалога и толерантности; Джанан Ибрахим — доктор богословия (хадис), профессор Мармаринского университета (г. Стамбул). Автор турецкого перевода 18-томного собрания хадисов «Кутубус-ситта»; Гюнеш Ахмет — кандидат богословских наук (исламское право), преподаватель Эрзурумского университета им. Ататюрка; Чапан Эргюн — кандидат богословских наук (тафсир), сотрудник Фонда исследований по общественным наукам, главный редактор научного ежеквартального журнала в области исламских наук «Ени умит» (г. Стамбул); Актан Хам-за — доктор богословия (исламское право), профессор университета им. Ататюрка (г. Эрзурум); Карлыага Бекир — доктор богословия (исламская философия), профессор Мармаринского университета; Булач Али — социолог-исследователь, богослов, ведущий журналист газеты богословов.**

—ислам и террор несовместимы и в мусульманстве нет места террору;

— ислам во все времена, безусловно, был на стороне мира;

—Коран считает человеческую жизнь одной из величайших ценностей;

—ислам считает убийство человека одним из самых страшных грехов;

—даже в условиях войны ислам определяет соответствующие правила и запрещает убийство людей, не принимающих участия в военных действиях;

—Посланником Аллаха Мухаммадом (с.а.с.)* впервые в истории войн были введены правила, касающиеся их ведения;

— «джихад» отнюдь не означает «террор»;

—акции террористов-самоубийц считаются в исламе страшным преступлением;

—толкнуть на совершение таких акций можно и при помощи химических (психотропных) средств.¹⁶²

По признанию одного из упомянутых ученых Фетхуллага Гюлена, «в исламском мире существуют некоторые незрелые проповедники, у которых нет соответствующей подготовки».¹⁶³ А это значит, что те проповедники, которые прямо или косвенно призывают правоверных к насилию и убийству, поступают вопреки духу ислама. Далее Ф. Гюлен утверждает, что из-за общего невежества на территориях, занимаемых «мусульманским миром», не существует возможности внесения' какого-нибудь вклада в укрепления равновесия мира. «По его компетентном}' мнению, «речь идет об отсутствии необходимого интеллектуального уровня».^{16,1} На фоне такого положения нет единого понимания ислама, что, на наш взгляд, создаст благодатную почву для всякого рода толкований, чем и пользовались лидеры сепаратистов, в том числе и в Российской Федерации. Налицо парадокс: Коран учит истинного мусульманина не убивать невинных людей для достижения цели, уповая на то, что «человек удерживается от террористических действий религиозными ценностями, страхом перед Всевышним, страхом перед Судным днем в ахирате (в мире загробном), страхом перед нарушением правил своей веры».¹⁶⁵ И в то же время террористам-смертникам внушают, что их самопожертвование является богоугодным делом, за которое в загробном мире будет вознаграждение всеми благами, недоступными в этой жизни. Люди верят и совершают свои смерти

Тархан Невзат — доктор медицинских наук (общая психиатрия), профессор, директор Турецкого фонда человеческих ценностей и духовного здоровья; Юджеоглу Хикмет — доктор богословия (история суфизма), профессор; Оксюз Адиль — кандидат богословских наук (исламское право), преподаватель Сакарьинского университета (г. Адапазары).

* с.а.с. — *сала Аллаху алайхи ва салом* — «да благословит его Аллах и приветствует», ритуальное выражение у мусульман

носные поступки с твердой верой в исполнение обещаний. В этой ситуации возникает устойчивое мнение, что согласно Корану правомерным считается только «убийство человека вне зависимости от его вероисповедания предполагает, чтобы в момент военных действий человек, обладающий боевыми признаками (воин), имел намерение причинить вред».¹⁶⁶ По мнению турецкого ученого-теолога Ахмета Гюнеша, «даже в условиях войны какие-либо акции нападения, направленные на гражданские объекты, в том числе и акции террористов-смертников»,¹⁶⁷ никак не соответствуют приведенному выше постулату, так как нельзя достигнуть легальных целей нелегальным способом.

Террористы-смертники современной российской действительности именуют себя шахидами. По этому поводу стамбульский ученый-теолог Эргюн Чапан напоминает слова посланника Аллаха: «Кто будет убит, защищая свое имущество, тот - шахид. Кто будет убит, защищая веру, тот — шахид. Кто будет убит, защищая свою жизнь, тот — шахид. Кто будет убит, защищая своих близких, тот — шахид. Кто будет убит, защищая свое Отечество или дом, тот — шахид» (Тирмизи, Дият, 21; Бухари, Мазалим, 33; Муслим, Иман, 222).¹⁶⁸ Далее он подразделяет акты смертников на две категории: совершенные в военное время и совершенные в мирное время.

Что касается первой категории, то существует авторитетное мнение исламских теологов о том, что применение принципов, связанных с военным правом и касающихся военного времени, ни в коем случае не применяются¹⁶⁹ в мирное время. Это означает, что нет никакого оправдания убийству гражданских и даже военных лиц в мирное время. Ни один из источников шариата не позволяет считать разрешенными подобные действия.

Вторая категория, предусматриваемая Кораном, проводит четкое разграничение между воинами, участвующими в боевых действиях, и лицами, не обладающими статусом воюющих («мухариб»), к которым относятся дети, женщины, старики и мирное гражданское население. Для них сформулирован принцип неприкосновенности в условиях войны, при условии, что они являются очевидцами боевых действий: «И сражайтесь на пути Аллаха с теми, кто сражался с вами, но не преступайте, — поистине, Аллах не любит преступающих» (Св. Коран, 2:190).¹⁶⁹

Фраза «те, кто сражается с вами» в этом аяте имеет толкование, что воевать разрешено лишь с теми, кто с тобой воюет, а гражданское население под этот статус не подпадает. Следуя заветам пророка Мухаммада, праведные халифы, а за ними и нынешние главы мусульманских государств, давали своим военачальникам указания о правилах ведения войны, где зверства над гражданскими лицами, пленными и телами погибших являются «харамом» — тяжким преступлением и великим грехом. Вместе с тем, если в военное время мусульманин, зная о неизбежности своей гибели, нападает на врага, и это имеет какие-то реальные последствия в пользу мусульман,

то поступок считается допустимым и достойным похвалы. Но использовать данное положение «о возможности нападения на врага ценой личной жизни, для того, чтобы, прикрепив к себе бомбу, взорваться среди безвинных людей»,¹⁷⁰ считается недопустимым. Тем не менее, террористы зачастую искажают смысл данных положений для достижения своих целей, объясняя единоверцам, что их действия принесут пользу мусульманам и достойны похвалы Аллаха. Еще одним доказательством «правомочности» своих действий они называют «татаррус» — термин, в мусульманских правовых источниках обозначающий допустимость нападения на противника под прикрытием «живого щита» из пленных мусульманских женщин и детей, при условии, что в результате они не пострадают. Но это тоже не может иметь никакого отношения к взрыву невинных людей на какой-нибудь автобусной остановке, на рынке, вокзале, кинотеатре и т.д.

Анализ проблемы убеждает в том, что существует связь между нападениями смертников-террористов и шахидской смертью, которая, на наш взгляд, истолковывается лидерами боевиков в своекорыстных интересах как поступок истинного шахида, даже если взрывное устройство приводится в действие не самим смертником, а кем-то из боевиков-соучастников. В повседневной практике мусульманские правоведы решили, что погибшие могут считаться мучениками за веру, если при нападении на превосходящего противника смертник «боится, что попав в плен живым, может не выдержать пытки и выдать какую-либо тайну» (Аш-Шейбани, 4/1512).¹⁷¹

В мировой практике нападения террористов-смертников можно разделить на две категории:

1. Заранее запланированные заинтересованными лицами акты терроризма против государства, с которым ведется война. Такие нападения, в свою очередь, могут быть двух типов:

—вооруженное нападение с использованием техники или только бомбы на воинское подразделение или вражеский штаб. В случае гибели нападавший считается шахидом, но смерть при нападении не считается обязательным условием;

—нападение на воинское подразделение или вражеский штаб одного или нескольких лиц, обвязанных взрывчаткой. Подобное нападение считается законным, если соблюдены все правила, перечисленные исламскими правоведами, совершенное обязательно в условиях войны.

2. Атаки террористов в стране, которая не является непосредственным участником войны. В этой ситуации акт относится к вероломному} событию, поскольку страна, принявшая у себя потенциальных террористов, дала им гарантию безопасности на своей территории, рассчитывая на добропорядочность с их стороны, а значит «нарушить эту безопасность — означает предать эту страну и нарушить условия договора, по которому эта страна приняла тебя на свою территорию». ¹⁷² Лицо, совершившее подобное деяние, не

может считаться шахидом, так как по всеобщему мнению исламских теологов:

- а) он убил невинных людей;
- б) нарушил условия договора, по котором¹ был принят на территорию данного государства, и нанес ему вред;
- в) нанес психологический и моральный ущерб людям;
- г) нанес вред имуществу невинных людей;
- д) нанес урон имиджу ислама;
- е) создал сложности собственному государству на международной арене;
- е) причинил боль своей семье и родственникам;
- ж) вероятно, что он стал орудием международной преступной сети;
- з) и будучи мусульманином, обрадовал врагов ислама.¹⁷³

Таким образом, авторитетное мнение ученых-исламистов сходно в том, что вера никогда не была и не будет источником вдохновения для террористов, в особенности тех, которые совершают свои преступления против ни в чем не повинных граждан, какого бы вероисповедания они не были.

Мнение российских правоведов в части, относящейся к совершению террористических актов, согласуется не только с международными правовыми нормами, но, что, на наш взгляд, важно, не противоречит нормам ислама. Чтобы подтвердить это, рассмотрим некоторые важные положения, связанные с темой исследования.

В решении проблем, связанных с защитой национальных интересов Российской Федерации, приоритетными признаются: стабильность конституционного строя, институтов государственной власти, окончательное преодоление идеи сепаратизма, обеспечение гражданского мира и национального согласия, единства правового пространства, правопорядка и завершение процесса становления демократического общества. К национальным интересам государства следует, на наш взгляд, отнести усилия по укреплению территориальной целостности, а также нейтрализации причин и условий, способствующих возникновению политического и религиозного экстремизма, этносепаратизма и их последствий — социальных, межэтнических и религиозных конфликтов, терроризма и т.д. В связи с тем, что деятельность террористов на Северном Кавказе была и остается тесно связанной с отечественной и мировой преступностью, важнейшие задачи правовых и силовых структур в области борьбы с ними: «выявление, устранение и предупреждение причин и условий, порождающих преступность; укрепление системы правоохранительных органов».¹⁷⁴ Это касается, прежде всего, структур, противодействующих организованной преступности и терроризму. Первостепенными задачами, на наш взгляд, также являются: создание условий для эффективной деятельности указанных структур, усиление роли государства как гаранта безопасности личности и общества, создание необходимой для этого правовой базы и

механизма ее применения. В Северо-Кавказском регионе продолжают действовать несколько террористических группировок. Среди них наиболее активны «Исламская интернациональная бригада» (известная под названием «Исламская международная бригада»), «Исламский полк специального назначения» (или «Исламский отряд специального назначения»), «Разведывательно-диверсионный батальон чеченских шахидов «Риядус-салихин» (или «Мученики Рида аль-Салихина»). Продолжают действовать опасные чеченские террористические группировки. Среди них «Батальон шахидов-смертников Басаева», «Конгресс народов Ичкерии и Дагестана» и «Высший военный Маджлисуль Шура объединенных сил моджахедов Кавказа».¹⁷³ Большинство из перечисленных групп имеет подчеркнута мусульманские названия, что, на взгляд стороннего обывателя, придает действиям боевиков характер религиозной войны.

По сведениям компетентных источников, Усама бен-Ладен на основе объединения своей организации «Ль-Каида» с другими террористическими группировками создал «Мировой фронт джихада». Эта организация представляет собой разветвленную международную структуру с надежными источниками финансирования. Своими главными целями эта организация провозгласила борьбу с Соединенными Штатами Америки и Израилем, а также поддержку «исламской революции» во всем мире, «о чем было заявлено в обнародованной в феврале 1998 года «фетве».¹⁷⁶ Конечной целью этой организации провозглашено создание «Объединенного исламского государства» в результате поэтапного установления в мире «нового исламского порядка», основанного на верховенстве духовной власти и шариатского права. Единственным приоритетным методом утверждения этой новой власти признается вооруженная борьба, в которой главная ставка делается на терроризм.

Оказание гуманитарной и благотворительной помощи мусульманскими религиозными организациями, диаспорами различных народов, международными благотворительными фондами и другими подобными организациями ставит перед российскими правоохранительными органами сложную задачу «по выяснению того, какие средства действительно предназначены для решения социальных проблем, а какие — для завуалированной подпитки террористической деятельности»¹⁷⁷ непримиримых борцов против восстановления законности и конституционного порядка на Северном Кавказе.

Специальными службами выявлено, что наибольшую активность в финансировании террористических группировок проявляют «общественные» объединения ваххабитского толка, представители северокавказских диаспор и международных мусульманских организаций (в том числе различные гуманитарные миссии), что, на наш взгляд, вносит определенное противоречие между словом и делом рассмотренных выше мнений исламских ученых преимущественно турецкого гражданства.

Обращаем внимание на антироссийскую направленность мно

гих организаций, в том числе и международных, «задействованных» на территории Северного Кавказа. Так, например, летом 2002 года в горных районах Чечни спецподразделение Министерства обороны России разгромило хорошо вооруженную банду. При проведении боевой операции были захвачены документы штаба «Президента Ичкерии Аслана Масхадова». Эти документы подтверждают тесную связь ныне покойного Масхадова с международными террористами и помогающими им финансовыми структурами. В бухгалтерской книге было отмечено, сколько денег выделяли на поддержку действий чеченских экстремистов различные зарубежные организации. Так, например: «Общество Катар» — 815518 долларов, «Кавказский чеченский комитет в Анкаре» — 902000 долларов, «Чеченский комитет в Иордании» — 116000 долларов, «от граждан Турции» — 780000 долларов. Были зафиксированы взносы и от отдельных иностранных граждан. Некий турецкий преподаватель пожертвовал 10000 долларов, а находившийся в международном розыске Зелимхан Яндарбиев до своей гибели успел выделить на террористическую деятельность 50000 долларов.¹⁷⁸ Эти деньги в Чечне получили лица на конкретные террористические акции.

Заметим, что на волне антитеррористической пропаганды в мировых СМИ, названия упомянутых организаций носят сугубо гражданский характер без упоминания религиозной направленности. Однако нет сомнения в том, что эта направленность подразумевается в целях, на которые выделяются финансовые средства. Денежные потоки на поддержку террористов, идущие из-за рубежа, далеко не единственный источник их финансирования. Так, например, российский исследователь-юрист М.Л. Хабачиров выделяет семь общих источников материального обеспечения и финансирования терроризма в Российской Федерации:

- 1) организация и осуществление собственной легальной коммерческой деятельности;
- 2) спонсорство коммерческих структур, включая помощь различных зарубежных благотворительных организаций;
- 3) самофинансирование за счет криминальной деятельности, в том числе наркобизнес, торговля оружием, фальшивомонетничество, контрабанда, рэкет, а также получение неконтролируемых доходов в крупных размерах путем неуплаты налогов от легальной финансово-хозяйственной деятельности подконтрольных предприятий;
- 4) изготовление фальшивых денежных знаков, в основном долларов США, о чем свидетельствуют многочисленные уголовные дела, по части из которых приговор вступил в силу;
- 5) похищение людей с целью получения выкупа;
- 6) контроль наркобизнеса, рэкета, проституции, торговли оружием, контрабанды, игорного бизнеса и других видов криминальной деятельности;
- 7) пожертвования, поступающие от религиозных неправительственных организаций радикальной направленности из стран Ближ-

него и Среднего Востока. Контрабандные поставки военной техники, вооружения, снаряжения и других материальных средств, осуществляемые с территории государств, имеющих непосредственную границу с Российской Федерацией, а также осуществляемые другими странами.¹⁷⁹

Существование и активная деятельность указанных организаций и структур говорит о сложившейся системе деятельности террористических организаций на территории Российской Федерации. Они созданы, на наш взгляд, по образу и подобию, как упоминалось выше, действующих в странах Ближнего и Среднего Востока аналогичных организаций.

Следует подчеркнуть, что сам феномен терроризма является частью фундаментальной проблемы всего человечества, постоянно возникающей в критические исторические моменты, когда применение насилия осуществляется определенными лицами в Целях достижения своих целей. Этот социальный фактор «неизменно сопутствует циклическом» процессу перехода от войны к миру и наоборот.¹⁸⁰ Обращаем внимание и на то, что истоки мотивации действий современных террористов некоторые исследователи ищут в формулировках средневекового философа П. Макиавелли с расширенной трактовкой его распространенного выражения «Цель оправдывает средства». В этом есть определенный смысл, если рассматривать действия боевиков 90-х годов XX в. на Северном Кавказе как часть стратегии противостояния небольших вооруженных групп большим по численности регулярным вооруженным частям и соединениям противника. Этот тезис хорошо иллюстрирует высказывание немецкого радикала К. Гейнцгена, относящееся к 1848 году, где он отметил, что «силе и дисциплине регулярных войск нужно противопоставить такое оружие, с помощью которого небольшая группа людей может создать максимальный хаос. При этом любое убийство оправдано в политической борьбе, если исходить из высших интересов человечества».¹⁸¹ Для усиления психологического воздействия результатов деятельности этих небольших боевых групп им, как правило, придавалось и придается до сих пор религиозная окраска, которая, кроме того, вызывает чувство солидарности у единомышленников внутри Российской Федерации и за ее пределами.

Таким образом, наиболее близкими по характеру действий к чеченским боевикам были палестинские террористические организации, в разное время входившие в состав Организации освобождения Палестины или находившиеся в оппозиции. К ним относятся:

1. ФАТХ (Национально-освободительное движение Палестины, Al-FATAH, Palestine National Liberation Movement). Самая крупная террористическая организация, входящая в ООП, была создана в 1959 году. Во главе ее, до своей кончины, стоял Ясир Арафат. Имеет наибольшее влияние в Организации освобождения Палестины, в основном за счет председательства Ясира Арафата.

2. Народный фронт освобождения Палестины (The Popular Front

for the Liberation of Palestine). О создании организации официально было заявлено в декабре 1967 года, после объединения трех более мелких ранее существовавших террористических групп. Возглавляет ее доктор Жорж Хабаш (George Nabash). Организация почти полностью состоит из арабов христианского вероисповедания. Выделяется на фоне остальных палестинских террористических организаций крайним экстремизмом, высоким профессионализмом и масштабом проводимых ею международных террористических операций.

3. Народно-демократический фронт освобождения Палестины (The Popular Democratic Front for the Liberation of Palestine). Организация была образована в феврале 1969 года, после выхода из состава Народного фронта освобождения Палестины группы палестинцев, не согласных с политической линией, проводимой НФОП. Во главе организации стоит Наиф Хаватме (Naif Hawatmeh).

4. Арабский фронт освобождения (Arabic Front of Liberation). Организация была создана иракским руководством партии БААС 11 февраля 1969 года.

5. Фронт борьбы палестинского народа (Front of Struggle of Palestinian People). Организация была создана на территории Западного берега реки Иордан в 1967 году. Во главе стоит доктор Зобхи Хоша (Zobhy Hoshah).

6. «Народный фронт освобождения Палестины — Главное командование» (The Popular Front for the Liberation of Palestine — General Command). Организация была создана в 1968 году после выхода из состава Народного фронта освобождения Палестины значительной части палестинских активистов, принадлежащих к лагерю Ахмада Джибриля (Ahmad Gibril). Причиной раскола послужили личные противоречия между лидерами НФОП.

7. Фронт освобождения Палестины (Palestine Liberation Front). Организация считается союзником ФАТХ. Была образована 24 апреля 1977 года Махмудом Зийданом после его выхода из состава организации Ахмада Джибриля.

8. «ФАТХ — Революционный совет» (FATAH's Revolutionary Council). Организация была создана в конце 1974 года после выхода Абу Нидаля (Abu Nidal) из состава ФАТХ. Долгие годы организация попеременно поддерживала тесные контакты со спецслужбами Ирака и Сирии.

9. «Черный сентябрь» (The Black September Organization). Организация была образована в сентябре 1970 года. Во главе стоял Салах Халаф (Salah Halaf), более известный как Абу Иад (Abu Iad). Фактически является одним из ответвлений ФАТХ. Первоначально выполняла сугубо разведывательные функции. В последующие несколько лет, до ее полного уничтожения израильскими спецслужбами, выступала как самостоятельная организация, за которой скрывал свою зарубежную террористическую деятельность ФАТХ.

10. Организация спасителей народно-освободительной войны

(Rescue Organization of People Liberation War — al Zaaka Forces). Создана сирийским руководством партии БЛАС 27 декабря 1968 года в результате объединения трех более мелких палестинских террористических групп, находящихся под полным контролем сирийского руководства. Вышла из ООП в 1984 году.

11. «ФАТХ - Абу Муса» («ФАТАН - Abu Musa»). Организация возникла в 1983 году. В результате нарастающего многолетнего кризиса в верхних эшелонах власти ФАТХ из его рядов вышла внутренняя оппозиция под руководством Абу Мусы (Abu Musa).

12. Национальная организация арабской молодежи освобождения Палестины (National Organization of Arabic Youth for Liberation of Palestine). Была создана в конце 60-х — начале 70-х годов руководителем ливийской революции Муамаром аль-Каддафи (Muannar al-Qaddafi).¹⁸²

Столь подробный список организаций, входящих в ООП, приводится нами с тем, чтобы подчеркнуть многоликость этой организации и многообразие форм, за которыми скрываются нынешние ближневосточные террористы, которым, в свою очередь, подражали чеченские радикальные сепаратисты и экстремисты. В 1967 году Организация освобождения Палестины, созданная при поддержке правительства СССР, действовавшего тогда в соответствии с выработанным политическим курсом, прикрываясь лозунгами национально-освободительной борьбы, «первая начала применять в целях политического шантажа массовые захваты и взрывы гражданских самолетов, террористические атаки на школы».¹⁸³ Палестинские радикалы ловко пользовались при этом политической демагогией для получения поддержки со стороны арабского мира, социалистических стран и европейских правозащитных организаций. Еще в те времена терроризм стал приобретать международный характер и выступать под зеленым знаменем с начертанными призывами к джихаду, хотя среди палестинских террористов были японцы, латиноамериканцы, а среди чеченских — арабы, африканцы и славяне. Все они «представляют собой единую сеть, которая питается идеями мусульманского фундаментализма»,¹⁸⁴ а люди типа Хаттаба — своеобразные «воины Аллаха», которые, подобно Че Геваре, как профессиональные революционеры готовы сражаться всюду, где фундаменталистский вирус поражает ослабленное экономическими или политическими затруднениями государство.

Серьезным шагом в борьбе с терроризмом как с международной проблемой стало подписание Российской Федерацией в Нью-Йорке 3 апреля 2000 года Международной конвенции о борьбе с финансированием терроризма, принятой резолюцией 54/109 Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций от 9 декабря 1999 года. В развитие этого положения 10 января 2002 года президент Российской Федерации В.В. Путин указом №6 «О мерах по выполнению резолюции Совета Безопасности ООН 1373 от 28 сентября 2001 года» постановил ввести в соответствии с законодательством

Российской Федерации уголовную ответственность за любые действия, связанные с финансированием деятельности боевиков на территории государства.

В то же время федеральным органам государственной власти и органам государственной власти субъектов Российской Федерации в своей деятельности в пределах их компетенции предписывалось:

—обеспечить незамедлительное блокирование финансовых средств и других активов или экономических ресурсов лиц, которые каким-либо образом причастны к совершению террористических актов, или участвуют в совершении террористических актов, или содействуют их совершению. Этому же воздействию подлежат организации, прямо или косвенно находящиеся в собственности или под контролем указанных лиц, а также лиц и организаций, действующих от имени или по указанию таких лиц и организаций, включая средства, полученные или приобретенные с помощью собственности, прямо или косвенно находящейся во владении или под контролем таких лиц и связанных с ними лиц и организаций;

—всем упомянутым государственным органам принять меры с тем, чтобы запретить гражданам Российской Федерации или любым лицам и организациям на территории Российской Федерации предоставление любых средств, финансовых активов или экономических ресурсов либо финансовых или иных соответствующих услуг, прямо или косвенно, для использования в интересах лиц, которые совершают или пытаются совершить террористические акты либо содействуют им или участвуют в их совершении, организаций, прямо или косвенно находящихся в собственности или под контролем таких лиц, а также лиц и организаций, действующих от имени или по указанию таких лиц.¹⁸⁵

Сухой язык предписывающего документа стремится наиболее полно охватить все сферы финансовой деятельности бандформирований и их пособников на территории государства. Решив этот сложный вопрос, Российская Федерация после многолетней изнурительной борьбы переломила ситуацию и вышла наконец-таки на завершающую стадию уничтожения активной террористической деятельности сепаратистов на Северном Кавказе.

Таким образом, террористическая деятельность исламских фундаменталистов на Северном Кавказе, имеющая своей целью отторжение территорий, населенных мусульманами, от Российской Федерации с последующим формированием на пространстве этих территорий мусульманского халифата, была наиболее явной угрозой целостности Российского государства. Первостепенной задачей и после восстановления территориальной целостности Российской Федерации, на наш взгляд, является создание единого многоконфессионального идеологического фронта противодействия деятельности фундаменталистов с привлечением законодательной базы, на основе толерантности и взаимного уважения народов Северного Кавказа.

Глава III

ВООРУЖЕННОЕ ПРОТИВОСТОЯНИЕ ФЕДЕРАЛЬНОГО ЦЕНТРА И ЧЕЧЕНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ В КОНЦЕ XX - НАЧАЛЕ XXI ВЕКА

1. Национально-государственное строительство в Чеченской Республике и обострение этнополитических процессов на Северном Кавказе

Понятие «этнополитический процесс» в самом общем виде фиксирует взаимосвязь между политикой и этничностью, которая определяет соответствующую динамику его развития. Видный российский ученый Д.В. Драгунский под этнополитическим процессом подразумевает «процесс взаимодействия достаточно больших групп населения, каждая из которых характеризуется, с одной стороны, определенно артикулированной этнической идентичностью, а с другой — определенными (реально¹⁸⁶ наличествующими или желаемыми) институтами суверенитета».

По мнению авторов, выражаемые названными группами этнические требования в скором времени становятся политическими, а имеющиеся политические, экономические или другие требования таким же образом приобретают этническую окраску. Для достижения желаемого результата используются механизмы этнической мобилизации. Известный северокавказский политолог А. Ю. Коркмазов придерживается примерно того же мнения, он подчеркивает: «Этнополитический процесс как социальный феномен представляет собой совокупность динамичных, взаимосвязанных действий этносов, направленных на последовательное решение вопросов общественно-политической жизни, в первую очередь, власти и государства с использованием различных способов принятия решений, управления и функционирования».¹⁸⁷

Этнополитические процессы, протекающие в русле социокультурной адаптации, зависят от того, как различные элементы культуры, социальной и политической структуры соответствуют друг другу, как взаимодействуют между собой различные трансперсональные аспекты этноса, надэтнические и неэтнические, вненациональные структуры (религиозные, экономические и другие инвариантные к структуре конкретного этноса). В ходе анализа, на наш взгляд, следует учитывать и комплекс традиционных правовых норм и представлений, сохраняющих свою социальную значимость в современных условиях.

Индивидуальная направленность федерализма закономерна для России как многосоставного, многосубъектного образования, на-

род которой состоит из десятков разноконфессиональных, разноцивилизационных автохтонных этносов, идентифицирующих себя в рамках конкретных территорий. Спецификой федеративных отношений в России является тот факт, что здесь помимо регионов, только определяющих свои границы и еще не ставших субъектами исторического процесса, есть регионы, в которых сформировались республики, в прошлом имевшие свою государственность и сегодня претендующие на ее восстановление в полном объеме и выраженном в формуле: «больше суверенитета».

Вожденный суверенитет в условиях системного кризиса не принес скороспелых плодов изобилия тем, кто его вырвал в буквальном смысле слова из рук Б.Н. Ельцина, так как не было учтено, что «особенно тяжелые последствия нестабильность имеет для жестко централизованного сложно организованного общества, лишенного таких саморегулирующихся, относительно автономных от государства механизмов, как рынок или натуральное хозяйство. Здесь длительная нестабильность чревата анархией, политическими потрясениями или постепенной дегенерацией общества, одичанием населения, разрушением государственности и основ цивилизованности».¹⁸⁸ Нескончаемый ряд ошибок или попросту невежества представителей власти создали прецедент, когда восторжествовала «сознательная уступка национализму и региональному сепаратизму на основе признания приоритета местных законов над законами центра. Провозглашение приоритета интересов нации над интересами личности, приведшее к невиданному в истории попранию прав человека. Нация стала всем, человек — никем».¹⁸⁹

В условиях глобализации общественной жизни федеративная форма государственного устройства, призванная найти баланс между централизацией и разнообразием, становится особенно актуальной, а социокультурная составляющая федерализма приобретает первостепенную роль, поскольку социокультурное пространство этноса включает в себя все социальные институты: трудовые коллективы, корпоративные объединения, отдельных предпринимателей, государственные и общественные структуры: «Значение социально-культурной составляющей федерализма в последние десятилетия, особенно по мере набирающих темпы процессов глобализации и интернационализации хозяйства, намного возросло, социокультурное измерение пронизывает всю политическую жизнь, представляя собой некую «осевую (или «стержневую») вертикаль», проходящую сквозь всю систему горизонталей отношений многомерного реального и аналитического пространства политической жизни, выполняя в нем по аналогии с кибернетикой и биологией функцию некоего «информационного кода» или «матрицы генотипа».¹⁹⁰

■ В странах с полинациональным составом населения и компактно размещенными этническими меньшинствами федерализм служит не столько целью создания суверенного общества, сколько средством сохранения за собой территориальной целостности. Накоп

ленный опыт показывает, что федерализм, только как форма государственного устройства, не может служить универсальным средством для решения «национального вопроса», поскольку территориальность питает, а не удовлетворяет требования общин и дает этническим и конфессиональным меньшинствам набор мощных политических рычагов для реализации своих политических интересов, облегчает региональным политическим элитам доступ к материальным и другим ресурсам, имеющимся или следующим транзитом через территорию обитания.

На определенной стадии становления, как правило, при условии успешного развития, недалновидные члены этнических групп начинают считать, что, выделившись в самостоятельную экономическую, политическую, государственную единицу, они получают больший выигрыш, чем в состоянии зависимости от существующей крупномасштабной социально-политической системы. Поэтому вопросы о форме государственного устройства возникают как основа конфликтов в кризисные моменты истории. «На территории» постсоветской России начались процессы национального и государственного строительства, которые в одних случаях оказались успешными и ненасильственными, в других — успешными, но насильственными, в третьих — катастрофическими».¹⁹¹ Стало быть, объектом социокультурного анализа может выступать не только этничность сама по себе, но и пути институционализации этничности в многонациональном государстве и его многонациональных составляющих.

Технологическая модель «демократического порядка», несущая с собой унификацию и стандартизацию, не согласуется со структурой внутреннего мира этнического сообщества, сориентированного на поиск форм социальной исключительности, и не может быть безболезненно имплантирована в структуры традиционной повседневной самоорганизации этнических сообществ, не может подменить собой эти структуры. Особенно характерна эта проблема для проведения модернизации в этнических анклавах Северного Кавказа с точки зрения соотношения элементов «модернизма» и «традиционализма» как двух основных моделирующих факторов региональной структуры российского социополитического пространства. При анализе межнациональных отношений в Российской Федерации некоторыми исследователями «принято рассматривать федеративные отношения в России в виде колебаний «централизация — децентрализация», «унитаризация — федерализация», «интеграция — дезинтеграция, деградация». На наш взгляд, «конструктивнее рассматривать федеративные отношения не в этих бинарных противопоставлениях, а в категориях эффективной или неэффективной политики».¹⁹²

Подход, в котором переосмыслена функция традиции в историческом процессе, и она рассматривается не только как носитель консервативного начала, но и инновационного потенциала, более перспективен в исследовании проблемы, когда анализ сосредоточен

ваются на процессах социокультурного развития от общего к частному, поскольку для российского общества в целом и его северокавказской периферии в частности характерен мобилизационный тип развития, осуществляющийся за счет сознательного вмешательства в механизмы функционирования общества и сопровождающийся изменениями в институциональной сфере. Проводя социальную экспертизу курса реформирования в 1996 году, исследователи отмечали, что слепое следование концепции крупнейшего представителя буржуазной политической экономии А. Смита в противопоставлении общества и государства, экономики и государственной политики, да еще под девизом: «Двигаться к прошлому», было губительным курсом для возродившейся России. Было отмечено, что у творцов нового демократического Российского государства «отсутствует целостная концепция консолидации российского общества и укрепления его государственности. Неясным остается вопрос о конкретных механизмах, методах, сроках, экономических источниках реализации...».^{19,1} Таким образом, в 90-е годы XX века срочно требовался «новый курс» реформ, способный вывести Россию из системного кризиса, что в итоге вынудило Б.Н. Ельцина уйти в отставку до истечения срока полномочий.

Концепция модернизации, разработанная западными учеными в первой половине XX века и предложенная для реализации в России группой прибывших из-за границы специалистов, совершенно не учитывала всех российских обстоятельств, поскольку структура «демократического порядка» — это социальная технология человеческого общежития индустриального («конвейерного») типа. Как и любая технология, демократическая модель общества построена на универсализированной нормативной и элементной основе. Попытки выделить какие-либо универсальные структурные принципы, определяющие порядок отношений людей с их окружением во времени, привели лишь к накоплению случайного количества найденных структур и выявлению их относительности, что касается полинационального общества, здесь «особенно важным является то, каким образом институционализированы в данном обществе (и институционализированы ли вообще) этнические группы».^{19,1} Когда эти группы выявлены и отграничены друг от друга, между ними обнаруживается свободное пространство с неопределенными формой и внутренними характеристиками, определяемое как «маргинальное». Существование такого рода маргинальных пространств на социально-институциональном, индивидуальном, дискурсивном уровне рассматриваются как пустоты между структурами, освобождающие место для проявления культурно «несвязанных» импульсов и желаний людей. Часто на интуитивном уровне лидеры используют эту особенность в своекорыстных целях и тогда: «Особенно тяжелыми этнические конфликты могут быть в тех случаях, когда этнокультурные различия являются сильно политизированными, а государственные и общественные институты ослаблены. В таких государствах

политические антрепренеры (фр. *entrepreneur* — предприниматель. — Авт.) смогут без труда осуществить этническую или иную культурную (например, религиозную) мобилизацию».¹⁵⁵ Значит, культурно обусловленная мобилизация этноса становится возможной за счет существования маргинальных межгрупповых пространств. В качестве посредников при разрешении конфликтов могут выступать локальные институты, характеризующие специфические условия жизнедеятельности этноса. Они способны создавать или сохранять устойчивое равновесие, обеспечивать интегративное многообразие и размывать пограничные зоны между вступившими в конфликт группами. Эти институты можно определить как стихийно сформированные и повторяющиеся при определенных обстоятельствах образцы взаимодействия людей.

По классическому определению английского политолога Д. Норта, они представляют собой «правила игры в обществе или, более строго, изобретенные людьми ограничения, которые придают форм-МЗ человеческим интеракциям. Соответственно, они структурируют побудительные причины межличностного обмена — политического, социального и экономического. Институциональное изменение определяет формы эволюции общества во времени и потому является ключом к пониманию изменения исторического».¹⁹¹⁵ При рассмотрении данного вопроса следует учитывать, что социокультурные основания в политической системе и политическом процессе определяют такие его составляющие: набор и поведение участников этнополитического процесса, характер их отношений (консенсусный, конкурентный или конфликтный); доминирующий тип личности (индивидуальный, общинный); конфигурация политических институтов; вектор общественного развития и его скорость (циклическое, линейное, маятниковое). Следовательно, «в отличие от большинства исследующих этнополитические конфликты авторов, отправной точкой для которых служат реальные и имманентные черты этнических групп, необходимо начать с анализа существующих институциональных рамок, упорядочивающих отношения между государством, территорией и этническими группами».¹⁹⁷

Естественный ход событий показывает, что в реальной политической жизни именно власть и государственная бюрократия превращают культурные различия в основу для политической дифференциации между народами и в большинстве случаев провоцируют конфликты в полинациональных сообществах. Отсутствие элементарной культуры общежития и, как отмечает исследователь Т. Сиск, «соблазн создания этнически однородного государства по принципу «наша страна для нашей нации» сегодня в гораздо большей степени, чем когда-либо, рассматривается многими этническими кланами и группами как ответ на их неспособность сосуществовать с другими в общем государстве».¹⁹⁸

Обстоятельства, при которых возникает опасность вызревания конфликта, можно разделить на три категории. Во-первых, это на-

личие и соперничество этнических элит, в результате чего создается базовая динамика для появления этнического конфликта. Сам конфликт появляется при определенных условиях, которые имеют более широкий политический и экономический контекст, чем просто этнические разногласия или расхождения в определении групповых ценностей. Для конфликтующих элит этническая идентичность сама по себе становится ресурсом состязательности, а не обязательством, которое они призваны неукоснительно соблюдать во всех сферах своей деятельности, поэтому «гораздо чаще этнический фактор служит лидерам, а не лидеры служат этнической общности. Именно поэтому элиты изобретают и конструируют историко-культурную традицию, чтобы утвердить свой статус и легитимность».¹⁹⁹ Во-вторых, важным обстоятельством является отношение между элитами и государством: являются ли эти отношения сотрудничеством или противоборством, ведущим к конфликту: «Если это отношения лояльного характера, государство чаще всего содействует укреплению этнических общностей и даже может спонсировать «этническое возрождение». Если элиты периферийного плана подвергают сомнению или вытесняют центральную власть из регионов, населенных отличительными этническими группами, государство может подавлять или отказываться в признании существования подобных групп».²⁰⁰ В-третьих, это наличие в государстве развитых систем коммуникации и прежде всего СМИ, которые позволяют государственной бюрократии и городским интеллектуальным активистам осуществлять «обучение этничности» и мобилизацию, особенно среди сельских общин, где чувство «служения нации» представляется приличной химерой на фоне повседневных забот и коммунальной солидарности. Ключевую роль государства в процессе модернизации и появлении этнического национализма как политизированной формы идентичности в своих работах отмечали Карл Дойч, Эрнест Геллнер, Эрик Хобсбаум,²⁰¹ поскольку один из наиболее распространенных в современном мире вид этнополитического конфликта — конфликт между этнической группой и государством, на территории которого проживает эта группа. При этом в конфликт может быть вовлечена значительная часть этнической группы, особенно если эта группа — этническое меньшинство, в то время как большая часть «титального» этноса может оставаться какое-то время относительно безучастной к развитию событий, пока не будут затронуты глубинные чувства их национального достоинства.

Этническая специфика властных отношений проявляется в своеобразных для каждой культуры манерах поведения, титулах, эпитетах и обычаях. Следует учитывать, насколько формирующиеся институты власти и нормы их функционирования способны организовать жизнь и деятельность населения в бесконфликтных условиях. А. А. Вартумян, исследующий современные этнополитические процессы на Северном Кавказе, пишет: «Этнотерриториальная структура чеченского общества исследована сравнительно поверхностно,

однако имеет огромный потенциал в формировании менталитета чеченцев, их этнонациональных элементов. Выглядит она следующим образом: куп (община) — сектор (союз нескольких купов) — сельская община — районная община. Подобная структура базируется на восстановлении исходных принципов устройства традиционного чеченского общества». ²⁰² Характер политических ориентации в обществе предполагает, что руководству политических группировок принадлежит значительная работа в определении стратегии и тактики. Заметим, что процесс укрепления конституционного порядка в Чеченской Республике и «национального возрождения» чеченцев продолжает сопровождаться реанимацией тейповых, джамаатских, ушельских, фамильных и других патриархальных связей. Если республиканские и федеральные власти допустят, чтобы в этих связях главенствовали представители коррумпированных властных, военных, банковско-коммерческих структур, образующих кланы, контролирующей власть и ресурсы, — не избежать очередного витка напряженности этнополитической обстановки в только что вернувшейся в правовое пространство Российской Федерации северокавказской республике.

Авторитарность и этническая закрытость клановых структур во всех северокавказских республиках является одной из причин ущемления представителей «нетитульного» населения. Следует помнить, что «позиция национальных лидеров Чечни привела к тому, что были подорваны, смяты отношения не только с официальной Россией, но и деформировано доверие русскоязычного населения. Именно конфронтационная политика ко всему русскому, российскому, политическая нестабильность привели к тому, что из пол}1-миллионного населения русских в Чечне к 2001 г. осталось не более 29—25 тыс. (в основном в районах, бывших до 1957 г. в составе Ставропольского края)». ²⁰³ Политический процесс внутри Чеченской Республики и сегодня отличается преобладанием клановых интересов: нынешняя система власти в Чечне основывается на зыбком соглашении между несколькими тейпами, усилившими свое влияние в результате очередного передела власти. Можно предположить, что во внутривнутриполитической жизни Чечни еще долго будут играть видную роль ведущие тейпы. Как организация, гибко сочетающая землевладельческий и кровно-родственный принципы, тейп оказался очень устойчивым и способным жить в современных условиях. Прежде всего, оказалось, что в кризисных ситуациях тейп смог взять на себя обязанность защищать личность и гражданское достоинство человека. Это очень важный сдерживающий фактор в условиях современной Чечни. Следует обратить внимание и на то, что после распада СССР в 1991 г., когда советская партийная номенклатура оказалась не у дел, инициативу тейповых собраний в Чечне вначале старались перехватить старые партийные кадры, работавшие во власти. Но в начале 1990-х годов члены тейпов часто выступали против собственных коррумпированных советских

чиновников, помня их любовь к мздоимству со времен депортации. В период неустойчивого равновесия в чеченских тейпах все больше возрастала общедемократическая тенденция. Бурно обсуждался вопрос об опоре на тейп при строительстве нового чеченского национального государства. Причина же неудачи практики создания тейповых структур во власти состояла в особенностях грал<данско правового сознания населения и политиков, определяющем влиянии криминально-коррупцированных сил и связей, которые использовали в своих интересах политическую мобилизацию по этническому и джамаатскому (местническому) принципу.

На местном уровне бытует мнение, что традиционная структура управления с равномерным представительством тейпов в законодательном органе (парламенте) — залог внутренней сплоченности чеченского общества. Президент, чья выборность не противоречит чеченскому институту выбора руководителя-военачальника, становится выразителем общенациональных интересов и, опираясь на решения Совета республики, получает возможность осуществления самых решительных и эффективных действий, направленных на благо Чеченской Республики. В такой конструкции власти не будет оппозиции, потому что ни один чеченец не посмеет открыто выступить против решения своего тейпа, на согласии с которым основываются действия президента.

В это же время предпринимаются попытки усиления роли Совета республики (мехк — кхелы) в руководстве Чечней, что объясняется сложностью восстановительного периода борьбы правоохранительных органов с проблемами роста преступности, антиобщественных нравов, других негативных явлений. В силу этих особенностей традиционная тейповая структура чеченского общества, на наш взгляд, оказывает и будет оказывать в перспективе существенное влияние на общественно-политическую обстановку в республике.

Для долговременной и продуманной национальной и федеративной политики Российской Федерации в начале XXI века необходимо, на наш взгляд, создать благоприятные политико-правовые условия для саморазвития народов с учетом их национальных особенностей, избрать типологически более индивидуализированные, приемлемые для конкретного региона государственные ориентиры. При этом, на наш взгляд, меньше копировать и машинально переносить в этнополитическую ткань Северного Кавказа «образцы» межнациональных отношений и этнополитических процессов в «цивилизованных странах». Следует особо подчеркнуть, что народы всего Кавказа, даже если и отстают в чем-либо от более развитых европейских народов (в экономике, политике, в военном деле и т.д.), все равно хотят быть самими собой. Мало кого из них может увлечь перспектива стать англичанами, французами, датчанами и шведами.

При известных потерях и трансформациях, которые претерпели культуры народов Кавказа, многие коренные основы традиционно го быта и мировоззрения кавказцев сохранились и продолжают ока

зывать сильное воздействие на формирование современного этнокультурного облика народов. Некоторые традиционные институты кавказцев в XX веке были разрушены насильственно, другие отмерли в сил}' своей невостребованности и архаичности. При этом необходимо обратить внимание на то, что «на Северном Кавказе возможно сосуществование государственной и традиционной правовых систем при последней как дополняющей. Правовой плюрализм, который существует и развивается во многих странах, в этом регионе может оказаться более эффективным, чем «единое правовое пространство».²⁰⁴

Нет сомнения в том, что, откладываясь в исторической памяти народа и являясь частью стереотипного поведения на определенном историческом этапе, при наличии сходных внешних условий возможно возрождение некоторых обычаев и даже целых институтов, способных укрепить государственную власть для всеобщего блага. Несомненно и то, что возрожденный таким образом институт будет иметь качественно иную специфику и может быть вызван неудовлетворенностью имеющейся системой: «Любое объяснение как этнополитической стабильности, так и «горячего» этнополитического конфликта должно начинаться с анализа институтов, определяющих взаимоотношения между различными «мы»-группами. Эти взаимоотношения могут принимать форму либо параллельного, либо конкурентного, либо интегративного многообразия. Учитывая, что мы имеем дело с особыми «мы»- группами, проживающими на одной территории и в рамках единого государства, только последняя альтернатива способна обеспечить прочный этнополитический порядок».²⁰¹ Нам такая точка зрения представляется логичной и убедительной.

Устойчивость традиционных местных институтов, демонстрирующих свою исключительную жизнеспособность, объясняется несколькими обстоятельствами:

— национальное устройство сегодняшней Российской Федерации является следствием российской, а затем советской колонизации приграничных зон; однако, когда государство пытается расширить свои владения и распространить свои правила и нормы на вновь приобретенное пространство, оно, как правило, упраздняет некоторые из местных институтов. Вследствие чего учредить новые институты значительно сложнее, чем включить в способ управления уже имеющиеся;

— включение периферийных территорий администрацией практически всегда бывает неполным; центр способен преуспеть в регулировании через свои институты стратегических областей политики, но другие сугубо местные аспекты общественной жизни нередко оказываются вне сферы центрального управления;

— существующие местные институты приспосабливаются к новым условиям и, в конечном счете, могут слиться с ново'становленными, но даже в этом случае и те и другие сохраняли свои организационные характеристики;

—на местном уровне действуют формальные и неформальные институты, которые в состоянии не допустить трансформации потенциального насилия в открытое противостояние; эти институты модифицируют или блокируют структурные «допускающие» насилие условия, предотвращая тем самым сползание к войне. Другими словами, «растет потребность в общих институтах, которые могли бы обеспечить интегрированное многообразие, являющееся для многонациональных и поликонфессиональных республик и краев в составе Российской Федерации условием их этнополитического равновесия».²⁰

В результате можно сформулировать несколько выводов, которые, по нашему мнению, характеризуют этнополитический процесс на Северном Кавказе в целом и в Чеченской Республике в частности:

—в северокавказских этнических сообществах сфера политики не отделена от областей общественных и личных отношений, т.е. от социокультурной составляющей жизнедеятельности этноса: принадлежность к тому или иному вирду и тейпу, верность тому или иному тарикату играет определенную роль не только в религиозной, но и в политической ориентации чеченцев, что делает их общество структурно близким к существующим мусульманским государствам не светского типа;

—во всех политических отношениях, действиях и взаимодействиях социокультурное выступает, с одной стороны, как условие или среда той или иной политической активности, с другой стороны, обеспечивает цикл воспроизводства политической жизни. Таким образом, культура подытоживает результаты опыта политической деятельности, продуктом чего является развитие старых или становление новых политических традиций;

—эмоциональные и символические аспекты политики, как правило, оттесняют на второй план поиски решений конкретных вопросов и общих проблем: насколько можно судить по событиям постсоветского периода, менталитет и уровень политико-правовой культуры чеченского общества таковы, что даже идеально составленная конституция вряд ли станет в обозримом будущем единственным и самым надежным регулятором общественных отношений в республике. Конституция будет служить скорее ориентиром для наиболее продвинутых слоев общества, которым (как и центральной власти) так или иначе придется считаться с существующими национальными обычаями и традициями, нередко не вписывающимися в конституционные рамки;

—на Северном Кавказе²⁰⁷, если исходить из принципа «главное — результат», возможно сосуществование государственной и традиционной правовых систем в качестве последней как дополняющей. В этом случае «главное — это улучшение правления, а не административные переделы. В некоторых республиках имеются позитивные политические инновации в области коллективного правления и об

щинного представительства, хотя принцип этнических курий или партий имеет серьезные ограничители и может нести конфликтотенный потенциал»:²⁰⁸

—федерализм все более становится способом управления полиэтничным регионом, и для Российской Федерации должна быть принята модель «одно государство — разные региональные модели власти». При этом, как подчеркивает известный специалист-конфликтолог, профессор Е.И. Степанов, «единственно надежными и эффективными способами и средствами, совпадающими с задачами демократизации общественных процессов и отношений, становятся внимательное изучение и оценка настроений и поведения населения, устремлений его различных групп и слоев и адекватное их выражение в соответствующих законодательных актах, управленческих решениях и политических действиях, призванных их соотнести и согласовать»,²⁰⁹

—выполнение перечисленных условий возможно при постепенном переходе к постиндустриальному обществу и выполнении следующих условий:

«В сфере политики — осуществить переход от «вертикальной» партнократической представительной демократии индустриального общества — (цивилизации) к вертикально-горизонтальной тотальной демократии постиндустриального общества (постцивилизации).

В сфере экономики — от рыночно-потребительской индустриальной экономики к экономике социальной и экономической самодостаточности.

В духовно-нравственной сфере — от идеологии и этики силовой конфронтации к мирному сосуществованию и развитию гуманистических культур, традиций, религий.

В социальной сфере — от социального неравенства, эксплуатации к солидарности, партнерству, ко всеобщим универсальным гражданским свободам, незыблемости прав личности.

В сфере экологии — от эры покорения и \ничтожения окружающей среды к началам ноосферы».²¹⁰

2. Предпосылки развязывания военных действий на Северном Кавказе

Вайнахский этнос, представленный чеченцами и ингушами, на протяжении нескольких столетий обращает на себя внимание политиков, историков, этнологов, военных, социологов тем, что упорно сохраняет свое мировоззрение на взаимоотношения с соседями, на свое особое место в многонациональном обществе, населяющем Кавказ. Вайнахи сохраняют и свой особый национальный менталитет. Как и следовало ожидать, с разрушением СССР в Российской Федерации возник вакуум власти, чем незамедлительно воспользовались радикально настроенные лидеры (в начале 90-х годов их на

зывали «неформальными лидерами») Чечено-Ингушской Республики, разделившие бывшую автономную республику в составе РСФСР на «независимую» Чеченскую Республику и Республику Ингушетия в составе Российской Федерации. На территории Чсч ни все политические права были фактически узурпированы радикально настроенными чеченскими сепаратистами и националистами, которые совместно с недалёковидными политиками из Москвы привели республику, в целом Российскую Федерацию, к глубокому и затяжному кризису. Сразу же в Чечне все политические права были узурпированы радикально настроенными националистами, действия которых с известным участием российских политиков привели республику к катастрофе.

Новая власть в лице общественной организации — Общенационального конгресса чеченского народа (ОКЧН) в июне 1991 года во главе с З. Яндарбиевым, Я. Мамодаевым и Д. Дудаевым сформировали первые незаконные вооруженные формирования (НВФ) и развернули в республике беспрецедентный прессинг других этносов. Нашли свое реальное подтверждение доводы ставропольских ученых — соседей Чеченской Республики: «Национализм всегда агрессивен, даже в относительно «мягких» проявлениях. Эта агрессия всегда направлена вовне: формируется образ «врага» и «козла отпущения».²¹² Этим «врагом» оказались преимущественно русские, проживающие на территории республики. Новые руководители своими сепаратистскими призывами стали целенаправленно разрушать сложившуюся к этому времени этнополитическую реальность, что в итоге привело к власти беззакония, к хаосу, к трагедии общероссийского масштаба.

В соответствии с диалектическим законом единства и борьбы противоположностей «этнополитические отношения усваивают внешнее воздействие со стороны этнических, политических, религиозных, экономических, экологических, демографических и иных факторов и находятся в постоянном изменении — флуктуациях (лат. fluctuatio — колебание. — Авт.)».²¹² Если флуктуация целенаправленно или случайно окажется «достаточно сильной, чтобы возникли необратимые процессы в развитии этнополитической системы Северного Кавказа, она может либо качественно измениться, либо вообще разрушиться, перейти из структурного порядка в хаос»,²¹³ что мы наглядно увидели на примере Чечни 90-х годов XX века.

В середине прошлого века ученые математики, такие как Х. Уитни, Р. Том, Дж. Мазер, М. Верри, Дж. Най, В. Арнольд и другие, развили и дополнили математическим аппаратом работы А. Пуанкаре, А. Андронова, К. Зимана, С. Смейла, получив, таким образом, новый раздел естествознания, позволяющий математическим путем описать социальные явления.

Теория катастроф, в которой применяются особенности, бифуркации (лат. bifurcatio — раздвоение, разделение, разветвление чего-либо) и катастрофы — «термины, описывающие возникновение дискретных

структур из гладких, непрерывных»,²¹⁴ нашла свое применение в исследованиях «устойчивости кораблей, моделирования деятельности мозга и психических расстройств, восстаний заключенных в тюрьмах»²¹⁵ и других областях, казалось бы, далеких от математики. Следует признаться, что мы не располагаем уникальными способностями производить вычисления всех этнополитических процессов, происходивших в чеченском обществе в 90-е годы XX века, но оставляем за собой право продолжать исследования в этой области. Заметим, что некоторые положения этой теории, на наш взгляд, можно использовать в исследовании политической истории Чечни конца XX—нач. XXI века. Следуя положениям этой теории, при возникновении случайного фактора, влияющего на усиление флуктуации, вероятно возникновение необратимых процессов, в данном случае в этнополитической системе. К случайным факторам можно отнести, на наш взгляд, насильственный захват власти в Чечне лидерами сепаратистского и националистического толка, что усилило флуктуации в массовом сознании чеченского общества. Далее 27 октября 1991 года последовали фиктивные выборы президента и парламента Чеченской Республики, участие в которых приняли всего 10—12 процентов избирателей, а после обнародования 2 ноября 1991 года указа «Об объявлении суверенитета Чеченской Республики» флуктуации стали близки к апогею. Начался первый отток беженцев из Чечни, среди которых были русскоязычные граждане, скрывающиеся от физической расправы и разбойных нападений различных местных криминальных группировок, политические оппоненты Д. Дудаева и растворившиеся среди них шпионы и диверсанты.

Пришедшие к власти чеченские сепаратисты приступили к созданию незаконных вооружающих формирований, на которые возлагалась обязанность защиты, прежде всего, новоявленных лидеров «независимого» чеченского государства. Приобрела широкомасштабный характер экономическая диверсия против Российской Федерации, заключающаяся в том, что «из Чечни пошел поток фальшивых авизо, фальшивых денег, начались спекуляции с нефтью, грабежи железнодорожных составов».²¹⁶ Бандитизм с националистической окраской стал для Чечни своеобразной нормой поведения, которая носила «характер возмещения З'щербa за все беды», полученные вайнахами от России от Кавказской войны XIX века до сталинской депортации. В этой обстановке в соседних с Чечней Ингушетии и Северной Осетии флуктуации достигли критической точки, именуемой в теории катастроф точкой бифуркации. Сильнейшим, на наш взгляд, фактором, де-стабилизировавшим и без того напряженную обстановку в регионе, стало оставленное без ответа обращение представителей Ингушетии к президенту РСФСР Б. Ельцину, которое мы для большей достоверности приводим полностью:

«Уважаемый Борис Николаевич!

В связи с резким обострением общественно-политической ситуации в Чечено-Ингушетии и на Северном Кавказе считаем необходимым заявить следующее:

ингушский народ, сделавший весной этого года однозначный выбор в пользу демократии, связывал с ним надежды не только на территориальную реабилитацию, но и на восстановление своей государственности в составе РСФСР с административным центром в г. Владикавказе. Наш народ не потерял веру в Ваше слово, данное Вами на митинге в г. Назрани 24 марта с.г.*

Однако фактическое бездействие руководства Российской Федерации в реализации закона РСФСР «О реабилитации репрессированных народов» ставит ингушский народ сегодня перед выбором: быть ему в составе России или вне России».²¹⁷

Обращаем внимание на язык ультиматума, которым составлено письмо. Он характерен для того периода времени, тем более, что оно подписано не случайными людьми, а членами рабочей группы комиссии Совета министров РСФСР по реализации закона РСФСР «О реабилитации репрессированных народов» в Чечено-Ингушской и Северо-Осетинской республиках народным депутатом СССР Х.А. Фаргиевым и проректором Чечено-Ингушского педагогического института доцентом Т.Х. Муталиевым. Последовавшие за этим в октябре 1992 года провокационные убийства осетин из Северной Осетии привели общества двух соседних республик в точку бифуркации, которую для наглядности предлагаем назвать *causa arma cario*** — с этого момента начинается непосредственно конфликт с катастрофическими последствиями.

Мы считаем необходимым сделать особый акцент на этом событии, так как на территории постсоветской Российской Федерации это был невиданный антиконституционный прецедент попытки решения спорных политических вопросов силовым способом. До настоящего времени нигде не приводился анализ действий сторон конфликта, касающийся мобилизационных мероприятий и вооружения противоборствующих сторон конфликта. По этому поводу много материалов было собрано парламентской комиссией по Чечне, которую возглавлял «до 1993 года заместитель председателя Верховного Совета Ю. Яров, через которого шла вся информация по Чечне».²¹⁸ К сожалению, в результате штурма здания Верховного Совета Российской Федерации в октябре 1993 года многие документы были утрачены, а в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ) в описи № 4 дел постоянного хранения постоянных комиссий палат, комитетов Верховного Совета Российской Федерации, комиссий Президиума Верховного Совета Российской Федерации, временных комиссий Верховного Совета Российской Федерации, Парламентского Центра Верховного Совета России

* На документе сделана надпись от руки: «Справки членов Правительственной Комиссии о реализации Закона РСФСР «О реабилитации репрессированных народов» в отношении Чечни и Ингушетии. Копии, подлинники». 1 ноября 1991г.

** *Causa arma cario* — (лат.) причина взяться за оружие

кой Федерации за 1990—1993 годы осталась лаконичная запись: «В составе документов Комиссии по федеративным и межнациональным отношениям отсутствуют подлинники протоколов заседаний комиссии за 1990, январь — июнь 1991 года, 1993 годы, сохранились копии, проекты, черновики протоколов и документы к протоколам, из них сформированы дела и включены в настоящую опись».²¹⁹ Мы преднамеренно употребили слово «утрачены», говоря о материалах работы комиссии, так как есть уверенность в том, что через какое-то время эти документы (или их копии) могут опять появиться для иллюстрации какой-нибудь политической ситуации. И все-таки кое-какие материалы по данной теме остались. Так, например, в информационном материале «о некоторых вопросах положения в Чечне», подготовленном В. Сыроватко и С. Степашиным на имя первого заместителя председателя Верховного Совета Российской Федерации, члена Совета Безопасности Российской Федерации Ю. Воронина и секретаря Совета Безопасности Российской Федерации Е. Шапошникова, изложено следующее: «В распоряжении воинских формирований Чечни, включающих помимо националистических и преступные элементы, оказалось: танков — 42; БТР и БМГ1 — 37; установок залпового огня «Град» — 18; артиллерийских орудий и минометов — 115; гранатометов — 138; тяжелых пулеметов — 226; автоматов — 28139; всего стрелкового оружия, в том числе пистолеты и карабины — 41 тысяча штук, автомобильной техники около 500 единиц; запасов материальных средств — около 60 тысяч тонн; боеприпасов к стрелковом} оружии 14,5 миллионов штук; к танкам — 9770 штук; к БМП — 12000 штук, к наземной артиллерии 8036 штук; к зенитной артиллерии — 1800 штук; к установке «Град» — 658 штук; к минометам 591 штука, ручных гранат — 142407 штук, ПТУ РС — 565 штук; инженерных боеприпасов — 322 тонны; учебных реактивных самолетов — более 150 единиц, средства связи ФАПСИ».²²⁰ В этих же документах начальник Главного управления правительственной связи Л. Каландин докла} дывал Комитету Верховного Совета Российской Федерации по вопросам обороны и безопасности: «До настоящего времени на территории Чеченской Республики имелось 55 комплектов шифртехники нескольких типов, которая используется на сетях специальной связи Российской Федерации и Содружества Независимых Государств».²²¹ Вполне возможно, что эта техника использовалась чеченскими сепаратистами для прослушивания переговоров руково дящего состава группировки с центром и, несомненно, в полном объеме использовалась для связи внутри республики мел<ду неза конными вооруженными формированиями.

Нет ничего удивительного в предположении о том, что с началом осетино ингушского конфликта 1992 г. часть именно этого оружия была получена ингушской стороной от братьев-вайнахов из Чечни. Осетинской же стороне оно было передано армейскими частями после пресечения российскими войсками попытки захвата Вла

дикавказ боевиками из Назрани в конце октября 1992 года. По нашему мнению, это событие — попытка решения территориальных претензий силовым способом — было прелюдией к чеченской катастрофе. В данной ситуации причиной межэтнического конфликта, как в большинстве случаев, стал территориальный спор и «поскольку этносы — территориально организованные общности людей, постольку любое посягательство на этническую территорию (истинное или мнимое) воспринимается как посягательство на само существование этноса».²²² Понятно, что при такой постановке вопроса кровопролитие почти неизбежно. Даже через 16 лет после вероломного вооруженного нападения ингушских национал-экстремистов на Северную Осетию в 1992 году продолжают иметь место территориальные притязания Республики Ингушетия к Республике Северная Осетия-Алания, которые документально были оформлены на II съезде ингушского народа 9—10 сентября 1989 года в городе Грозном и в конституции самой молодой республики Российской Федерации.

Важно отметить, что эти территориальные притязания до сих пор подогреваются определенными кругами Ингушетии. Проблема осложняется тем, что немало ингушских журналистов, политологов, публицистов, политиков и историков продолжают фальсифицировать не только историю ингушей и осетин, но и осетино-ингушские взаимоотношения. Целенаправленной фальсификации подвергаются взаимоотношения двух соседних народов в послевоенный период (с 50-х годов XX века), когда ингуши вернулись на историческую родину. Подробный анализ причин и сущности этих фальсификаций содержится в объемной статье одного из авторов настоящего исследования.²²³

В результате развязанной ингушскими национал-экстремистами недельной территориальной войны на территории Северной Осетии генерал Д. Дудаев получил наглядный пример того, каким способом российские политики, в частности президент Б.Н. Ельцин, решают межнациональные споры и разногласия. Этот кровавый пример он стал активно использовать в своих пламенных сепаратистских выступлениях. В результате нагнетания национального и сепаратистского психоза напряженная ситуация сложилась на всей территории бывшей Чечено-Ингушской Республики в отношениях между «титовыми» и нетитовыми народами, в особенности потомками терских и Сунженских казаков. В первые годы советской власти на волне расказачивания именно эти представители казачества подверглись геноциду со стороны органов государственной власти. Большевикам в этом активно помогли вайнахи. Мотивы этого события известны истории — в августе 1918 года Г.К. Орджоникидзе «призвал оказать помощь защитникам Владикавказа. За такую помощь обещал отдать ингушам казачьи земли».²²⁰ Традиции дискриминации по национальному признаку продолжили чеченские сепаратисты в конце XX века, еще до начала войсковой операции по разоружению незаконных вооруженных формирований и восста

новленшо конституционного порядка на территории Чеченской Республики в 1994—1996 году. Из 255 тысяч (30%)²²³ русских на сегодняшний день в Чечне осталась 3,7%.²²⁵ Заметим, что определенная часть вайнахов твердо уверовала в то, что в недельной территориальной войне, развязанной ингушскими национал-экстремистами на территории Северной Осетии в 1992 году, русские встали на стороне осетин. Этот факт, на наш взгляд, сыграл не последнюю роль в «бесшумном» выдавливании или насильственной ассимиляции русскоязычных этносов по всей территории бывшей ЧИ АССР. До сих пор продолжается отток нетитульных народов из Чечни и Ингушетии, и что самое поразительное — процесс пущен на самотек и имеет тенденцию к необратимости. Лозунг, брошенный однажды Д. Дудаевым: «Чечня для чеченцев», постепенно находит свое материальное воплощение, а дело уничтожения казачества, начатое Я.М. Свердловым в первые годы советской власти, на территории Чечни завершено — казаков истребили как народ и как класс.

На наш взгляд, в анализе российско-чеченской войны интересен эпизод, который приводит в своем фундаментальном исследовании «Общество в вооруженном конфликте (Этнография чеченской войны)» член-корреспондент РАН В.А. Тишков: «Чеченским лидерам представлялось, что ингуши слишком лояльны к России и если ингушское национальное движение желает создавать республику в составе РСФСР, то пусть они это делают, отвоевывая себе территорию у Северной Осетии».²²⁷ Конечно, такая точка зрения имеет право на существование. Тем более, что она не лишена логики. В то же время следует иметь в виду, что у ингушских лидеров была надежда на приращение территории из рук президента России в силу данного им необдуманного обещания. Вполне допустимо, что от руководства Чечни, находящегося в конфронтации с российским руководством, лидеры Ингушетии предпочли дистанцироваться ради достижения своей цели. Возможно, существовал и тайный план лидеров Чечни и Ингушетии, суть которого можно сформулировать, следующим образом. В случае получения Ингушетией территорий Пригородного района РСО—Алания и при положительном для Д. Дудаева и его сторонников развитии сценария отделения Чечни от России, в скором времени обе вайнахские республики могли объединить свои усилия в присоединении к своему блоку Дагестана и создании «Великой Ичкерии от Черного до Каспийского моря». Об этом недвусмысленно заявлял З. Яндарбиев после заключения Ха-савьуртовского соглашения 1996 года — дальнейшая цель чеченских сепаратистов состоит в достижении полного суверенитета и создания условий для доминирования на Северном Кавказе. Для реализации этой грандиозной антироссийской идеи был разработан пятилетний план, включавший три этапа:

1. Полный вывод российских войск из Чечни: при этом предусматривалась необходимость создания условий для захвата выводимой техники и оружия путем подкупа и применения силы.

2. Подрыв экономики России путем создания «черной дыры», то есть с помощью подкупа, шантажа и запугивания должностных лиц. Перенаправление средств, выделенных на восстановление хозяйства Чечни, в теневые структуры. Осуществление выброса на российский рынок фальшивой денежной массы (имелись сведения о наличии типографии для производства фальшивых денежных знаков России в селе Хал-Килой).

3. Дестабилизация обстановки на Северном Кавказе путем разжигания межнациональной розни. После этого — укрепление своего влияния в качестве миротворческой и объединяющей силы.²²⁸

В дальнейшем предусматривалось создание единого исламского государства «от Ростова до Черного моря». Обращаем внимание на то, что это не сотканное из воздуха предположение, а часть плана по созданию мусульманского фундаменталистского государства на территории бывших советских республик, изъятого силовыми структурами в период проведения контртеррористической операции у арабских наемников.²²⁹

Вскоре после вооруженного нападения национал-экстремистов Ингушетии на Северную Осетию в начале 1993 года чеченские лидеры получили в свое распоряжение много материала для пропаганды своих сепаратистских целей, а федеральный центр стал осознавать всю опасность раскола территориальной целостности Российской Федерации на Северном Кавказе. Необходимы были шаги, направленные на устранение кризисной ситуации мирными способами, «однако приближающееся к развязке соперничество Б.Н. Ельцина и М.С. Горбачева парализовало действия центра и косвенно продолжало способствовать чеченскому сепаратизму».²³⁰ По нашему мнению, федеральный центр несет даже большую ответственность, чем чеченские сепаратисты и националисты, за чеченский кризис, трансформировавшийся в российско-чеченские войны в 90-е годы XX века. В этой связи заслуживает особого внимания интервью профессора М. Исраилова, данное еженедельнику «Аргументы и факты» в 1995 году, где было заявлено, что о нелегитимности нынешнего президента ЧР—И. Д. Дудаева следовало бы говорить в случае отправки российских наблюдателей на выборы 1991 года. Но поскольку этого не было сделано Москвой, то «сегодняшняя вооруженная попытка отстранения Дудаева от власти — это пощечина всему чеченскому}’ народу, и тем, кто голосовал в 1991-м «за» Д. Дудаева, и тем, кто был «против» него».²³¹ С этим выводом трудно спорить. Сепаратизм чеченцев напрямую связан с сепаратизмом «Беловежской пуши», при условии твердости и последовательности действий Горбачева по отношению к Ельцину, Шушкевичу и Кравчуку не произошло бы развала СССР, и Чечня не ввязалась бы в авантюру выхода из состава Российской Федерации. По сути дела она «объявила о своей независимости по действовавшей тогда Конституции РСФСР, по которой каждый народ имел право на самоопределение».²³² Таким образом, необходимые формальности были

соблюдены. Более того, раздавая суверенитеты, Б. Ельцин действовал в этой революционной ситуации по-ленински верно: «Мы тем более обязаны признать свободу отделения, что царизм и великорусская буржуазия своим угнетением оставили в соседних нациях тьму озлобления и недоверия к великорусам вообще, и это недоверие надо рассеять делами, а не словами».²³³

Справедливости ради отметим, что тьму озлобления и недоверия к вайнахам со стороны людей, десятки лет проживших с ними в одной республике, вызвали массовые бандитские вылазки вооруженных холодным и огнестрельным оружием националистов. Одним}' из авторов настоящего исследования по долгу службы в 1993 году пришлось оказывать содействие русскоязычному}' населению Республики Ингушетия, которое со слезами умоляло о помощи выехать и вывезти оставшееся после неоднократных набегов бандитских шаек скудное имущество в соседний Ставропольский край. Это было настоящее бегство. Русских и русскоязычных систематически запугивали. Тех, кто не испугался — избивали, используя засады, если не было возможности сделать это открыто. Тех, кто не испугался побоев, зачастую находили убитыми. Чеченским и ингушским националистам нужны были сломленные, разобщенные, не способные противостоять политически представители других этносов, которым оставили в удел вырождение или паническое бегство из республики. Абсурдность ситуации заключалась в том, что Ингушетия и Чечня в то время, как и сейчас, были частью Российской Федерации, получали от нее финансы и материальные средства, а ставшие у власти местные националисты и сепаратисты развязали против российских граждан — своих соотечественников — настоящий террор, добивали их морально и физически. Отсутствие доверия к центральной власти и низкая самоорганизация привели к массовом}' оттоку русскоязычного населения за пределы республик, населенных вайнахами.

К этому времени в республике еще не наступил апогей напряженности — *causa agna cario*. Оппозиция в Чеченской Республике готовилась отобрать власть у Д. Дудаева и тем самым ускоряла приближение этого события. По нашему мнению, не будь попытки оппозиции в Чеченской Республике силой отобрать власть у сепаратистов, да еще и при откровенной поддержке российских силовых структур, то масштабного вооруженного противостояния в Чечне в 1994—1996 годах году удалось бы избежать.

Разрушенные в процессе перестройки спецслужбы утратили свой профессионализм, потом}' что иначе как бездарной не назовешь мы акцию по захвату Грозного 26 ноября 1994 года оппозицией и российскими военнослужащими, составлявшими только экипажи танков. Циничные заявления представителей Министерства обороны Российской Федерации о том, что попавшие в плен к чеченским незаконным вооруженным формированиям военнослужащие не числятся в списках личного состава Вооруженных сил и действовали в

роли наемников исключительно по собственной инициативе — не что иное, как неуклюжая попытка российских спецслужб скрыть от общественности истинных организаторов акции. До этого события оппозиционеры в Чечне неоднократно пытались самостоятельно свергнуть генерала Д. Дудаева. Так, 22 августа 1994 года оппозицией был выдвигнут ультиматум с требованием к президенту ЧР— И Дудаеву до 25 августа добровольно уйти в отставку. Для подтверждения своих решительных намерений 24 августа вооруженные отряды на БТР под руководством Б. Гантемирова подошли к Грозному, но в городском районе Черноречье они были остановлены танками из верных Д. Дудаеву подразделений. Стычка закончилась без вооруженной борьбы. В результате переговоров оппозиционеры ретировались. Затем был ряд боестолкновений в районах Аргуна, Толстой-Юрта, Урус-Мартана, закончившихся потерями с обеих сторон. Наиболее кровопролитным и жестоким по характеру действий был штурм дудаевцами в ночь с 4 на 5 сентября города Аргун. Несмотря на эти успехи, в октябре наметился разлад в стане действующего президента ЧР—И. В Толстой-Юрт к Р. Хасбулатову, возглавлявшему миротворческую миссию, «стали прибывать командиры дудаевских формирований для ведения переговоров о переходе на сторону Временного совета».²³⁴

На наш взгляд, это был шанс отстранить от власти в Чеченской Республике Д. Дудаева. Однако в силу того, что в то время президентом Российской Федерации Б. Ельциным руководили скорее личные, чем государственные чувства, реализовать этот шанс не удалось. Р. Хасбулатов недавно был освобожден из Лефортовской тюрьмы как один из руководителей противостояния у Белого дома в октябре 1993 г., видеть в нем нового руководителя вооруженной до зубов мятежной республики глава государства, скорее всего, категорически не хотел. Заметим также, что оппозиция в Чеченской Республике сама не смогла выдвинуть из своих рядов достойного организатора противодействия генерал}' Д. Дудаеву. Примечательно по этом}' по поводу интервью с М. Эсамбаевым в конце 1994 года, в котором было заявлено, что «Дудаев — настоящий президент. Бандиты Гантемиров, Автурханов, Хасбулатов, называющие себя оппозицией, ему не ровня...» и далее: «в России слишком много людей заражено сейчас великодержавным шовинизмом, а в Чечне — национализмом. Отсюда и вражда...». Заставить Б. Ельцина не прислушиваться к Р. Хасбулатову могла мысль, что последний «хочет сесть в кресло в Чечне, чтобы потом отомстить России за свое фиаско».²³¹ Оставлять без внимания мнение видного политического деятеля, популярного не только на своей исторической родине, но в целом и в Российской Федерации, долгое время работавшего в руководящих органах СССР, на наш взгляд, не стоит, хотя оно тоже несет в себе сильную эмоциональную окраску. Эти цитаты приводятся здесь для того, чтобы акцентировать внимание на психологическом и эмоциональном напряжении, характерном для того периода.

Затем последовали еще две безуспешные попытки У. Автурханова силой овладеть Грозным. Это побудило президента Дудаева ввести военное положение и объявить мобилизацию мужского населения Чечни с 17-летнего возраста. Таким образом, к неудавшемуся совместному захвату Грозного 26 ноября 1994 года в Чечне уже прошла мобилизация и весь город превратился в крепость, кишевшую вооруженными боевиками. По мнению авторов книги «Чеченский узел. Хроника вооруженного конфликта 1994—1996 гг.» генерала А. Куликова и полковника С. Лембика: «Операция провалилась из-за предательства чеченской оппозиции, не поддержавшей ввязавшиеся в бой на окраине Грозного российские танковые экипажи...».²³⁶ Было напрочь забыто заключение генерала А.И. Деникина, сделанное им на Северном Кавказе в ходе гражданской войны о том, что «Чечня, раздираемая внутренними междоусобиями, разделенная на 50—60 враждующих партий по числу влиятельных шейхов, склоняясь то к турецкой, то к большевистской ориентации, проявила, однако, полное единение в исторической тягбе с русскими колонизаторами».²³⁷

Этот провал российских спецслужб и ознаменовал собой новый этап в противостоянии Москвы и Грозного. Авторам настоящего исследования приходилось слышать от очевидцев этого события несколько иную версию о том, что на подходе к Грозному экипажи заняли свои места по-боевому, то есть, закрыв танковые люки. Таким образом, видеть, как ведут себя оппозиционеры, сидящие десантом на броне танков, они не могли. Танковая колонна по заранее согласованному маршруту вошла в город без выстрелов, прошла в его центр и остановилась в ожидании дальнейших указаний. Десанта на танках к этому} времени уже не было, он разбежался «громить коммерческие ларьки»,²³⁸ а возможно и смешался с боевиками. Через несколько минут начался расстрел чеченскими боевиками танков в борт с близкого расстояния из гранатометов. Для всех жителей Чеченской Республики это стало показательной расправой бравых дудаевцев над посмевающимися посягнуть на суверенитет республики российскими военными. Как бы то ни было, этот эпизод во взаимоотношениях Чечни и России стал *causa arma cario* конфликта, с этого момента сомневающиеся чеченцы без размышлений примкнули к «победоносному» Д. Дудаеву против «агрессивного оккупанта» — федерального центра. В этом порыве чеченцев поддержали ингуши, у которых наблюдался «невиданный подъем: наконец-то, наконец-то этим русским солдатам дали по ушам!»²³⁹ и дагестанцы, где после 11 декабря 1994 года «армия только в первый день потеряла в Дагестане 47 пленными — это, еще не заходя на дудаевскую территорию».^{2,10} В целом этнополитическая ситуация в мятежной республике сложилась таким образом, что общепринятые нравственные нормы морали были вытеснены национальной целесообразностью, что развязало руки маргиналам-националистам, которые уже открыто продолжали терроризировать не успевших вые

хоть из Чеченской Республики представителей других этносов. В Чечне начался самый широкомасштабный отток русскоязычного населения, вскоре превратившийся в бегство. Беззащитные и напуганные до смерти люди бросали имущество, брали с собой только самое необходимое и любыми доступными способами выезжали в соседние Северную Осетию, Кабардино-Балкарию, Ставропольский и Краснодарский края. Аналогичное явление началось и в Дагестане, который в то время открыто поддерживал режим генерала Д. Дудаева в Чеченской Республике.

Следует подчеркнуть, что демократическое крыло в правительстве Российской Федерации, горячо поддерживавшее дудаевские преобразования, попало в кризисную ситуацию, «об этнических проблемах наши демократы никогда не думали всерьез, считали их придатком экономики, и чеченский кризис застал их врасплох».²⁴¹ Весьма актуально, на наш взгляд, что неразбериха в общественном мнении в канун первой попытки восстановления законности и конституционного правопорядка в Чечне имеет корни, произрастающие «из дуализма нашей конституционной системы: неясно, кто обладает суверенитетом — Россия или некоторые ее части, и сколько в России народов — один, российский, или по числу автономий».²⁴² Эта неопределенность, на наш взгляд, порождает флуктуации, о которых говорилось выше. Усилению напряженности переходного периода от советской системы к демократии, которую, как оказалось, в руководстве Российской Федерации мало кто понимал, способствовали серьезные и опасные проблемы экономического, межнационального, морально-этического и криминального характера.

В самой Чечне беззаконие процветало повсеместно — от правительства до самого последнего маргинала. С 1991 по 1993 годы «около 9 миллиардов нефтедолларов было расхищено в правительственных кругах»²⁴³ республики. За один только 1993 год «на Грозненском отделении Северо-Кавказской железной дороги подверглись нападению 559 поездов, с полным или частичным разграблением 4 тысяч вагонов и контейнеров на сумму свыше 11,5 миллиарда рублей (по курсу того времени)».²⁴⁴ В 1993—1994 годах генерал Д. Дудаев «угрожал организовать террористические и диверсионные акты, устроить взрывы на атомных электростанциях и химических объектах, развернуть «священную исламскую войну» на всей территории Российской Федерации.

Разруха, отсутствие рабочих мест, нищета, казнокрадство в Чеченской Республике подтолкнули большую часть мужского населения, особенно молодежи, искать средства для существования. Как свидетельствуют очевидцы, выезд за пределы республики через «продажные посты» стал препятствием для неимущих, а боевики, «оплатив проезд», выезжали в любом направлении на любое расстояние с оружием и взрывчаткой. «Устанавливаемый «санитарный» кордон вокруг Чеченской Республики на предмет выявления возможных «террористов», особенно в аэропортах, фактически ос

иовывается на первичном распознании физического облика, а уж потом — на проверке документов, что особенно унижительно для многих граждан, чья внешность не подпадает под «славянский тип»,²⁴⁵ — пишет в своей монографии видный ученый-этнограф, член-корреспондент РАН В.А. Тишков. Как нам кажется, это та деталь, которую умело использовали «режиссеры» чеченской проблемы — через чеченских боевиков сделать враждебными для России весь Северный Кавказ с населяющими его «лицами кавказской национальности».

В постсоветской Российской Федерации стало традицией отвергать или пренебрегать опытом советской национальной политики. Это зачастую делается по понятным политическим мотивам теми, кто, на наш взгляд, под словом «демократический» понимает «антисоциалистический», «антикоммунистический», забывая о главном принципе демократии — плюрализме мнений. Так вот как раз свобода мнений даст нам возможность всестороннего глубокого анализа затронутых проблем.

При создании Советского Союза на первоначальной стадии В. И. Ленин отмечал: «Мы дали всем нерусским национальностям их собственные республики или автономные области».²⁴⁶ Это было сделано для сохранения государства, в котором неисчислимые беды гражданской войны посеяли в народе недоверие, центробежные настроения, желание поскорее вырваться из хаоса и беззакония. На наш взгляд, ситуация во многом повторилась в период развала Советского Союза в 1991 году, отличаясь лишь тем, что не было масштабной гражданской войны. Для того, чтобы остановить процесс распада Российского государства, большевики пошли на предоставление многим нерусским народам национально-государственных и национально-территориальных образований в составах РСФСР и СССР. Десятки бывших угнетенных царизмом нерусских народов, воспользовавшись правом нации на самоопределение, создали свои союзные и автономные республики. Благодаря этому у них появилась возможность развивать свою экономику, культуру, язык. Благодаря большевистской национальной политике нерусские народы РСФСР и СССР достигли действительно огромных успехов во всех сферах жизни. Заметим, что многие из них находились на самых различных ступенях культурного, экономического и политического развития до 1917 года.

Марксистско-ленинская методология теоретического исследования при анализе генезиса национальной советской государственности исходила из осознания того факта, что нации всегда представляют собой диалектическое единство двоякого рода факторов и признаков — социально-экономических (классовых) и этнических. Всячески отвергалась любая попытка объяснить национальность как основу национальной государственности. Не беспочвенно советские исследователи полагали, что «помимо теоретической уязвимости национального основания важно учитывать и его практи

ческую порочность. Его проповедь является благодатной почвой для всякого рода национализма».²⁴⁷

Интересные соображения по данному вопросу, нашедшие свое реальное воплощение в наши дни, высказывали советские государственоведы в 30-х годах. Так, например, известный юрист С.Л. Котляревский в отношении основ образования и существования советской федерации указывал, что «в СССР уже в силу его национального состава существуют... глубокие данные для федеративного устройства». Ему же принадлежит мысль, что особенность советского федерализма «в том и заключается, что он неразрывно связан с национальной проблемой»²⁴⁸ и что эта проблема представляет собой не отвлеченный вопрос о национальностях вообще, а вопрос о положении национальностей в частности, в каждом национальном образовании на территории государства. Еще в конце 80-х годов XX века эти заключения считались советскими исследователями интересными только как рассуждения по поводу проблемы, так как в то время «во-первых, они не получили своего развития, а во-вторых, не были логически осмыслены».²⁴⁹ С нашей точки зрения, как раз национальная проблема вышла на первый план при развале СССР в 1991 г. во многих бывших союзных республиках вообще и в Российской Федерации в частности.

Следует подчеркнуть, что основоположники научного коммунизма, во-первых, усматривали основу взаимоотношений между народами в материальных отношениях. Во-вторых, они исходили из уровня развития их производительных сил. И это значит, что решение проблемы кризисной ситуации в международных отношениях коренится именно в субстанциальном бытии наций (народов). Сравнивая уровни их развития, мы находим, какой из них выше, а какой ниже. Выявленное соотношение представляет собой искомое нами неравенство между народами. Причем такая форма соотношения всегда имеет значение только количественной разности, так как уровни развития — это, прежде всего, количественные показатели экономического бытия наций (народов). Следовательно, чтобы определить степень развития каждой из соотносящихся национальных общностей, надо их уровни сравнить, то есть сопоставить их отношение друг к другу для наглядного сравнения, где уровень «выше», а где «ниже». Только таким путем, по нашему убеждению, можно выявить их относительную определенность. В качестве универсального инструмента для проведения сравнения К. Маркс и Ф. Энгельс в этой связи предлагали «...для доказательства того, что сравнение вовсе не есть чисто произвольное рефлексивное определение, достаточно привести только один пример, именно — деньги. Это установившаяся *tertium comparationes** всех людей и вещей».¹⁰

Обращаем внимание на то, что в СССР было принято рассчитывать доход на душу населения от валового национального продукта

* *tertium comparationes* — лат. основа для сравнения.

(ВНП), что не давало истинной картины уровня жизни населения. Однако в народе и так было известно, что в Москве и Ленинграде средний уровень доходов выше, чем на периферии. На Северном Кавказе местном населению тоже было известно, что вернувшиеся из депортации чеченцы и ингуши стали более мобильными в поиске заработков. Организованные бригады представителей этих народов с ранней весны до поздней осени проводили время на заработках в центральных районах Российской Федерации, в других регионах СССР. В связи с этим низкий доход на душу населения в Чеченской Республике АССР не отражал реального положения дел. На самом деле в населенных пунктах ЧИАССР вырастали большие дома из нового кирпича, крытые оцинкованным железом, множилось поголовье скота на подсобных хозяйствах, увеличивался парк личного автотранспорта и т.д. Уже в то время предприимчивые вайнахи находили способ уходить от уплаты налогов со своих доходов.

Официальная статистика считала регион дотационным, и центральная власть продолжала выделять субсидии на развитие Чечено-Ингушской АССР. По нашему мнению, в этой части анализа ситуации классики научного коммунизма оказались правы, так как именно социальное неравенство привело к масштабному этнополитическому конфликту в Чечне. В своем исследовании на данную тему А. Коваленко пришел к выводу: «Мера развитости национальной общности, олицетворяющая господствующую в обществе форму или фазу материального производства, обладает специфической определенностью, за пределами которой всплывает иной уровень, соответствующий другой экономической эпохе»,²⁵¹ который, на наш взгляд, определенно указывает причину кризиса. Частное предпринимательство, принявшее массовый характер в ЧИАССР в канун распада СССР, вывело население на новый уровень, соответствующий новой эпохе. Однако, к несчастью того же населения, к власти в республике пришли не дальновидные политики и экономисты-хозяйственники, а авантюристы-военные, давшие волю заключенным, да еще к вооружившим их оружием из разграбленных арсеналов российских воинских частей. Не имея реального и продуманного плана экономического развития Чеченской Республики, новые руководители сделали ставку на добычу и продажу нефти, нефтепродуктов. При этом они не препятствовали крайним чеченским националистам-экстремистам, уголовникам в притеснении русскоязычного населения, спровоцировав его массовый отток. В результате этого Чеченская Республика потеряла производительные силы на нефтеперерабатывающих производствах. Когда, таким образом, пришлось перейти к кустарным способам переработки нефти и экономические просчеты стали очевидны, срочно понадобилось найти внутреннего и внешнего врага, которыми стали русские сограждане и вездесущая «рука Москвы». Последующие действия носили характер обострения кризиса и сепаратного выхода Чеченской Республики из состава Российской Федерации.

Учитывая особую актуальность тезиса, хотелось бы еще раз напомнить, что у лидирующей мировой державы США «в 1830 (году) Д. Уэбстер объявил Конституцию актом высшего волеизъявления народа, в результате которого была образована единая нация, а штаты, сохранив второстепенные атрибуты власти, отказались от важнейшего права — выхода из США. После гражданской войны (1865) такое толкование конституции стало общепризнанным»,^{2,2} что исключает в настоящее время, какие бы то ни было спекуляции и торги вокруг этого вопроса. Для ратификации приведенного положения потребовалось 35 лет (1830—1865 гг.).

В целях повышения благосостояния своих граждан и сохранения прочного единства, населению Российской Федерации, на наш взгляд, еще предстоит прийти к подобному высшему¹ волеизъявлению, не считаясь со временем на ратификацию.

Изменения, связанные с новыми политическими реалиями, главными из которых в конце XX века для Российской Федерации стали: распад СССР в 1991 году, приобретение суверенитета и преобразование ряда автономий в республики в составе Российской Федерации. Происшедшие этнополитические изменения всколыхнули центробежные процессы в некоторых северокавказских республиках, находившиеся до этого в латентном состоянии. Занятые проблемой сохранения и упрочения собственного положения, высшие российские власти в своей политике на Северном Кавказе больше полагались на собственное понимание происходящих процессов, а не на научное исследование и мнение ученых. Все это указывает на необходимость постоянного мониторинга политической ситуации в регионе с периодическим информированием руководства страны и СМИ о всех происходящих изменениях и прогнозированием развития этнополитической ситуации.

3. Характер и особенности военных операций на территории Чеченской Республики

Чеченский кризис, длившийся более 10 лет и переросший в российско-чеченские войны 90-х годов XX века, стал уже одной из трагических страниц политической истории Российской Федерации конца XX—нач. XXI века. История этого кризиса во всей полноте еще не написана. Вряд ли она в скором будущем будет написана. Уже сегодня мы наблюдаем попытки определенных сил и конкретных исследователей, направленные на фальсификацию причин, характера, особенностей и трагических последствий чеченского кризиса. Заметим, однако, что одному из авторов настоящего исследования пришлось принимать участие в боевых действиях и некоторые эпизоды, описанные ниже, впервые будут использованы в качестве аргументов. Достоверность примеров могут подтвердить участники описываемых событий или изданные участниками чеченского

кризиса мемуары. Главная наша цель состоит в анализе психологического фактора, оказывавшего влияние на солдат и офицеров российской армии в первые и последующие дни ведения боевых действий в рамках «восстановления конституционного порядка» в Чеченской Республике.

В начале марта 1992 года оппозиция в Чеченской Республике под руководством Б. Гантемирова и У. Автурханова предприняла безуспешную попытку своими силами свергнуть Д. Дудаева «путем захвата телевидения и радио в Грозном».²⁵³ В это время начальник Грозненского гарнизона генерал П. Соколов принимал все возможные в его положении меры против захвата оружия воинственно настроенными чеченцами. Вылетевшим на помощь гарнизону подразделениям Внутренних войск Российской Федерации не дали сесть в аэропорту Грозного, перегородив посадочную полосу грузовыми автомобилями. После этого в августе 1992 года на базе 19-й мотострелковой дивизии началось формирование сводного мотострелкового батальона усиленного танковой ротой, артиллерийской и зенитно-ракетной батареями. В общих чертах перед батальоном ставилась задача выйти в район грозненского аэропорта и разблокировать взлетно-посадочную полосу для высадки подразделений внутренних войск. Но после некоторого ожидания команды к началу действий батальон был расформирован. На наш взгляд, это было правильное решение, так как любому вновь созданному подразделению необходимо не менее двух недель напряженного ратного труда на «боевое слаживание» — это комплекс мероприятий, проводимых с целью преобразования толпы вооруженных людей в воинское подразделение. Такого количества времени в распоряжении вновь созданного батальона не было. Акция по блокированию грозненского аэропорта не была осуществлена. Как показали события последующих двух лет, отведенное историей время на подготовку к ожесточенному вооруженному сопротивлению федеральному центру генералом Д. Дудаевым было использовано полностью.

В армейской среде распространена шутка о том, что с русскими не надо воевать — надо только объявить войну и не нападать, они сами себя измучают до смерти смотрами готовности к войне. Этот серьезный недостаток российской военной школы вместе с маниакальной привычкой проводить бесконечные проверки на всех уровнях должен стать одним из основных объектов проводимой реформы, но мы не ставим целью рассмотрение данной проблемы.

Обращаем внимание на то, что боевая способность складывается из нескольких составляющих. Некоторые из них были, на наш взгляд, характерны для российско-чеченского вооруженного противостояния в 90-е годы XX века.

Особенности формирования российских войск, задействованных в вооруженном конфликте на Северном Кавказе в начальном периоде боевых действий, заключались в следующем:

— содержать в мирное время готовый к немедленному выполне

нию боевых задач в данном регионе контингент штатных соединений и частей было невозможно, и его пришлось вновь создавать в очень короткие сроки;

—большинство соединений и частей, размещенных в Северо-Кавказском военном округе, содержались по штатам мирного времени, значительно сокращенном по сравнению со штатами военного времени, и имели значительный текущий некомплект;

—войска готовились не к проведению боевых операций в классическом их понимании, а вынуждены были осуществлять полицейские функции по разоружению бандформирований на собственной территории в условиях, когда главной необходимостью было сохранение мирного населения, что привело к необходимости создания сводных подразделений и частей и выработке новой тактики действий;

—боевая техника и вооружение, в связи с тем, что Северо-Кавказский военный округ «внутренний», были далеко не самыми современными, а 19-ая мотострелковая дивизия, находящаяся в эпицентре событий, только осенью 1992 года стала получать на вооружение мотострелковых частей бронетранспортеры взамен грузовых автомобилей.

В то же время, в результате проведенных мобилизационных мероприятий в Чеченской Республике к концу 1994 года чеченские вооруженные формирования (НВФ) представляли собой военную организацию, включавшую четыре основных регулярных компонента: сухопутные войска (в свою очередь состоящие из национальной армии и национальной гвардии); военно-воздушные силы (ВВС); формирования министерства внутренних дел; вооруженные формирования госбезопасности и два иррегулярных компонента: отряды ополчения и отряды местной самообороны.

Национальная чеченская армия включала: горно-стрелковую и ударно-штурмовую бригады (численностью свыше 200 человек и 12 танков); мусульманский истребительный полк; танковый полк (танков типа Т-72 — 36 единиц); артиллерийский полк (122мм гаубицы — 30 единиц, 152мм гаубицы - 5 единиц, БМ 21 «Град» - 18 единиц); отдельный полк специального назначения; отдельные батальоны; базу подготовки летного состава и базу подготовки разведывательно-диверсионных и парашютно-десантных групп. Самыми боеспособными частями считались два «абхазских» батальона, принимавших участие в боевых действиях в Нагорном Карабахе в конце 80-х-нач. 90-х годов XX века и Абхазии в 1991-1993 гг.

Структура, состав и численность формирований не были постоянными и изменялись в зависимости от выполняемых задач, конкретных условий обстановки, а также наличия имеющихся в распоряжении сил и средств.

Национальная гвардия Чеченской Республики рассматривалась в качестве резерва и комплектовалась в основном бывшими советскими и российскими военнослужащими из запаса. Организационно

она состояла из двух полков общей численностью 900 человек, одного батальона в 180 человек и одной роты в 100 человек. Кроме того, в ее состав входили базы по подготовке снайперов, подрывников и других военных специалистов.

ВВС включали два учебных авиационных полка (авиабазы) и зенитно-артиллерийский полк, на вооружении которых состояло около 270 самолетов, среди которых были учебно-тренировочные Л-29 и Л-39 чехословацкого производства (на них можно было установить вооружение для ведения воздушного боя и бомбометания), устаревшие, но вполне боеспособные МиГ-15, Ан-2, несколько вертолетов, 10 зенитно-ракетных комплексов «Стрела-10»; 7 зенитно-ракетных комплексов «Игла-1»; 6—57 мм зенитных пушек; 3—37 мм зенитных пушки. Штат летного состава состоял из 41 подготовленного летчика. В конце 1992 года решением руководства Чеченской Республики еще несколько человек были отправлены в Турцию для обучения летному делу.

В составе министерства внутренних дел Чеченской Республики был сформирован отдельный полк внутренних дел, батальон охраны трубопровода, отряд полиции особого назначения (более 300 человек, 5—6 бронетранспортеров) и 15 районных отделений милиции.

В департамент государственной безопасности Чеченской Республики вошли полк и батальон погранично-таможенной службы, батальон государственной безопасности и личная охрана высокопоставленных лиц (президента, его ближайшего окружения, министра иностранных дел, генерального прокурора и лидеров тейпов), которая включала батальон охраны и 10 отрядов «смертников» (от 50 до 100 человек каждый).

Иррегулярные (лат. *irregularis* — войска, не имеющие постоянной организации, твердой системы комплектования, прохождения службы и обучения) вооруженные формирования Чеченской Республики были представлены отрядами ополчения. «Народное» ополчение (отряды самообороны) создавалось по территориально-производственному принципу и было сведено в бригады и полки. Всего их было 11, по числу административных районов. Каждая бригада (полк) имела в своем составе несколько батальонов трех-четырёх-ротного состава, одну танковую роту и подразделения обеспечения. Каждая рота состояла из четырех взводов и насчитывала 100—120 человек. Взвод численностью 27—30 человек включал в себя три отделения, структура которых практически копировала структуру мотострелкового отделения подразделений Советской армии. Отряды самообороны комплектовались местным населением (в возрасте 30—35 лет), все они прекрасно владели стрелковым оружием и могли успешно вести ближний бой. Каждый отряд, имевший в своем составе от 100 до 200 боевиков, был мобилен за счет автомобилей, захваченных у учебной дивизии. Отряды поддерживали постоянную связь с регулярными формированиями. Для этого они были

оснащены стационарными, полевыми и портативными радиостанциями.

Все группы и отряды чеченских боевиков постоянно пополнялись добровольцами и вооружением за счет местного населения и боевиков, прибывающих из других стран. Подавляющее большинство личного состава незаконных вооруженных формирований Чеченской Республики прошли службу в рядах Советской армии, получили боевой опыт в Афганистане и Абхазии.

Общее военное и политическое руководство осуществлял президент «независимой» Чеченской Республики генерал Д. Дудаев. Управление всеми вооруженными формированиями осуществлялось главным штабом вооруженных сил мятежной республики. Для подготовки командного состава вооруженных сил Чеченской Республики на базе Грозненского нефтяного института был создан военный лицей, который до начала боевых действий сделал несколько сокращенных выпусков.

Заметим, что численность незаконных вооруженных формирований Чечни на начало первой российско-чеченской войны 1994—1996 годов составила около 15 тысяч человек так называемой «регулярной армии» и 30—40 тысяч человек вооруженного ополчения. Кроме того, при объявлении всеобщей мобилизации планировалось поставить «под ружье» не менее 300 тысяч добровольцев. В разное время в составе чеченских незаконных вооруженных формирований находились около 5000 наемников из 14 государств ближнего и дальнего зарубежья. Почти половина из них — выходцы из Грузии, Абхазии и Дагестана, около 700 человек — из Афганистана, около 200 — из стран Балтии и до 150 человек — из националистических организаций Украины.

Эти особенности подготовки к боевым действиям обеих сторон некоторым образом поясняют, почему на первом этапе операции по «восстановлению конституционного порядка» в Чечне российские войска из-за перемещения военнослужащих внутри частей и из других частей были поставлены в условия, когда солдаты, прапорщики и офицеры зачастую не знали друг друга. В то же время территориально-производственный принцип комплектования чеченских подразделений обеспечивал контроль соседа за соседом в бою, как и в повседневной жизни. А в российских подразделениях в боевой обстановке командиры теряли контроль за наличием подчиненных, а в случае потери не могли установить личность потерпевшего.

Сжатые сроки формирования частей и подразделений, изучения подчиненных командирами, освоения ими своих должностных обязанностей не позволили в полном объеме провести боевое слаживание взводов, рот, батальонов, и как показал в последующем опыт боевых действий, эти недостатки привели к большому количеству безвозвратных потерь. За период с «31 декабря 1994 года по 1 апреля 1995 года, по данным Генштаба Вооруженных сил Российской Федерации, в Объединенной группировке войск погибло 1426

человек, ранено 4630 военнослужащих, 96 солдат и офицеров оказались в плену».²³⁴

Следует обратить внимание и на то, что при вводе войск на территорию Чечни в 1994 г. пришлось столкнуться с новой проблемой национального характера. Речь идет о 32 военнослужащих национальностей Северного Кавказа (в основном из Дагестана), проходивших службу по призыву. Они отказались выполнять боевую задачу, в результате чего потребовалось разыскивать в частях округа необходимое количество водителей боевой техники и перемещать их в район города Кизляра, где в это время находилась упомянутая войсковая часть.

Заметим, что конкретные примеры и цифры здесь приводятся для того, чтобы учесть как можно больше факторов, оказавших влияние на психологию солдата, прапорщика, офицера и генерала, готовящегося к выполнению боевых задач в своей стране, со своим народом, который в одночасье стал врагом, но не в общей своей массе, а выборочно.

Для выполнения указа президента Российской Федерации Б.Н.Ельцина по разоружению незаконных военных формирований в Чеченской Республике «был издан приказ министра обороны Российской Федерации от 10 декабря 1994 года № 442»,²³⁵ которым предусматривалось: спланировать и провести во взаимодействии с внутренними войсками, войсками Федеральной пограничной службы, органами ФСК* специальную операцию на территории Чечни. Операцию планировалось провести в четыре этапа:

на первом этапе: (в течение 7 суток) создать группировки войск для действий на Моздокском, Владикавказском и Кизлярском направлениях, и к 5 декабря занять ими исходные районы вблизи административной границы с Чечней;

на втором этапе: (в течение трех суток) группировки войск под прикрытием фронтовой и армейской авиации выдвинуть по шести маршрутам к городу Грозный и блокировать его, создав два кольца окружения: внешнее — по административной границе Чеченской Республики и внутреннее — по окраинам города Грозный;

на третьем этапе: (в течение четырех суток) действиями соединений и частей войсковых группировок с севера и юга, имея разграничительную линию по реке Сунжа, в случае отказа боевиков добровольно сложить оружие, войти в город и захватить президентский дворец, здания правительства, телевидения, радио и другие важные объекты. Совместно со специальными подразделениями МВД и ФСК продолжать изъятие вооружения и военной техники;

на четвертом этапе: (в течение девяти суток) действиями соединений и частей войсковых группировок стабилизировать обстановку и передать участки ответственности внутренним войскам МВД, которым предписывалось выявлять и изымать оружие, боеприпасы

* ФСК — Федеральная служба контрразведки.

у незаконных вооруженных формирований и населения на всей территории Чеченской Республики.

Силами и средствами внутренних войск МВД предполагалось осуществить охрану коммуникаций и маршрутов движения войск, не допустить действий вооруженных группировок и обстрелов с флангов и тыла по вооруженным силам. Им же ставилась задача: не допустить возможного подхода вооруженных групп и отрядов с сопредельных с Чечней территорий на вырубку незаконным вооруженным формированиям.

Кроме того, замыслом предусматривались попытки поиска политического урегулирования конфликта в ходе проведения операции, что с точки зрения военных крайне отрицательно влияло на ход военных действий, ограничивало боевые возможности войск, приводило к неоправданным потерям людей и техники, так как любую передышку в боях боевики использовали для проведения перегруппировки и пополнения запасов.

Общая численность Объединенной группировки федеральных войск в Чечне насчитывала около 23 тысяч человек (в том числе вооруженные силы — 19 тысяч, внутренние войска МВД — 4,7 тысяч), вертолетов — 90 (из них 47 боевых, 43 транспортных и многоцелевых), танков — 80, бронированных боевых машин — 208, орудий и минометов — 182.²⁵⁶

С самого начала выяснилось, что не все идет по плану. Вот что было на территории Ингушетии, которую надо было пересечь сводному отряду 19-й мотострелковой дивизии для выхода на территорию Чечни. По официальным данным здесь не было боевиков Д.Дудаева, открывать огонь в случае угрозы безопасности военнослужащим или военному имуществу со стороны гражданского населения было запрещено.* В основном это было связано со взаимным недоверием работников прокуратуры, бывших представителями местного населения, и командирами частей, не принадлежащих к местно

* Командирами, как правило, не применялось постановление Правительства Российской Федерации от 20 июня 1992 года № 407 «О мерах по пресечению противоправных действий против Вооруженных сил Российской Федерации», выписка из которого гласила: «Против соединений, частей и подразделений Вооруженных сил России получили распространение агрессивные акции, в т.ч. нападения, обстрелы, захват оружия, заложников, боевой техники и военного имущества. Имеются жертвы среди военнослужащих и членов их семей. Эти действия являются нарушением норм международного права. В целях обеспечения обороноспособности и безопасности России, жизни и здоровья военнослужащих и членов их семей Правительство Российской Федерации постановляет: в случае вооруженного не спровоцированного нападения на воинские части, городки и другие части и объекты Вооруженных сил России применять в порядке обеспечения права на самооборону адекватные меры по пресечению указанных агрессивных действий, включая ведение огня против нападающих»

му населению. Разбирательства подобных инцидентов, как правило, заканчивались не в пользу военнослужащих.

С рассветом 11 декабря 1994 года сводный отряд 19-й дивизии под командованием генерал-майора В. Петрука начал движение по маршруту — Чермен, Новый Шарой, Ллхан-Юрт с задачей: «С подходом к участкам сопротивления на маршруте выдвижения огнем артиллерии и ударами авиации нанести поражение вооруженным формированиям и продолжать выдвижение в указанный район»,²⁵⁷ то есть огонь открывать только по вооруженному противнику в оборонительных сооружениях. Выдвижение войск в целях сохранения дорожного покрытия происходило для колесной техники по автомобильной дороге, обозначенной на картах автодорог как М29 «Кавказ», а гусеничной — по колонному¹ пути, проложенному параллельно в 1—2 километрах южнее. В Ингушетии колонна колесных машин была остановлена на мосту через реку Сунжа на южной окраине пригорода Назрани — Барсуки «местными жителями, которыми руководили вооруженные ингушские милиционеры».²⁵⁸ Тактика действий не объявленных союзников Д. Дудаева, насчитывающих несколько сотен человек, была дерзкой и циничной: «из-за живого щита, составленного из стариков, женщин и детей, выскакивали мужчины с заточенными металлическими штырями и протыкали колеса, специальными крючьями обрывали трубки бензопроводов и тормозов»,²⁵⁹ затем в разливающийся бензин бросали горящий предмет. В результате этих действий сводный отряд потерял сожженными 10 автомобилей, еще 6 было перевернуто. Никто из военнослужащих огонь не открывал, только старались оттолкнуть напиравшую толпу от автомобиля, но так как в этой части походного порядка у каждой машины находилось не более 3—4 человек, то сдержать нападающих не удалось, и потери стали неизбежны. Только после этого к обеспечению движения были привлечены подразделения внутренних войск Российской Федерации, которые переместились с хвоста колонны в голову и впредь следовали впереди колонны. В местах скопления толпы на дороге они с помощью специальных средств и техники делали коридор для прохода колонны и обеспечивали беспрепятственное движение. Изолированная толпа местных «ура-патриотов» и националистов при этом выкрикивала проклятия и угрозы в адрес российских военнослужащих, пока колонна войск проходила мимо.

Если исходить из военных канонов, то задержка противника на маршрутах выдвижения является одним из главных слагаемых успеха, так как дает возможность противоположной стороне не только выявить маршруты движения, но и организовать ответное сосредоточение сил и средств с последующей подготовкой местности к оборонительным боям, а также спланировать и нанести огневое поражение. В первые сутки за светлое время сводный отряд 19-й мотострелковой дивизии преодолел по территории Ингушетии около 15 километров и остановился на возвышенности в 3-х километрах

юго-восточнее ингушского селения Плиево. Никто из российских военнослужащих не отдавал себе отчета в том, что впереди жестокие бои. Ночлег, в нарушение правил ведения боевых действий, был организован в поле на обочине дороги. Автомобили стояли в нескольких колоннах друг возле друга, а свободные от наряда по охране военнослужащие спали прямо на своих местах в машинах. Но военным не привыкать к дорожным неудобствам, все происходящее воспринималось как обыкновенные учения. Воспитательная работа с военнослужащими, которую в Вооруженных силах СССР обычно проводили заместители командиров по политической части, никем не проводилась. Солдат российской армии основательно не настраивали на предстоящие боевые действия. На следующий день офицеры и солдаты говорили о том, что появился первый погибший после обстрела из стрелкового оружия. Накануне вечером в 17 часов 15 минут был убит рядовой В. Масленников. Эту новость все воспринимали как несчастный случай, никто не думал, что та же участь ждет многих.

Весь день 12 декабря 1994 г. сводный отряд 19-й дивизии продолжал медленно двигаться в сторону условной административной границы с Чечней и, пройдя около 20 километров, остановился, как и прошлой ночью, на обочине дороги. К этому времени все уже знали, что сводный отряд входит в группировку № 2 «Юг», командование которой возложено на заместителя командующего Воздушно-десантными войсками генерал-лейтенанта А. Чиндарова. По опубликованным официальным данным она включала: «от СКВО* — сводный отряд 19 мотострелковой дивизии (мед), зенитно-ракетный дивизион 933 отдельного зенитно-ракетного полка 42 Армейского корпуса (зрдн 933 озрп 42 АК); от ВДВ — сводный парашютно-десантный полк 76 воздушно-десантной дивизии (пдп 76 вдд), сводный парашютно-десантный полк 21 отдельной воздушно-десантной бригады (пдп 21 овдбр); от Внутренних войск МВД — 46, 47 полк оперативного назначения (ион) и 7-й отряд специального назначения (СпН). Всего на этом направлении насчитывалось: личного состава — 3915 человек, вертолетов — 14, танков — 34, бронетранспортер (БТР) — 67, боевая машина пехоты (боевая машина десанта) (БМП (БМД) — 98, орудий и минометов — 62»,^{21, 20} по количественно-качественной характеристике это полнокровный мотострелковый полк, не прошедший стадию боевого слаживания, где

* Приведенные сокращения: СКВО — Северо-Кавказский поенный округ; мед — мотострелковая дивизия; зрдн — зенитно-ракетный дивизион; озрп — отдельный зенитно-ракетный полк; АК — армейский корпус; ВДВ — воздушно-десантные войска; пдп — парашютно-десантный полк; вдд — воздушно-десантная дивизия; овдбр — отдельная воздушно-десантная бригада; пон — полк оперативного назначения (только во внутренних войсках); отряд СпН — общее обозначение подразделений специального назначения. БТР — бронетранспортер, БМП — боевая машина пехоты, БМД — боевая машина десанта.

коман

диры не знали не только своих соседей справа и слева, но зачастую и собственных подчиненных.

В ночь с 12 на 13 декабря 1994 г. чеченские незаконные вооруженные формирования впервые дали понять, что демонстрацией силы их не напугать. Около полуночи начался обстрел из минометов со стороны населенного пункта Серноводск, находящегося в 3-х километрах к северо-востоку от места расположения командного пункта группировки. Но мины ложились, не причиняя вреда, так как огонь был не прицельным, как оказалось впоследствии — боевики тоже не со всеми провели мероприятия по огневой подготовке и учились военному ремеслу в ходе боев. Затем разведчики 19-й мотострелковой дивизии доложили на командный пункт группировки об обнаружении в садовом участке на северной окраине населенного пункта Ачхой-Мартан двух реактивных установок «Град», готовящихся вести огонь по районам расположения войск.

Создалась ситуация недосказанности и общей неясности, которой до сих пор опасались командиры на всех уровнях — открывать огонь самостоятельно, или ждать распоряжений вышестоящего командования. На кон ставилась жизнь подчиненных, с одной стороны, и занимаемая командиром должность вкупе с политическими интригами, с другой. В этой сложной ситуации генералы А. Чиндаров и Е. Скобелев взяли всю полноту ответственности на себя, несмотря на сопротивление командира 19-й мотострелковой дивизии полковника Каидалина, требовавшего письменного приказа на открытие огня. В считанные минуты, отведенные на принятие решения, они дали команду на подавление выявленных огневых средств и живой силы противника, которую блестяще исполнила реактивная батарея под руководством начальника артиллерии 42 АК полковника А. Куадже. Затем последовал доклад разведчиков об атаке со стороны станицы Ассиновской танковым подразделением общей численностью до 10 танков в направлении расположения командного пункта группировки. Но атака оказалась демонстрационной, и танки, не вступая в бой, свернулись в колонну и ушли в сторону Грозного.

То, что интриги существовали на самом высоком уровне, хорошо иллюстрирует описание назначения командующим Объединенной группировкой войск в Чеченской Республике генерал-лейтенанта А. Квашнина 20 декабря 1994 года, данное в книге генерала армии Г. Трошева «Моя война. Чеченский дневник окопного генерала». В частности, там описано, как руководитель всей операции по «восстановлению конституционного порядка» в Чечне генерал-полковник А. Митюхин после докладов о стычках с противником поддался панике и по свидетельству министра обороны Российской Федерации П.С. Грачева растерялся, за что и был тут же отстранен от руководства. При принятии решения, кем его заменить, выбор пал на первого заместителя командующего сухопутными войсками генерала Э. Воробьева, но тот заявил, что командовать отказывается

ся из-за неподготовленности войск (при разработке операции именно он отвечал за подготовку и регулярно докладывал, что войска готовы). Пригрозив судом, министр обороны отправил Э. Воробьева в Москву и доложил Б. Ельцин}' о случившемся. Два других заместителя П. Грачева генералы Кондратьев и Миронов не подошли по состоянию здоровья, а оставшийся «Громов отказался, объяснил, что всегда выступал против ввода войск в Чечню, и тут же выразил готовность написать рапорт об отставке».²¹⁵¹ Таким образом, отсутствие единомыслия в высшем руководящем звене российской армии, да и в правительстве Российской Федерации в целом, создавало то тягостное чувство неправомерности происходящих событий на Северном Кавказе, которое отрицательно сказывалось на боевом духе войск.

На наш взгляд, заслуживает внимания интервью одного из видных военачальников рассматриваемого периода — генерала Л. Рохлина, командовавшего группировкой войск «Север», данное в публицистическом фильме «Исповедь генерала».²¹⁵² Причинами неудач российской армии в первой российско-чеченской войне 1994—1996 годов он считал следующие:

«— никто из руководящего состава российских войск не знал истинного положения дел в Чечне;

—к началу военных действий российская армия была развалена, не способна выполнить поставленные перед ней задачи;

—операция по «наведению конституционного порядка» в Чеченской Республике была не подготовлена и не продумана, все решили сделать «на авось, на дурака, тяп-ляп — тяп-ляп и кончилось».

Министра обороны Российской Федерации П. Грачева генерал Л. Рохлин открыто обвинил в развале российской армии, в неспособности принимать продуманные решения, в самоустранении от управления войсками, в попустительстве при решении вопроса о защите танкистов, захваченных дудаевцами в результате разгрома отряда оппозиции в Чеченской Республике 26 ноября 1994 года, в гибели солдат и офицеров, брошенных в новогоднюю ночь на штурм Грозного без тщательной подготовки.

Со взятием федеральными войсками горных районов Чеченской Республики — Шали, Шатой, Ведено, Ножай-Юрт в июле 1995 года — было сломлено организованное сопротивление чеченских незаконных вооруженных формирований и активные военные действия в основном были завершены. Не добившись успехов в прямом противоборстве, дудаевская сторона вынуждена была пойти на переговорный процесс с федеральным центром, что не позволило федеральным силам завершить полный разгром бандформирований и лишить Д. Дудаева реальной опоры в Чечне.

При этом, весь переговорный процесс был использован дудаевским руководством в целях пополнения запасов вооружения и боеприпасов, восстановления боеспособности бандгруппы и утраченного влияния на равнинной части территории Чеченской Республи-

ки. Отказавшись от прямого противоборства и используя договоренность по блоку военных вопросов, чеченские сепаратисты сделали ставку на тактику партизанской борьбы и активную диверсионно-террористическую деятельность, изменение международного общественно-политического мнения в свою пользу.

В определенной мере избежать окончательного военного поражения и в относительно короткие сроки восстановить боеспособность чеченских незаконных вооруженных формирований позволила поспешность и необдуманность политических решений федерального центра, а также то, что руководство группировки федеральных войск на территории Чеченской Республики оказалось не способным выполнить определенные соглашениями задачи для силовых структур. Вместо того, чтобы основные усилия сосредоточить на разоружении чеченских незаконных вооруженных формирований и укреплении власти в Чеченской Республике, российские войска занимались обустройством пунктов временной дислокации и обеспечением своей безопасности, что необходимо было сделать во вторую очередь. В результате была утрачена стратегическая инициатива, чеченские боевики вернулись на равнинную часть и быстро восстановили утраченное влияние по всей республике. Это был серьезный просчет, так как будущее государственности Российской Федерации во многом зависело от того, когда, как и с какими конечными результатами Россия выйдет из чеченского кризиса. Заметим, что прогнозы были тогда неутешительные.

Бывший глава республики, отстраненный дудаевцами в результате переворота Д. Завгаев через начальника Главного управления казачьих войск при президенте Российской Федерации А. Семенова обратился к атаману Терского казачьего войска с предложением начать совместную борьбу с сепаратистами в Чечне, при этом пообещал снабдить казаков оружием, боеприпасами и боевой техникой. Это было самым элементарным подталкиванием к новой войне на новом уровне. Атаман Терского казачьего войска В. Шевцов, видимо, понял, что его хотят втянуть в гражданскую войну и от данного предложения отказался.

Штабом Объединенной группировки российских войск в Чечне отмечались регулярные факты нарушения чеченцами договоренностей, подписанных А. Лебедем и А. Масхадовым. В городе Грозном продолжала наращиваться группировка незаконных вооруженных формирований. Боевики быстро перехватили инициативу у мальчишек-призывников и брали под контроль все передвижения федеральных войск по территории Чеченской республики. Вблизи населенных пунктов на дорогах ими были выставлены контрольные посты. При этом руководство чеченских сепаратистов требовало убрать блокпосты и контрольно-пропускные пункты федеральных войск, что явно противоречило подписанному обеими сторонами соглашению. Заметим, что в это время отряды боевиков, в том числе с техникой, перемещались по территории Чеченской Республики

практически беспрепятственно. Парадокс достиг такой степени, что посты, выставленные чеченскими боевиками, зачастую являлись источниками провокаций и противодействия продвижению колонн федеральных войск.

Следует иметь в виду и то, что ежедневно усиливались гонения на остатки русскоязычного населения, не успевшего выехать из Чеченской Республики. Так, например, 17 сентября 1996 года эксгумационной группой 22-й отдельной бригады оперативного назначения в Заводском районе Грозного были обнаружены четыре изуродованных трупа «гражданских лиц славянской национальности, убитых 15 сентября. В тот же день подверглась нападению и была выселена из своего дома № 150 по улице Рабочая армянская семья. 23 сентября в Старопромысловском районе Грозного было найдено 6 трупов гражданских лиц славянской национальности, а 24 сентября в этом же районе — еще 4 трупа, из которых один — женский».²⁶³

Из-за прекращения боевых действий и, как следствие, поставок продовольствия и материальных средств, большое количество вооруженных отрядов и различных банд *jp*-оловников из горных районов Чечни осталось без средств к существованию. Вооруженные формирования чеченцев открыто проявляли недовольство политикой, проводимой их лидерами — Яндарбиевым и Масхадовым. Начались грабежи и погромы тех, кого чеченские сепаратисты и националисты считали своими противниками. Обращаем внимание на то, что чеченские сепаратисты и националисты грабили не только русскоязычное население и сторонников Д. Завгаева, но и чеченцев, занимавших нейтральную позицию. Руководство сепаратистов было вынуждено под давлением фактического материала официально признать резкий скачок преступности и пыталось бороться с ней. Но способы этой борьбы носили предвзятый характер, так как главный упор был сделан на расследование происшествий с участием российских военнослужащих, с целью использования добытых таким способом материалов в своей антироссийской пропаганде.

В сентябре 1996 года заметно активизировали свою деятельность сторонники ваххабитов. Так, начальник штаба ваххабитов Насиб Исаков на митинге в чеченском селе Первомайское заявил, что «в Чечне будет создано независимое исламское государство». Высказывалась мысль о том, что «...это только начало большого процесса распространения ислама на Кавказе. Вслед за Чечней исламской республикой должен стать Дагестан».^{III}

Таким образом, неспродуманность военной акции в вопросе «восстановления конституционного порядка» в Чеченской Республике, игнорирование исторического опыта силового решения вопроса в Северо-Кавказском регионе, а также низкие организаторские способности руководителей федерального центра, в особенности Вооруженных сил России в 1994—1996 годах, нанесли значительный ущерб интересам национальной политики внутри огромного федерального государства. Проникновение в многонациональный, много-

конфессиональный и проблемный регион большого количества исламских фундаменталистов, руководимых из единого организационного центра, нарушило баланс сил на религиозном уровне, спровоцировало вспышку исламизации в республиках Северного Кавказа. Мир, достигнутый в 1996 году путем подписания Хасавюртовского соглашения, явился политическим прологом к боевым действиям второй российско-чеченской войны 1999—2002 годов. Российская Федерация была втянута в сферу интересов мирового терроризма с исламской идеологией.

4. Объективные и субъективные причины противостояния федерального центра и Чеченской Республики. Перспективы стабилизации этнополитической обстановки на Северном Кавказе

Напомним, что чеченцы (самоназвание «*нохчи*») — один из древнейших народов Кавказа, с уникальной самобытной культурой и исторической судьбой. Это самая крупная по численности нация (свыше 1 миллиона человек) на Северном Кавказе. Вместе с ингушами, чеченцами-аккинцами (живут в основном в Дагестане), орстхоевцами, карабулаками, которые исчезли в результате 25-летней кровопролитной и жестокой войны Российской империи против непокорных горцев Северного Кавказа, чеченцы имели и имеют собирательное этническое название «*вайнахи*». Чеченцы говорят на девяти диалектах-говорах и делятся на такое же число этнотерриториальных объединений (тухкумов), в свою очередь подразделяющихся более чем на 135 субэтнических единиц (тейпов, родов).²⁶³

Взаимоотношения России и Чечни, русских и чеченцев начались с XVI века и имели сложный, противоречивый характер. История этих взаимоотношений составляет большой раздел в историографии Кавказа.²⁶⁶ Различным аспектам этих взаимоотношений посвящены сотни научных и научно-популярных статей, брошюр, объемных монографий, кандидатских и докторских диссертаций. Среди них имеется немало поверхностных, конъюнктурных работ. В то же время мы располагаем и солидными исследованиями по этой проблеме.

В данном параграфе нас, в первую очередь, интересует анализ последствий российско-чеченских войн в 90-е годы XX века, уроков чеченского кризиса. Этой проблеме посвящено немало научных исследований и публицистических работ,²⁶⁷ хотя, по нашему мнению, история чеченского кризиса с объективных научных позиций и в полном объеме еще не скоро будет написана.

Авторы монографии ставили перед собой задачу — проанализировать истоки и сущность российско-чеченского противостояния в 90-е годы XX века, выявить закономерности чеченского кризиса и его трагические последствия.

Этнополитическая обстановка на Северном Кавказе с 1991 года все чаще и настойчивее заставляет задуматься о будущем. Подавляющее большинство населения Российской Федерации хотело бы видеть Северный Кавказ стабильным и процветающим регионом. Однако перспективы его будущего, на наш взгляд, зависят от темпов стабилизации общественно-политической обстановки и межнациональных отношений в Чеченской Республике в целом на Северном Кавказе.

Проблема послевоенной реконструкции Чечни, возвращение бывшей мятежной республики в политическое и правовое поле Российской Федерации является, на наш взгляд, достаточно сложной задачей, решение которой потребует многих лет продуманных усилий Москвы и Грозного. Этнополитические конфликты и войны рано или поздно, как правило, заканчиваются миром. Однако строительство мирной жизни тоже требует огромных усилий политиков, высокопоставленных государственных чиновников, ученых-обществоведов, общественных и религиозных организаций и т.д.

Многочисленные жертвы с обеих сторон, огромные материальные утраты, морально-психологические травмы, нанесенные за 12 лет противостояния Москвы и Грозного друг другу, нарушение спокойной, нормальной жизни питают не только недоверие и предвзятость, но и ненависть конфликтующих сил и сторон. Взятые в руки оружие, чем бы это не было мотивировано («исполнение воинского долга», «борьба за свободу своего народа», «конституционный порядок», «особая миссия» и т.д.), превратили террор и насилие в обычное занятие. Негативные последствия такого обычного занятия обществом еще долго будет испытывать на себе.

Анализируя истоки террора, сепаратизма и экстремизма на Северном Кавказе в постсоветский период, необходимо, на наш взгляд, сделать экскурсы в историю современного международного терроризма. Это позволит увидеть не только идейных наставников и вдохновителей «наших» террористов, сепаратистов и экстремистов, но и их близнецов-братьев за пределами Российской Федерации. Заметим, что ростки терроризма в угоду большой политике терпеливо взращивались политическим руководством СССР и США в других, преимущественно ближневосточных странах, например, в Ливане, Израиле, Сирии и т.д. В те годы ООП (Организация освобождения Палестины) в достижении своих политических целей с помощью террористов-смертников убивала не только солдат противника, но и мирных граждан, включая женщин и детей. В этой связи представляет большой интерес заявление американского публициста Джона Маркса, автора ряда книг о ЦРУ, сделанное американской газете «Интернэшнл геральд трибюн» 30 июня 1977 года: «Последние 36 лет наше правительство регулярно использует терроризм в качестве орудия внешней политики».²⁶® К сказанному прибавим еще около 20 лет совершенствования навыков террористической деятельности разного рода сепаратистов, националистов с фунда

менталистскими целями, мафиози, промышленяющих торговлей оружием и наркотиками на территории Ближнего и Среднего Востока, и получим вполне осязаемый типаж наемника-террориста, бойца «национально-освободительного движения» в Чечне, в целом на Северном Кавказе.

Террористические акты во Владикавказе, Буйнакске, Москве и Волгодонске, по мнению профессора Д.Е. Фурмана, совершены боевиками, которые «по методам и по психическому типу — копия подрывников ООП, «Черного сентября» и затем — «Хамаса».²⁶⁹ Мнение ученого становится особенно актуальным в наши дни, когда к власти в Палестинской автономии пришла партия, не скрывающая своей террористической направленности и даже выпячивающая эту свою особенность как главный козырь в политической игре. Пока нет никаких гарантий того, что эта организация не станет координационным центром террористов в мировом масштабе, прикрывающим такую деятельность дипломатическими атрибутами.

Сравнивая между собой продолжающийся несколько десятков лет палестино-израильский конфликт и две российско-чеченские войны в 1994—1996 гг. и в 1999—2002 гг., нельзя не отметить их исламскую окраску. В настоящее время в мире имеются десятки других кровопролитных войн и конфликтов, охвативших миллионы людей, но о них мир слышит меньше и реже, чем о конфликтах с исламской подоплекой. Тому, на наш взгляд, несколько причин. Во-первых, христиане и мусульмане живут много веков рядом, по соседству, и в некоторых местах, например, в Косово, довольно продолжительное время проливают кровь друг друга из-за отсутствия взаимопонимания. Это означает наличие там устойчивого «образа врага», сложившейся негативной традиции, носящей латентный характер. Во-вторых, миллионы мусульман из Турции, Северной Африки, с Ближнего и Среднего Востока съехались в объединенную Европу и создали серьезные проблемы для местного населения, предлагая дешевую рабочую силу и привнося свои жизненные устои в европейский быт. Недавние погромы во французских городах (в 2006 г.) показали беспомощность и неподготовленность правоохранительных органов Франции к такому повороту событий. В-третьих, это происходит оттого, что в мировых масс-медиа палестинский и чеченский конфликты вызывают больше споров и рассуждений наиболее видных политиков и ученых современного мира и чаще других выносятся на обсуждение в различных общественно-политических организациях.

В силу многих причин чеченский кризис 90-х годов XX века, который лишь в начале XXI века ценой огромных усилий Москвы и Грозного преодолен, обсуждается не только в Российской Федерации, но и во многих других государствах мира. Еще недавно звучали различные предложения и идеи о том, как обустроить Чечню. Определенный интерес представляет мнение Х.-А. Нухаева (живет на Западе), который «отвергает идею создания исламского

государства, идею поддержки исламизма вооруженным путем как противоречащую принципам исконного ислама».²⁷⁰ Идеальный мир видится ему как общество, построенное на принципах провозглашенных Мединской конституцией пророка Мухаммеда, то есть как сообщества самостоятельных и самодостаточных общин исламского и любого другого вероисповедания, пусть даже языческих, управляющихся по собственным не авторизованным законам, сводящимся в конечном счете к обычному праву различных этносов. В варианте, предложенном Нухаевым, на наш взгляд, наиболее интересной для исследования формой такого права является коранический шариат. При этом автор категорически возражает против навязывания шариата кому бы то ни было против его воли. Главным требованием такого сообщества разноконфессиональных общин, по его мнению, является наличие договора, исключающего «враждебные действия одних общностей по отношению к другим, навязывание одними общностями другим своих, не свойственных им порядков».²⁷¹

Отсутствие агрессивности в истинном исламе, вопреки распространенному мнению, утверждают ученые и теологи Российской Федерации. Так, например, Р.И. Бухараев пишет: «Ислам обращается ко всему роду человеческому»¹ именно потому»,² что верит в род человеческий в целом, в его сердце и разум, несмотря на все моря крови, пролитые людьми чаще всего даже не от корысти, а по взаимному невежеству и горделивому нежеланию понять истоки верований, поступков и деяний другого».²⁷²

Активный поиск оптимального решения данной проблемы ведется представителями российского научного мира и правительством Российской Федерации. «Речь идет о развитии традиций российской духовности в новых условиях, об обозначении места и роли в ней мусульманской уммы в обществе, о ее способности противодействовать различным формам экстремизма, прикрываемым религиозной терминологией»,²⁷³ — так видит пути решения мусульманской проблемы в многонациональной и многоконфессиональной стране видный ученый, политик и дипломат профессор Р.Г. Абдулатипов. На наш взгляд, этому процессу даст сильный положительный импульс создание в Российской Федерации единого межконфессионального фронта противодействия религиозному экстремизму, созданного влиятельными представителями религиозных общин страны.

Анализируя причины, ход и последствия чеченского кризиса, необходимо, на наш взгляд, вспомнить о вызревании конфликта. Начало сепаратистского движения было положено при принятии решения об образовании независимого чеченского государства I чеченским национальным съездом (ЧНС) 23—26 ноября 1990 года. При согласии действующих властных структур — обкома КПСС и Верховного совета Чечено-Ингушетии была создана общественная организация — Общенациональный конгресс чеченского народа (ОКЧН), который в кратчайшие сроки набрал силу и, разгромив всех конкурентов, узурпировал власть в республике. Все это про

изошло на волне подавления августовского путча 1991 года в СССР. «Первый демократ», как называл себя тогда Руслан Хасбулатов, лично поехал в Грозный и добился снятия «партократа» Доку Завгаева, тогдашнего председателя Верховного совета». ²⁷¹ А 3 сентября генерал Джохар Дудаев заявил, что берет власть в республике в свои руки. Его «национальные гвардейцы» 6 сентября 1991 года силой разогнали Верховный совет Чечено-Ингушской Республики, жестоко избив во время заседания 40 депутатов парламента. Одного из депутатов, председателя горсовета Грозного Виталия Куценко, «гвардейцы» выбросили из окна здания парламента, и он погиб.

Таким образом, генерал Д. Дудаев, став главой «самопровозглашенного независимого» государства, возглавил и чеченскую криминальную группировку, добивающуюся полного контроля над нефтяными месторождениями Чечни. Можно согласиться с мнением о том, что «в основе чеченского конфликта лежит столкновение интересов криминально-мафиозных группировок центра и Чечни, прежде всего из-за нефти». ²⁷¹ Данное компетентное мнение, на наш взгляд, свидетельствует о том, что в Российской Федерации либо криминал глубоко проник во власть, либо власть сама стала насквозь криминальной по характеру действий в канун начала войны в Чечне, то есть в 1994 году. А если так, то еще более прискорбно осознавать, что на Юг и армия стали разменной монетой в этом споре из-за прибыли в руках политических авторитетов, проходимцев и амбициозных мафиози. Исследователи чеченского кризиса А.С. Куликов и С. А. Лембик подчеркивают: «За три года (1991—1993) около 9 миллиардов нефтедолларов бесследно исчезли в правительственных кругах Чечни вместе с почти 20 миллионами тонн нефти, закачиваемой Россией по трубопроводам на нефтеперегошше предприятия криминальной Чечни». ²⁷⁶ Следует отметить, что в то время рабочим нефтеперерабатывающих заводов республики не выплачивалась даже заработная плата.

Необходимо, на наш взгляд, напомнить некоторые события, которые не укладываются в логические рассуждения и наводят на мысль о плановой подготовке противостояния федерального центра с Чеченской Республикой. Так, например, Б.Н. Ельцин и его окружение не признавали легитимность выборов в Чечне 27 октября 1991 года. В Кремле демонстративно игнорировали переговоры с Д. Дудаевым не только о признании независимости Чечни, но и по другим вопросам. Налицо крайнее обострение этнополитической ситуации, которая усугубилась подписанием 1 ноября 1991 года президентом Чеченской Республики Д. Дудаевым первого указа «О государственном суверенитете Чеченской Республики», ставшего фактически «миной замедленного действия» не только для Чеченской Республики, но и всей Российской Федерации. Обращаем особое внимание на то, что октябрьские выборы 1991 года в Чечне были далеки от демократических норм, впрочем, как и выборы в большинстве других субъектов Российской Федерации 90-х годов XX века. Трудно списать на «специфику» и «особенности» Чеченс

кой Республики то, что рядом с выборщиками (среди которых было немало законопослушных граждан Российской Федерации) стояли вооруженные гвардейцы Д. Дудаева, для которых главным «демократическим аргументом» был автомат Калашникова. А федеральный центр, видя тревожную этнополитическую обстановку в Чеченской Республике, ограничивался «заявлениями», «предупреждениями», «разъяснениями» и т.д., которые сепаратистами в Грозном не воспринимались всерьез. Анализ фактов и документов позволяет утверждать, что вина за чеченский кризис и его последствия лежит не только на Д. Дудаеве и его сторонниках, но и на «парализованном» федеральном центре, где отдельные высокопоставленные чиновники больше заботились о собственном благополучии, забывая о государственных интересах Российской Федерации. Так, например, огромная ответственность за масштабы и количество жертв двух российско-чеченских войн 1994—1996 и 1999—2002 годов лежит на главнокомандующем Объединенными вооруженными силами СНГ маршале авиации Е. Шапошникове, давшем указание начальнику Грозненского гарнизона генералу П. Соколову весной 1992 года «передать Дудаеву половин}' оружия по остаточной стоимости».²⁷⁷ Этого арсенала хватило бы на вооружение полнокровной мотострелковой дивизии. Любой военный эксперт может подтвердить, что обороняющаяся дивизия может успешно сдерживать наступление целой армии, что и произошло в 1994—1996 годах на территории Чечни. Без этого оружия и этих боеприпасов, которые Е. Шапошников передал Д. Дудаеву, сепаратисты не смогли бы организовать эффективное вооруженное сопротивление в масштабах всей Чеченской Республики, и никакие заграничные спонсоры не обеспечили бы незаметную поставку мятежникам такого количества оружия.

Огромную негативную роль в ходе первой российско-чеченской войны 1994—1996 годов сыграли и российские средства массовой информации (СМИ). Необходимо подчеркнуть, что в системе СМИ большой удельный вес приходится на телевидение, так как оно наиболее доступно и наглядно. Нет даже необходимости доказывать, что в Российской Федерации «влияние ТВ чрезвычайно велико при формировании общественного мнения».²⁷⁸ Это аксиома. Но такой же аксиомой является и то, что в ходе первой российско-чеченской войны российские СМИ в большинстве своем были на стороне чеченских сепаратистов.

Всесторонний анализ чеченского кризиса позволяет говорить о большой ответственности вместе с федеральным центром чеченских лидеров и простых граждан Чеченской Республики, по молчаливому согласию которых раскручивался маховик войн и противостояния с Москвой, в целом со всей страной. При активном участии населения экономический потенциал республики разворачивался и подвергался уничтожению. С момента развала СССР, т.е. с 1991 года, была дана полная свобода действий насильникам и убийцам, действовавшим на территории Чеченской Республики под лозунгом

«Чечня для чеченцев». Криминал со всей Российской Федерации находил на территории Чечни надежное укрытие от российского правосудия. Эти и многие другие очевидные факты, свидетелями которых были миллионы россиян, в том числе и авторы этих строк, уже сегодня кое-кем изощренно извращаются. Им следует напомнить необходимость знать «подлинную историю своего народа, не только трагедию депортированных в годы войны народов, но и многочисленные беды соседних народов. Ведь только в этом случае можно понять друг друга».²⁷⁹ И не только попятить, но и услышать друг друга, и осознать всю бесперспективность кровопролитной борьбы за призрачную независимость, которая в сложных условиях Северного Кавказа чревата трагическими последствиями.

Несмотря на многонациональный характер незаконных вооруженных формирований в Чечне, все же чеченцы были основной их силой. Они численно преобладали в армии генерала Д. Дудаева, что дает основание зарубежным журналистам и различным ангажированным «экспертам» настойчиво говорить «о национально-освободительной борьбе чеченского народа» против русских (российских) оккупантов. В этой связи необходимо отметить, что в Российской Федерации чисто русских, татарских, бурятских и т.д. краев и областей (по своему национальному составу) нет, как впрочем, нет и чисто русских воинских формирований. Правительство Российской Федерации, решая проблемы народонаселения, о русских, как о государствообразующей нации, вспоминает не в первую очередь.

Граждан Российской Федерации, в основной своей массе занятых своими личными проблемами, в этой ситуации больше всего интересовало и продолжает интересоваться способностью собственного государства самостоятельно решать в правовом русле такие сложные проблемы, как сепаратизм, терроризм, экстремизм, национализм, периодически вспыхивающие по всему Северному Кавказу. В связи с этим считаем уместным напомнить о предложениях американского ученого-политолога С. Хантингтона,* сделанных им в связи с происходящей сменой миропорядка:

— всем странам прозападной ориентации стремиться к большей интеграции для устранения попыток государств других цивилизаций играть на противоречиях и расхождениях между ними;

— расширить Европейский союз и НАТО за счет включения новых членов из стран Центральной, Восточной Европы и Балтии;

— ускорить, всячески поощряя, вестернизацию Латинской Америки и заключить с нею более тесный союз;

— всемерно сдерживать развитие обычного вооружения и оружия массового поражения в исламских государствах и в Китае;

— противодействовать отдалению Японии от западного мира и ее примирению с Китаем;

* Автор бестселлера «Столкновение цивилизаций и переустройство мирового порядка», вышедшего в свет в 1996 году.

—признать Россию ведущей державой православного мира и ее право на защиту своих интересов и безопасности на южных границах;
—поддерживать превосходство Запада в технологии и военном потенциале над другими цивилизациями;
—признать, что вмешательство в дела стран других цивилизаций — это «наиболее опасный источник нестабильности и потенциального глобального конфликта в нынешнем мультицивилизационном мире».²⁸⁰

Для Российской Федерации это означает, что, с одной стороны, ее действия на Северном Кавказе признаются защитой жизненно важных интересов на южных границах, с другой стороны, технологическое и военное превосходство Запада при определенных условиях не исключает диктата с его стороны в его интересах в этом регионе. На эти рассуждения наводит активная деятельность нынешнего президента Грузии М. Саакашвили, развязавшего широкомасштабную вероломную войну в Южной Осетии накануне открытия XXIX летних Олимпийских игр в Пекине, в качестве внешнего раздражителя и возмутителя спокойствия у южных границ Российской Федерации при явной моральной и материальной поддержке со стороны США, пытающихся играть руководящую роль в Закавказье.

Одним из главных мотивов активизации деятельности США в регионе остается вопрос обеспечения безопасности транспортировки каспийской нефти и газа в Европу и Турцию транзитом через Армению и Грузию. Нельзя не учитывать и стабильность антироссийской политики официального Тбилиси. Здесь в постсоветский период при всех режимах принято вести непримиримую политику в отношении Москвы. Нынешний президент Грузии М. Саакашвили превзошел в этом предшественников — З. Гамсахурдия и Э. Шеварнадзе. Заметим, что с началом второй российско-чеченской войны (1999—2002 гг.) в Панкисское ущелье Грузии, являющееся местом компактного проживания местных чеченцев-кистинцев, устремились массы беженцев из Чечни. С ними, скрываясь от ударов российской армии, пришли «интернационалисты» известного чеченского полевого командира Р. Гелаева, в бригаде которого, наряду с чеченцами, было много арабских и турецких наемников. Ущелье превратилось в базу боевиков, откуда совершались кровавые вылазки на территорию Российской Федерации.

На неоднократные требования российской стороны разоружить боевиков и пресечь деятельность чеченских сепаратистов с территории Грузии, официальный Тбилиси отвечал, что их нет в Панкисском ущелье. Когда же грузинской стороне были предъявлены неопровержимые доказательства того, что вооруженные отряды чеченских сепаратистов находятся в Панкисси, то Э. Шеварнадзе занял проглаславскую позицию, положительно отзываясь о нем. Причина такой позиции, на наш взгляд, кроется в том, что правительство Грузии при всем своем желании не могло противостоять чеченским

вооруженным формированиям, имеющим солидный боевой опыт в боевых действиях против Вооруженных сил Российской Федерации. Оно, судя по дальнейшим событиям, пыталось использовать чеченскую вооруженную группировку Р. Гелаева в своей внутренней политической игре. А последовавшее в октябре 2001 года нападение гелаевцев совместно с грузинскими боевиками на абхазское селение Георгиевское в Кодорском ущелье наводит на мысль о наличии договоренности о взаимопомощи между чеченскими сепаратистами и правительством «демократической» Грузии.

Ситуация резко изменилась в феврале 2002 года после доклада министра государственной безопасности Грузии В. Хабурдзания на расширенном заседании грузинского правительства, в котором была подробно раскрыта истинная картина обстановки, сложившейся в Панкисском ущелье. Активная деятельность учебно-тренировочных центров, связанных с базой известной террористической организации «Серые волки» на территории Турции, а также присутствие среди иностранных наемников представителей «Аль-Каиды» ставило Грузию в положение пособника международного терроризма. В Тбилиси в срочном порядке были приглашены американские военные инструкторы для обучения грузин методам борьбы с терроризмом. На наш взгляд, эта уловка со стороны Грузии была направлена не против чеченских боевиков в Панкисском ущелье, а, главным образом, против Абхазии и Южной Осетии, в отношении которых в Тбилиси давно готовили широкомасштабную войну. Новая война Грузии в Южной Осетии, начатая в ночь с 7 на 8 августа 2008 года, — убедительное свидетельство верности нашего прогноза. Заметим, что невиданная милитаризация Грузии преследовала и преследует одну-единственную цель — грузинская сторона готовится к военно-силовому решению югоосетинской и абхазской проблемы, возлагая при этом надежды на поддержку американцев.²⁸¹ Все это указывает на то, что пока у официального Тбилиси существует абхазская и югоосетинская проблемы, с особо непримиримой позицией грузинской стороны, для Российской Федерации в этом регионе будет много проблем, в том числе и искусственно созданных антироссийскими силами Грузии.

Кавказ но обе стороны Главного хребта остается на сегодняшний день наиболее чувствительным и ранимым местом Российской Федерации, готовым вспыхнуть новыми очагами напряженности при малейшем непродуманном действии со стороны центральной власти или власти на местах. Грядущие перемены в свете комментария к вопросу читателя еженедельника «Аргументы и факты» в марте 2006 года, сделанного директором Института стран СНГ, депутатом Госдумы К. Затулиным, не вызывают особого оптимизма. Сказанное касалось возможного выхода из состава Грузии Абхазии и Южной Осетии в случае признания на международном уровне независимости Косово (оно уже признано несколькими десятками государств), так как прав на независимость у косовских албанцев гораздо мень

ше, чем у самопровозглашенных кавказских республик. Далее следовала твердая уверенность в том, что «после признания Косово абхазы и осетины законодательно оформят свои претензии на суверенитет»,²⁸² а в случае вооруженного противостояния всех участников, включая и российских миротворцев, не исключено, что статус вышеназванных республик изменится уже в ближайшие годы, что и произошло 26 августа 2008 года, когда Россия признала их независимость.

Анализ чеченского кризиса 90-х годов XX века, последствия которого до сих пор негативно сказываются на благополучии Российской Федерации, позволяет сделать ряд принципиальных предположений и выводов, которые, на наш взгляд, помогут в стабилизации общественно-политической обстановки, межнациональных отношений не только в Чеченской Республике, но и в целом на юге страны.

1. Федеральный центр, учитывая ошибки 90-х годов XX века, должен разработать программу легализации экономической деятельности в каждой отдельно взятой республике и в целом в регионе. Здесь, на наш взгляд, необходимо обеспечить финансовую прозрачность использования каждой республикой средств федерального центра. Необходимо также разработать эффективные механизмы контроля над производством нефтепродуктов, вино-водочной продукции, розливом минеральных вод и т.д. в республиках, над средствами, которые идут в республиканские и федеральный бюджеты.

2. Назрела необходимость сформулировать перечень объектов, финансируемых за счет средств федерального бюджета, в том числе по федеральным целевым программам. При этом необходимо максимально учесть мнение ученых-экспертов, которые являются признанными специалистами в этой сфере.

3. Необходимо принять экстренные меры для восстановления и развития сельского хозяйства в республиках Северного Кавказа. Известно, что некоторые республики региона в недалеком прошлом имели весьма высокие показатели в животноводстве, овцеводстве, садоводстве, виноградарстве и т.д. Они обеспечивали не только себя, но и другие республики и регионы бывшего СССР сельскохозяйственной продукцией. Однако в 90-е годы XX века в силу многих обстоятельств, связанных с кризисом российской государственности, традиционные для Северного Кавказа отрасли сельского хозяйства пришли в упадок. Сегодня эту задачу необходимо решить федеральному центру, так как от ее успешного решения зависит стратегия Москвы на Северном Кавказе. Кроме того, необходимо разработать продуманную до мелочей программу по водообеспечению и развитию мелиорации, принять жесткие меры для приостановления процесса банкротства сельскохозяйственных предприятий в республиках Северного Кавказа.

4. Федеральному центру совместно с руководством республик Северного Кавказа необходимо в кратчайшие сроки обеспечить за

нятость населения, предусмотреть в республиканских бюджетах выделение средств на софинансирование, развитие традиционных отраслей сельскохозяйственного производства (например, в Северной Осетии животноводство, в Дагестане виноградарство, в Кабардино-Балкарии животноводство и т.д.). Федеральному центру совместно с руководством республик Северного Кавказа необходимо создать благоприятные условия для развития гидроэнергетического комплекса в регионе, продолжить работы по осуществлению ввода в эксплуатацию так называемых малых гидроэлектростанций (Зарамагская в Северной Осетии, Черекская в Кабардино-Балкарии, Ирганайская в Дагестане и другие). Для строительства малых ГЭС необходимы финансовые ресурсы в больших объемах. Власти как в центре, так и на местах должны найти источники финансирования (которые имеются в Российской Федерации).

5. Необходимо организовать в республиках Северного Кавказа массовое строительство доступного для большинства населения жилья и создание рабочих мест, используя все возможности республик и федерального центра, в том числе целевую программу}' «Социальное жилье», разработанную комитетом Госдумы по обороне. Напомним, что программу «Социальное жилье» разработали военные и гражданские специалисты, и она предусматривает максимальное использование внебюджетных источников финансирования.

6. Значительно оживит экономическую и социальную жизнь республик Северного Кавказа массовое развитие альтернативных видов связи (например, сотовой). Нам представляется не только возможным, но и необходимым разработать программу развития альтернативных видов связи. Реализация такой программы, на наш взгляд, позволит оперативнее бороться с терроризмом, кризисными ситуациями на территории Северного Кавказа, в целом Российской Федерации.

7. Необходимо устранить все барьеры на пути развития курортного и туристического бизнеса на территории Северного Кавказа. В кратчайшие сроки следует решить вопрос создания эффективного федерального органа, который бы умело управлял этой работой (в функции федерального агентства по туризму, созданного в ноябре 2004 года, вопросы курортологии не входят).

Северная Осетия, Кабардино-Балкария, Карачаево-Черкесия и другие республики региона с помощью федерального центра могли бы укрепить материальную базу туризма, расширить географию и многообразие туристических маршрутов и на этом зарабатывать ежегодно сотни миллионов рублей. Однако для этого нужны долгосрочные льготные кредиты для физических и юридических лиц, которые занимаются строительством курортно-туристических баз. Это еще одна важная задача, которую, на наш взгляд, должен решить федеральный центр.

8. Необходимо осуществить также целый ряд важных мер в организационно-административной системе региона. Так, например, за-

мелю осложняют общественно-политическую и морально-психологическую атмосферу многочисленные блокпосты милиции на федеральных трассах и административных границах субъектов Российской Федерации. Многолетний опыт проживания на Северном Кавказе и почти ежедневное соприкосновение с сотрудниками МВД на трассах убеждает в том, что эти блюстители порядка довольно часто становятся рассадниками коррупции, вседозволенности, своеобразными «кормушками» для вышестоящих милицейских чинов. Следует возложить функции контроля за передвижением транспорта на мобильные сводные отряды, состоящие из сотрудников налоговых органов, ФСБ, таможенной службы, которые бы более эффективно осуществляли проверки на дорогах. Снятие искусственных барьеров на административных границах между республиками Северного Кавказа поможет, на наш взгляд, оздоровлению общественно-политической обстановки и повысит доверие значительной части населения к федеральному центру.

9. Одной из главных ошибок федерального центра 90-х годов XX века было то, что он не придавал серьезного значения научным исследованиям, посвященным многообразным проблемам Кавказа (межконфессиональные и межнациональные отношения, сепаратизм, политический экстремизм, терроризм и другие). Для проведения глубоких научных исследований в этой сфере, которые бы отвечали вызовам XXI века, необходимо, на наш взгляд, создать научно-исследовательский Институт Кавказа в системе РАН (точное название института и местонахождение можно было бы определить с учетом всех обстоятельств и особенностей региона). Нам представляется, что такой институт просто необходим и должен иметь в каждой республике свой филиал. Институт должен изучать этнические, этнополитические и конфессиональные процессы в регионе. Он же должен разрабатывать текущие и долгосрочные перспективные планы и предложения для органов республиканской и федеральной власти по стабилизации общественно-политической и межнациональной обстановки на Северном Кавказе, в целом в Российской Федерации.

В настоящее время в каждой республике Северного Кавказа имеется научно-исследовательский институт гуманитарной направленности, который занимается этнополитическими исследованиями. Однако научные исследования этих институтов, как правило, замыкаются в пределах своих республик и их научные исследования чаще всего не носят системного характера. Создание Института Кавказа позволило бы повысить качество научно-исследовательских работ и разработку долгосрочных предложений для органов власти.

10. Для нормализации общественно-политической обстановки в регионе следует создать законодательные, административные и другие необходимые условия для возвращения всех россиян, независимо от их национальной и религиозной принадлежности, в пределы Российской Федерации, в том числе и в республики Северного Кав-

каза. Многие россияне, как известно, оказались за пределами Российской Федерации в силу известных событий начала 90-х годов XX века. Сегодня Российская Федерация очень нуждается в своих соотечественниках. Кроме всего прочего, они бы увеличили число работоспособного населения. Решение этой задачи представляется актуальным, не требующим доказательств. В этой связи необходимо принять закон Российской Федерации «О репатриации», который бы предусматривал целый комплекс мер государственной поддержки наших соотечественников, оказавшихся за пределами Российской Федерации. Обращаем особое внимание и на то, что носители русской и русскоязычной культуры в республиках Северного Кавказа могут заметно стабилизировать обстановку, гармонизировать межнациональные отношения в сложном и опасном регионе.

Еще одна большая проблема национальной, федеративной и региональной политики связана, на наш взгляд, с многочисленными потоками беженцев и вынужденных переселенцев. Необходимо уравнять в правах на получение денежных компенсаций всех, кто возвращается в места своего прежнего проживания, и тех, кто по различным причинам не хочет возвращаться туда же (например, многие русские и русскоязычные не желают возвращаться в Чеченскую Республику и в Республику Ингушетию, тем не менее, эти люди пострадали и, где бы они не обустроились, им необходимо получить компенсационные выплаты). С этой проблемой тесно связан вопрос возвращения насильственно переселенных народов в места их традиционного проживания (например, лакцы в Дагестане, русские в Ингушетии и Чечне и т.д.). Эту проблему необходимо решить, так как она заметно осложняет общественно-политическую обстановку и межнациональные отношения в регионе. В этой связи необходимо обратить особое внимание на разработку четких механизмов предоставления конкретной финансовой помощи гражданам Российской Федерации, лишившимся своего имущества, включая дома и квартиры, в результате вооруженного нападения ингушских национал-экстремистов на Северную Осетию осенью 1992 года (так называемый «ингушко-осетинский конфликт в октябре — ноябре 1992 года»). Здесь, конечно же, необходимо провести строгую и объективную инвентаризацию и определить сумму финансовых затрат для решения проблем обустройства граждан, пострадавших в Северной Осетии и Ингушетии осенью 1992 года. Необходимо четко определить источники и сроки финансирования этих расходов. Пострадавшие люди, независимо от их национальности, должны получить конкретную государственную помощь путем перечисления на их банковские счета определенной суммы денег, необходимой для получения средств на строительство дома или приобретения жилья. В то же время, осетино-ингушские отношения не нормализуются до тех пор, пока федеральное правительство не пересмотрит федеральный закон «О реабилитации репрессированных народов» от 26 апреля 1991 года и не приведет его в строгое соот-

ветствие с Конституцией Российской Федерации (статьи 3 и б, предусматривающие одностороннюю территориальную реабилитацию).

11. Федеральный центр должен обратить особое внимание на скорейшую выработку совместных шагов с республиками Северного Кавказа по противодействию распространению в регионе политического и религиозного экстремизма, которые служат базой для различных террористических организаций и объединений. После масштабной трагедии Беслана 0—3 сентября 2004 года), устроенной ингушскими и чеченскими террористами, не должно быть никаких сомнений в необходимости жестких мер против организации радикальных течений любой религии, включая ислам, не только на территории Северного Кавказа, но и всей Российской Федерации. В этой связи представляется необходимым и логичным проводить обучение священнослужителей (мусульманских, православных, буддийских и других) по специальным программам в Российской Академии государственной службы при президенте Российской Федерации. Целесообразным представляется распространить такую методику и практику на филиалы академии, функционирующие на территории Северного Кавказа, в целом Южного федерального округа.

12. Следует обратить особое внимание на концепцию так называемой «американской модели» государственно-церковных отношений, которую отдельные политические и религиозные силы хотят распространить и у нас. Суть ее сводится к тому, чтобы уравнивать в правах традиционные религии (христианство, ислам, буддизм и иудаизм) с различными, порой сомнительными новообразованиями и течениями в исламе, христианстве и т.д. На практике это позволит экстремистским религиозным организациям, базирующимся, например, на идеологии ваххабизма, получать узаконенный статус и таким образом вести борьбу против инакомыслящих и даже против существующей государственной системы Российской Федерации. В этой связи необходимо разработать правовую базу взаимоотношений религии и государственных органов власти в соответствии с историческими традициями не только народов Северного Кавказа, но и других народов Российской Федерации. Необходимо исходить при этом из национальных интересов Российской Федерации, безопасности и процветания ее народов.

13. Следует еще раз вернуться к «Концепции национальной государственной политики», которую необходимо, на наш взгляд, дополнить конкретными предложениями, касающимися Северо-Кавказского региона. Пока в республиках Северного Кавказа, к сожалению, не видят перспектив «Концепции государственной национальной политики».

14. Нам представляется необходимым обратить особое внимание на цели и приоритеты средней общеобразовательной школы, которая непосредственно связана с национальной политикой государства. Нужно решить серьезную задачу гармонизации в сфере образования, которая должна сочетать общегосударственные инте

рессы и интересы каждого отдельного народа Российской Федерации. Для этого необходимо внести ясность в приоритеты средней школы. Общеобразовательная школа должна, на наш взгляд, активно выступать в качестве надежного инструмента формирования интернационалистской психологии личности, проще говоря, межнациональной и межрелигиозной толерантности. Нет необходимости доказывать, что именно в школе формируется личность интернационалиста, патриота, достойного гражданина нашего многонационального Отечества.

В образовательной сфере особая роль принадлежит гуманитарному циклу и, в первую очередь, отечественной истории. Содержание федерального и национально-республиканского (национально-регионального) компонентов должно определяться установками на формирование межэтнической и межконфессиональной толерантности, общероссийской идентичности, российского патриотизма. Для этого Министерство образования и науки Российской Федерации совместно с республиканскими министерствами должно разработать и реализовать продуманный план взаимодействия и взаимодополнения федерального и национально-республиканского компонентов, определяющих суть общего образования как в регионе, так и в масштабах страны. Здесь следует обратить особое внимание на необходимость включения в учебную программу общеобразовательных школ, вузов, других учебных заведений Северного Кавказа, как и всей Российской Федерации, таких предметов как «Геополитика России на Кавказе», «Русско-кавказские взаимоотношения в прошлом и настоящем», «История и культура народов Северного Кавказа», «Национальная политика и межнациональные отношения на Кавказе» и другие. Такие предметы принесут большую пользу в деле формирования культуры межнационального общения и толерантности.

15. Необходимо обратить особое внимание на неоднородность имеющихся монографий и учебно-методических разработок по истории отдельных народов Северного Кавказа, которые создают серьезные проблемы в формировании исторического сознания народов, особенно молодежи. Большую неоднородность исторического материала следует в срочном порядке привести в соответствие с историческими реалиями. Другими словами, вся историческая литература (кандидатские и докторские диссертации, брошюры, монографии, коллективные Труды и т.д.) должна максимально соответствовать отечественной исторической науке. В настоящее время, к большому сожалению, мы встречаемся с огромным потоком околонушной исторической литературы, которая порой способствует формированию национализма, национальной исключительности, русофобии и т.д. Все это недопустимо в многонациональном правовом государстве, на роль которого претендует уже многие годы Российская Федерация. Мы являемся свидетелями многочисленных фальсификационных исторических трудов, в которых существенно искажаются

многие важные вопросы истории народов Северного Кавказа, в целом Российской Федерации.

Обращаем особое внимание на то, что массированным атакам дилетантов от истории, фальсификаторов исторической науки подвергаются многовековые русско-кавказские взаимоотношения, в результате чего, конечно же, страдает научная достоверность и объективность. Фальсификационные исторические труды, используемые в образовательном процессе в республиках Северного Кавказа, превращают их в мощный инструмент политической борьбы и межнационального противостояния. Не нужно доказывать, что такие «научные труды» по отечественной истории способствуют не интеграции образовательного, культурного, этнополитического и правового пространства Российской Федерации, а дезинтеграции и межнациональному противостоянию.

16. Федеральному центру, на наш взгляд, необходимо обратить особое внимание на Абхазию и Южную Осетию, где проживают сотни тысяч граждан Российской Федерации. Напомним, что в этих государствах Кавказа абсолютное большинство населения тяготеет к Российской Федерации и к русской культуре, что они подтвердили в начале 90-х годов XX века на референдумах по этому вопросу'. Учитывая все это, представляется целесообразным организовать подготовку специалистов различных областей для Абхазии и Южной Осетии в крупнейших вузах и научно-исследовательских институтах Российской Федерации. Есть смысл и в том, чтобы для республик Северного Кавказа возобновить систему квот по направлению наиболее талантливой молодежи на учебу в вузы Москвы, Санкт-Петербурга, других крупных городов Российской Федерации. В то же время можно было бы разработать целый комплекс мер для русских студентов, которые бы обучались на льготных условиях в наиболее престижных вузах республик Северного Кавказа. В этом мы видим залог успешного развития образовательной системы в многонациональной Российской Федерации.

17. Следует обратить особое внимание на статус российских военных баз в Закавказье. Необходимо открыто и четко заявить всему миру, что бывшие советские республики Грузия, Армения и Азербайджан, ставшие с начала 90-х годов XX века независимыми суверенными государствами, а также Республика Южная Осетия и Республика Абхазия являются зоной национальных интересов Российской Федерации.

Если для США и Великобритании зоной их «национальных интересов» являются десятки самых разных независимых государств в Европе, Азии и Африке, то почему для Российской Федерации закавказские государства, в том числе Южная Осетия и Абхазия, с которыми непосредственно граничат несколько республик Северного Кавказа, т.е. Российская Федерация, не являются зоной ее национальных интересов? В то же время мы считаем не только возможным, но и необходимым объявить Северный Кавказ «зоной

особого риска» (или «территорией наибольшей угрозы безопасности Российской Федерации»), в связи с тем, что именно здесь обнаруживаются наиболее реальные угрозы территориальной целостности нашего многонационального государства.

Архитекторы современной национальной, федеративной, региональной и внешней политики Российской Федерации должны учитывать «особые взаимоотношения» Москвы и Тбилиси. За последние 18 лет россияне видели слишком много провокаций со стороны руководства Грузии. Поэтому федеральный центр должен разработать целый ряд оперативных мер для того, чтобы экономическими, дипломатическими и другими мерами обуздать мини-империю (так Грузию назвал Нобелевский лауреат А.Д. Сахаров). В то же время в целях налаживания взаимоотношений между Москвой и Тбилиси есть необходимость расширения торгово-экономических и культурных связей между двумя странами, эффективного использования большого потенциала сложившихся отношений республик Северного Кавказа (Северной Осетии, Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии и других) с Грузией.

18. Федеральный центр должен извлечь необходимые уроки из тех многочисленных ошибок, которые были допущены центральными российскими СМИ в 90-е годы XX века. Часть из них, как известно, активно и настойчиво пропагандировала насилие, сепаратизм, террор, экстремизм, коррупцию, проституцию и т.д. Все это наносило огромный вред морально-психологическому состоянию народов Российской Федерации, в первую очередь, на Северном Кавказе. Многие средства массовой информации активно внедряли в сознание россиян образ кровожадного человека «кавказской национальности». Нет необходимости доказывать, что сегодня СМИ должны активно и продуманно пропагандировать мир, культуру межнационального общения, межконфессиональную и межнациональную толерантность, взаимовыгодное сотрудничество между народами Российской Федерации. Это, на наш взгляд, может сыграть большую позитивную роль в деле приобщения к высоким образцам русской и российской культуры, как объединяющей силы в многонациональной стране.

Глава IV

СЕВЕРНЫЙ КАВКАЗ - ОБЪЕКТ ГЕОПОЛИТИКИ ИСЛАМА

1. Общественно-политические и этноконфессиональные процессы в республиках Северного Кавказа

Все религии мира, как правило, стремятся к приумножению своих последователей. Однако попытки произвольного вмешательства в религиозную жизнь народов, волонтаристского передела территорий, закрепленных за той или иной религией, представляют серьезную общественно-политическую опасность, обостряют межконфессиональную борьбу и чреваты вполне предсказуемыми осложнениями. Общественно-политические процессы в республиках Северного Кавказа, межконфессиональная ситуация, сложившаяся здесь в последние годы, убедительно свидетельствует об этом. Ислам, как одна из наиболее молодых мировых религий, в 90-е годы XX века нашел в регионе много своих последователей. Часть из них ведет себя воинственно и агрессивно, что создает проблемы в общественно-политической, религиозной сфере. В настоящем исследовании авторы пытаются охарактеризовать хотя бы в целом современную этнополитическую и этноконфессиональную перспективу в республиках Северного Кавказа, философские и религиозные предпосылки формирования исламской геополитики и ее воплощения в регионе.

Следует иметь в виду, что Российская Федерация в силу различных причин оказалось втянутой в острое геополитическое противостояние с мировым исламом. Этот факт необходимо учитывать политикам, государственным деятелям, и, конечно же, ученым каждой республики региона, которые занимаются проблемами Северного Кавказа.

Анализируя общественно-политическую ситуацию, межнациональные и межконфессиональные отношения в Дагестане, в целом на Северном Кавказе, следует, на наш взгляд, обратить особое внимание на следующие обстоятельства. **Во-первых**, Дагестан был и остается колыбелью ислама на территории Российской Федерации. В этой северокавказской республике традиционно уживаются три мировые религии: ислам (его исповедуют аварцы, даргинцы, кумыки, лезгины, лакцы и другие автохтонные народы), христианство (его исповедуют русские, украинцы, белорусы, грузины, армяне и др.) и иудаизм (его исповедуют таты, или «горские евреи», проживающие в Дербенте и Кайтаге, а также европейские евреи, состав

ляющие в общей сложности около 20 тыс. человек). Таким образом, на территории Дагестана 1 млн 900 тыс. человек исповедуют ислам (около 87 % населения республики), около 165 тыс. человек — христианство (около 8 %) и около 20 тыс. человек — иудаизм (около 1 %). К этому следует добавить, что в республике имеются представители духоборов, молокан и других традиционных русских сектантских направлений.

Во-вторых, в Дагестане издавна есть мусульмане-сунниты и мусульмане-шииты. К первому направлению принадлежат все автохтонные народы республики. Ко второму направлению относятся дагестанские азербайджанцы и лезгины села Мискинжи в Догуспаринском районе (более 90 тыс. человек, или 4,5 %).²⁸³ **В-третьих**, в Махачкале функционирует самый большой мусульманский храм в Российской Федерации. К этому добавим, что ежемесячно в Дагестане открывается, как минимум, одна сельская мечеть и очень быстро растет число служителей мусульманского культа (около 4000 человек). **В-четвертых**, особенностью религиозной жизни дагестанских мусульман является: а) большое влияние Духовного управления мусульман Дагестана (ДУМД), официального органа управления всех дагестанских мусульман, на руководство республики; б) борьба внутри ДУМД за создание отдельных «самостоятельных» духовных управлений аварцев, даргинцев, кумыков, лезгин и т.д., т.е. по национальному признаку; в) рост влияния на общество «ваххабитов» и обострение их отношений с другими мусульманами. **В-пятых**, огромно влияние на общество и руководство республики многочисленных джамаатов,²⁸⁴ которые представляют собой четкие территориальные организации религиозной, социальной и политической жизни дагестанцев. Каждый джамаат имеет собственный «кодекс» правил и норм поведения, нарушать которые никому не позволено. В постсоветское время, в силу многих объективных причин, возросло влияние джамаатов. Прав Э.Ф. Кисриев, который по этому поводу пишет: «Мы обычно представляем дело так, что в конкретном политическом процессе в Дагестане в качестве основных действующих лиц выступают отдельные политические партии и другие общественные объединения, а также национальные движения отдельных дагестанских народов. Однако действительными субъектами политической сцены у нас являются организации, которые не присутствуют официально в общественно-политическом дискурсе и потому как бы не существуют в реальности, а в действительности именно они обладают самой эффективной организационной силой. Это структуры, базирующиеся на джамаатской солидарности».²⁸⁵ К этому следует добавить, что политическое руководство Дагестана учитывает позиции различных джамаатов, которые иногда вступают в конфликты между собой. Объединенные усилия джамаатов способны решать многие серьезные проблемы, в том числе и в политической жизни Дагестана. **В-шестых**, большое влияние на все сферы жизни, включая политическую, оказывают различные

суфийские идеи (тарика), получившие распространение в Дагестане. Необходимо подчеркнуть, что классический суфизм в Дагестане не достиг особых успехов.²⁸¹¹ Джамалутдин Казикумухский в своей работе «Адаб з'ль-Марзия» пишет, что в Дагестане известен один — накшбандийский — тарикат.²⁸⁷ Основателем этого братства суфиев являлся Баха ад-дин Мухаммад Накшбанд (араб, «резчик по металлу») родом из Бухары. Он стал распространяться в Дагестане в XII—XIX вв. Этот суфийский орден пропагандировал аскетизм, культ бедности, всепрощение и призывал «к священной войне» против неверных.²⁸⁸ Однако в Дагестане он получил оттенок воинствующего тариката и стал идеологией движения мюридизма и его вождей Гази-муллы, Гамзат-бека и Шамиля. В начале XX века в Дагестане и Чечне усилилась борьба горцев против царской России, в которой заметную роль сыграли идеи тарикатского мюридизма. Признанный специалист в этом вопросе профессор Н.А. Смирнов писал: «Важнейшей особенностью кавказского тариката, придававшей ярко выраженный политический оттенок, было совмещение под его религиозным флагом высшего, с точки зрения ислама, познания пути человека к богу с проповедью газавата, или джихада, т.е. религиозной войны против неверных за торжество ислама. Если ранее бывшие направления тариката обычно выставляли на первый план идеи, касающиеся внутреннего мира человека, то кавказский тарикат главным своим требованием сделал газават».²⁸⁹ Таким образом, различные суфийские идеи (тарика), получившие распространение в Дагестане в прошлые века, имеют немалое влияние на народные массы и сегодня.

В республике в настоящее время зарегистрировано около 20 мюридских братств, отличающихся организованностью, дисциплиной и преданностью мюридов (учеников) своему шейху. Добавим к этому, что суфийские братства в виде шейхизма и мюридизма объединяются вокруг авторитетных в исламских кругах имен — шейхов Али-Гаджи Акушинского, именем которого названа улица в Махачкале, Узун-Хаджи, Гасана Кахибского, Амая Кунта-Хаджи и других. У каждого «из этих братств имеется свой устав»,²⁹⁰ согласно которому они проводят не только религиозную работу, но и пропаганду общественно-политических установок, задач и целей. Обращаем внимание и на то, что все они, как правило, моноэтнические. В то же время в рядах суфизма наблюдаются попытки внести коррективы в свои идеи, объединиться в рамках одной мусульманской идеологии.

В настоящее время крупными и признанными авторитетами тариката в Дагестане являются Сайд Эфенди Чиркеевский, Тажутдин Хасавюртовский, Аюб Астраханский и другие. Эти тарикатистские шейхи имеют большое влияние на определенные слои населения не только в Дагестане, но и в Ставрополе, Астрахани, других городах и населенных пунктах Российской Федерации.

В-седьмых, сегодня в Дагестане созданы и функционируют не

сколько мусульманских культурных, просветительских, учебных и политических организаций. Среди них 2 исламских университета, 3 исламских центра, 8 исламских институтов с 12 филиалами.²⁹¹ При мечетях организовано 1000 школ или групп по обучению молодежи основам ислама. Действуют 35 медресе по подготовке имамов и мулл для мечетей.²⁹² Кроме того, в республике функционируют 3 исламские политические партии, среди которых особой популярностью пользуется Исламская партия Дагестана. Следует подчеркнуть, что значительная часть исламских политических партий Дагестана вовлечены в орбиту тарикатистских организаций. Большую и активную работу проводит и Исламский комитет — международная исламская политическая организация. Комитет создан на Всемирном исламском конгрессе в Хартуме (Судан) в 1993 г. как идеологический центр мусульман всего мира, а в Российской Федерации он зарегистрирован в 1995 г. Он объединяет ученых, политических и общественных деятелей мусульманских государств. По мнению председателя Исламского комитета России, главная задача этой международной организации сводится к тому, «чтобы объединить усилия исламского мира и России против западного глобализма и нового мирового порядка», а также способствовать «укреплению стратегического союза России и исламского мира для достижения этой цели».²⁹³

В республиках Северного Кавказа в 90-е годы активизировали свою деятельность различные исламские организации и центры, финансируемые из-за рубежа, большей частью Всемирной исламской лигой (ВИЛ), центр которой находится в Саудовской Аравии. Посольство Саудовской Аравии в Москве стало привлекать для работы в России различные саудовские фонды и организации.²⁹⁴ Так, в Москве и других наших городах стали функционировать филиалы фондов «Ибрагим Бен Ибрагим», «Ахмед Аль-Дагестани», «Общество Шамиля», «Организация исламской солидарности», медресе имени короля Фахда и другие. Главная цель активизации этих и других исламских организаций, по мнению известного российского политолога К.С. Гадлшева, состоит в том, «чтобы утвердить саудовское, а в более широком плане — исламское влияние на Кавказе. Для достижения этой цели использовался самый широкий спектр средств от широкомасштабного бесплатного распространения миллионов экземпляров Корана и другой религиозной литературы до строительства мечетей и разного рода культурных исламских центров».²⁹⁵ Этот вывод представляется объективным, обоснованным и логичным.

В-восьмых, исторически сложилось так, что Дагестан испытывал влияние Чечни. У дагестанцев и чеченцев (особенно чеченцев-аккинцев, которые живут на территории Дагестана) много общего в традициях, обычаях, быту, они исповедуют одну религию — ислам. В Чечне в 90-е годы создана партия «Исламский путь». Активные позиции в мятежной республике занимает общественно-политическое движение Конгресс «Исламская нация» (КИН). Во главе этого

влиятельного движения стоял известный идеолог борьбы чеченского народа за независимость Мовлади Удугов. В апреле 1998 года по инициативе КИН в Грозном был создан Конгресс народов Дагестана и Чечни (Ичкерии). КИН провозгласил своей целью не только укрепление связей между Чечней и Дагестаном, но и объединение всех мусульман Кавказа, а затем всего мира. Задача этой организации состояла в том, чтобы освободить Северный Кавказ от влияния Москвы и создать здесь независимое исламское государство на принципах Корана и шариата. С 1997 года в Грозном издавалась газета «Исламская нация» (печатный орган КИН), где пропагандировалась идея независимого исламского государства на территории Северного Кавказа. К этому стремились, кроме Конгресса «Исламская нация», Конгресса народов Дагестана и Чечни (Ичкерии), Союз политических сил «Исламский порядок», Организация исламского единства Кавказа и, конечно же, все те политические и религиозные силы на Северном Кавказе, которые до сих пор твердо стоят на позициях строительства независимого исламского государства на принципах Корана и шариата.

В-девятых, негативное влияние «ваххабитов»²⁹⁶ на общественно-политическую обстановку не только в Дагестане, но и в других республиках Северного Кавказа, где за последние годы относительно новое для региона исламское направление перешло от умеренности к крайним проявлениям. Движение «ваххабитов» появилось в Дагестане в середине 80-х годов и в настоящее время представляет собой самостоятельную силу. С абсолютной точностью невозможно подсчитать число сторонников «ваххабизма» как в Дагестане, так и в целом на Северном Кавказе. Исследователь этой проблемы Э.Ф. Кисриев считает, что их в Дагестане «не более 2—3 % от числа дагестанцев, ориентирующихся на исламские ценности».²⁹⁷

Первыми распространителями идей «ваххабизма» в Дагестане были организаторы Всесоюзной исламской партии возрождения (ИПВ). Сформированная в 1987 году в Ташкенте, ИПВ образовала затем свои отделения во многих мусульманских республиках, в том числе и в Дагестане.

«Ваххабитское» учение (или направление) в исламе является официально признанным исповеданием в Саудовской Аравии, где оно возникло в середине XVIII в. благодаря своему основателю Мухаммаду ибн Абд аль-Ваххабу (1703—1787 гг.), ясно представлявшему психологию и нужды соотечественников. Это учение признано так же в Кувейте, Катаре, Объединенных Эмиратах и т.д. Основатель учения говорил о том, что мусульмане забыли настоящий, т.е. первоначальный ислам, и это ведет к падению нравов, традиций и обычаяв арабов. Аль-Ваххаб убедительно доказывал, что «за падением нравов» неминуемо следуют экономический хаос, разрушение, межнациональные войны, общественно-политическая смута и другие беды. Сторонники «ваххабизма» проводили и проводят огромную религиозно-пропагандистскую работу во все стра

нах, где проживают мусульмане. Часть паломников из Российской Федерации, которые ежегодно приезжают в Мекку, также становятся приверженцами «ваххабизма», и у себя на родине, в том числе на Северном Кавказе, распространяют идеи этого движения. «Ваххабиты» считают единобожие (таухид) главным смыслом ислама. Основной смысл движения «ваххабизма» состоит в том, чтобы вернуть всех мусульман к первоначальному исламу. А он, в понимании «ваххабитов», сводится к тому, что Аллах — единственный творец мира, законы которого обязательно должны исполняться. Сторонники учения «ваххабизма» не признают никого, кроме Аллаха, кто был бы достоин поклонения и возвеличивания. «Новшества», введенные на протяжении веков в исламе, считаются «ваххабитами» отклонениями от правоверия. Отход мусульман от первоначального ислама, по мнению сторонников радикального исламского течения на Северном Кавказе, способствует тому, что они предались «самому страшному из грехов».²⁹⁴ Обращаем внимание на новшества, которые, по мнению «ваххабитов», недопустимы в исламе: 1) делающие человека неверным (мольба, просьба о помощи у мертвых); 2) греховное запрещение нововведение (изыскание посредничества мертвых для приближения к Аллаху)', намаз, обращенный к могилам, обет могилами, строительство куполов или мавзолеев на могилах).²⁹⁹ Правило, которому «ваххабиты» следуют, гласит: «Только тот, кто познал, в сердце которого утвердились искренняя любовь к Господу и повиновение Ему, обретает подлинное счастье в этом мире и райское наслаждение в жизни будущей. Он поклоняется только Аллаху и не нуждается в других покровителях, он достигает гармонии души и разума, так как душа человека неизбежно стремится к поклонению Единому, Аллаху. Аллах испытывает приверженцев таухида (единобожия. — Авт.) трудностями в начале их пути, но это только добавляет им сил и уверенности».³⁰⁰

Это своеобразная аксиома в учении «ваххабизма», сторонники которого целенаправленно выступают против признания культа святых, не признают паломничество к мавзолеям мусульманских святых, жертвоприношения, просьбы о помощи и т.д. Учение «ваххабизма» признает святых, но запрещает поклоняться им, так как поклоняться мусульмане должны только Аллаху и никому больше. «Ваххабиты» и против того, чтобы строить на могилах святых мечети, мавзолеи и превращать эти места в культовые. В понимании «ваххабитов» это «ширк», т.е элемент язычества, что первоначальному исламу осуждает. «Ваххабиты» не признают магию, колдовство, заклинателей, предсказателей, считая их атрибутом языческих верований.

В 90-е годы XX века в отечественных средствах массовой информации, а также в научно-популярной литературе тема ваххабизма разрабатывалась и подавалась неосведомленным}' читателю исключительно с негативных позиций. Исключительно отрицательный образ ваххабита в сознании многих россиян утвердился после того, как сторонники этого учения перешли от умеренности к край

ним проявлениям, следствием чего стал вооруженный конфликт между ваххабитами и властями Дагестана с вовлечением в него соседней Чечни. По своей масштабности, опасности и последствиям этот конфликт выходил за рамки республиканского и представлял серьезную угрозу территориальной целостности Российской Федерации. Для разрешения вооруженного конфликта были привлечены части Вооруженных сил РФ, а также дагестанские ополченцы, выступившие с оружием в руках против ваххабитов. В ходе боевых действий были убиты и ранены с обеих сторон, многие дагестанские села были разрушены, а сотни мирных жителей пострадали. Дагестанское общество усилиями ваххабитов оказалось расколотым и понесло огромные материальные и моральные потери. Проблема, однако, состоит в том, что и после «победы» над ваххабитами сохраняются основные противоречия между сторонниками традиционного ислама и их противниками. А это означает большую вероятность возрождения ваххабизма не только в Дагестане, но в целом на Северном Кавказе.

В сентябре 1999 г. Народным собранием Республики Дагестан был принят республиканский закон «О запрете ваххабитской и иной экстремистской деятельности на территории Дагестана», который сыграл, на наш взгляд, определенную позитивную роль в борьбе против агрессивного, воинствующего ваххабизма. Следует подчеркнуть, что до сих пор нет четкого определения ваххабизма в Дагестане, в целом на Северном Кавказе. При этом обращаем внимание на то, что ваххабизм в Дагестане, как в целом и на Северном Кавказе, нельзя рассматривать как однородное явление. Представители этого направления ислама в одних случаях делают ставку на джихад против своих противников. В других случаях они умело применяют дипломатические приемы, добиваясь своей цели. Для распространения своих идей они активно занимаются миссионерской деятельностью. Имея хорошие финансовые возможности, они активно создают опорные пункты пропаганды, издают газеты, строят бесплатные исламские учебные заведения, издают литературу, которую затем бесплатно распространяют среди мусульман региона, где больше половины населения живет за чертой бедности.

В республиках Северного Кавказа, включая и Дагестан, в постсоветское время получили широкое распространение серьезные и опасные негативные явления, против которых решительно борются ваххабиты. К ним относятся наркомания, пьянство, алчность многих руководителей, которые разбогатели в результате «прихватизации», коррупция во всех эшелонах власти, проституция, явное нарушение социальной гармонии, массовая безработица и т.д.

Анализ экономики республик Северного Кавказа свидетельствует о резком спаде производства. Десятки заводов и фабрик, которые более или менее успешно функционировали до 1991 года, перестали работать. Растет и уровень безработицы. Так, например, объем производства в Карачаево-Черкесии в 2000 г. по сравнению с 1990 г.

сократился в 6 раз (по РФ в среднем в 2 раза), в сельском хозяйстве производство упало в 7 раз. Федеральные дотации республике за этот период возросли с 30% до 85%. Уровень безработицы (с учетом скрытой) составляет около 85% от работоспособного населения. Более 65% населения оказалось за чертой бедности.³⁰¹

Экономика республик Северного Кавказа уже около 20 лет находится в тяжелом состоянии. Отход от планового, централизованного управления экономикой привел производственные структуры республик региона почти к упадку. Это негативно сказалось на хозяйственной деятельности северокавказского экономического региона, глубоко интегрированного в народнохозяйственный комплекс страны и в большой степени зависящего от взаимобмена с другими регионами Российской Федерации.

Все отрасли производства Северного Кавказа находятся в крайне тяжелом состоянии. Возьмем, к примеру, нефтегазовую отрасль. Основные разведанные запасы нефти сосредоточены в Ставропольском крае (34%), бывшей Чечено-Ингушетии (33%), Краснодарском крае (27%), Дагестане (5%) и Кабардино-Балкарии (1%), но в настоящее время здесь добывается всего лишь 1,8% общероссийского объема нефти и 0,8% природного газа, так как большинство месторождений находится на заключительном этапе разработки, добыча нефти и газа сокращается, скважины региона исчерпаны в целом на 60%.³⁰² Другими словами, Северный Кавказ почти утратил свое значение в качестве топливно-энергетической базы страны.

На фоне массового обнищания значительной части населения республик Северного Кавказа, коррупции во всех эшелонах власти, наркомании, пьянства, проституции, других негативных явлений, учение «ваххабизма» нашло немало своих приверженцев не только в Дагестане, но и в других республиках региона. Таким образом, пропаганда идей «ваххабизма» через собственные средства массовой информации, различные сети информационных центров является, на наш взгляд, наряду с работой с паломниками, надежным средством укрепления в сознании мусульман Северного Кавказа идей первоначального, или чистого ислама.

Большое распространение «ваххабизм» получил в Кизилюртовском, Хасавюртовском, Буйнакском, Казбековском и других районах Дагестана. Странники этого учения ислама строят в Дагестане и некоторых других республиках Северного Кавказа мечети, издают газеты, книги, где пропагандируют свои идеи. Тем не менее, большинство мусульман региона, исповедующих традиционный ислам (в основном суннитского направления), в том числе и в Дагестане, отвергают притязания ваххабитов. Странники этого учения развернули в конце 1997 г. крупномасштабный вооруженный конфликт в Дагестане. И сегодня «ваххабизм» является на Северном Кавказе идеологией воинствующего ислама, беспощадной борьбы даже против единоверцев. Для решения существующих разногласий в исламе, на наш взгляд, нужна не идеология кровавой войны,

а поиски разумных компромиссов, общего согласия без применения насилия во имя ислама, в интересах всех народов не только Северного Кавказа, но и всей Российской Федерации.

Многие проблемы, рассмотренные нами в данном исследовании на примере Дагестана, в той или иной степени имеют отношение и к другим республикам региона. Так, например, ваххабизм имеет свои корни почти во всех республиках Северного Кавказа, кроме Северной Осетии. В Кабардино-Балкарии и Северной Осетии, как и в Дагестане, мирно уживаются три мировые религии: ислам, который исповедуют в КБР кабардинцы, балкарцы, часть осетин и некоторые другие народы; христианство, которое исповедуют русские, грузины, армяне, часть осетин и другие народы: иудаизм, который исповедуют таты, или горские евреи, а также европейские евреи.

В Северной Осетии ислам исповедует часть осетин (около 20 %), ингуши, азербайджанцы, татары, часть кабардинцев, дагестанцы и другие народы; христианство — осетины (около 80%), русские, грузины, украинцы, моздокские кабардинцы и некоторые другие народы; иудаизм — таты и европейские евреи.

Таким образом, наметившееся у многих народов региона возрождение интереса к религии следует, на наш взгляд, рассматривать как серьезный фактор политической стратегии Российской Федерации. Влияние религии, особенно ислама, на политическую жизнь народов Северного Кавказа нельзя недооценивать. В то же время, не следует впадать в другую крайность и постоянно пугать население «исламским экстремизмом», «нашествием исламистов», «мусульманским мракобесием» и т.д. Самая большая опасность кроется не в исламе, а в том, что он иногда неверно трактуется. Некоторые религиозные деятели, политики, экстремистские организации, преследуя неблагоприятные цели, используют ислам для разжигания межнациональных страстей, дестабилизации общественно-политической обстановки. Именно в этом, на наш взгляд, состоит большая опасность.

2. Идеологический фактор в современных межэтнических отношениях на Кавказе

После распада СССР на территории СНГ возникли сотни национальных движений, новых партий, общественно-политических и религиозных объединений, исповедующих различные идеологии — систему политических, правовых, нравственных, религиозных, эстетических взглядов и идей, в которых осознаются и оцениваются отношения людей к действительности.³⁰³ Поскольку идеология — духовное явление, то она должна, на наш взгляд, оцениваться такими категориями, как истинная или ложная, правильная или иллюзорная. При анализе национальной политики и межнациональных отношений, причин, характера, специфики этнополитических

конфликтов, межнациональных войн и этнических чисток, необходимо учитывать идеологический фактор. В условиях противостояния отдельных народов Кавказа (например, грузин и абхазов, грузин и южных осетин, армян и азербайджанцев и т. д.), каждый субъект этнополитического процесса, как правило, опирается на собственную идеологию, чаще всего, националистическую. Национализм, таким образом, становится идеологией и политикой в национальном вопросе, основа которых — трактовка нации как высшей ценности и формы общности. Обращаем внимание на то, что национализм (порой трудно отличить национализм от патриотизма) в истории многих народов выступал как мощная объединяющая сила в борьбе за национальное освобождение в Европе, Африке, Азии и Латинской Америке (XIX—XX вв.). Однако с распадом СССР на постсоветском пространстве, особенно на Кавказе, мы наблюдаем крайнюю форму национализма, который сопровождается маниакальной идеей национального превосходства, национальной исключительности, а иногда и «богоизбранности» численно больших наций над национальными меньшинствами. Наиболее наглядно это проявилось на территории бывшей Грузинской ССР, где за период «демократических реформ» произошли межнациональные конфликты и войны, которые развязало политическое руководство «демократической» Грузии на территории Южной Осетии (в 1989—1992, 2008 гг.) и Абхазии (в 1992—1993 гг.). При этом грузинские власти активно распространяли и до сих пор распространяют идеологию крайнего национализма (шовинизма), стоящего рядом с фашизмом и расизмом. Все это в Тбилиси прикрывается рассуждениями о «единстве и территориальной целостности Грузии», о «соблюдении конституционных норм» и т. д.

Власти Южной Осетии и Абхазии разыгрывают также националистическую карту и трактуют осетинскую и абхазскую нации как высшую форму общности, которая должна быть мощной объединяющей силой в борьбе против грузинской агрессии, за национальное освобождение бывших автономий «малой империи», каковой Грузию справедливо назвал А.Д. Сахаров.³⁰⁴

С конца 80-х годов и по настоящее время в Грузии издано немало «научных трудов» по истории Южной Осетии и Абхазии, где существенно искажается не только история осетин и абхазов, но и самих грузин, в целом Грузии. Причина такого негативного явления, на наш взгляд, кроется в том, что многие грузинские интеллектуалы, издающие труды по истории, руководствуются не научными, а идеологическими принципами. Грузинские авторы, стоящие на позициях грузинского шовинизма, своими «научными трудами» по истории Южной Осетии и Абхазии, грузино-осетинских и грузино-абхазских отношений внедряют в сознание читающей общественности мифы и легенды о «богоизбранности грузин», «недоразвитости осетин и абхазов», «национальном превосходстве» грузин над другими народами бывшей Грузинской ССР. К числу таких «науч

ных работ», с нашей точки зрения, относятся труды А.М. Ментешашвили «Из истории взаимоотношений грузинского, абхазского и осетинского народов» (Тбилиси, 1990 г.), «Заключение комиссии по изучению статуса Юго-Осетинской области» (Тбилиси, 1991 г.), «Исторические и политико-правовые аспекты грузино-осетинского конфликта и основные пути его урегулирования» (Тбилиси, 1992 г.), «Осетинский вопрос» (Тбилиси, 1994 г.) и др. Если сопоставить рассуждения и выводы авторов этих работ, являющихся в различной степени духовными и идеологическими наставниками воинствующих грузинских нацистов, развязавших три крупномасштабные межнациональные войны (в Южной Осетии в 1989—1992, 2008 гг., и в Абхазии в 1992—1993 гг.), то бросается в глаза их однотипная непримиримость по отношению к южным осетинам и абхазам, национально-государственным образованиям этих народов, которые не признаются равноправными с грузинами. Это подчеркивает невиданную остроту проблемы, явную ее идеологизированность, сложность и противоречивость.

Менталитет абхазов, грузин, осетин, других народов Кавказа традиционно тяготеет к истории. Отсюда повышенный интерес к историческим исследованиям, которые заметно влияют на формирование общественного сознания. Особое негодование вызывают труды грузинских интеллектуалов, где в той или иной степени искажаются факты, фальсифицируется история. В них используется идеологический инструментарий «великой» и «богоизбранной Грузии» для морально-психологического подавления национального самосознания южных осетин и абхазов, уничтожение их национальной государственности. В отличие от авторов «Осетинского вопроса», нам не хочется заниматься софистикой, поэтому не будем подкреплять свои суждения и выводы ссылками на газетные статьи столетней давности. Однако в случае необходимости, при большом желании задеть грузин, их честь и достоинство, можно найти десятки газетных статей, других источников, на которые можно было бы сослаться, характеризуя их в негативных тонах. Но ученый от шелкопера тем и отличается, что он тщательно проверяет факты, всесторонне сопоставляет их, анализирует проблему, скрупулезно изучает источники. И это делается не только ради науки, но еще и для того, чтобы не оказываться в положении идеологизированного профессора истории Б.В. Гемкрелидзе. Бахва Вахтангович, искажая историческую правду, утверждает, что осетины в Грузии, включая Южную Осетию, жили на правах крепостных крестьян, которые там именовались «хизанами»³⁰⁵. Тут профессор истории суть вопроса недоговаривает. Дело в том, что в Южной Осетии, наряду с крепостными крестьянами, было немало свободных осетин, которые не принадлежали ни грузинским помещикам, ни российской казне. Русский исследователь первой половины XIX в. А.Г. Яновский по этому поводу писал: «В Осетии (Южной Осетии. — Авт.) не существует разделения народа по классам: все без исключения

пользуются одинаковыми правами и занимаются единственно земледелием. Есть, впрочем, несколько фамилий, которые ведут свое происхождение от древних осетинских князей: они лично пользуются некоторым в народе уважением, которое, однако же, дается им не по происхождению, а по их силе... Осетин можно разделить: 1) на свободных, не признающих над собой никакой власти; 2) на принадлежащих казне; 3) подвластных помещикам, и именно грузинским князьям Еристовым и Мачабеловым»³⁰⁶. Описание Южной Осетии А. Г. Яновским существенно помогает нам восстановить историческую правду. Б.В. Гемкрелидзе в своем «научном труде» представил всех южных осетин «хизанами» для того, чтобы убедительнее выглядел его главный стратегический и идеологический (а не научный!) вывод — осетины в Южной Осетии всегда были «гостями на грузинской земле» и поэтому у них нет на нее никаких прав.

А.Г. Яновский, который более или менее объективно, без идеологических пристрастий и конъюнктурщины, написал в 1838 году очерк о Южной Осетии, дает правдивую характеристику всем трем сословиям или разрядам осетин. «Разряды эти не имеют ничего определенного, — писал А. Г. Яновский, — первые основывают права свои и преимущества на необузданной свободе, соблюдая между собой одни только семейные связи, ибо в ущельях и деревнях нет никаких властей: каждый способный носить оружие почитает себя вполне независимым. Убийства между ними бывают весьма часто, наказываются одним мщением, со стороны родственников убитого. Большая часть этих осетин никогда не покидала гор своих и потом}' о гражданском быте не имеет никакого понятия. Казенные крестьяне отличаются от них только тем, что имеют сношения с Карталинией, платят подати, впрочем, маловажные и имеют над собой Мо-урава, — что значит на грузинском языке «пристав», которого однако же мало уважают. Из крестьян помещичьих, живущих в ущельях Горийского уезда, повинуются своим владельцам только в некотором отношении, платя им подать баранами и другими сельскими произведениями: живущие же в отдаленных ущельях, вовсе не признавая над собой их власти, не исполняют никаких их требований. Этого разряда осетины также никаких податей в казну не платят и не отбывают повинностей (разрядка авторов). Все осетины одного происхождения, имеют собственный язык, не имеющий, впрочем, письменности. Они не управлялись никогда царями, и, по грузинским летописям, задолго до рождества Христова известны набегами своими на Иверию и Армению»³⁰⁷. Таким образом, осетины в Южной Осетии не были и не могли быть сплошной массой «хизан», т.е. крепостных крестьян. Такая версия понадобилась Б.В. Гемкрелидзе лишь для того, чтобы ввести читателя в заблуждение. Трудно себе представить никому не подчиняющихся осетин на «исконной территории Грузии», где даже грузинским крестьянам в обязательном порядке приходилось выполнять определенные обязанности перед своими помещиками. Б.В. Гемк

релидзе прекрасно понимает невозможность такого положения в Грузии. Другое дело, если такое положение складывалось в Южной Осетии, где осетины чувствовали себя увереннее, так как жили на исконной территории своей исторической родины. В Южной Осетии вместе с осетинами веками проживали грузины, а также представители других народов. На протяжении многих столетий между ними сложились устойчивые предсказуемые взаимоотношения, которые характеризовались не только конфликтами, обидами и недоразумениями. Многие осетинские и грузинские семьи и рода (фамилии) поддерживали не только добрые, но и действительно братские отношения. Немало было заключено и межнациональных грузино-осетинских браков. Осетинские крестьяне, которые неплохо владели грузинским языком, переняли многое из культуры соседнего народа, жили мирно по лучшим национальным традициям. Скандалы и проблемы возникали в основном тогда, когда грузинские помещики (Мачабеловы, Эристовы и др.) под различными предлогами начинали требовать от осетинских крестьян больше положенного. Используя свои возможности, грузинские помещики объективно были заинтересованы в том, чтобы подчинить своему влиянию если не всех, то хотя бы как можно больше осетинских крестьян. Однако, как верно подметил в 40-е годы XIX века А.Г. Яновский, осетины в Южной Осетии в основной своей массе жили по своим традиционным осетинским законам. Большая часть осетин не подчинялась грузинским помещикам и князьям. Они жили на своей исконной территории и исповедовали обычное право осетин.

Трудно себе представить осетина, чеченца, кабардинца, представителя любого другого народа Кавказа, живущего на территории соседнего народа или страны и не подчиняющегося его законам и традициям. Такое возможно только тогда, когда человек живет на своей территории, на земле своих предков. Именно это обстоятельство придает и отдельно взятому человеку, и в целом народу дополнительные и всегда объяснимые силы в борьбе против притеснителей и угнетателей. Если бы осетины в Южной Осетии были только «хизанами», т.е. крепостными крестьянами, которые «в поисках куска хлеба перешли из Северной Осетии в историческую провинцию Грузии — Шида Картли», их бы, в случае необходимости, власти и обязательства могли заставить четко выполнять все установки грузинских помещиков и дворян. Б.В. Гемкрелидзе же приводит на 180—185 страницах книги «Осетинский вопрос» сведения о том, что осетинские «хизаны» своевольничали и не всегда подчинялись грузинским помещикам, которым иногда не выплачивали предусмотренные законом налоги. Все это косвенно подтверждает неоспоримый факт, что «хизаны» не были «пришельцами за куском хлеба из Северной Осетии».

Осетины были коренными жителями Южной Осетии, которую справедливо рассматривали как исконную территорию проживания осетин, или, проще говоря, родину. Б.В. Гемкрелидзе приводит не-

мало архивных документов, комментирует их, анализирует и сопоставляет факты, но при этом не всегда делает объективные, с точки зрения науки, выводы. А иногда он сам себе противоречит. «В архивных документах четко отражено, — пишет он, — что осетины, пополнявшие в Грузии контингент крепостных крестьян грузинских дворян, принадлежали к категории «хизан». Поэтому согласно официальным договорам на них возлагались определенные обязанности перед грузинскими помещиками. Договоры между помещиками и «хизанами» оформлялись на 4, 9 и 18 лет. Если «хизаны» не выполняли предусмотренных договором условий, или, если по истечении срока договора он не возобновлялся, они были обязаны покинуть эти места, в противном случае помещик имел право выселить их³⁰⁸. Все правильно. Таковы были законы между помещиками и их крепостными крестьянами. Однако Б.В. Гемкрелидзе утаивает от читателей истинные причины того, что «хизаны», не выполнявшие предусмотренные договорами условия с грузинскими помещиками, практически не наказывались. Ему бы следовало, на наш взгляд, пояснить причины такой «особой лояльности» грузинских помещиков к осетинским «хизанам», которые ко всему еще и «хищническим образом уничтожили наши (грузинские. — Примечание авторов) леса, что могло привести в экологической катастрофе»³⁰⁹. Грузинский историк доказывает, что варварское и бесцеремонное отношение к грузинской природе со стороны осетинских пришельцев — «хизан» — дало свои отвратительные результаты, в результате чего грузинская земля «стала интенсивно вымываться Лиахви (рекой. — Авт.) и горными ручьями»³¹⁰. Читатель, не знакомый с фактами истории, архивными и другими источниками, может поверить профессору Б.В. Гемкрелидзе. То, что он пишет, не тянет даже на тенденциозное и предвзятое освещение сложной проблемы истории. Это ее полная профанация. Разве не изменяет историк}' элементарная логика, когда он утверждает будто пришельцы-«хизаны», у которых, кстати, не было никаких юридических или обычных прав на землю Южной Осетии, «бесцеремонно», «хищнически» относились к ней, вели себя более или менее свободно, «уничтожали грузинские леса» и своими действиями создавали в чужой стране, т.е. в Грузии, «экологическую катастрофу»? В такие наспех сочиненные историко-идеологические байки могут поверить только те, кому очень хочется этого. Вне круга грузинских историков, выполняющих различного рода социально-политические заказы, такие политизированные и идеологизированные версии истории серьезно даже не рассматриваются.

Любому трезвомыслящему историку понятно, что пришельцы, если они действительно пришельцы, в чужой стране не могут вести себя так бесцеремонно по нескольким причинам. Главные из них — юридические законы государства, где пришельцы устраивают «беспредел». Статус пришельца, т.е. бесправного человека, в силу целого ряда объективных обстоятельств никому не позволяет свое-

вольничать. Чужая страна и ее коренной (автохтонный) народ, который по всем параметрам (статус коренного народа, численное превосходство, законы, защищающие его права, обычное право и т.д.) имеют преимущества над пришельцами, никогда не позволят каким-то «хизанам» «бесцеремонное отношение к своей природе». У грузинских помещиков и дворян на исконно грузинской территории, т.е. за пределами Южной Осетии и Абхазии, были действительно большие права над своими «хизанами», которые вели себя законопослушно, тихо и спокойно. Однако крестьяне Южной Осетии в основной своей массе вели себя более свободно только потому, что жили на своей исконной территории. Именно этот фактор придавал им дополнительные моральные силы в борьбе против грузинских помещиков Мачабеловых и Эристовых, которые пообещали воевать претендовать на право владеть осетинскими крестьянами. На этот счет имеется достаточно много серьезных источников. Мы сошлемся на мнение выдающегося русского ученого, профессора М.М. Ковалевского³¹, который объективно, без идеологических пристрастий во второй половине XIX века исследовал историю и этнографию народов Кавказа. Дело не только в его большом научном авторитете, но и в том, что Максим Максимович Ковалевский был «нейтральным» ученым и потому возможные обвинения его в конъюнктуре здесь абсолютно неуместны. «Переход осетин под владычество русских, — писал он, — сопровождалось значительными переменами в их общественном быте. Прежней зависимости их, на юге от Грузии, на севере — от Кабарды, положен был конец, и это обстоятельство сказалось прекращением тех постоянных враждебных столкновений с соседними племенами, которыми характеризовался дотоле их общественный быт. И в среде самих осетин приняты были действительные меры к упрочению мира и спокойствия. Вся страна (имеется в виду Северная и Южная Осетия. — Авт.), разделена на приставства и включена со временем в состав Тифлисской губернии (Южная Осетия. — примечание авторов) и Терской области (Северная Осетия. — примечание авторов)³¹². Как видим, профессор М.М.Ковалевский под «страной осетин» подразумевал Северную и Южную Осетию. Более того, он справедливо подчеркивал, что северные осетины притеснялись кабардинскими феодалами, а южные осетины — грузинскими помещиками. На самом деле так и было. Анализируя взаимоотношения осетин с соседними народами, в том числе и с русскими, М.М. Ковалевский точно подметил благосклонность осетин к русским и России. При этом он правильно увидел истоки доброжелательности осетин к России, первопричину тяготения небольшой по численности горской народности к русским. Это «защита от угнетения соседей (грузинскими и кабардинскими феодалами. — Авт.), которая дана была осетинам самим фактом поступления их под русское владычество»³¹³. Здесь трудно возразить русскому ученому. В подтверждение своего вывода М.М. Ковалевский приводит письмо И.Ф. Паскевича графу А. И. Чернышеву от 26

августа 1830 года, где было сказано: «Народ этот (осетины. — Авт.)... находился в зависимости у других, сильнейших племен. Притесняемый с северной стороны кабардинцами, а с южной — грузинскими и имеретинскими князьями, оный, при первом появлении в сей стране (Южной и Северной Осетии. — Авт.) российских войск, под командою графа Тотлебена, встретил их как своих избавителей»³¹⁴. Касаясь причин ряда восстаний в Осетии, М.М. Ковалевский справедливо подчеркивал: «Восстания эти были вызваны на южном склоне гор (Южной Осетии. — Авт.) притеснениями помещиков — Эристовых и Мачабсловых, обнаруживавшие притязание на принадлежность им осетин (разрядка наша. — Авт.)»³¹⁵. На самом деле большинство этих осетин не имело никакого отношения к грузинским помещикам. Именно поэтому их «притязание на принадлежность им осетин» вызывало у последних бурный протест, а иногда массовые выступления. Тем не менее Эристовы и Мачабеловы имели куда больше возможностей для того, чтобы узаконить свои необоснованные претензии на владения крестьянами Южной Осетии. Представители Эристовых и Мачабеловых занимали ответственные и важные посты в русской администрации на Кавказе. Многие из них дослуживались до офицерских и генеральских чинов в армии России. В середине XIX века на протяжении многих лет начальником центра Кавказской линии был князь Эристов³¹⁶, который пользовался большим влиянием на русский генералитет на Кавказе. Царский генерал князь Эристов, как опытный интриган и талантливый проводник колониальной политики на Кавказе, сделал многое для обострения и межнациональных отношений в регионе. Он делал все возможное, чтобы ослабить влияние осетинских старейших (феодалов) на подвластных им крестьян. Особенные усилия генерал Эристов направлял против дигорских феодалов (баделят), которые, по его мнению были «фанатиками-магометанами», притеснявшими крестьян. Его очень беспокоило то, что в Дигории, т.е. в Западной Осетии, «медленно развивается христианство» и многие дигорцы-осетины «вновь перешли в магометанство»³¹⁷. Такую «отеческую заботу» об Осетии и осетинах с некоторыми оговорками можно было бы приветствовать, если бы он также «искренне» заботился об осетинах-христианах Южной Осетии. Однако там он способствовал угнетению осетин, которых хотел полностью подчинить непосредственным} влиянию князей Эристовых и Мачабеловых. В 1850 году генерал Эристов в докладной записке главнокомандующему русскими войсками на Кавказе сообщал о натянутых отношениях между дигорской (осетины Западной Осетии) знатью и трудовым народом. Преувеличивая вражду между знатью и простым народом, генерал писал, что «в Дигории трудно ожидать добрых последствий, в особенности если дело это продлится (натянутые отношения между баделятами и трудовым народом. — Авт.) и не получит в непродолжительном времени окончания. Ненависть друг к другу так велика, что каж

дый из них употребляет все меры погубить другого»³¹⁸. Конечно, взаимоотношения крестьян и знати всегда и везде было сложными и противоречивыми. Осетия здесь не исключение. Однако еще более сложными и противоречивыми были взаимоотношения грузин, особенно знати, и осетинского населения Южной Осетии.

Генерал А.П. Ермолов еще в 1816 году предлагал установить между осетинами своеобразное местное, волостное управление. Через год Алексей Петрович в особом предписании на имя генерал-майора Дельпоццо велел последнему «учредить между осетинами... род волостного правления, в котором бы разбирали они сами случающиеся между ними ссоры, делали раскладку повинностей и наблюдали за исполнением их»³¹⁹. При этом определенные надежды возлагались на осетинских старейшин. Именно осетинских, а не грузинских, так как речь шла об осетинах Южной Осетии. Ермолов был образованным человеком и четко различал осетин и грузин, Южную Осетию и Грузию. Не только А.П. Ермолов, но и И.Ф. Паскевич, другие видные военные администраторы Кавказа не признавали обоснованными притязания грузинских помещиков на осетинских крестьян Южной Осетии. М.М. Ковалевский, всесторонне изучавший обозначенную проблему, также считал «домогательства Эристовых и Мачабеловых — передать в их руки управление южными осетинами» необоснованными³²⁰. И.Ф. Паскевич, считавший незаконными требования Эристовых и Мачабеловых, в 1830 году установил в Южной Осетии четыре приставства и подчинил последние: одно управляющему горскими народами по Военно-Грузинской дороге, а три Горийскому окружному начальнику}'... Паскевич ходатайствовал в 1834 году об установлении особой должности — главного пристава. Также система приставств несколько позднее была распространена и на Северную Осетию, введенную сперва в состав так называемой Кавказской области, позднее — Терской»³²¹. Эти и другие неоспоримые факты свидетельствуют о том, что осетины в Южной Осетии в большинстве своем не были «хизанами», как пытается доказать Б.В. Гемкрелидзе. Грузинский историк старательно убеждает читателя чуть ли не в благородном отношении грузинских помещиков к осетинским «хизанам», которым создавали условия для нормальной жизни. Однако осетины, «пополнявшие в Грузии (включая и Южную Осетию. — АЕТ.) контингент крепостных крестьян грузинских дворян, «хищническим образом эксплуатировали природные богатства Грузии»³²². С истощением почвы (одно из «преступлений» осетин. — Авт.) осетины активизировали поиски свободных для поселения мест, — утверждает Б.В. Гемкрелидзе, — началось их массовое переселение в Кахети»³²³. Здесь грузинский ученый ссылается на газету «Тифлисский листок» за 1903 год (№ 156). Однако мы лишены возможности убедиться в достоверности и объективности первоисточника, на который ссылается профессор Б.В. Гемкрелидзе. По крайней мере, непонятно, каким образом бесправные «хизаны» «хищнически истощали по

чву» земель, принадлежащих грузинским помещикам Мачабеловым и Эристовым.

С точки зрения элементарной логики не укладывается в голове, как крепостные крестьяне-осетины, на свое усмотрение, без ведома властей, могли «активизировать поиски свободных для поселения мест». Тем более непонятно, если такие «поиски свободных мест» вредили Грузии. Тут грузинский историк что-то преднамеренно недоговаривает. Неосведомленному в исторических реалиях читателю проблемы Южной Осетии и Абхазии преподносятся в предвзятом, запутанном виде. Логика грузинских фальсификаторов истории нетрудно понять. Сперва они предлагают неосведомленному в исторических реалиях читателю надуманный или сомнительный факт. А уж потом начинают его «раскручивать» в нужном им направлении, фальсифицируя прошлое осетинского, абхазского и грузинского народов. Все это делается сознательно, преднамеренно, с далеко идущими и неблагоприятными целями. В сущности, это пара-история и параистория, которые достойны осуждения.

Анализируя современные взаимоотношения между Грузией и Южной Осетией, корни грузинской шовинистической идеологии, проповеди национальной исключительности грузин, их превосходства над осетинами, разжигания национальной вражды, стоит, на наш взгляд, хотя бы коротко остановиться на романе грузинского писателя М.С. Джавахишвили «Обвал» (Тбилиси, 1959)³²⁴, где достаточно тенденциозно освещаются грузино-осетинские взаимоотношения. В Грузии именно «Обвал» получил широкий положительный резонанс, особенно в годы правления З. Гамсахурдиа.

В отличие от грузинских историков, М. Джавахишвили нигде не упоминает национальную принадлежность одного из главных отрицательных героев своего романа Джако Дживашвили, «батра-ка-хизана», который работал у грузинского князя Теймураза Хеви-стави. Однако внимательный читатель, знающий историю Осетии и Грузии, точно вычислит этническую принадлежность Джако Дживашвили — он осетин. В романе об этом говорится эзоповским языком. Так, например, там сказано: «Джако не было еще и пятнадцати лет, когда его дядя Кешела со всеми чадами и домочадцами покшгул Джавское ущелье (в Южной Осетии. — Авт.) и нашел приют на землях князя»³²⁵. Нужно ли доказывать, что в Джаве издавна живут осетины (вполне допустимо, что и фамилия Джако потому и Дживашвили) и именно это имеет в виду автор романа. Об этом же свидетельствует и то, что Джако Дживашвили на вопрос, откуда он родом (в Грузии это особенно важно!), «указывал толстым пальцем в сторон!»¹ рокских гор»³²⁶. В этих горах также жили осетины. Одним словом, в романе достаточно много «намёков» на осетинское происхождение Джако, которого грузинский писатель характеризует так: «Ноги у него обхватом с дубовый ствол. Кривые, они, казалось, вот-вот подогнутся под тяжестью грузного, неуклюжего туловища. А голова и лицо, помеченные шрамами, обросли такой

взъерошенной щетиной, словно большущий еж, вывалявшись в дегте, взобрался на плечи этого здоровяка. Густая поросль ниспадает на низкий, покатый лоб. Из под разлапистых, сросшихся на переносице бровей глядят крупные, с грецкий орех, глаза, выпуклые и вместе с тем живые и плутовски поблескивающие, беспокойные. Под коротким, приплюснутым носом — длинные, с добрую пядь усы. Уши огромные, оттопыренные, настороженные»¹¹²⁷. Далее в романе Джако Дживашвили характеризуется весьма негативно, как огромной физической силы человек, похожий на «косматого медведя», который «скалил в ухмылке желтые зубы»³²⁸. Грузинский писатель создал из Джако образ врага грузинской нации, который постепенно прибрал к рукам чуть ли не все состояние князя Т. Хевистави, у которого «батрак-хизан» отбил даже жену Маргариту (Марго Каплианишвили). Конечно, с точки зрения законов аристократии (не только грузинской, но и русской, кабардинской, французской и т.д.), исторической действительности XIX в., такое было практически невозможно. Но ведь не все читатели романа «Обвал» знакомы с нормами княжеского этикета, культуры и традиций аристократии, законами Российской империи (куда входили Грузия и Южная Осетия описываемого периода), которые достаточно надежно защищали супругу Теймураза Хевистави Марго от любовных домогательств «батрака-хизана» Джако. Сам князь Теймураз изображен слабевольным заикой, который не мог постоять за себя, супругу, за свою княжескую честь. Трудно представить такого князя, с женой которого крепостной крестьянин (именно таким представлен «батрак-хизан» Джако) завел бурный роман. Судя по всему, образ Марго символизирует слабость, незащищенность самой Грузии. Муж Марго Теймураз, по сюжету романа, не может защитить ее, и этим воспользовался насильник-горец, он же «батрак-хизан» Джако, который каким-то чудом остается с ней ночью, насильно овладев ею. Можно по-разному относиться к этому сюжету, который, на наш взгляд, противоречит действительной истории.

Автор романа далее пишет о том, что Марго, которая брезгливо относилась к Джако и мысли не допускала о любовной интриге, вдруг начала менять отношение к нему. Описывая продолжение интимных отношений Марго и Джако, писатель подчеркнул: «Только теперь не слышалось ни криков, ни угроз, ни рыданий. Лишь иступленный лепет и страстные вздохи женщины потревожили предутреннюю тишину. Утомленная все еще бередившим ее разум безумием истекшей ночи... она испытывала в то же время неизъяснимое облегчение — словно глыба свалилась с ее сердца, словно по жилам горячим, охмеляющим потоком побежала застоявшаяся кровь»³²⁹. Далее Джако даже женится на Марго, что, на наш взгляд, является еще одним историческим алогизмом. Однако главная проблема романа «Обвал» не в том, что в нем имеются сюжеты, которых в реальной действительности не могло быть. Автор романа усердствует, чтобы внедрить в сознание читателей антитезу «мы» (гру

зины) и «они» (осетины). Писатель пробуждает национальное самосознание грузин «мы» через противопоставление осетинам (горцам) — «они». Основу этой антитезы в романе составляют несколько ярко выраженных внешних признаков, характерных для «них» в отличие от «нас» (иная внешность, черты лица, привычки и т.д.). Именно для этого М. Джавахишвили рисует уничижительный образ Джако такими словами: «Лохматый медведь стал походить на бритую обезьяну»³³⁰. Фиксация одного или нескольких непривычных для «нас» и потому удивляющих признаков сопровождается их наделением негативной оценкой. «Они» всегда отвратительны, так как отличаются от «нас», разумеется, благородных, красивых, воспитанных, умных и т.д. Эту социально опасную, крайне вредную и омерзительную антитезу грузинский писатель сформулировал так: «Марго удивляется тому, как вот это звероподобное существо, место которому в хлеву, в конюшне, хамски, по-животному посмел коснуться такой чистой, светлой женщины, как она»³³¹. С точки зрения грузинского шовинизма, идеологии этнического превосходства грузин над другими народами, важно, чтобы «им» (осетинам) приписывались все возможные негативные качества (дикость, необразованность, неблагодарность, воровство и т.д.), а «нам» (грузинам) — все возможные позитивные качества (природное благородство, образованность, участие в создании древних и современных цивилизаций, порядочность, внешняя красота и т.д.). Проблема однако в том, что всякая шовинистическая идеология способствует сведению сознания до узких рамок расистских идейно-политических взглядов.

В наше сложное, противоречивое и не всегда предсказуемое время сугубо научные проблемы истории, политологии, юриспруденции неожиданно и часто становятся острыми идеологизированными реалиями действительности. Мы являемся свидетелями того, что в Грузии профессиональные историки, политологи, юристы, журналисты, не считаясь с историческими фактами, сознательно фальсифицируют историю осетинского и абхазского народов, вводя в заблуждение общественность страны. В последние годы ряды параисториков Грузии существенно пополнились за счет многочисленных дилетантов, желающих «квалифицироваться» по проблемам Южной Осетии и Абхазии, осетинского и абхазского народов. Очевидно, что в руках околонуучных историков и публицистов, оригинальных параисториков историческая наука в известном смысле уже выполняет несвойственные ей функции по дестабилизации общественно-политической, межнациональной обстановки не только в бывшей Грузинской ССР, но и в республиках Северного Кавказа, т.е. на Юге Российской Федерации.

Настораживает то, что историческая наука может нести в себе опасность, если ее результаты будут использованы влиятельными политиками и государственными деятелями для разобщения народов, разжигания межнациональной розни, создания образа врага

из соседнего народа. В подтверждение сказанного можно привести десятки и сотни примеров. Приведенные примеры также свидетельствуют о том, что гиперидеологизация многих «научных исследований» по истории в современной Грузии — характерная черта авторитаризма З. Гамсахурдиа, Э. Шеварднадзе и М. Саакашвили. Значительная часть интеллектуалов Грузии своими «научными исследованиями» способствуют идеологизации исторической науки. Взаимодействие идеологии и политики, как правило, перерастает в избыточное, агрессивное проникновение идеологии в политику. Это видно на примере Грузии, где этот сложный, противоречивый и болезненный процесс крепко связан с идеологизацией других сфер жизни — экономической, правовой, гуманитарной науки и т.д. Идеологизация гуманитарной науки Грузии лишила последнюю необходимую автономии и подчинила ее интересам Тбилиси в борьбе против Республики Южная Осетия и Республики Абхазия.

Трактовка всех этнополитических процессов на территории бывшей Грузинской ССР, войны против Южной Осетии и Абхазии исключительно с грузинской идеологической точки зрения не принимает во внимание необходимость равноправных взаимоотношений между народами. В Тбилиси не хотят налаживать отношения с Цхинвалом и Сухумом на равноправной и взаимовыгодной основе. В столице Грузии экстремистки настроенная политическая верхушка кричит на весь мир, что не допустит развала территориальной целостности государства. И хотя около 20 лет назад этот развал стал свершившимся фактом, тем не менее, тоталитаристская идеологизация отношений Грузии с Республикой Южная Осетия и Республикой Абхазия означает тотальное подчинение всех сил в Тбилиси задачам «бескомпромиссной борьбы» против Цхинвала и Сухума, в том числе по идеологическим мотивам.

3. Религиозный фактор в современных этнополитических процессах на Северном Кавказе

Проблема послевоенной реконструкции в Чеченской Республике является достаточно сложной задачей, решение которой требует многих лет усилий Москвы и Грозного. Ученые-обществоведы обязаны разобраться в сложных процессах, протекающих на Северном Кавказе на протяжении определенного исторического отрезка времени, и определить те «слабые звенья» в цепи событий, которые приводят к осложнению этнополитической обстановки и дестабилизации общества. Анализ проблемы позволяет говорить, что на современном этапе во всех этнополитических осложнениях на Юге Российской Федерации в целом так или иначе присутствует религиозный аспект. Невольно возникает мысль о том, что стремительное возвышение религиозного, а именно исламского духа на Северном Кавказе возникло как ответ на крушение коммунистических идеалов.

лов и всей мировой системы социализма. Мировую систем}' здесь надо рассматривать в связи с общей тенденцией противостояния исламского радикализма и демократии западного образца, обострившегося после стремительной атаки террористов на Нью-Йоркский торговый центр 11 сентября 2001 года, и сегодня продолжающего оказывать непосредственное влияние на ход событий на Юге России. Ситуация з'сугубляется тем, что «тревогу вызывают и явные признаки тенденции к укреплению своих позиций в мире под флагом антитеррористической борьбы, которые просматриваются во внешнеполитическом курсе США»,³³² — что в перспективе сулит дальнейшее усиление позиций единственной оставшейся в мире супердержавы в этом регионе. В свете такого направления исследуемой проблемы мы предлагаем рассмотреть влияние религиозного фактора на развитие этнополитических событий в северокавказском регионе и ответить на вопросы: являются ли они (события) внутрирегиональным явлением или инспирированы извне? Наиболее достоверным, на наш взгляд, будет анализ на примере Дагестана — самой полинациональной северокавказской республики, на территории которой ислам исповедуется более тысячи лет, а значит и традиции здесь более фундаментальны, чем в любой другой из соседних республик Юга России.

Стоит вспомнить, что благие намерения партийной верхушки развалившегося СССР были с точки зрения стороннего наблюдателя вполне конструктивными: «Мы будем выступать против всего, что разрушает наш Союз, нашу общую экономику, плодит распри между людьми. Если хотят поставить под вопрос наш курс на гармонизацию национальных отношений в рамках Союза, отношений между людьми разных национальностей внутри каждой респз'бли-ки, на каждой территории, — это неприемлемо»,³³³ — так звучал тезис, высказанный М.С. Горбачевым еще в 1988 годз'. А непродз'-манное и неподготовленное исполнение этих намерений привело к гибели всего СССР. Уже после этого печального события «4 ноября 1991 года Виктор Иванович Илюхин, будучи начальником Управления прокуратуры Союза ССР по надзору за исполнением законов о государственной безопасности, возбудил уголовное дело в отношении президента СССР М.С. Горбачева за измен}' Родине».³³⁴ Это означало, что в стране главные политические события набирали обороты. Развал Советского Союза привел к тому, что бывшие автономные республики в один голос потребовали повышения своего государственного статуса до с'веренной республики в составе Российской Федерации. И вот здесь, с обретением такого статуса, новые суверенные российские республики начали поиск материала для создания фундамента — основы государственного строительства. Пробудились самобытные и религиозные традиции и жизненный з'клад.

Мы отдаем себе отчет в том, что само понятие «религия» для атеиста или человека верз'ющего, но стремящегося к беспристраст

ной оценке, имеет иную окраску, нежели для ярого сторонника религиозной веры, исключая беспристрастность. По нашему убеждению, проникнуть в существо религиозной веры возможно, не будучи ее приверженцем. Необходимо иметь в виду, что «когда мусульманский теолог изучает иную, скажем, политеистическую религию, или современные секты, он делает практически то же самое: описывает, анализирует и отвергает претензии на истинность чужих религиозных убеждений и ритуалов, поскольку им нет места в доступной для него действительности».³³³ Следовательно, и мы имеем возможность выявить интересующие нас аспекты путем анализа.

В Дагестане начала 90-х годов прошлого века, где массы населения были поставлены, как и все население России, на грань выживания и оказались перед выбором «быть или не быть», многие люди стали искать путь к спасению в религии и добровольно отдали свои мысли во власть объекта поклонения — Бога. В годину социальных потрясений люди следуют за теми, кто обещает социальные блага, а не за теми, кто призывает к благоразумию и не предлагает при этом конкретных путей быстрого выхода из кризиса. В стране в целом и в Дагестане в частности обнаружился острый дефицит руководителей-практиков с государственным мышлением и философским складом ума. К власти стали рваться авантюристы со своекорыстными целями и узкособственническими интересами. Вот тут бы и поступить как лидер исламской революции в Иране имам Хомейни, который «настоял на том, чтобы в Конституцию Исламской Республики Иран включили статью 142. Согласно этой статье, собственность лидера страны и других высших представителей исламского правления проверяется главой судебной власти до назначения на высокий пост, и после окончания службы на предмет «предотвращения незаконного приращения богатств».³³¹ Хотя сегодня уже совершенно беззастенчиво бюрократы из госаппарата назначили себе из государственной казны оклады, в десятки раз превышающие средние по стране, при этом даже не пытаются внятно объяснить гражданам России — за что, за какие успехи в экономике, страна-то из разряда супердержавы превратилась в развивающуюся, точнее, в «недоразвитую».

Важность религии значительно возрастает, когда она вступает в сферу межнациональных отношений и накладывает свой отпечаток на исторические традиции и обрядность, участвует в формировании этнокультурных особенностей, подчеркивает самобытность проживающих в регионе народов, что и наблюдалось в Дагестане. Но вместе с тем в условиях многонациональной республики религия оказалась втянутой и в сложные политические процессы, постепенно наметился раскол верующих по политическим предпочтениям. Возник ряд вопросов: «Каковы социальные, политические и духовно-нравственные ориентации верующих и духовенства, каков характер связи религиозных объединений с внешним миром, со светскими властными, социальными и культурными структурами, ка

ков характер складывающихся в республике отношений между верующими и неверующими, между представителями различных религиозных направлений?».³³⁷

Дагестанские исследователи на протяжении 90-х годов XX века провели выборочный опрос населения республики с охватом около 2000 человек различных этнических, социальных и возрастных групп. Выяснилось, что в 1995 году 76,3% респондентов отнесли себя к верующим, а в 2000 году только 64,1%.³³⁸ В ряду множества причин, обусловивших это снижение популярности религиозных мировоззрений, немаловажную роль, возможно, сыграло осознание того, что религия, как и столетия назад, все еще может оказаться идейным прикрытием для тех, кто хочет установить свой порядок и навязать свое миропонимание с оружием в руках. Но в целом общая тенденция ориентированности дагестанцев на религиозные ценности и неуклонно растущая религиозность массового сознания населения остается его устойчивой характеристикой. В условиях роста религиозности примечательны исследования, показывающие, что мировоззрение сегодняшней дагестанской молодежи складывается преимущественно под воздействием все той же религии, а не других внешних факторов. Стереотипы, навязанные обществу коммунистическими идеологами и действовавшие в эпоху социализма, такие как — «религия — удел стариков», «религия — путь в невежество и темноту» остались в прошлом, и сегодня на примере Дагестана можно констатировать факт — возрастные различия не оказывают значительного влияния на религиозность и мировоззрение людей. Изменилось отношение к религии в среде наиболее образованной части населения республики, здесь ее позиции значительно укрепились: «Из опрошенных верующие с высшим образованием составляют 41,4%, а со средним — 48,8%. Заметно увеличение людей, которые не видят принципиальной несовместимости религиозного и научного знания».³³⁹ Это, на наш взгляд, говорит о том, что тезис, выдвинутый Президиумом Российской академии наук о существовании в российской науке и образовании в последнее десятилетие проблемы беспрепятственного распространения мистических верований, таких как шаманство, оккультизм, астрология, а также всякого рода пророчеств и околонуточных мифов, является более чем актуальным. Благодаря массовой пропаганде насилия с экранов телевизора (ни один канал не обходится без нескольких ежедневных сериалов о преступлениях, исключение составляет «Культура»), зачастую замешанных на мистическом сюжете, потокам беллетристики с аналогичным содержанием, мифологическое сознание в молодежной среде неодолимо расширяется и все более сближается с образовательным процессом в начальной и высшей школе. Такое положение неуклонно уводит часть научного потенциала в область ненаучных знаний и снижает интеллектуальный уровень молодежи, и без того имеющий ниспадающую траекторию.

В этой ситуации представляет интерес та сторона ислама, ис-

поведущего в арабских странах, которая не мыслит религию вне политики. Уместно напомнить, что все страны Ближнего и Среднего Востока (за исключением Турции) проводят политику, всецело зависящую от позиции религиозной общины, находящейся у власти или оказывающей неограниченное влияние на властные структуры. Эту особенность эмираты из арабских стран пытались привить в Дагестане и других северокавказских республиках в начале 90-х годов прошлого века. Их активная деятельность и известные трудности переходного периода новой России имели свой определенный результат, проявившийся, когда на социологических опросах «50% опрошенных заявили о том, что хотели бы жить в светском государстве, а 26% пожелали жить в теократическом (религиозном) государстве, и 24,1% затруднились ответить. При этнодифференциации ответов на этот вопрос обнаружилось, что из всех опрошенных 45,6% аварцев, 16% даргинцев, от 10 до 14% кумыков, лакцев и лезгин хотели бы жить в теократическом государстве. Наибольшая настороженность в отношении теократии зафиксирована у русских — 1,9% и татов 1%». ³¹⁰ При этом явно проступает открытое недовольство «иноверными» и «атеистами», присутствующее в публичных высказываниях руководителей различных исламских и государственных организаций.

Таким образом, со всей основательностью можно говорить об усилении клерикальных тенденций не только в Дагестане, но и в большинстве республик Северного Кавказа, о постепенном втягивании мусульманских религиозных деятелей в политический процесс и самое главное — «о готовности большинства дагестанцев опереться на исламские политические идеи и мусульманские модели государственного устройства». ³⁴¹ Размытость представлений населения о конституционных принципах светского государства и их отличиях от принципов теократического государства позволяют некоторым государственным деятелям или какой-нибудь заидеологизированной группировке узурпировать в процессе борьбы за власть ведущее место и вовлечь религию в различные политические проекты, которые в реальности осуществляются в виде закулисного сближения представителей государственной и религиозной бюрократии на основе сведения своей деятельности к имитации служения народу. Подтверждением конкретных шагов в сторону политизации религии может служить факт объявления ваххабитами в Ка-дарской зоне шариатского правления и создание там вооруженных формирований и шариатских судов, прекративших свою деятельность в результате проведенной специальной операции по разоружению, сопровождавшейся ожесточенным боем и гибелью людей с обеих сторон. К сожалению, это событие стало возможным из-за того, что часть дагестанского общества под религиозной свободой понимает никем не контролируемую деятельность, зачастую осуществляемую тайно узким кругом посвященных лиц, а не поддерживаемыми народным большинством политическими партиями, способными решать политико-экономические проблемы.

Особую остроту политизация религии приобретает при проявлении в форме религиозного экстремизма, поставившего республику в 1999 году на грань гражданской войны. Поскольку это явление новое и не изученное во всех его особенностях, то есть все основания для его более подробного рассмотрения в нашем исследовании. Сложность вопроса заключается в проецировании крайних проявлений религиозного фанатизма на социально-политическое состояние дагестанского общества переходного периода и поиске оптимальной стратегии преодоления исламского экстремизма, применимой во всем северокавказском регионе. При этом необходима извечная осторожность в определении «исламский», поскольку в самой религии, исповедуемой почти 30% населения России, основу составляет воспитание добродетели, а не кровожадная агрессия, 43'ждая исламской кз'льтуре. Речь об исламском экстремизме, на наш взгляд, можно вести только в слз'чаях, когда «суждения и действия верующих мз'С}'льман идут вразрез с действующими в стране конституци-ей и законодательством». 342 Для исламского экстремизма характерны: во-первых, пренебрежение, высокомерие и презрение ко всем иным точкам зрения, кроме своей; во-вторых, утверждение своих конфессиональных или политических интересов активной и агрессивной деятельностью, сопряженной с насилием и бескомпромиссностью; в-третьих, построение мотивации поведения на запрошенной модели целостного мировоззрения, хорошо характеризуемого как «сужение сознания» при полном доминировании в системе пропагандирз'емых ценностей узкого спектра религиозных идей. Вполне подходящим объяснением такого положения, на наш взгляд, является отсутствие в исламском экстремизме основательной теоретической базы, располагающей лишь некоторыми концепциями политического устройства мусульманского общества, изложенными в книгах классика этого социального явления египтянина Сайида Кутба, таких как «Вехи на пути», «Социальная справедливость в исламе», «Под сенью Корана» и некоторыми другими, о которых 63'дет сказано ниже.

Попытки теоретических исследований в области религиозно-общественных знаний на Северном Кавказе в наиболее драматичный период противостояния Чечни и федерального центра были предприняты чеченским исследователем и видным политическим деятелем мятежной республики с середины 90-х годов до провала вторжения в Дагестан в 1999 году — Хож-Ахмедом Нухаевым. В его работе «Возвращение варваров» сделана достаточно серьезная попытка поиска «своего особенного» пз'ти общественного развития Чечни на основе духовного совершенства при приоритете кровнородственных связей. Так, рассуждая о времени «парада суверенитетов», он указывает, что «сохраняя историческую память о своей гос}'дарствешности, потеряв под воздействием этого огосг'дарствления (модернизма, цивилизации) свою ценностную ориентацию на традиционные начала, определив архетипы национального и рели

гиозного бытия как пережитки «старой» эпохи, другие мятежные народы в отличие от чеченцев осознанно, добровольно, решительно осваивали двухмерный мир, энергично искали ответы на извечные вопросы не в своей традиции, а в своей истории, с энтузиазмом строили «новый» порядок,³⁻¹³ — на основе уже сложившегося представления о цивилизации и своем месте в ней. Считая чуждыми для чеченцев все варианты развития, предпринятые в других субъектах Российской Федерации, Х.-А. Нухаев признает, что «повернувшись в поиске ответов от практически забытых глубин духовности (религии) к поверхностным уровням сознания, к популистской идеологии, к технократическим теориям (философии), не опасаясь при этом запачкаться политикой на субуровне практики в условиях повседневного бытия, они быстро построили свои государства».³⁴⁴ И далее, проводя обособление: «в отличие от них, чеченцы, находясь на традиционном (сакральном) метауровне аксиологии, ради воплощения своей мистической «свободы» в повседневную конкретику «суверенитета», пытались делать то же самое, только в «нравственных перчатках»,³⁴¹ — с чем можно согласиться, если не обращать внимания на головы иностранных и российских граждан и российских солдат, отрезанные боевиками в поисках справедливости и «своего особенного» пути к свободе. В целом же в своем исследовании он делает предложение разделить Чечню на «горную» и «равнинную», оставить их в составе России, но первую с ее древними традициями и жизненным укладом предоставить самой себе (что, на наш взгляд, характерно для американских резерваций с населением, не платящим налоги в казну и не участвующим в голосованиях), а вторую наделить всеми правами и обязанностями субъекта федерации. Пока на это предложение, насколько нам известно, нет никакого отклика из федерального центра.

Исламистские экстремистские организации имеют разветвленную между народную сеть, что дает им возможность быть высоко-мобильными и наносить свои удары в различных районах мира, а идеология стремится поставить, где это возможно, процесс общественного развития в соответствие с нормами и догмами ислама. Начавшаяся в середине 80-х годов в СССР перестройка и последовавший за ней развал государства и всей мировой системы социализма раскрыли перед воинствующими исламистами широкие перспективы по освоению новых территорий теперь уже и в России — на Северном Кавказе. В начале 90-х годов в Дагестане ислам стал превращаться из духовной потребности в политическую доктрину, в общественную жизнь республики все настойчивее начали вмешиваться созданные исламистами партии и движения, такие как движение «Аль Исламия» — председатель Ахтаев Ахмед-кади, «Джа-миатул Муслимин» — лидер партии Х. Хасбулатов, «Исламская партия возрождения» — лидер А.Сайтов, и другие им подобные. Они шли к людям не с пустыми руками, а с конкретными собственными программами переустройства общества на принципах ислама,

с утверждениями о том, что «ислам решает все проблемы, стоящие не только перед мусульманами, но и перед всем миром, оптимальным образом учитывая интерес не только отдельных групп людей, не только мусульман, но и всего человечества, окружающей среды и будущих поколений».³⁴⁶ Народы Дагестана, уставшие от бесконечных экономических трудностей и неясности дальнейшего социально-экономического развития, пошли на поводу у этих партий и движений, но при этом разделились на сторонников традиционализма и радикализма. К первым относятся сторонники возрождающихся тарикатских братств, выступающих за сохранение ислама таким, каким он был на протяжении всей многовековой истории Дагестана. Ко вторым примкнули сторонники привнесения в жизнь Дагестана норм зарубежного ислама и построение идеального исламского государства, что возможно только под влиянием жестких политических требований, делающих ставку на джихад против всех, кто не признает их учения (ваххабизма).

Располагающие широкой финансовой поддержкой со стороны Саудовской Аравии, в которой это религиозное течение является государственной религией, ваххабиты стали бесплатно распространять исламскую литературу, создали широкую сеть телевизионных и радиоцентров, учебных заведений и под благовидным предлогом распространения исламских вероучений стали вербовать в свои ряды новых рекрутов. В этих действиях все четче стала просматриваться направленность на создание «на территории Дагестана исламской оппозиции, в задачу которой входили: подрыв авторитета и оттеснение тарикатских братств, просвещение молодежи через призму нетрадиционных для Дагестана мусульманских канонов, осуществление стремлений (через пропаганду единства исламского мира) строительства здесь исламского государства».³⁴⁷ Ощувив непосредственную угрозу своему существованию, традиционалисты выступили против такого привнесенного извне раскола в общественную и религиозную жизнь республики. На протяжении 1994—1997 годов на почве непримиримых противоречий между последователями традиционализма и радикализма произошли крупные столкновения, в том числе с применением оружия и гибелью людей. Стал очевиден глубокий внутриконфессиональный кризис, в котором мусульманское духовенство Дагестана оказалось расколотым окончательно. Его конформистская, традиционалистская часть, захватив и упрочив ключевые позиции в ДУМД, все решительнее и бескомпромисснее стала наступать на своих оппонентов. Оппозиционная радикалистская, ваххабитская часть все больше делала ставку на радикализацию и экстремизм в общественной жизни. Как отмечает Дагестанский исследователь Г.М. Курбанов: «Специфика внутримусульманского противостояния в Дагестане состояла в том, что она носит и прямой, и опосредованный характер. Это направление усилий противостоящих течений на формирование о своем оппоненте негативного общественного мнения и апелляция к общественности, подчёр

кивание якобы имеющегося размывания коренных устоев дагестанского народа и его культурно-национальной самобытности. Очень частыми были попытки подавления своего оппонента с помощью государства, с привлечением известным образом ориентированного правительства. Многочисленные попытки найти компромисс между ними, примирить враждующие стороны, призвать к законности и порядку не увенчались успехом».³¹⁸ В этом противостоянии своеобразным манифестом сторонников ваххабизма и исламского экстремизма не только в Дагестане, но и на всем Северном Кавказе стала книга М. Тагаева «Наша борьба, или повстанческая армия имама», в сюжете которой отчетливо просматривается влияние идей создателя идеологии современного исламского экстремизма С. Кутба. В ней же изложены стратегия и методы действий по узурпации влияния на население. Основной задачей в этом процессе является убеждение сторонников в том, что любое общество, основанное не на законах шариата, является преступным и противоречащим мусульманской этике — «никто из сотворенных Богом не может устанавливать иные законы, чем те, которые были установлены Аллахом». Таким образом, отрицаются все формы государственного правления, кроме теократической мусульманской. На уровне религиозных предствлений каждого индивида исламские экстремисты декларируют его полную свободу, ссылаясь на сурз' Корана, где сказано: «Нет принуждения в вере» (2:256), но при этом требуют обязательного выполнения З'словия, что каждый бздст подчиняться шариату. Невольно возникает вопрос: какая может быть свобода выбора в вере при полной несвободе, З'тверждаемой шариатом? Демагогичность и ограниченность подобного заявления особенно очевидна, если вспомнить о том, какими глубокими по философскому смыслу были высказывания одного из основателей суфизма Аль Халаджа (известного как Мансур), жившего в IX—X вв., о котором сказано, что он «внес свой вклад в созданныю суфиями традицию парадоксальных высказываний, цель которых — нарушить спокойствие интеллекта и привести преданных учению к истинному пониманию».³⁴⁹ Вопреки имеющейся в исламе традиции мудрого проникновения в суть происходящего экстремисты главную ставку делают на насильственное решение любой возникающей проблемы. Идеалом политической системы им видится только имамат.

Стратегия и методы борьбы исламских экстремистов за достижение поставленных целей имеют три этапа. На первом этапе — просветительская и благотворительная деятельность, призванная вызвать симпатии у единомышленников. На втором этапе — создание полувоенных организаций, занимающихся вербовкой, идеологической обработкой и подготовкой бздущих моджахедов, обладающих военными навыками. На третьем этапе — насильственный захват власти и установление исламского порядка с последующим формированием имамата и экспортом исламской революции в соседние страны и регионы. Естественно, такого рода цели и задачи не могут осуще-

ствиться без хорошей финансовой поддержки, вот ее-то и осуществляли и продолжают осуществлять зарубежные братья по вере и оружию из стран, где дислоцируются различные фонды по поддержке подобного рода деятельности. В Дагестане известны некоторые из таких источников: «Большую часть эмиссаров, финансируемых Исламской партией возрождения, составляют приверженцы ваххабитского толка ислама. В этом плане выделяются гражданин ОАЭ Сервах Абед Саах, организовавший в Кизилюртовском и Хасавюртовском районах Дагестана издание, пропагандирующее ваххабизм, а также руководитель филиала Международной исламской организации «Спасение» на Северном Кавказе и в Азербайджане гражданин Алжира Зэрат Абдсль Кадир».³⁵⁰ Последнем} упомянутому филиалу организации «Спасение» по данным спецслужб России только в 2002 году Саудовская Аравия выделила 17 млн долларов. Есть и другие, но их имена пока ждут своей огласки. Как же удалось подобным эмиссарам развернуть свою деятельность в Дагестане? Для ответа на этот вопрос надо вспомнить, как в годы крушения СССР распахнулись в буквальном смысле слова границы всех бывших союзных республик с надеждой, что придут «хорошие зарубежные специалисты» и помогут создать новые независимые государства с крепкой экономикой и рентабельным рынком, помогут достойно войти в мировое сообщество цивилизованных народов и государств. В Махачкале и в других городах Дагестана открылись филиалы исламских религиозных организаций: «Организации исламской солидарности», «Общество Шамиля», «Ахмед аль Дагестани», партии религиозного толка: «Нахдат», «Джамиатул мусли-мин» и другие им подобные. Но вместо дружеской помощи эти организации стали утверждать арабское влияние в республике. Исламские миссионеры из Саудовской Аравии, ОАЭ, Турции, Кувейта, Ливии, Албании, Великобритании, Малайзии, Туниса стали прибывать в республику специальными рейсами авиакомпаний. Дагестан хотел быть открытым и дружелюбным, среди приглашенных гостей были известные люди исламского мира: Шейх Мухаммед бен Насер Аль-Абуди из Саудовской Аравии, Махмуд Назым Адиль-шейх Киб-риса из Турции, муфтий Албании Хафис Сабрис Коджи и другие. Но, как оказалось, их влекли в Дагестан не только памятники древнего Дербента и кладбище «Кырхлар», известное во всем мире могилами сорока первых асхабов пророка Мухаммеда, погибших за исламскую веру в Дагестане в годы ее становления еще в VIII веке. Они привезли с собой свои концепции социально-экономического и политического устройства дагестанского общества и скоро нашли приверженцев своих идей среди дагестанских исламистов.

При всем этом нельзя полагать, что дагестанский экстремизм основывается только на зарубежном влиянии, здесь существует целый комплекс проблем, обусловивших перерастание фундаментализма в экстремизм. Одними из главных в этом перерастании были процессы, происходившие на Кавказе в целом и в соседней Чечен-

ской Республике, в частности. Дудаевское руководство сделало ислам составной частью политической надстройки Чеченской Республики. Активное участие в становлении и управлении республикой религиозного руководства осуществлялось через созданные там муфтияты, Совет улемов и шариатские суды, подавая пример соседям и серьезно подстегивая аналогичные устремления дагестанских исламистов. Близость позиций и выработку общей направленности в действиях определяли возникшие в то время различные региональные религиозно-политические организации. Так, например, в 1992 году в Грозном был создан Высший религиозный совет народов Кавказа во главе с шейх-уль-Гаджи Аллахшукюр Паша-заде, Управление мусульман Кавказа и Консультативный совет международного форума «Кавказский дом». Способствовали этому процессу происходившая в то время ломка привычных социальных отношений, экономические трудности, издержки становления капитализма и рынка.

Сложность этого напряженного состояния общества усугублялась тем, что многие дагестанцы восприняли идеологию исламизма как национальный символ, как путь к спасению Дагестана от навалившего социально-экономического кризиса. Экстремисты выбрали для решения этой проблемы не просвещение и убеждение населения, легальный, парламентский способ, а путь силового построения исламского общества, как, по их мнению, наиболее эффективный и быстрый. Они предполагали сначала путем вооруженной борьбы захватить власть, а затем уже «сверху» осуществлять исламизацию дагестанского общества. Как оказалось впоследствии, этот путь не привел их к успеху.

Необходимо также учесть, что корни исламского радикализма, корни социального протеста растут не за рубежом, а здесь, рядом — на Северном Кавказе, в Дагестане, Чечне, Ингушетии, проявляются и в более спокойных республиках — Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии. И в зависимости от того, смогут местные власти самостоятельно (что более надежно) или при поддержке федерального центра стабилизировать экономическую ситуацию, обеспечить социальные гарантии, защитить права человека независимо от его социального статуса — удастся и лишить терроризм его основной подпитки, как моральной, так и людскими резервами. Это, на наш взгляд, задача на перспективу, на ближайшее будущее. Надо, во-первых, осознать, что власть и подчиненные ей правоохранительные органы несут главную ответственность в противодействии любым проявлениям терроризма, во-вторых, вести постоянную пропаганду среди населения опасности проявления равнодушия и тем более пособничества террористам, в-третьих, найти источники финансирования для поощрения граждан, дающих ценную информацию о любых проявлениях террористической деятельности и обеспечить надежную защиту свидетелей.

Правоохранительным органам, используя все доступные спосо

бы, предпринимать необходимые адекватные меры по защите общества и граждан, а также «прекратить беспомощное нытье по поводу поиска и анализа истоков, корней, социальных причин и тех или иных идейных оснований терроризма. Это дело аналитиков и политиков. Одними пресс-конференциями терроризм победить невозможно».³⁵¹

Основная причина провала планов экстремистов, вторгшихся на территорию Дагестана летом 1999 года, — неадекватное восприятие происходящего в стране, в которой за годы советской власти повсеместно сформировался свой тип личности с особыми взглядами на вероучение и месте человека в обществе. Л также неприемлемость идеологии исламского экстремизма для подавляющего большинства населения республики, несмотря на наличие указанных выше предпосылок, благоприятных для агрессоров.

Одному из авторов монографии перед вторжением исламских экстремистов из Чечни в Дагестан удалось пообщаться с жителями горных аулов Пумадинского и Ботлихского районов Дагестана и выяснить, что на протяжении 1992 — 1999 годов эмиссары из арабских стран и их помощники из северокавказских республик активно обрабатывали население с целью повсеместного установления нового порядка. Умело используя экономические трудности, тотальную безработицу, они платили каждому принимающему ваххабизм 200 долларов США и еще 100 долларов за приведенного соседа, друга или знакомого. Наборные таким образом наемники сосредоточивались в бывших пионерских лагерях и Домах отдыха на территории Чечни и подвергались психологической обработке, проходили военно-подверсионную подготовку и получали оружие. Для закрепления полученных навыков боевиков отправляли на боевые задания в соседний Дагестан. «Компетентные органы докладывали о просачивании боевиков чеченских и дагестанских незаконных формирований на территорию республики. Эти люди в час X составят так называемую пятую колонну. Их сосредоточение было отмечено в столице Дагестана Махачкале и других крупных населенных пунктах... Применялся весь спектр форм и методов информационно-пропагандистского воздействия на население, в том числе и телевизионное вещание. Составной частью кампании являлось целенаправленное массированное морально-психологическое давление на сотрудников правоохранительных органов, представителей местных администраций и священнослужителей».³⁵² Так, в ночь с 21 на 22 декабря 1997 года отрядом численностью около 50 человек было совершено дерзкое нападение на военный городок мотострелковой бригады, дислоцированной в Бз'йнакске, с целью захвата боевой техники. Бой длился около часа, было подожжено несколько единиц боевой техники и транспортных средств, но после прибытия и вступления в бой армейских дежурных подразделений боевики поспешно отступили и скрылись. На фоне таких событий не внушали доверия слова старика из горного аула Пумадинского района Даге

стана о том, что молодые ребята из окрестных сел, принявшие ваххабизм и находящиеся в Чечне, не будут воевать на стороне исламских экстремистов, если они вторгнутся в Дагестан, но это впоследствии оказалось правдой.

Летом 1999 года диверсионная деятельность различных антироссийских сил на Северном Кавказе заметно усилилась. Постоянные нападения на заставы внутренних войск и наряды милиции на административной границе Дагестана с Чечней прямо указывали на готовящееся крупномасштабное нападение. Оставалось только выяснить конкретное место и время его начала. В современной локальной войне большая доля успеха зависит от быстрой и сокрушительной ответной реакции на любое агрессивное действие. Такую реакцию способны произвести боевые вертолеты армейской авиации, каждый из которых по огневой мощи сопоставим с небольшим артиллерийским подразделением. Места базирования вертолетов на территории Дагестана позволяли быстро и эффективно применить их на протяжении всей границы с Чечней, кроме Ботлихского и Цумадинского участков, что и выяснили боевики в ходе подготовки своего вторжения на этом направлении. Но их главный просчет заключался в том, что их не поддержали местные жители и духовенство, более того, «на защиту своих селений встали до 5 тысяч добровольцев. Это, пожалуй, стало главным итогом первых недель нового вооруженного конфликта на Северном Кавказе и принципиальным отличием от событий в Чечне в 1994—1996 гг.». ³⁵³

Хроника этих напряженных дней насыщена событиями, перечисление которых не входит в планы авторов монографии, но об одном событии нельзя не вспомнить, так как оно подтверждает изначальный настрой местных жителей на отказ от участия в агрессии экстремистов. Из сводки событий 11 августа 1999 года: «Ночью бомбардировщики СУ-24 совершили 18 вылетов. Войска занимают господствующие над Ботлихским районом высоты. По информации штаба МВД, ранен Хаттаб, а его переводчик (чеченец) убит. Боевики пытаются создать «коридор» для выхода групп, которые в начале августа зашли на территорию Дагестана, для чего дополнительно с территории Чечни в срочном порядке переброшены силы (1,5 тыс. человек). Около 50 дагестанских ваххабитов отказались воевать на стороне боевиков и с оружием вернулись в свои селения. В Урус-Мартан (Чечня) привезли 40 неопознанных трупов...». ^{35,1}

Обращаем внимание на то, что мы не склонны преувеличивать значение внешних факторов нападения бандформирований на Дагестан летом 1999 года, так как основные угрозы были связаны скорее с внутренними проблемами: несовершенство конструкции новой политической системы, коррумпированность крупных политиков и чиновников всех уровней, бюрократизм, откровенная, ничем не прикрытая игра в демократию при выборах в различные представительные органы, зависимость судебной системы, сосредоточенность всей политической жизни на вопросах должностных на-

значений, казнокрадстве и взяточничестве при общей экономической стагнации, поддерживаемой потоком нефтедолларов и т.д. Кроме того, проблемы демографии, превышение смертности над рождаемостью, высокий уровень безработицы, преступности, что в итоге способствует сохранению социальной напряженности, усугубленной ослаблением, а кое-где и полным отсутствием социальных гарантий, существовавших в бывшем СССР. Эти проблемы исламские экстремисты пытались использовать для установления своего мощного влияния на всем пространстве северокавказских республик, в которых главным образом исповедуется ислам. А Дагестан стоял первым в ряду намеченных ими преобразований.

Пособничество в этом процессе принадлежит местным представителям политической элиты, «своекорыстное и бесчестное заигрывание с исламом не верящих ни в бога ни в черта политиканов, которые не осознавали, что религия всегда связана с эгоистическим расчетом — пусть я пострадаю за веру, зато после смерти получу сполна. Вот эта сторона ислама делала его столь привлекательным рабском}' сознанию тысяч людей, готовых взорвать весь мир, если им не удастся утвердить ислам». ⁸⁵⁵ Но одновременно с этим ни народы, ни правящие партии в республиках Северного Кавказа не были готовы жертвовать своими устоявшимися обычаями, традициями, жизненным укладом, т.е. неповторимым национальным менталитетом (со всеми достоинствами и очевидными недостатками) для достижения субэтнической, панисламской общности, предлагаемой воинствующими экстремистами.

Именно это является, на наш взгляд, главной предпосылкой для сохранения светского характера государственности, отделения религии от государства и политики и жесткого государственного контроля за соблюдением этих принципов, вплоть до высылки ярых нарушителей-проповедников за пределы государства. Для достижения этого необходимо, по нашему убеждению, устранить безучастность государства к религиозной сфере общественной и политической жизни, не перепоручая важнейший государственный религиозно-ведческий анализ экспертному совету Духовного управления. Ведь хорошо известно, что любая религия считает свое вероучение единственно универсальным и верным, что затрудняет объективность оценки деятельности духовенства в своей епархии. Недопустимо присвоение религиозными организациями каких-либо государственных функций, взяв за правило в этом процессе формулу «разрешительная система — прерогатива государства», при неукоснительном соблюдении равноправия конфессий и Конституции Российской Федерации.

Глава V

НЕОБХОДИМОСТЬ УСИЛЕНИЯ БОРЬБЫ С ТЕРРОРИЗМОМ И ЭКСТРЕМИЗМОМ

1. Конфликт национальных идеологий в конце XX - начале XXI века и его геополитические составляющие

Для того, чтобы осмыслить масштабы огромных задач по мирной реконструкции в Чеченской Республики, необходимо, на наш взгляд, рассмотреть все факторы чеченского кризиса 90-х годов XX века. Необходимо сделать анализ геополитической ситуации на Кавказе, находящейся под воздействием конфликта идеологий. Последние, в свою очередь, подвержены влиянию складывающейся на Северном Кавказе этнополитической ситуации.

В конце 80—90-х годов XX века этнические конфликты в СССР, а затем и в Российской Федерации во многом были резонансом на необходимые, но крайне противоречивые и непоследовательные политико-экономические преобразования, проводившиеся союзным, а затем и федеральным центром. Эти преобразования, как правило, не учитывали ментальные и социокультурные особенности многоэтнических народов Российской Федерации. Особенно ярко возникшие противоречия проявили себя на Юге Российской Федерации, где народы принадлежат к многочисленным лингвистическим и культурно-хозяйственным типам, имеют разные традиции государственности и отличный от многих других опыт совместного проживания с другими народами в едином государстве.

Дискредитация коммунистической идеологии, составлявшей главную мировоззренческую основу системной целостности советского народа как наднациональной общности, неизбежно привела к кон • трастной фрагментации цивилизационно-культурного пространства бывшего СССР. Новая ситуация на очередном этапе развития общества сделала невозможной монополизацию политической системы одной идеологией и создание единой национально-государственной идеологии. Можно согласиться с тем, что «дискредитация марксизма-ленинизма как объединяющей идеологии, а также универсалистских идеологий, как таковых, привела к выдвижению на первый план националистических и этнократических доктрин и соответствующих движений».³⁵⁶ На первом этапе системного кризиса федеральная власть утратила инициативу в деле производства идеологической продукции. По этой причине во многих звеньях региональной власти, оказавшейся вне поля общезначимых высших идей

ных смыслов, на которых строилась классическая государственная идеология, возникла тенденция присвоения властных полномочий частными лицами, имеющими влиятельные позиции в социальной структуре общества.

На Кавказе затронутые нами процессы имеют большую специфику, которая все отчетливее проявляется в содержании традиционной восточной общности, которая постепенно восстанавливает традиционный тип общественного поведения людей, традиционные приоритеты и способы организации власти. Поэтому, на наш взгляд, прав исследователь этого вопроса Ж.Т. Тощенко, который утверждает, что «у каждого народа есть такие обычаи и традиции, которые следует учитывать в национальной политике. К ним можно отнести и ношение оружия как часть верхней одежды у многих кавказских народов, и свадебные ритуалы, и разное отношение к смерти, специфическая система семейных отношений и место женщины в них».³⁵⁷

Заметим, что в ходе развития общества фундаментальные компоненты национальной культуры оказывают возрастающее влияние на формирование системы политических убеждений и политической идеологии в целом. В этой ситуации этническая принадлежность оказывается сильнейшим и одновременно наиболее общепринятым и легитимизированным индикатором различий. Индивиду крайне сложно сменить сопутствующие этничности признаки, такие как миф об общем происхождении, язык, привязанность к определенной территории, религию, общую систему ценностей, нарицательное имя, групповую солидарность и т.д. Сами по себе отличия, свойственные одному народу, не таят никакой опасности для других. Однако во время системных и социальных кризисов экстремисты националистического толка, жаждущие захватить лидерство в районе, республике, области, регионе и т.д., не ограничиваются констатацией реально существующих различий, они «вносят сюда оценочный момент, когда отношения между поколениями, в семье, манера обращения, употребление в пищу тех или иных продуктов становятся характеристикой нечистоплотности, неразборчивости и ущербности тех или иных народов».³³⁸ В итоге выходит, что сознательное генерирование этнополитических конфликтов региональными лидерами увеличивает рост числа их участников, наращивающих свой политический капитал, упрочивающих свое политическое влияние. Права С.Ю. Иванова, которая подчеркивает: «Начиная со второй половины 1980-х годов в Российской Федерации наблюдался лавинообразный распад единой национальной идеологии, ее фрагментация и замена на целую мозаику микроидеологий, вырабатываемых самыми различными (прежде всего) этническими группами».³⁵⁹

В геополитическом плане, по нашему мнению, проблема заключается в том, что этнические группы, наиболее последовательные в своих амбициозных претензиях, вознаграждаются теми региональными геополитическими центрами, которые заинтересованы в распространении своего влияния на территориально-культурные обра

звания претендующего народа. В многонациональном государстве, к сожалению, в большинстве случаев эти процессы служат культурной предпосылкой и политико-правовой легитимацией определенной лидирующей этнической группы для оправдания своих экстремистских действий по отношению к другим населяющим регион народам. По нашему мнению, природа межэтнического конфликта такова, что «с ростом этнического самосознания существенно меняются мотивы деятельности людей. На первичном уровне развития превалируют мотивы самовыражения, самоутверждения. И тогда в этноконфликтной ситуации выдвигаются требования моноидеологического характера, направленные на единообразие образцов культуры — исключительности языка и религии, политических привилегий для данного этноса и т.п.».³⁶⁰ Фактически это то, что исследователи наблюдали в Грузии при всех режимах и правителях. В этом случае можно достаточно четко определить совокупность тех черт, которые придают этнической идеологии негативный характер: «Сочетание традиций и инноваций всегда более легко осуществимо в рамках идеологического производства, чем в ходе общественной практики, — пишет В.П. Уланов. — При этом легкость в оперировании понятиями архаики и модерна в рамках конкретной идеологической конструкции может привести к исчезновению из нее положительного содержания вообще, вытесненного в ходе поиска приемлемого синтеза «своего» и «чужого» взаимоисключающими друг друга идеологическими постулатами».³⁶¹ Состояние конфликта в любой современной этнической идеологии присуще большинству стран, переживающих системные и социально-экономические кризисы, так как поиск выхода из сложившейся ситуации и, как следствие, преобразование существующих противоречий ведет к ломке старых и созданию новых стереотипов сознания и мышления. По мнению СЮ. Ивановой, с которой согласны и авторы настоящего исследования, «это не составляло специфику только нашей страны (замена наднациональной идеологии на мозаику национальных. — Авт.), а отражало глобальное явление, охватившее мир в последние десятилетия и получившее название постмодернизма... В результате современная духовная и политическая жизнь общества теряет прежнюю идеологическую однородность, заставляя человека искать свою пищу в этом мире плюрализма».³⁶²

В годы кризисов, войн и иных общественных потрясений этническое сознание в своем инстинктивном самосохранении и стремлении понять происходящее неизменно обращается к традиционным смыслообразующим категориям — к поиску фундамента, т.е. приходит к фундаментализму. Особенно привлекательными, в связи с этим, оказываются ранее отвергнутые под давлением обстоятельств формы мышления и стереотипы поведения, определявшие на предыдущих этапах политическую культуру народа. Возрождение традиционных форм и смыслов политической и общественной деятельности в последнее время принимает все более жесткий и радикальный характер, что, на наш взгляд, происходит в связи с процессами

глобализации. Данное явление служит, по мнению профессора Е.И. Степанова, своеобразной «реакцией на столь агрессивное воздействие современной глобализации и ее проводников на социокультурную сферу жизни различных этносов и регионов... В ряде цивилизаций (исламской, индийской, китайской), как констатируют аналитики, возникла сильная тенденция к отстаиванию своей самобытности, опирающаяся на культурное достояние в его символической, ценностной и институциональной формах».³⁶³

В политической жизни проблема противостояния универсальной идеологии сменяется проблемой противостояния универсальной цивилизации, к которой на современном этапе относится западная. Процесс глобализации как продукт западной цивилизации объективно несет в себе кроме конструктивных и деструктивные тенденции, особенно взрывоопасные для социокультурной структуры, сложившейся в иных цивилизациях и регионах. В связи с этим российский политолог Б. Ерасов отмечает, что под воздействием современной глобализации в «цивилизационном плане отмене или изъятию подлежит вся культура и история народа с его накопленным опытом, сложившимися структурами общения, жизненными устремлениями, представлениями о мире и о себе. Насильственная смена ценностей, норм и смыслов часто ведет к ниспровержению прежней символики, на которой в значительной степени держалось общество».¹⁴ А это неизбежно ведет к тому, что возникает целый спектр идеологий на основе геополитических доктрин. Прав профессор Е.И. Степанов, который по этому поводу пишет: «Стремление сокрушить все прежние принципы и традиции общежития различных этносов, накопленные прежними поколениями, в интересах якобы выстраивания «новой системы глобальной рефляции» усугубляется в российской действительности поддержкой западными институтами движений этнических меньшинств в ущерб более крупным геокультурным единицам национального, конфессионального или цивилизационного плана».³⁶⁵

Следует особо подчеркнуть, что Кавказ в геополитическом отношении рассматривается далеко не однозначно. Современная культура народов Северного Кавказа исторически сформировалась в результате сложного взаимодействия кавказской горской, исламской и русской (российской православной) цивилизаций и культур, модернизационных процессов XX века. Каждая геополитическая концепция содержит в себе совершенно определенную иерархию ценностей, на основе которых и формируются частные политические идеологии, которые используются различными региональными клановыми группами для достижения своих целей, прежде всего — власти.

Если рассмотреть проблему с позиций постмодернизма, то за властью не стоит никакого высшего социального, исторического или нравственного смысла, поскольку она представляет или защищает только свои собственные интересы — интересы тех, кто устроился во власти. Так сложилось, что «постмодернистская ситуация, соб

ственно, и означает, что классическая презумпция, заставляющая рассматривать власть как превращенную форму той или иной «высшей необходимости», больше никого не убеждает: ни самих властвующих, ни подвластных». ³⁶⁶ Заметим, что чувство общности интересов и целей, культивируемое в СССР, утрачено на просторах нынешней Российской Федерации. В этих условиях тенденции глобализации, усиленно навязываемые Западом всему миру, борьба США за установление однополярного мира и, в противовес этому, стремление народов других цивилизаций к воссозданию многополярного мира оказывают непосредственное влияние на поиск народами Российской Федерации, в целом, и Северного Кавказа, в частности, своей идентичности.

Кавказ — это регион, где обозначились барьер, символично представленный в виде Большого Кавказского хребта, и в то же время многовековое взаимодействие христианства, в первую очередь, православия, ислама и буддизма. Издавна здесь проходили доминантные торговые пути из Китая, Индии, Среднего и Ближнего Востока в Европу. С точки зрения геополитики Кавказ всегда оказывался в центре борьбы между великими державами древности, средневековья и нового времени, стремившихся реализовать не только свои военно-стратегические и экономические интересы, но и распространить в регионе свои цивилизационно-культурные и ценностные системы.

Для анализа специфики геополитического статуса Северного Кавказа российскими учеными применяется методология, разработанная в рамках теории локальных цивилизаций, признающая полицентричность всемирно-исторического процесса, под которым понимается развивающийся, но устойчивый в своих основных типологических чертах и архетипах духовный, социокультурный и хозяйственный этнорегиональный комплекс. К его систематизирующим факторам относятся: религиозно-нравственное мировоззрение, система экзистенциальных ценностей и табуирования, природно-ландшафтные условия и способы хозяйствования, формы государственно-политической организации, самоуправления и правоотношений. Они проявляются в определенных пространственно-временных рамках уникально, разновекторно, получают различную иерархию. Все это находит выражение в рождении и развитии самобытных региональных цивилизаций, индивидуальность которых заключается, прежде всего, в особенностях мышления, в ценностных приоритетах, оценке окружающей действительности, способах ее отображения, восприятия окружающей среды, характере труда и социальной практики и т.д. В 1990-е годы обозначились первые попытки применения цивилизационного подхода к истории Кавказа, при сохранении традиций системного анализа, характерного для исследований в рамках формационной методологии, предпринятые видными российскими учеными. Р.Г. Абдулатипов, Г.У. Кцоева и другие идеологи «Кавказского дома» ³⁶⁷ попытались обосновать гипотезы о «кавказской цивилизации», «едином кавказском суперэтнотесе», ос

нованные на общей исторической ментальности. Согласно данной концепции горские народы Кавказа, испытав воздействие различных цивилизаций, религий и культур, создали к XV—XVI вв. кавказскую горскую цивилизацию,³⁶⁸ характеризующуюся полиэтничностью, религиозным синкретизмом (синтезом местного язычества с элементами христианства и различными течениями ислама); сочетанием высокогорья, предгорий и равнин, которое определяет взаимосвязь террасного земледелия, альпийского скотоводства и наездничества; психологическими чертами, закрепленными в своеобразных этических горских кодексах, преобладанием негосударственных форм самоорганизации. Термин «кавказская горская цивилизация» отличен от термина «северокавказская», так как пространственно она охватывает некоторые районы Закавказья, корреспондируется с горскими анклавами в других регионах мира, но отличается от них, прежде всего, своими нравственно-этическими кодексами (апсуара, намис, адыгэ хабзэ, так адет, адат и др.).

К началу XX в. Кавказ был уже в значительной степени интегрирован в социокультурную систему Российской империи и, вне всякого сомнения, являлся ее частью. В советский период можно говорить о существовании северокавказской (южнорусской) субцивилизации в рамках советской модели индустриального общества.³⁶⁹ И все же, кавказская горская цивилизация по системообразующим факторам была типологически отличной от южнорусской. Последняя определялась православным типом духовности и экзистенциальными ценностями с их основными модусами — заботой о ближнем, страхом ответственности за совершенный грех, решимостью в критической ситуации, совестливым отношением к жизни, что делало комплиментарными отношения с армянами, грузинами и большей частью осетин. Кроме того, отличия от горской цивилизации проявлялись в преимущественно равнинных природно-ландшафт-ных условиях существования, в более суровом климате северных районов, в общинно-артельных формах хозяйственной деятельности в условиях мобилизационного типа развития общества, в формировании государственности как доминантной формы национальной самоорганизации, не абсолютизирующей формальный закон.

В XVI—XVII вв. диалог указанных выше цивилизаций носил ознакомительный, культурно и технологически взаимопроникающий характер. Важную роль в диалоге играло кубанское и терское казачество, через которые обе цивилизации как бы «вплавлялись» друг в друга.³⁷⁰ Частые контакты по разному поводу и вступление в родственные связи постепенно придавали этим отношениям доверительный характер. По мнению кабардинского исследователя Х. Сохрокова, «если отбросить обиды и попытаться беспристрастно взглянуть в глубь веков, то можно заметить сознательный и добровольный выбор наших предков (народов Северного Кавказа. — Авт.), искавших защиты у московских правителей, геополитически представлявших в те времена одну из самых мощных в материальном и культурном плане цивилизаций».³⁷¹

В XVIII — первой половине XIX в. русская цивилизация стала ядром полиэтнической, поликонфессиональной (православно-мусульманской при доминировании православия) трансрегиональной российской (южнорусской) цивилизации. При широком распространении языковой ассимиляции, которая фактически сделала регион двуязычным в каждом из национально-территориальном образованиях, более глубокого проникновения в местный быт русских этнокультурных стандартов не произошло, хотя уровень культурных заимствований и взаимовлияний до сих пор остается высоким и будет сохраняться в будущем. Именно доминирующее присутствие российской (русской) культуры в регионе определяет во многом общие культурные черты. Северный Кавказ в результате вхождения в состав Российского государства и участия в его культурном диалоге, в том числе с русским языком и культурой, обрел черты той общности, которая позволяет говорить о нем как об историко-культурном, а не только как экономико-географическом регионе.

Относительно недавние драматические этнополитические, межконфессиональные события на Северном Кавказе усугубляются тем обстоятельством, что исторически Россия, а точнее — российская культура — постепенно утрачивала и продолжает утрачивать в этом регионе безраздельное доминирование, что по существу означает конец однозначной «русификации» и «европеизации» и переход к иным, пока еще трудно прогнозируемым культурным ценностям. «В отличие от западной христианской, базирующейся на единой для нее историко-культурной и религиозной инфраструктуре, многообразие и разломы коренятся в самой инфраструктуре кавказского культурно-цивилизационного круга»,³⁷² — утверждает по этому поводу известный отечественный политолог, профессор К.С. Гаджиев. В целом просветительская миссия России на Кавказе помогла пробудить глубинные процессы формирования культурного самосознания отдельных народов Северного Кавказа, до сего момента не имевших собственной историографии (имеются в виду национально-территориальные образования, в которых до вхождения в состав России не было собственной письменности и культурные ценности передавались из поколения в поколение путем устного творчества). Особенно болезненными процессы перехода к новым культурным ценностям были в Чеченской Республике в 90-е годы XX века, когда бывшая мятежная республика находилась в конфронтации с федеральным центром. В эти годы генерал Д. Дудаев открыто заявлял, что чеченским юношам достаточно научиться читать и считать. При этом президент Чеченской Республики открыто приветствовал угон «мерседесов» из Германии этими малограмотными молодыми людьми, их воинственный настрой, антироссийскую риторику, криминальные «подвиги» и т.д. Таким заявлениям человека, ставшего во главе республики (государства), трудно найти объяснения, тем более что сам он получил прекрасное образование в военном училище и военной академии бывшего Советского Союза. А

затем, пока в Чеченской Республ'ике шли боевые действия, целое поколение молодых людей выросло и получило образование не в школах, а под обстрелами и в лагерях по подготовке боевиков.

Не лучшим образом в з'словиях системного кризиса на Северном Кавказе проявила себя деятельность гуманитарных организаций, решающих задачи благотворительности по своему разумению, без учета особенностей региона. Этнический национализм, всесторонне поддерживаемый в таком сложном культурно-цивилизационном пространстве международными юристами и политическими философами из различных фондов и гуманитарных миссий, на самом деле является мощным негативным фактором, дестабилизирующим обстановку в регионе и в целом в стране. Это утверждение обосновано наличием нескольких случаев задержания федеральными войсками партий оружия, перевозимых гуманитарными конвоями по территории Чечни во время первой российско-чеченской войны 1994—1996 годов. Обращаем внимание на то, что с 1994 года до Хасавь-юртовского соглашения о прекращении огня в 1996 году военно-политическое руководство ряда стран (прежде всего США) и некоторые межд'народные организации всеми силами пытались всячески поддерживать катастрофическую ситуацию на Северном Кавказе в состоянии «управляемого кризиса малой интенсивности».

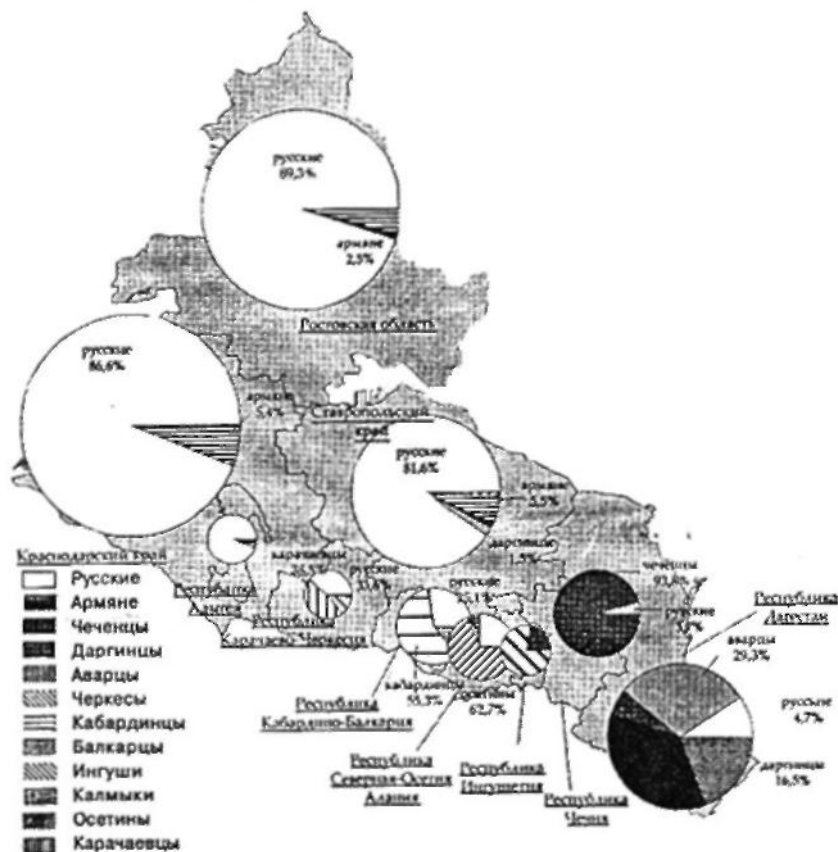
Выделяя «чеченский фактор» в общерегиональном проблемном контексте, видный российский ученый, член-корреспондент РАН В. А. Тишков утверждает: «Именно здесь проявился феномен массового выхода части населения из правового пространства, и возник район вооруженного сепаратизма, не контролируемый российскими властями. Именно тзг радикальный этнический национализм и религиозный экстремизм обрели откровенно насильственные и варварские формы, бросив вызов не только государствам, но и общественным устоям, традиции и ценностям местного населения».³⁷³ С этим выводом трудно спорить, если факты признавать таковыми.

Заметим, что в культурном пространстве Северного Кавказа более значимыми становятся как местные этнические культуры, так и культурные мировые системы, связанные с исламской или «восточной» традицией. Наиболее радикально настроенные националисты и различные открытые и скрытые антироссийские силы всячески поддерживали политику дискредитации всего, что связано с Российской Федерацией, в результате чего в регионе возник кризис русского национального самосознания. В таких республиках, как Чечня, Ингушетия, в некоторых районах Дагестана под давлением местных националистов сформировалась генерация «россиянцев», страдающих комплексом гос'дарственной и национальной неполноценности, лишенных патриотизма, оторванных от своих корней, практически готовых к принятию любого вида асоциальной деятельности. Отток русскоязычного населения из этих республик был настолько значительным, что в настоящее время Чечня и Ингушетия фактически являются мононациональными республиками в со

стве многонациональной Российской Федерации со всеми вытекающими отсюда проблемами.

Создание отталкивающего образа Российской Федерации и русского народа, а их культуры как вторичной, якобы своего рода лишь ретранслятора европейской в полиэтническом государстве, носило деструктивный характер, что в итоге привело к самым крайним формам проявления протеста — кровопролитию в Чечне. «Если ранее принадлежность к великой супердержаве и ее достижениям в разных сферах деятельности, культуре была предметом гордости всех народов, в том числе Северного Кавказа, то теперь объективно возникла потребность дистанцироваться от «непрестижной», типичной социокультурной системы и ее влияния, как условие этнического самосохранения»³⁷⁴ — этот вывод известного отечественного политолога из Ростова-на-Дону В.В. Черноуса весьма характерен для периода распада СССР и становления Российской Федерации, как независимого государства, в конце XX — начале XXI века.

Этническая структура населения Северного Кавказа в 2002 г.³⁷⁵

Напряженность социально-политической обстановки, во многих случаях с этническим подтекстом, в северокавказском регионе играет на руку радикальным исламистам, которые даже после восстановления конституционного порядка в Чечне не оставляют желаний любой ценой утвердиться на Северном Кавказе. При всех попытках западных демократов продемонстрировать всему миру свое миролюбие и заинтересованность во всеобщем благоденствии для всех, методы, которыми они действуют, заставляют усомниться в их искренности и в прочности устанавливаемого ими мирового порядка. При молчаливом согласии, а возможно, при непосредственном законспирированном участии Запада, исламисты продолжают даже после относительной стабилизации этнополитической обстановки на Северном Кавказе прилагать усилия для отторжения этого региона от Российской Федерации. Заметим, что к этому они всегда стремились и будут стремиться. Однако даже если гипотетически представим отторгнутый от Российской Федерации Северный Кавказ, это вовсе не предполагает (при безусловном росте межнациональных войн и конфликтов после отторжения) «свободный» статус его народов, а скорее переход под геополитический контроль новых растущих центров силы в лице Анкары, Тегерана и Эр-Рияда. Можно с уверенностью утверждать, что, например, «идеальная цель Турции состоит в том, чтобы объединить вокруг себя все новые тюркоязычные страны для реализации идей пантюркизма и создать более или менее дееспособный противовес российскому влиянию в Кавказе-Каспийском регионе и Центральной Азии».³⁷⁶ Объективный анализ фактов подтверждает данный обоснованный вывод известного отечественного политолога профессора К.С. Гаджисва.

Смысл такой политической активности с вооруженным подтекстом состоит в том, чтобы сделать российский Северный Кавказ составной частью мусульманского мира, а в геополитическом отношении включить его в значительно расширенный панарабский Ближний и Средний Восток. Попытки реализации этой цели представляют в настоящее время и в перспективе наиболее серьезную угрозу национальным интересам Российской Федерации, стабильности и миру на Северном Кавказе. Слабость государственной власти, особенно в 90-е годы XX века, развал некогда мощной российской армии и спецслужб, призванных стоять на защите Российского государства, привели к тому, что «чеченское общество оказалось (вернее, позволило себя сделать) заложником крайне малой части «протагонистов насильственного сценария» и довольно мощной когорты участников новых геополитических соперничеств, осуществляющих глобальную «декоммунизацию», а также «доисламизацию», «деколонизацию» и борьбу против «последней империи».³⁷⁷

Обращаем внимание и на то, что интерпретация чеченского кризиса как проявления национально-освободительного движения чеченского народа, а проведение контртеррористических операций российскими силовыми структурами как попытки подавления «бор

цов за свободу» имперскими силами была и остается популярной темой части российских и подавляющего большинства зарубежных экспертов. Прав профессор Е.И. Степанов, который по этому поводу пишет: «Сыграв, несомненно, свою весьма негативную роль в этом процессе, данная идеология, тем не менее, должна быть оценена, по нашему мнению, лишь как фактор, усугубивший собственные ошибочные — особенно с позиций обеспечения процесса демократизации общественных процессов и отношений в России — действия основных и непосредственных инициаторов и участников чеченских событий».³⁷⁴

Для мобилизации всего населения Чечни на вооруженное противостояние с федеральным центром идеологи чеченского сепаратизма приложили немало усилий, но надо отметить и то, что своими необдуманными провокационными действиями им помогли организаторы провалившейся попытки взятия Грозного силами оппозиции У. Автурханова, которые были посажены десантом на танки с экипажами из русских солдат. Это и был переломный момент — *causa arca cario* — причина, по которой все население Чечни взялось за оружие. Можно согласиться с мнением российского ученого И.А. Бабина, что «возрождение» чеченского сепаратизма наступило в условиях глубоких общественных трансформаций переходного периода, связанных с распадом СССР и «происходило в драматической и фантастической (мифологизированной) формах, сконструированных из доступного историко-этнографического материала (чаще всего малодостоверного), литературных и паранаучных фантазий и намеренных политических предписаний. Чеченство стало не просто первичной идентичностью, но и особой ролью, замешанной на нескольких элементах: а) националистическом нарциссизме, б) комплексе жертвенности (виктимизации) и мессианской идее «гробовщиков империи», «освободителей Кавказа» и «авангарда исламизма».³⁷⁹

Навязчивая и весьма опасная идея самоопределения Чечни вне Российской Федерации еще совсем недавно была основным эмоциональным и политическим аргументом чеченских сепаратистов для продолжения «борьбы за освобождение Кавказа» в духе революционных идей Э. Гевары де ла Серна (команданте Че): «После первой чеченской войны в чеченском командовании наметился политический раскол. Часть полевых командиров не хотела прекращать вооруженные действия и предпочитала вариант экспорта «освободительной революции» на весь Северный Кавказ. За этим стояла идея, что Чечня может добиться полной независимости только после освобождения всего Северного Кавказа и получения выхода к двум морям — Каспийскому и Черному»,³⁸⁰ — идея создания Великой Ичкерии от моря до моря руководила Д. Дз'даевым до его гибели.

Но, исходя из географического положения республики, в случае гипотетического обретения независимости Чечня, вероятнее всего, превратилась бы в инфраструктурный тупик. Стоит вспомнить о том, что основной производительной рабочей силой и инженерным

персоналом на нефтеперерабатывающем комплексе в Грозном были русские и русскоговорящие (без чеченцев) люди, которые с началом боевых действий бежали в глубь Российской Федерации или частично были истреблены опьяневшими от безнаказанности чеченскими националистами, уголовниками, различными «борцами за свободу Ичкерии». Инженерной мысли «освободившихся от оккупации» местных предпринимателей хватило только на изготовление «самоваров» — самодельных ректификационных установок из цистерн, в которых из украденной из трубопровода нефти выгоняли бензин-сырец. Эту продукцию вывозили в соседние республики и по демпинговым ценам продавали на заправки. В середине 90-х годов XX века многие автомобилисты Российской Федерации вывели из строя двигатели, пользуясь этим полуфабрикатом. Заметим, что дороги — автомобильные и железные — были самым опасным местом на территории Чеченской Республики. Они были кормушкой для всех, кто мог носить оружие и считал грабеж и разбой делом, достойным настоящих мужчин. В этой гипотетической ситуации отделения Чечни от Российской Федерации многое терял не только федеральный центр, но и весь Северный Кавказ. Он надолго выбывал как опасная для проезда территория из числа значимых инфраструктурных коридоров на новом формирующемся «южном» маршруте Европа — Азия: «Что касается Кавказо-Каспийского региона, то вслед за нефтью и газом одним из главных его ресурсов становится выгодное географическое положение, обеспечивающее ему возможность быть транспортным коридором, связывающим Европу с Азией, Запад с Востоком».³⁸¹

Транспортные линии, в том числе трубопроводы с нефтью и газом из Прикаспийских промыслов и Центральной Азии, товарные потоки должны были пойти по другим маршрутам в обход Чечни, а здесь очень многие связывали надежды на благополучное будущее именно с прохождением по территории Чеченской Республики магистрального трубопровода. Профессор К. С. Гаджиев подчеркивает: «В вопросе о выборе наиболее приемлемых маршрутов транспортировки каспийской нефти столкнулось множество интересов. В конечном счете, обозначились три направления, по которым нефть потечет на мировые рынки. Это, во-первых, северное направление через территорию России, во-вторых, западное направление через территорию Грузии, Турции и Ирана, в-третьих, южное направление по территории Ирана, Афганистана и Пакистана».³⁸² Заметим, что в результате варианта развития событий не в пользу Российской Федерации должна была выиграть Турция, частично страны Закавказья и во многом Иран. Такая перспектива никак не устраивала Москву.

В отличие от советского периода в современной российской действительности чеченский национализм остался этническим по своей сути. В.А. Тишков по этому поводу справедливо заметил: «Если раньше он был основан на идеологии приниженности — «историчес-

кой несправедливости», коллективной травме депортации и дискриминации, то теперь — на идеях превосходства, т.е. стал национализмом шовинистического толка. Он не утратил своей «антиимперской» формы, но дополнительно обрел идеи религиозного экстремизма и исключительности».³⁸³ Политические представления чеченских лидеров являются лишь поводом для этнической мобилизации и служат целям создания Великого Халифата (Турана), которые формируются далеко за пределами самой Чечни. «Согласно концепции радикального вайиахского мессианизма, — отмечает исследователь данной проблемы А.А. Вартумян, — историческое предназначение чеченского народа усматривается в том, что он призван зажечь «огонь свободы», повести за собой остальные кавказские народы, объединив их вокруг себя под лозунгами кровно-родственной, культурно-психологической и религиозной идентичности».^{38.1}

Поскольку современный Кавказ — регион, где в настоящее время продолжают развиваться геополитические конфликты, которые исследователи увязывают с высоким уровнем социальных противоречий в сфере национально-государственного устройства, то значимым фактором, на наш взгляд, является также то, что в данном регионе активно контактируют этносы различных социокультурных типов и различных конфессиональных ориентации (прежде всего христианства и ислама). При этом все чаще ислам рассматривается как специфическая мобилизационная идеология для кавказских народов, как важнейший фактор нового национального самосознания, как основание для создания самостоятельных государственных образований. В сложившейся после распада СССР в 1991 году общественно-политической ситуации на Кавказе «внимание наблюдателей и исследователей привлекают, прежде всего, место и роль ислама как одного из факторов, определяющих геополитическое положение во всем южном направлении внешнеполитической стратегии России».³⁸⁵

Это непростая задача для государства, пытающегося перейти от советской системы к демократии, так как в первом случае утверждается примат силы, а во втором — консенсуса. Важно, что в странах, исповедующих христианство, церковь отделена от государства, а в странах, исповедующих ислам, религиозные лидеры не мыслят себя вне политики и активно вмешиваются в ее дела и даже иногда полностью узурпируют власть. Опыт Российской Федерации, где религиозные общины удается удерживать в стороне от политических баталий, может со временем стать незаменимым для западных демократий, в частности, для стран Евросоюза, где мусульманская община растет в геометрической прогрессии, а во Франции наиболее агрессивные представители этих общин вступают в схватки с полицией.

Примечателен опыт становления европейских наций в современном значительно модернизированном облике, который зарождался в религиозно-индифферентном виде: «Не антирелигиозный и не неорелигиозный, а иррелигиозный характер Вестфальского мира

1648 г., придавший новый облик и значение европейскому нормативному порядку, создал идейное, а позднее и политическое пространство для появления и легитимного существования центра между любыми возможными противоположностями, возникавшими в лоне европейской цивилизации — религиозным фундаментализмом и секуляризмом, консерватизмом и радикализмом, космополитизмом и рационализмом, капиталом и трудом». ^{38fi} Таким образом, в Европе соглашение между католиками и протестантами впервые открыло миру то, что политика может быть не столько воспитанием и практикой добродетели граждан, а скорее технологией улаживания внутренних и внешних конфликтов, абстрагирующейся от религиозных ценностей и догматов. Политическая проблема разрешения конфликтов становилась технологической, а политическая деятельность вступила в качественно новую фазу своего развития. Таким образом, субъектом политики в Западной Европе является государство как нация.

Коллективистский этнический национализм, более свойственный государствам Ближнего и Среднего Востока, коренящийся в глубоком комплексе неполноценности, поощряющем веру в то, что уникальность нации следует искать не в ее технологических достижениях, а в духовной и морально-нравственной сущности — это национализм азиатского типа, что, надо признать, ближе к национализму чеченского типа. Поскольку в последнее время проблемы этнических противоречий и конфликтов все более актуализируются, исследователи в своих изысканиях обратили внимание на то, что «западный» и «восточный» национализмы имеют существенные типологические различия: «Первый сопутствовал буржуазным революциям и успешному процессу формирования сильных наций-государств. Второй же проявился в обществах, которые в основном не проходили данную стадию политической модернизации и идентифицировались на культурной основе». ³⁸⁷ Вместе с тем не стоит забывать, что эти процессы происходили в течение почти четырех веков на фоне бесконечных войн, сопровождавшихся насилием и порабощением одних народов другими. Например, английская революция под предводительством О. Кромвеля под знаменами протестантизма и английского национализма в 1649—1652 годах поработила Ирландию и Шотландию, значительно урезала права короля и дала широкие полномочия парламенту, что в конечном счете обеспечило промышленный переворот и переход страны к индустриальной цивилизации.

Следует обратить внимание и на следующие различия. «Природа западного национализма эндогенна: он возник вследствие успешного преодоления внутренних препятствий, мешающих суверенитету (например, политики родовой знати), его социальным субъектом было третье сословие, преимущественно буржуазия. Восточный же национализм, напротив, являлся порождением экзогенных факторов, поскольку служил обоснованием борьбы против внешне

го, чужеземного правления (турецкого, габсбургского или российско-советского)».³⁸⁸

Обращаем внимание на то, что главным носителем идей национализма, особенно в переходных процессах конца XX века, выступает интеллигенция (творческие работники, студенчество, духовенство), относящиеся преимущественно к представителям среднего класса, а пропагандируемые ими идеи находят отклик в классе малоимущих, малограмотных, но фанатично преданных своим религиозным убеждениям. Это существенным образом повлияло на то, что восточный национализм в большей степени обуславливается этническими факторами, чем его западный аналог — человеку своей национальности больше верят, чем чужаку.

В данном контексте резко повышается значение объективной рефлексии культурного статуса ислама на Кавказе в единстве с традиционными основаниями национального самосознания во всех независимых государствах на территории бывшего СССР. Напомним, что народы бывшего СССР, в том числе ныне независимые государства, более 70 лет воспитывались на идеях интернационализма, под которым отдельный индивид чаще подразумевал коллективную ответственность, независимо от этнической принадлежности. На наш взгляд, чеченский сепаратизм — это попытка этноса выйти из общества с коллективной ответственностью и создать свою особую нишу в мировом сообществе под сенью ислама.

Обстоятельство единения религии с традиционной культурой политологи рассматривают как основную причину этнического экстремизма глобального характера. При этом они подчеркивают большие потенциальные возможности мусульманских стран, их солидарность и большую целеустремленность. Так, например, профессор К.С. Гаджиев пишет: «Мусульманские страны обладают огромными экономическими и финансовыми ресурсами. За последние десятилетия они создали целый ряд правительственных и неправительственных организаций, крупнейшей из которых является Организация Исламская конференция (ОИК). Действуют Исламский банк развития, Исламский фонд развития и др. В дополнение к этому следует учесть также тот факт, что на исламский мир работает демографический фактор».³⁸⁹

Следует особо подчеркнуть природу национализма, который имеет разные интерпретации. Так, например, в западной историографии существует два типа наций — «этнические» и «гражданские». Отсюда выводятся и типы национализмов. В первом случае речь идет о восточном типе национализма, основанном на «народном духе», культуре и общем происхождении. Ему присущи идеалистические и мессианские устремления. Во втором случае можно говорить о «рациональном», «гражданском» национализме, основанном третьим условием на ценностях политического и экономического характера. Интересны в связи с этим выводы, сделанные коллегой В. Коротеевой, которая, анализируя взгляды на проблему

Р. Брубейкера, Г. Гердера, Л. Гришрльд, Х. Кона, Э. Смита, показывает базовое различие «этнических» и «гражданских» «национализмов». По предложенной ею схеме «этнический» национализм распространен в Азии. В его основе лежит замедленное экономическое развитие и связанный с этим комплекс неполноценности, который компенсируется через идеи этнической избранности, «особого пути» и мессианизма. Гражданский национализм базируется на передовом экономическом развитии, порождается свободным выбором и «предполагает моральное и политическое первенство гаццивида».³⁹⁰

Проводя исследования в этом направлении, политолог Б. Андерсон в работе «Воображаемые сообщества», определяя специфику национализма, предполагает, что «для понимания национализма следует связывать его не с принимаемыми на уровне самосознания политическими идеологиями, а с широкими культурными системами, которые ему предшествовали и из которых — а вместе с тем и в противовес которым — он появился».³⁹¹ Он утверждает, что национализм («восточный») это скорее не идеология в классическом европейском смысле, и предлагает: «На мой взгляд, все станет намного проще, если трактовать его так, как если бы он стоял в одном ряду с «родством» и «религией», а не «либерализмом» или «фашизмом».³⁹² По мнению исследователей, взгляд на этничность Б. Андерсона связан с попытками «либерального сознания» выработать собственную позицию перед лицом усиливающихся глобальных националистических тенденций. В конечном счете все это приводит к попытке отделить более приемлемые формы национализма от менее приемлемых для индивидов — носителей общечеловеческих ценностей. В свою очередь «Миф гражданской нации» порождает понятие «либерального национализма», направленное на преодоление стремления «сторонников либеральной традиции к «коллективистской» доктрине, возводящей ее национальную принадлежность в ранг основных ценностей индивида».³⁹³ Здесь необходимо подчеркнуть, что в западных социальных науках и общественном мнении в настоящее время все отчетливее проявляется тенденция к отказу от положительного восприятия «гражданского национализма».

Показателен в этой ситуации опыт Китая, где можно найти черты и «этнического», и «гражданского» национализма, и который с 1979 года показывает самые высокие в мире темпы экономического развития при сохранении политической стабильности и неуклонном росте уровня жизни населения. В этой связи заслуживает внимания точка зрения отечественного исследователя В.П. Пугачева, который пишет: «Сохраняются и даже крепнут национальная гордость китайцев, их чувство собственного достоинства, высокий престиж государства в мире. Несмотря на многонациональный состав населения (в Китае 55 этнических групп общей численностью свыше 92 млн человек, причем 15 групп с численностью свыше миллиона), страна не знает ни национальных войн, ни беженцев, обходясь при этом без массовых репрессий».³⁹⁴

Можно согласиться с мнением другого отечественного исследователя, профессора К. С. Гаджиева о том, что на Северном Кавказе «немаловажную роль в формировании нации и национальной идеи играет религия. Ирония состоит в том, что мировые религии в силу своей универсальности призваны стирать этнические, языковые, политические и иные различия между людьми и народами. Но, тем не менее, факты говорят о существовании определенной связи между религией и национальным самосознанием».³⁹⁵ Этот фактор особенно важно учитывать в прогнозах динамики религиозной жизни северокавказского региона, «религиозном потенциале» отдельных этносов и возможных конфликтных проявлениях на этой почве. В отношении этноса к религии можно заметить такой случай самосознания (одновременно и религиозного, и этнического), который в каждой данной исторической ситуации и в каждом данном месте исключает другие способы самоидентификации. «В определенных ситуациях тот или иной народ избирает этническую религию, чувствуя свое отличие от соседних народов и государств. Например, Иран сохранял свою идентичность в отношении окружающих народов и стран, сначала оставаясь приверженным зороастризму, а затем, после обращения в ислам, разработав собственную — шиитскую версию».³⁹⁶

Новые отношения между религией и этносом, которые складываются в начале XXI века, было бы методологически неверно описывать как с точки зрения традиционной западно-европейской модели, так и с точки зрения новой российской модели, находящейся в стадии формирования. Этнос на Северном Кавказе фактически стал субъектом и заложником религиозного самосознания. Надо признать, что «исламский экстремизм» и «исламский терроризм» здесь зачастую сопровождаются архаичными формами социального поведения горских народов, такими, как абречество, обычай кровной мести и другими. Все эти факторы укрепляют позиции исламизма в регионе, одновременно используя его идеологические конструкты для оправдания поведения в быту, политической практики и мобилизации верующих на экстремистские действия в тех районах, где слабо влияние традиционного ислама.

В условиях активных действий эмиссаров из-за рубежа и их сторонников на Северном Кавказе, при отсутствии контрмер со стороны местного муфтията возникает ситуация, когда, как считает отечественный исследователь И. Севостьянов, главным действующим лицом становится исламский экстремизм, сутью которого «является агрессивное мессианство конфессионально-политического толка, нацеленное на слом гражданских обществ мусульманского и сопредельного ему пространств»,³⁹⁷ и начинается внешняя экспансия в форме панисламизма, или пантюркизма, обостряется противостояние вдоль линии соприкосновения религий, в нашем случае — прежде всего ислама и христианства. Кроме того, И. Севостьянов полагает, что «исламский экстремизм обслуживает интересы радикаль

ной части исламского мира, используется клерикальными, политическими, экономическими кругами и порой государственными структурами для различного рода «разборок» на мусульманском пространстве и за его пределами».³⁹⁸ Им же выделены наиболее характерные черты исламского экстремизма, с которыми трудно не согласиться: отрицание единства глобальной цивилизации наряду с противопоставлением исламской зоны остальному миру; непримиримость к гражданскому светскому обществу и стремление к его замене исламским, устроенным по шариату; недопустимость раздельного существования религии и государства; нетерпимость к международному праву, отрицание таких его ключевых положений, как территориальная целостность, незыблемость государственных границ и т.д.; опора на методы дестабилизации обстановки ради достижения своих целей при использовании, где возможно, легальных путей к власти; готовность к союзу со всеми силами, в первую очередь, с националистами, сепаратистами и в большей мере с приверженцами социального популизма на религиозной основе.³⁹⁹ Причины возникновения этнорелигиозного экстремизма в Чеченской Республике в 90-е годы XX века, в целом на Северном Кавказе в конце XX—начале XXI века, на наш взгляд, кроются в следующих факторах:

—во-первых, стремление отдельного этноса выжить в условиях развала огромного многонационального государства и стремительного обнищания населения за счет установления единоличного контроля за добычей и продажей нефти на территории республики;

—во-вторых, доминирование в сознании отдельного этноса националистической идеологии, вдохновленной романтикой и логикой вооруженной борьбы, оказавшейся неспособной к послевоенному налаживанию жизни и бесполезной при обустройстве отношений с федеральным центром;

—в-третьих, попытка заново построить концепцию чеченской идентичности на основе ислама столкнулась с непреодолимыми препятствиями в собственном сознании и сложившейся исторической действительности.

Подтверждением последнему тезису служит то, что активизация в Чечне традиционного ислама суфийских братств происходила среди населения, которое в советское время было в значительной мере воспитанным атеистично или, по крайней мере, плохо образованным в религиозном плане. Тарикатский ислам, заключающий в себе общегуманистическое и миротворческое начало, не смог проявить себя в лидирующей и мобилизующей роли. Воинствующая мифология и враждующие между собой вооруженные группы навязали свою волю слабому и разрозненному местному муфтияту. А полевые командиры из ваххабитов тина Хаттаба вообще пытались навязать свою веру.

Возвращаясь к тревожным событиям середины 90-х годов XX века на Северном Кавказе, следует отметить, что «самым тревож

ным фактором, «консервирующим» процесс сползания страны к катастрофе, является привыкание многих людей к ненормальным условиям: к снижению уровня жизни, катастрофическому росту цен, перестрелкам на улицах, тотальной коррумпированности чиновников и милиции, к систематическому обману со стороны высших государственных руководителей, наиболее усиливающемуся перед выборами или референдумами».¹⁰⁰ Все эти факторы усиливают и будут усиливать центробежные процессы в обществе.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что исламский радикализм, проявившийся в северокавказском регионе, не является главным звеном, обуславливающим региональный сепаратизм. Однако он в существенной степени усиливает действие социокультурных и политических факторов, ведущих к дестабилизации обстановки, что в итоге вызывает своеобразный резонанс стратегии и тактики социально политического поведения и религиозно-идеологических предпочтений этносов. Действия наиболее агрессивных из них, как правило, пользующихся идеологической и финансовой поддержкой извне, нацелены на разрушение основ Российской Федерации.

2. Повседневная самоорганизация и социальная жизнь народов Северного Кавказа в период обострения этнополитической обстановки

Одним из главных достижений потерпевшей крах советской системы, на наш взгляд, является ликвидация безграмотности населения всего бывшего СССР, в результате чего вырос общий культурный уровень граждан, а взаимодействие формальных и неформальных социально-политических институтов, регулирующих жизнь каждого народа (нации) и связывающих этнические сообщества с современными социально-политическими технологиями, породило проблему взаимоотношения унификации и стандартизации форм и норм социальной жизни. Каждое этническое сообщество в период распада СССР в 1991 г. и становления демократической Российской Федерации стало претендовать на социальную исключительность, по крайней мере, в своем национально-государственном образовании. В сложившемся социальном пространстве можно выделить две формы культуры — гуманитарную и технологическую.

К технологической культуре следует отнести те формы и явления социокультурной жизни, которые могут быть стандартизированы и унифицированы, например, язык общения, правовые нормы, другие нормативные структуры, регулирующие коллективную жизнь людей, технологические системы жизнеобеспечения и т.д. К гуманитарной — те формы культуры, которые существуют в эксклюзивных, неповторимых обликах, относящихся к исключительным, нестандартным, индивидуально-неповторимым явлениям социаль-

турной жизни отдельного народа (нации).носителем таких форм культуры выступает отдельный индивид или человеческое сообщество в конкретном территориальном образовании. Вынужденное сосуществование в едином социальном пространстве гуманитарных и технологических форм культуры нередко порождает целую цепь противоречий, конфликтов и проблем, наиболее остро протекающих в условиях системного кризиса.

Смена поколений, каждое из которых основывает самоидентификацию на устном наследии и имеющейся историографии предыдущих поколений, составляет своеобразный процесс воспроизводства, который «соединяет новые ситуации с существующими состояниями жизненного мира — и как раз в семантическом измерении знаний или содержаний (культурного наследия) — так же, как и в измерениях социального пространства (социально интегрированных групп) и исторического времени (следующих друг за другом поколений). Этим процессам культурного воспроизводства, социальной интеграции и социализации соответствуют структурные компоненты жизненного мира — культура, общество и личность».¹⁰¹ В этом потоке жизни представляется разумным обращение к повседневной практике, микродинамике культуры, когда разнородное уживается вопреки теоретическим, моральным, политическим дилеммам и противоречиям и находит свое решение. Профессор Е.И. Степанов справедливо полагает, что «культурные образцы толкования ценностей и выражений служат в качестве ресурсов для достижения согласования участниками интеракции, которые вырабатывают общее определение ситуации и хотели бы в его рамках достичь консенсуса о чем-либо».⁴⁰²

В связи с тем, что порядок действий отдельных индивидов не определяется однозначно рациональными структурами, а реализуется в форме уклада повседневности, в свою очередь, характеризующейся собственными масштабами и ритмами, то такую повседневность следует рассматривать как массовое творчество, как социогенетический процесс цивилизации, включающий порядок воспитания и образования, господства и подчинения, занятости и социального обеспечения, труда и отдыха. Таким образом, «обыденного знания повседневной жизни достаточно, чтобы наладить взаимоотношения с людьми, культурными объектами, социальными институтами, т.е. с социальной реальностью».⁴⁰³

На этапе теоретического осмысления жизненного процесса повседневная обыденность все чаще рассматривается в роли тотального условия, исходной предпосылки человеческого бытия и познания, в частности. Главными становятся вопросы, связанные с исследованием состояний транзитивности, сопряженных со стагнацией, маргинализацией национально-этнического сознания и его инволюцией в сторону архаических и, казалось бы, на первый взгляд, преодоленных и изжитых форм. Устойчиво повторяющаяся повседневность может быть истолкована и как необходимость, имеющая (или пре

тедующая) на статус коренного условия человеческого бытия. Если перевести основное значение слова «повседневность» на понятийно-категориальный уровень, то получается не что иное, как универсальная основа всей культуры отдельной личности и этноса.

Само по себе телесное и общественное бытие человека представляется как необходимая предпосылка и общий элемент остальных форм этнической культуры, материальной и духовной. Необходимость анализа национально-этнических стереотипов сознания и мышления отдельных народов, их культурных установок, влияющих на предпочтения в избирательности и присвоении культурных ценностей, знаково-символических комплексов мира повседневности обусловлена стремлением к адекватному пониманию роли этнокультурной традиции в обществе. Данные размышления особенно важны, «когда анализируется национальный менталитет, менталитет этноса, который связан с процессом внебиологической передачи от поколения к поколению устоявшихся образцов поведения, различающихся по содержанию (идеи, нормы), по функциям (обычаи, обряды) и по характеру быта. Традиции (устные и письменные) являются наиболее устойчивой, стереотипной частью ментальности этноса».⁴⁰⁴ Этнические ценности и установки в совокупности с накопленным жизненным, социально-историческим и культурно-адаптивным опытом очерчивают границы народа (нации), отделяющие его от других. Так, например, к сугубо индивидуальным качествам можно отнести приверженность конкретного народа к адату (обычному праву), традиционно-этническим формам этикета, ориентированным на статусные ценности и так называемые «идеалы престижного потребления» (пиры, церемония дарения и т.д.), героизацию абречества (набеги с целью наживы и грабежа), акцентировку кровнородственных связей в ущерб социальным формам взаимодействия.⁴⁰⁵ Данное мнение, принадлежащее известному отечественному ученому-этнологу, члену-корреспонденту РАН СЛ. Арутюнову заслуживает серьезного внимания.

Особенно характерным, на наш взгляд, является определение конкретным народом своих исторических целей и осознание своего места в поликультурном мире народов, населяющих Кавказ. Представляется интересным тот факт, что процессы системной модернизации, вызванные распадом СССР и формированием принципиально нового государства — Российской Федерации на основе части бывшего советского федеративного пространства, вернуло к жизни архаические устои общества. «Историко-географическая карта Кавказа на протяжении тысячелетий, — пишет исследователь проблемы В.И. Шульженко, — это сложная мозаика мелких княжеств и феодальных владений, раздираемых династической борьбой и народными волнениями, которые нередко были вызваны недовольством населения, особенно христианского, гнетом и жестокостями турецких и персидских захватчиков».⁴⁰⁶ В дополнение к справедливому тезису В.И. Шульженко следует добавить то, что в 90-е годы

XX века в мятежной Чеченской Республике захватчиками теперь сепаратисты называли русских и знаменем в этой борьбе пытались сделать ислам.

Следует подчеркнуть, что в результате развития событий социальная структура общества постоянно усложняется, нарастает количество значимых критериев идентификации. В этой связи известный отечественный исследователь А.А. Смирнов справедливо подчеркивает: «В рамках этнических основ личной и групповой идентичности оказались востребованными многие традиционные институты, в том числе и те, функционирование которых связано с обеспечением безопасности этносоциума. Подобная безопасность имеет, как правило, вполне определенное этнотерриториальное выражение».¹⁰⁷ Возможно, подобная реакция возникла в результате наглядного разрушения стержневого для Российского государства русского народа, с которым, как было замечено, в 1994 году, т.е. к началу первой российско-чеченской войны, происходили трансформации, имеющие следующие проявления:

а) отсутствие у представителей русского народа (нации или этноса) (по крайней мере на территории Российской Федерации) развитого чувства этнической солидарности и национальго самосознания;

б) преобладание чувства региональной солидарности над русско-этнической (например, русские в Прибалтике, сибиряки, уральцы, сахалинцы и т.д.);

в) весьма слабое участие русских националистических (и национально-демократических) движений в общественно-политической жизни Российской Федерации в период становления новой демократической российской государственности;

г) отсутствие концентрации реальных интересов народа вокруг политики центра (все равно — коммунистического или демократического);

д) падение реальной управляемости общества, происходящее практически независимо от объема полномочий центра;

е) политическая тенденция к распаду евразийского начала, если не в глубинном менталитете, то хотя бы на уровне демонстративных, парадных ценностей и бытовых проявлений национально-этнических стереотипов. Так, традиционное для евразийцев недоверие к Западу (американцам, немцам, евреям и т.д.) явно сменилось фобией в отношении мусульман и лиц кавказских национальностей. Особенно заметны указанные явления для молодежной и образованной среды (т. е. для опережающих групп), что говорит о перспективе их увеличения в российском обществе;

ж) смена этнических симпатий, по-видимому, не всегда связанная с сугубо экономическими ориентациями.

Возникшие у россиян «западнофилия» и «востокофобия» сопровождаются откровенной этнической неприязнью к русским со стороны прибалтов, западных украинцев, значительной части грузин (осо

бенно «ура-патриотов» Грузии) и большим уважением со стороны восточных соседей;

з) имеющиеся наблюдения позволяют сделать вывод о наличии расхождений в этнических симпатиях и стереотипах у различных региональных групп русского народа⁰⁸

На фоне нарастающей нестабильности общества возникает потребность поиска универсальной объединяющей модели, каковой становится традиционная национально-этническая картина мира, подчеркивающая единство внутри народа в ущерб взаимосвязи сложившихся инокультурных сообществ. Проблема самоидентификации в Чеченской Республике в годы, предшествующие трагическим событиям, рассмотрена известным отечественным ученым-этнологом В.А. Тишковым, который пишет: «Уже с конца 1980-х годов местные общественеды и пропагандисты стали вносить серьезные коррективы в исторический миф и в современную чеченскую идентичность. Свой внутренний образ конструируют в обновленном варианте и простые чеченцы. Причем публичная элитная версия сначала мало отличалась от общепризнанной, но она быстро становится подверженной политике и эмоциям».⁰⁹ Обращаем внимание на то, что создание новой общности проходило на фоне соперничества двух противоположных установок. В.А. Тишков справедливо подчеркивает: «Одна — включить в число чеченцев как можно больше групп, чтобы расширить культурную мощь и географическое пространство этого народа. Другая, рожденная современным соперничеством за приватизируемые ресурсы и властный контроль, заключается в активизации и изобретении новых групповых коалиций, обычно на основе регионально-клановых (родственных) связей».⁴¹⁰ Все это указывает на специфику социальной деятельности, в которой объективируются этнопсихологические факторы, как унаследованные, так и усвоенные.

Следует подчеркнуть, что святыни, предметы верований, с одной стороны, и бытовые уклады повседневной жизни, с другой, образуют своеобразную внутреннюю социокультурную среду этнического сообщества, устойчивость которой обусловлена коллективной памятью сообщества и феноменом коллективного самоназвания и выделения среди других представителей своего народа. Динамика развития народной культуры и народного самосознания тесно связана с эволюцией фольклорных форм. В народном сознании исторический процесс, социально-политические проблемы осмысливаются в соответствии с традиционными фольклорными формами. Примечательно явление, которое А.Я. Гуревич охарактеризовал как «фольклоризацию идеологии, идеологизацию фольклора» и отметил, что в народной культуре исторические явления, сведения «легко перерабатывались механизмом коллективного восприятия по законам фольклорного сознания».⁴¹¹ Заметим, что из полученного таким образом материала «вылепливался» стереотип «героя-освободителя» в 90-е годы XX века в Чеченской Республике, образец ко

того тиражировался и доводился не только до сознания чеченского народа, но и других «порабощенных Россией» народов Северного Кавказа.

Нам представляется актуальным высказывание по этому поводу В.А. Тишкова: «Чеченский кризис породил или актуализировал богатую псевдонаучную мифологию об истории и современном облике народа, который из академических и литературно-публицистических текстов перешел в массовое сознание, в том числе и самих чеченцев. Один из таких доминирующих мифов — миф об исключительном природном свободолюбии и благородстве народа, которые он демонстрирует на протяжении всей своей истории, особенно двухвековым сопротивлением русскому колониализму».⁴¹² Как раз из-за отсутствия собственной историографии идеологи чеченских сепаратистов часто использовали в своей пропаганде образ мифологического героя, литературный характер которого создал всемирно известный писатель Л.Н. Толстой в повести «Хаджи-Мурат». При этом их несколько не смущало то, что, создавая образ полного благородства и доблести горца Хаджи-Мурата, весьма далеко от реальных образов, Толстой на самом деле писал о проблемах российского общества, проявивших себя в ходе Кавказской войны 30-х—60-х годов XIX века. Таким образом, всемирно известный писатель «подарил «образ народа» современному читающему поколению чеченцев, который в какой-то степени со временем стал частью его массового сознания».^{41:1}

Таким образом, в условиях социальной дестабилизации общества формы фольклорной культуры (собственные или заимствованные) выступают как *quinta essential* коллективного опыта поколений, и со временем отражаются в системе нормативных поведенческих и ценностных кодов, составляющих систему социокультурных идеалов народа. Этническое сознание оказывается тесно связано с мифологическим сознанием, активно используя его архетипы, символы, образы, а оттеснение народной культуры на периферию ведет не только к консервации ее традиционных символов и значений, идеалов и мифологем, но и к постоянному воспроизведению ее скрытой оппозиционности по отношению к доминирующей официальной культуре.

Для определения характеристик имеющих устойчивых социокультурных стереотипов, определяющих установки этнического сознания, представителями культурно-антропологического направления Л. Леви-Брюлем, М. Блоком и Л. Февром в науку было введено понятие «менталитет», широко используемое современными политологами, историками, социологами и многими другими специалистами. Нелишне отметить, что в первоисточнике «менталитет озна

Igninta essentia — квинтэссенция (лат. — пятая сущность, основа, самая суть чего-либо) // Советский Энциклопедический Словарь (СЭС). М.: Советская Энциклопедия, 1981. С. 571.

чал у представителей того или иного общества, трактуемого, прежде всего, как национально-этническая и социокультурная общность людей, некоего определенного общего «умственного инструментария», своего рода «психологической оснастки», которая дает им возможность по-своему воспринимать и осознавать свое природное и социальное окружение, а также самих себя». ⁴¹⁴ Менталитет имеет особые каналы трансляции, позволяющие ему передаваться из поколения в поколение, главными из которых являются фольклорные, классические, сакральные, а также типичные образцы поведения индивидов, структуры языка, предметы повседневного обихода и т.д. Со временем понятие «менталитет» стало рассматриваться в более широком смысле. Мы же предлагаем рассматривать его как наиболее устойчивую, глубинную часть сознания народа, которая менее подвержена изменениям и детерминирована в основном традицией и культурой, а не существующим социальным строем и общественными отношениями. В период вступления общества в кризисные ситуации менталитет становится одним из важнейших факторов, влияющих на поведение народа, и тогда «особого внимания заслуживают общие закономерности поведенческой презентации, а также реконструкция глубинного личностного интереса как формы проявления динамики ментальное™ в условиях современного кризисного социума». ⁴¹⁵ В интересах прогнозирования сложных конфликтных ситуаций руководству государства необходимо вести постоянный мониторинг в полинациональных государственных образованиях, в связи с этим «особо продуктивным представляется продолжение анализа поисковой стратегии, получившей в современной культурологии название «культурной инсценировки» как конструкта, удовлетворительно объясняющего быстрые, внешне немотивированные сдвиги массовых предпочтений в культурной и политической жизни как посткоммунистического, так и постиндустриального общества». ⁴¹⁶

Народная культура в кризисных условиях развития формирует, во многом опираясь на менталитет, оппозиционные федеральным властям ориентации народа, оказывающего на начальном этапе латентное сопротивление насаждаемой официальной культуре. В период нагревания чеченского кризиса в начале 90-х годов XX века в периодической печати и «в сочинениях академических романтиков постоянно присутствовали рассуждения о «невозможности горца быть без оружия», о «национальной чеченской культуре военных действий», об отсутствии традиции подчинения властям и писаному закону, о решающей роли старейшин и т.п.». ⁴¹⁷ Эту мысль продолжает исследователь А.Н. Смирнов, который, рассматривая особенности этнополитических процессов на Северном Кавказе, пишет: «На Кавказе общество издревле предъявляло высокие требования к воинским способностям мужчины, поскольку его общественное положение во многом определялось тем набором личных качеств, которые он демонстрировал в бою». ⁴¹⁸ Из подобных высказываний в период системного кризиса сложился коллективный образ чечен

кого воина — бесстрашного защитника своей родины, сильного и гуманного, хорошо знающего оружие и умеющего воевать, что мастерски было использовано лидерами и профессиональными пропагандистами сепаратистов. Отрезвляющим, на наш взгляд, представляется заключение, сделанное известным отечественным исследователем В.Л. Тишковым: «По большому счету, заявление, а тем более научно-литературная сентенция, что «все чеченцы гордые и свободолюбивые», ничем не отличается от заявления, что «все чеченцы воры и бандиты», ибо оба порождены бытовыми фантазиями и никакого отношения к научному и даже разумному восприятию действительности не имеют».⁴¹⁹

Другим важным фактором в контексте исследуемой проблемы является заложенное в цикле нартского эпоса, распространенного среди чеченцев и соседних с ними адыгских и аланского народов, различное толкование образа героя, благодаря чему они получили наименование «парт-орстхойского эпоса». Главное отличие персонажей состоит в том, что во многих вайнахских сюжетах нарты рассматриваются не как положительные, а как отрицательные герои («орстхойцы»), совершающие набеги на мирное население, которым противостоят местные герои. Вероятно, эти сюжеты отражают древние конфликты между вайнахскими и соседними адыгскими и аланскими племенами, которые являлись основными сочинителями и носителями нартского эпоса. То есть нарты представлены как основатели набеговой системы, которая широко практиковалась всеми ссвсрокавказскими народами на определенных этапах их развития и генетически не связана с межэтническими конфликтами новейшего времени, а «получила распространение задолго до складывания устойчивых этнических общностей и практически сошла на нет в условиях российского военно-политического господства. Характерно, что набеговая практика возобновляется в моменты ослабления центральной власти, теряющей контроль за ситуацией в регионе».⁴²⁰ По нашему мнению, перечисленные особенности не могут служить оправданием тезиса об исключительно воинственном характере вайнахов, сформированного на генетическом уровне и являющегося чуть ли не единственной причиной этнополитического конфликта. Примечательно другое, что «в регионе полным ходом идет возрождение дремавших во времени форм раннефеодального и предфеодального бытия»,⁴²¹ и происходит активизация и резкое обострение влияния на социокультурную жизнь народа средневековых норм жизни, средневековых семантико-символических контекстов, стереотипов, норм и канонов. К этим нормам видный отечественный ученый-этнолог, член корреспондент РАН С.А. Арутюнов относит реанимацию средневекового кодекса чести горцев, для которого характерны: особая церемониальность; формально-рыцарские нормы поведения: нетерпимость к нарушению эталонов обычного права (адата); жестокость и пренебрежение к людям, обладающим низким социальным статусом или принадлежащим к

инокультурным этносам; преклонение перед высоким социальным положением и властью; позитивная оценка насилия и грабежа; существование двойного стандарта в поведении по отношению к «своим» и «чужим»; особый пиетет к оружию и собственности и т.д.

Коренным народом Северного Кавказа свойственно то, что одной из черт, в которой воплощается их самоназвание и самовыражение, является ландшафт земли, территория, используемая каждым конкретным народом в исторических временных рамках и считающаяся своей вотчиной, где «при существенном сходстве базовых черт традиционной общественной организации и культуры, общности религии, у большинства северокавказских народов разграничение «мы — они» в этническом самосознании выливалось по преимуществу в представление о границах этнических территорий».⁴²² Таким образом, можно говорить о важной взаимосвязи между действием коллективной исторической памяти человеческих сообществ и их территориальной (географической) самоидентификацией. Эта связь важна для понимания того, что локальная история человеческих сообществ через механизмы коллективной исторической памяти сплачивает их вокруг собственного народа (нации или этноса).

Еще одним усиленно насаждаемым чеченскими сепаратистами мифом был «миф об исключительной древности чеченского народа, который черпает свои аргументы из историко-лингвистических изысканий московских и петербургских (а за ними и местных) ученых о родстве с современными вайнахскими хуррито-урартских языков, распространенных во II—I тысячелетиях до н.э. в Закавказье, восточной Малой Азии и северной Месопотамии. Пользуясь этой сентенцией, Джохар Дудаев сформулировал политический лозунг, который гласил: чеченцы как «старейший народ Кавказа» должны по праву играть роль общекавказского лидера».⁴²³ Данные процессы способствовали актуализации архаических комплексов групповой агрессии и самозащиты, возобновлению традиционного противостояния этнических групп. Заметим, что при этом нарушались процессы социальной солидаризации, механизмы социокультурной идентификации, утрачивалось ощущение принадлежности к более широкой — государственно-политической — общности. Обращаем внимание и на то, что параллельно с процессами архаизации, как правило, происходит потеря народом тех цивилизационных завоеваний, которые были для него характерны. Наступает стагнация, которая начинает рассматриваться как основное условие национально-этнической консолидации. Подобные проявления наблюдались и в Чечне с конца 80-х—90-е годы XX века и в Иране в период исламской революции 1979 года, когда у этносов формировалась иллюзия того, что архаические формы их национальной культуры составляют основу самобытности, уникальности и всемирной значимости. Народ (нация или этнос), находящийся в описываемом состоянии, как правило, начинает руководствоваться во всех своих действиях исключительно морально-нравственным комплексом, от

носящимся к традиционной национально-этнической культуре и не имеющим никакого отношения к правовым нормам современной государственной жизни. Такой подход приводит к выходу из подчинения государственно-правовым устоям, фактически разрушает современные структуры и институты государственно-правового регулирования. Призывы лидеров чеченских сепаратистов к самопожертвованию ради достижения своекорыстных целей руководства «независимой» Чеченской Республики в 90-е годы XX века под угрозой насильственного принуждения не оставляли никому из чеченцев возможности иного выбора, кроме предложенного ими. Таким образом, «важнейшим признаком состояния демодернизации можно назвать узурпацию ментального мира упрощенными и ограниченными версиями происходящего, как в прошлом, так и в настоящем».¹²⁴ С этим аргументированным выводом В.А. Тишкова трудно не согласиться.

Прочные клановые связи и сословные принципы взаимодействия, повышенная инерционность архаических форм регуляции социокультурной жизни, освященные авторитетом старшего поколения, приводят к тому, что социальная консолидация уступает место внутриэтническим связям, узко национальным приоритетам. На наш взгляд, в условиях этнополитического конфликта происходит формирование общества переходного типа, для которого характерен ряд основных признаков:

—повышенная изменчивость и неустойчивость социальной структуры ведет к быстрой маргинализации народа, к нарастанию стрессовых состояний общественного сознания и культуры в целом на фоне медленного и трудного формирования новых институтов и структур в условиях идущего системного кризиса;

—маргинализация общества, происходящая вследствие переживаемого экономического спада и связанная с утверждением нового многообразия ценностей, интересов, их относительностью, порождает так называемое «теневое поведение», разрушающее традиционные нормы и стандарты поведенческих стереотипов, что препятствует быстрому построению общей модели организации для всего социума. Маргинализация приводит к нарушению субординационных связей в обществе, к потере представлений об истинной границе власти и социальном статусе того или иного слоя общества, к отсутствию взаимопонимания между ними;

—господство многоукладное™ во многих сферах жизни неизбежно сопрягается с сильной внутрикультурной регламентацией на разных уровнях. Так, например, для вайнахов (чеченцев и ингушей) это отражается в феномене одновременного сосуществования трех систем нравственно-правового регулирования: адата (обычное право, самая ранняя архаическая система нравственно-моральной рефляции, построенная на власти авторитета); шариата (исламское «племенное» или «общинное» право); канонического нрава, источником которого является легитимный субъект (федеральный центр, своя республика).

Любой кризис государственности неизбежно вызывает девальвацию связанных с ним традиционных ценностей и активизацию архаических пластов сознания, архаических символов, которые берут на себя стабилизирующую роль в условиях нарастающего хаоса. В этих условиях начинают развиваться процессы, сопряженные с потерей критериев социального статуса каждого индивида. Таким образом, «семья и семейные связи оказываются разрушенными, сложившиеся нормы отношений меняются, мораль и психологический климат диктуются переживаемыми травмами и непереживаемыми до этого жизненными проблемами».⁴²⁵

Обращаем внимание на то, что принадлежность к этническому сообществу определяется тем, в какой мере каждый отдельный индивид усвоил традиционные уклады жизни. Следовательно, признание индивида в качестве полноправного участника этнического сообщества связано с определенными формами инициации, которые существуют в виде усвоенных всею структур повседневности, являющихся обязательным элементом коллективной самоидентификации народа, обнаруживающих себя в представлениях о справедливости (в противовес «законности»), в представлениях о правде (в противовес объективной истине), в представлениях о том, «как принято» делать то или иное.

Следует иметь в виду и то, что наряду с бытовой, структурно-повседневной самоидентификацией имеет место и духовная (миро воззреическая) само идентификация, которая также связана с действием коллективной исторической памяти. Вопрос о том, во что верить, каких ценностей придерживаться в этнических сообществах вовсе не личное дело каждого отдельного человека, а свод норм поведения, отступление от которых влечет за собой самые суровые последствия, вплоть до отчуждения. Таким образом, картина мира, развертывающаяся и закрепляющаяся в повседневном народном сознании, определяет структурную систему¹, упорядочивающую мир при помощи принятой иерархии ценностей. При этом отбор куль турных установлений и делает культуру того или иного народа тем, чем она является. Система установлений данной культуры обратно влияет на избирательность восприятия, на отбор символов и значений, на характер отношения народа к миру, на отношение к «чужой» культуре, на выбор культурно обусловленных образцов поведения. С одной стороны, это выработка различных социальных институтов (например, национальное собрание — прототип современного парламента, социальная иерархия; народная дипломатия, братские и сестринские союзы, культ гостеприимства и неприкосновенности гостя, уважение к собственности и т.д.). С другой стороны, существует феномен фетишистских форм национального самосознания (приверженность национальному¹ идеалу и идеальному типу представителя народа), позволяющие сохранить национально-культурную идентичность, вырабатывать механизмы, герметизирующие этнические смыслы существования вайнахов и их достаточно жесткое и сугубо избирательное отношение к иной, прежде всего рус

ской, культуре. При этом существование адаптационных механизмов в народной культуре придает особое значение изучению тех ценностных ориентации, которые отражают глубинные и почти неосознаваемые стереотипы, модели восприятия мира, пространства, времени, человека и способов его деятельности. Данные стереотипы оказывают в кризисных ситуациях особенно значимое влияние на мотивы, ожидания, формы и способы деятельности народа. Заметим, что для вайнахского этнокультурного самосознания некоторые общероссийские стандарты остались неприемлемыми, несмотря на долгие годы совместного проживания в составе Российской империи, СССР и современной Российской Федерации. За пределами же бытовой повседневности (в общественно-политическом устройстве, правовой системе, профессиональной культуре, науке, информации и т.д.) общероссийские культурные ценности занимают достаточно значительное место.

Достигнутые в начале XXI века обоюдными усилиями федерального центра в лице В. В. Путина и главы Чеченской Республики Р.А. Кадырова сложное сосуществование и своеобразный культурный и политико-правовой диалог должны поддерживаться как наиболее оптимальные и имеющие тенденцию к улучшению положения в данном регионе Российской Федерации.

В ходе исследования социокультурного измерения этнополитической дестабилизации на Северном Кавказе в 90-е годы XX века и в начале XXI века можно сделать следующие выводы:

—современные структуры повседневности опираются на новый порядок, который не отражается в какой-либо универсальной понятийной, ценностной или идеологической системе, и не диктуется из единого центра, а осуществляется на местах, предопределяя образ человека, представления о нем, о его месте и роли в мире, а также парадигму его действий в принятой культурной системе ценностных координат. В целом это явление можно определить как позитивное начало регионального самоуправления, способного при наличии взаимопонимания с центром дать положительные результаты в государственном масштабе;

—северокавказский «этнический» национализм следует определить как феномен, стоящий в одном ряду с «родством» и «религией», а не связывать его с принимаемыми на уровне самосознания политическими идеологиями и культурными системами, которые ему предшествовали и из которых (и в противовес которым) он появился;

—необходимо учитывать, насколько формирующиеся новые институты власти и нормы их функционирования коррелируют с политической традицией соответствующего народа, поскольку отношения власти и влияния, господства и подчинения между управляющими и управляемыми, властвующими и подвластными связаны всегда с контролем и распределением определенных ресурсов, обновляющихся на доминирующей в данной культуре системе норм и ценностей.

3. Международное право о борьбе с терроризмом

В современной отечественной науке, лишенной идеологических штампов и политической ангажированности, есть возможность проанализировать процесс становления международной правовой системы, посвященной борьбе с терроризмом во всех его проявлениях. Мы полагаем начать эту работу с того момента, когда молодые люди, решившие посвятить свою жизнь юридической практике, открывают для себя основы этой деятельности. В современных вузовских учебниках этой проблеме посвящено меньше четырех страниц, на которых указано, что слово «терроризм» упоминается только в конвенциях, принятых в последние годы, а в более ранних документах выражено содержание актов, имеющих по сути своей террористический характер, или дана квалификация этого деяния, как, например: «в Международной конвенции о борьбе с захватом заложников 1979 г. акты захвата заложников рассматриваются как проявление международного терроризма».¹²¹⁵ В Международной конвенции по борьбе с финансированием терроризма 1999 г. (ст.2) указан состав преступления терроризма, который образуют: «Во-первых, деяния, представляющие собой преступления согласно сфере применения одного из перечисленных антитеррористических договоров и содержащемуся в нем определению, а во-вторых, любые другие деяния, направленные на то, чтобы вызвать смерть гражданского лица или другого лица, не принимающего активного участия в военных действиях в ситуации вооруженного конфликта, или причинить ему тяжкое телесное повреждение, когда цель такого деяния заключается в том, чтобы запугать население или заставить правительство или международную организацию совершить какое-либо действие или воздержаться от его совершения».¹²⁷ Попытка совершения указанных деяний также рассматривается как преступление.

Приведенная здесь квалификация терроризма, упомянутая в Шанхайской конвенции о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом (ст.1), по мнению юристов, обладает тем перечнем наиболее общих признаков, которые могут быть положены в основу универсального определения терроризма, что в последнее время является главной темой согласования проекта Всеобъемлющей конвенции о международном терроризме, проводящегося на межгосударственном уровне. Необходимость принятия этого документа возникла сразу же после атаки террористов-смертников на здания Нью-Йоркского торгового центра 11 сентября 2001 года, когда всему миру вдруг стало ясно, что на смену холодной войне пришла война с террористами. До этого трагического события долгое время международное право считалось правом, регулирующим отношения между государствами. Заметим, что в международной жизни ООН, ЕС и ряд неправительственных организаций пытаются оказывать все большее влияние на формирование международ

ных норм и на процессы их применения, но эта работа не затрагивала спектр проблем, связанных с противодействием терроризму, исходящему от индивидов разных национальностей, представителей разных государств, но действующих сообща ради достижения бщей антигуманной цели. В некоторых государствах уже сейчас ■уществует законодательство, позволяющее привлекать к ответственности за нарушения международного права юридических лиц и рупные многонациональные группы, действующие на транснациональном уровне. Стало очевидным, что «традиционная теория субъекности», которая основывается на «абстрактной и общей способности субъекта иметь международные права и обязанности, должна быть ересмотрсна с точки зрения менее формального подхода, направленного на выявление действительного участия в механизмах создания, утверждения и пополнения права» (с. 429).¹¹¹ Следовательно, необходимо пересмотреть статус и состав участников современных международных юридических отношений и определить — на кого обращена та или иная норма и кто должен отвечать за ее возможные нарушения. Этот процесс ведет к постепенному разрушению «государственной парадигмы» и к более эффективной реализации ценностей, содержащихся в существующих нормах.

Данные рассуждения имеют не только теоретическую, но и практическую значимость, особенно при попытке квалифицировать нападения 11 сентября 2001 года на Нью-Йоркский торговый центр. Тогда с самого начала заговорили не о террористическом акте, а о вооруженном нападении» неизвестных лиц. Применение данного выражения — это не проблема терминологии. Заметим, что в международной практике традиционно считается, что вооруженное нападение — это использование вооруженных сил одним государством против другого, а террористическое нападение — это преступный акт группы вооруженных террористов против гражданского населения с целью посеять в нем страх и панику. Нет сомнения в том, что эффект террористической атаки на Всемирный торговый центр 11 сентября 2001 года сопоставим с эффектом вооруженного нападения [ия профессионально подготовленных военных, и поэтому «не случайно было принято решение ответить с использованием средств, которые по международному праву традиционно применяются в ответ на вооруженное нападение как легитимная индивидуальная и коллективная оборона».^{112,1} Тот факт, что в нападении участвовала не профессиональная армия враждебного государства, а группа отдельных индивидов из преступной организации, располагающей огромными человеческими и финансовыми ресурсами, говорит том, что теперь «не только государства могут совершать действия, рождающие целостности другого государства. В число акторов международных отношений следует включать и террористические группы, действующие на транснациональном уровне»/³⁰ Согласно уставу Международного суда совершенное деяние — преступление против человечности, которое следует считать преднамеренным убий

ством, равно как и любой аналогичный бесчеловечный акт, который преднамеренно направлен на нанесение жертве тяжелого физического или морального ущерба, «если этот акт по замыслу является частью массированной или организованной атаки против гражданского населения».⁴³¹

По мнению зарубежных авторов, одним из главных направлений борьбы с террористическими организациями станет предание суду и уголовное наказание всех лиц, замешанных в террористических актах. При этом вовсе не предполагается, «что у всех государств есть воля или возможность уголовного преследования террористов, находящихся на их территории. Реальное исполнение этого обеспечивается международным правом и обусловлено не только политической волей отдельных государств, но и наличием в государстве особых уголовных обвинительных норм, которые позволили бы судебным органам возбуждать дела против лиц, ответственных за подобные преступления».⁴³² И в этом кроется главная проблема, так как международный терроризм все отчетливее носит исламскую направленность, а в государствах, где эта религиозная составляющая является важным идеологическим и законодательным звеном, сомнительно проявление твердой воли по поимке и преданию суду «героев джихада». Так, например, ООН и особенно Совет безопасности ООН (СБ) не первый год занимаются проблемой терроризма. Совсем недавно Совет Безопасности определил, что терроризм является «угрозой нарушения мира и международной безопасности, и присвоил себе право принимать обязывающие решения, предусмотренные в гл. VII Устава ООН».⁴³³ Действуя в духе декларированных установок, Совет Безопасности ООН обязал Ливию передать двух ливийских граждан, обвинявшихся в организации террористического акта, связанного с покушением на самолет компании ПанАм, странам, которые собирались предать последних суду (1992).

В 1993 году Совет Безопасности ООН принял решение о санкциях против Ливии в ответ на ее отказ выполнять его резолюцию. Потом были введены санкции против Судана, подозреваемого в вероятной поддержке международного терроризма и за отказ выдать лиц, обвинявшихся в соучастии в покушении на президента Египта Хосни Мубарака в 1995 г. Еще до принятия резолюции 1373 в 2001 г., Афганистан стал объектом санкций со стороны Совета Безопасности ООН, наложенных на него в связи с обвинением в поддержке правящим в государстве правительством талибов международных террористических организаций, действующих в различных уголках мира. В двух последующих резолюциях (1999 и 2000 гг.) Совет Безопасности ООН обязал Афганистан выдать главаря исламских экстремистов Усама бен-Ладена, закрыть в стране все лагеря по подготовке террористов и полностью прекратить их всестороннюю поддержку. Эти санкции были выражены в форме эмбарго на поставки вооружения и оказания военной помощи, прекращения воз

душного сообщения с Афганистаном и разрыва дипломатических отношений. По нашему мнению, в этих и подобных им государствах всегда будут находиться люди во властных и силовых структурах, разделяющие взгляды и убеждения своих воинственных единоверцев и тайно или явно поддерживающие их деятельность. Заметим, что сразу же после нападения на Всемирный торговый центр в сентябре 2001 г. только Европейская комиссия предложила Европейскому Совету принять решение и в соответствии со сложившейся ситуацией гармонизировать законодательства путем введения в них особых обвинительных норм в отношении террористических актов.

На сегодняшний день существует ряд неписанных норм и соглашений по отдельным проявлениям терроризма (например, Римская конвенция 1988 г., заключенная после захвата судна «Акилле Лау-ро» палестинцами-экстремистами). К сожалению, международному сообществу до сих пор так и не удалось заключить совместный договор о борьбе с террористической деятельностью. Главным препятствием в этом процессе стали национально-освободительные движения в развивающихся странах, ведущие борьбу за самоопределение и независимость против колониального или иностранного господства, что само по себе является пережитком эпохи крушения мировой колониальной системы и времен холодной войны. Специфика самого крупного теракта 11 сентября 2001 г. все же позволяет использовать ряд положений, содержащихся в Гаагской конвенции 1970 г. о запрете захватов самолетов, а также Токийской конвенции 1963 г. о преступлениях, совершенных на борту воздушного судна, и Монреальской конвенции о предотвращении незаконных актов, нарушающих безопасность воздушного сообщения, где сказано, что государства обязаны возбудить судебное дело или экстрадировать преступников и их сообщников. Но эти документы оговаривают ситуации, связанные с угоном воздушного судна, а не с событиями, произошедшими на борту, что в итоге составляет лишь часть преступного деяния, связанного с атакой на Всемирный торговый центр.

Но Конвенции Генеральной Ассамблеи ООН 1997 г. о предотвращении террористических актов с использованием взрывчатых веществ, недавно вошедшей в силу, которая квалифицирует как террористический «преднамеренный и незаконный акт с использованием взрывного устройства против общественных зданий с целью причинить смерть или серьезный физический ущерб людям»,⁴³⁴ применительно к рассматриваемому конкретному случаю дает возможность охарактеризовать его только как террористический акт и ни как иначе. Вызывает недоумение, что США еще не ратифицировали эту конвенцию и, следовательно, не могут использовать ее в отношении государств-контрагентов. Специалисты считают, что после ратификации большинством государств данная конвенция станет весьма эффективной, так как она обяжет все присоединившиеся страны сотрудничать в судебной и следственной областях.

Военные действия в Афганистане, где до настоящего времени страны блока НАТО пытаются установить порядок западного образца, ставят перед мировым сообществом проблему ответственности государств, оказывающих поддержку терроризму. Эта страна не выполнила требований ряда резолюций Совета Безопасности ООН и как член ООН, который должен в соответствии с Уставом подчиняться указаниям Совета Безопасности, несет ответственность за содеянное. В общем виде ответственность может проявиться и иным образом, в частности, по норме обычного международного права, которая обязывает государство препятствовать и подавлять на своей территории деятельность отдельных лиц или организаций, направленную на нанесение ущерба безопасности других государств. Афганистан не выполнил этих обязательств, но его ответственность была бы более очевидной, если бы удалось доказать, что Усама бен Ладен и его преступная группировка действовали по приказу правительства талибов. Заметим, что данный критерий «использовался в недавней практике для возложения ответственности за криминальное поведение военизированных группировок на те государства, которые имели с ними органические связи».³⁵ И если предположить, что удастся доказать вину того или иного государства в поддержке террористов, то еще не ясен вопрос, какие меры воздействия на это государство могут быть применены мировым сообществом. Будет ли считаться в этом случае легитимным использование вооруженных сил, применение экономических и иных санкций и т.д. Примером незаконного использования вооруженных сил в подобной ситуации является нападение израильских коммандос на штаб Организации освобождения Палестины в Тунисе в 1985 г., получившее резкое осуждение Совета Безопасности ООН, когда почти все его члены (при воздержавшихся США) квалифицировали израильский рейд как нарушение суверенитета Туниса и принципов Устава ООН.

Нельзя сравнить масштабы нападения террористов 11 сентября 2001 года на США с террористическими акциями, вынудившими Израиль на вооруженные репрессии на территории Туниса — они гораздо более значительны. Но следует учесть, что одностороннее использование вооруженной силы, согласно Уставу ООН и общему международному праву, оказывается запрещенным деянием, за исключением случаев легитимной обороны. Именно этот аргумент использовался представителями США и Великобритании в Совете Безопасности ООН для оправдания вооруженного вмешательства в Афганистане. Юридический прецедент состоит в том, что, если доказано вооруженное нападение террористов на США, то последующую вооруженную реакцию можно квалифицировать как меры по легитимной индивидуальной и коллективной обороне.

По мнению американского исследователя-юриста Р.Хиггинса, решение проблемы терроризма лежит в финансовой области, когда в основу антитеррористической политики правительств удастся поставить две главные цели: 1) сокращение выгод, на которые расчи

тывали террористы; 2) увеличение их затрат на акцию по сравнению с предполагавшимися. Для достижения этого можно установить жесткий контроль над распространением новостей или потребовать самодисциплины от всех СМИ. Однако в западных демократиях эти меры до сих пор наталкиваются на правовые, институциональные и административные ограничения и находятся в зависимости от изменчивости общественного мнения. В своей статье «Борьба с терроризмом как часть общего международного права» Р. Хиггинс пишет, что хотя борьба с терроризмом ведется преимущественно вне ООН, но именно в этой организации сформировались многие институциональные механизмы, которыми в настоящее время располагает международное сообщество. Хиггинс также считает, что «терроризм не является отдельной отраслью международного права с собственными самостоятельными правовыми нормами. Это скорее отвратительное современное явление, которое ставит сложные правовые проблемы и позволяет рассмотреть те меры, которые предпринимает ООН для решения этих проблем».⁴³⁶

В 1972 г. Генеральная Ассамблея ООН создала Комитет по терроризму, в котором сразу же обнаружилась разногласия. Одни считали, что терроризм характеризуется определенными типами действий. Другие утверждали, что главное в определении этого явления — запрещенные цели. Третьи же во главу угла ставили вопрос о том, является ли исполнитель преступником. Деяния, связанные с захватом заложников, воздушное пиратство, диверсию, убийство, угрозу, взрывы или обстрелы одни считали террористическими актами, в то время как другие, при определенных обстоятельствах (военные действия и т.д.) таковыми их не считали. Из всего этого следует, что терроризм не может определяться только по деяниям и только по целям.

Следует подчеркнуть, что ключевую роль в определении терроризма играют намерения или мотивы действующих лиц. Как правило, своими действиями они стремятся вызвать страх и панику среди населения и таким образом достичь поставленных задач. Вместе с тем, угрозы некоторых западных стран в адрес отдельных лидеров государств (например, Ирака во времена правления Саддама Хусейна или Ливии) вряд ли можно квалифицировать как террористические действия. Ракетные обстрелы одного государства другим с целью принудить его действовать определенным образом сегодня не считаются терроризмом, в то время как ракеты, выпущенные отдельным лицом, склонны назвать террористическим актом. До сих пор не удается достичь соглашения в мировом сообществе о разграничении понятий терроризм и борьба за национальное освобождение. Некоторые страны (например, Израиль) считают, что это приведет к появлению «разрешенного» и «запрещенного» терроризма. А другие (например, Норвегия) убеждены, что такой подход ведет к оправданию в некоторых случаях террористических акций. Согласно этих точек зрения, «методы и цель определяют

ний терроризма. Во-вторых, при обязательности применения принципа *aut dedere aut iudicare* (либо выдать, либо судить) и, в-третьих, если государства проявят политическую волю преодолеть «излишнюю осмотрительность», дипломатические расчеты и спекуляции. Кроме того, политические дебаты следует вести главным образом на уровне международного сообщества, ибо оно располагает различными средствами воздействия через ООН или региональные организации».¹⁴

Анализируя данную глобальную проблему, необходимо, на наш взгляд, подробнее рассмотреть возможности, которыми располагает ООН для решения указанных задач. В принятой 28 сентября 2001 г. Генеральной Ассамблеей ООН резолюции 1373 о сотрудничестве мирового сообщества в борьбе против терроризма содержится ссылка на принцип международного права, согласно которому любое государство обязано воздерживаться от организации, подстрекательства, помощи или участия в террористических действиях в других государствах. Государство не должно молчаливо терпеть на своей территории деятельность, направленную на свершение актов терроризма. Важность этой ссылки состоит в том, что она напрямую связана с запретом на угрозу применения силы или ее применение, содержащемся в ст. 2 параграфа 4 Устава ООН и в ряде деклараций Генеральной Ассамблеи (1970 и 1974 гг.). Запрет означает долг любого государства воздерживаться от организации, подстрекательства, помощи или участия в террористических актах на территории других государств или проявлять терпимость к свершению террористических действий, в противном случае они означают угрозу или использование силы против данного государства. Таким образом, резолюция 1373 окончательно подтвердила тенденцию Совета Безопасности ООН рассматривать акты терроризма как прямые и однозначные нарушения Устава ООН. Эти тенденции проявились в резолюциях 784 и 1189, принятых по событиям в Ливии, Кении и Танзании. Совет Безопасности ООН, исходя из главы VII Устава, может проголосовать за применение санкций или может разрешить государствам членам ООН предпринять против нарушителей принудительные меры.

В случае, если Совет Безопасности ООН квалифицирует по ст. 39 акт международного терроризма как угрозу миру, что позволяет предпринимать более серьезные адекватные меры, например содержащиеся в ст. 41 и 42 Устава ООН. Так, например, в 1992 году Совет Безопасности ООН одобрил ограниченные санкции (*short of war*) против Ливии, где в резолюции 748 (1992) от 31 марта 1992 года наряду с дипломатическими шагами всем государствам предписывалось запретить «предоставление Ливии их гражданами или с их территории оружия и связанных с ним материальных средств любого рода, в том числе продажу или передачу оружия и боеприпасов, военных транспортных средств и военной техники, снаряжения военизированной

полицейские и запасные части для вышеназванных средств, а также предоставление любых типов оборудования, осуществление поставок и выдачу лицензий, связанных с производством или обслуживанием вышеупомянутых средств»,⁴⁴² а также прием и обслуживание авиарейсов ливийских авиакомпаний, другие запретительные меры. Теперь же резолюция 1373 требует ведения антитеррористической борьбы с применением любых средств, включая использование вооруженных сил, поскольку действия террористов угрожают не отдельному индивиду или группе, а миру и безопасности целых государств, когда «опасная ситуация необязательно возникает в результате межгосударственного конфликта, но может стать результатом поведения отдельных индивидов, как это имеет место в террористических актах»⁴⁴³

Обращаем внимание на то, что впервые в современном международном праве Совет Безопасности ООН сформулировал «наличие обязательства сотрудничества» для пресечения терроризма в резолюции 784 от 31 марта 1992 г., предусматривавшей экономические санкции против Ливии. Однако в этом документе существовала и некоторая неопределенность относительно позитивного характера данного обязательства. В настоящее время общность мнения государств мирового сообщества относительно обязательности сотрудничества окончательно упрочилась, принимается и толкуется всеми однозначно.

Следует также подчеркнуть, что в упомянутой резолюции 1373 имеется перечень специфических обязательств, которые представляют собой необходимое условие сотрудничества в борьбе против террора. К ним относятся «обязательство препятствовать финансированию терроризма, накладывать арест на имущество, фонды и финансово-экономические ресурсы физических и юридических лиц, вовлеченных в террористическую деятельность, отказывать им в предоставлении убежища, применять уголовное право и строго наказывать за преступления террористического характера и т.д.»⁴⁴⁴ Но что еще более важно — ООН выдвинула борьбу с терроризмом на первое место среди прочих проблем и создала специальный комитет для контроля эффективного выполнения этой резолюции. Комитет уже несколько лет функционирует, и члены ООН регулярно направляют ему доклады о происшедших событиях и принятых на национальном уровне антитеррористических мерах.

Все это, безусловно, важные и своевременные меры. Однако нельзя не сказать и о сомнениях, вызванных применением силы под прикрытием резолюций ООН, выработанных при решении вопросов по противодействию терроризму. Речь идет об операции США в Афганистане, которую, по мнению некоторых политологов и юристов, нельзя считать законным оборонительным ответом на теракт в Нью-Йорке 11 сентября 2001 года. Однако здесь не принято во внимание тот факт, что его совершили отдельные представители исламских экстремистов, а не исламские государства, и поэтому трудно

сравнивать подобные акты с вооруженными действиями одной страны против другой по существующему международному} праву. *Сама операция в Афганистане, с одной стороны, скорее исключение из запрета угрозы и применения силы, следующего из Устава ООН, а с другой — реализация права на легитимную индивидуальную или коллективную оборону.* Фактически Совет Безопасности ООН в своих резолюциях отождествил массовое убийство нескольких тысяч человек во Всемирном торговом центре в 2001 году с вооруженным нападением другого государства. Поэтому, оправдывая свое вторжение в Афганистан, США и Великобритания в письме в Совет Безопасности ООН от 7 октября 2001 г. ссылались на ст. 51 Устава ООН.

Заметим, что в международной практике произошло расширение понятия легитимной обороны, ввиду явной и непосредственной необходимости отразить действительную агрессию. И эта тенденция в международном праве существует уже несколько десятков лет в виде американской «практики легитимной превентивной обороны с применением силы с целью предупредить новые акты агрессии».^{1,13} Это и воздушные бомбардировки США Ливии в 1986 году в ответ за взрыв пассажирского самолета, и ракетные обстрелы Судана и Афганистана в 1998 году как возмездие за взрывы посольств США в Найроби и Дар-эс-Саламе. По логике приведенной последовательности, следующей бомбардировке могут подвергнуться другие страны, в которых действует Аль-Каида (Аль-Каеда, Аль-Кайда, арабск. — «основа»). А их более чем 60 стран. Ссылка на положение о легитимной обороне является неверной, так как военная акция в Афганистане, проводимая США в ответ на теракт 11 сентября 2001 г., носит специфический характер из-за отсутствия возможности воздействий на непосредственных организаторов.

Принимая резолюции, ООН признала, что акт 11 сентября 2001 года в Нью-Йорке являлся не действиями частных лиц, объединившихся в террористическую организацию, а нападением со стороны некоего государства, которое не было открыто упомянуто. Несмотря на это, и ООН, и государство, подвергшееся нападению, «с самого начала признали наличие тесной и неразрывной связи между группой участников покушения, террористической организацией, членами которой они являлись, и правительством талибов»,⁶ находящимся у власти в упомянутый период. Истории известен подобный случай, послуживший поводом к первой мировой войне, когда в 1914 г. Австро-Венгрия возложила вину за убийство эрцгерцога Франца Фердинанда на сербское государство, хотя совершил его террорист-одиночка Гаврило Принцип. Ни у кого не вызывает сомнения тот факт, что нынешнее военное вмешательство США в Афганистане имеет своей целью не только разгром баз террористов, но и уничтожение государственного аппарата, возглавляемого талибами (талибан — арабск. таНЬ, ищущий знания; с 1992 года фундаменталистское исламское движение в Афганистане). Поэтому

конфликт принял форму настоящей войны в духе предсказаний С.Хантингтона в его работе «Столкновение цивилизаций» — между государством воинственных талибов и западными странами и их афганскими союзниками. А это, в свою очередь, делает необходимым применение правил ведения военных действий и соблюдения положений гуманитарного права.

Следует признать «структурой де-факто» слияние террористов организации Аль-Каида с аппаратом правительства талибов, симбиоз между которыми был отмечен еще в 1996 г. С того времени эта организация стала оказывать финансовую и военную поддержку афганскому правительству в обмен на право использовать территорию Афганистана для организации торговли наркотиками, создания баз по подготовке террористов и террористических действий против других государств. Фактически Аль-Каида и правительство талибов стали действовать заодно, поддерживая и прикрывая друг друга. Талибан все это время упорно отказывался сотрудничать с ООН и международным сообществом в борьбе против террористов, действовавших на территории Афганистана и с его территории в других странах. Талибан полностью игнорировал решения Совета Безопасности ООН, принятые в 1996, 1998 и 1999 гг. Угрозы применения санкций против него за такую позицию были подчеркнуты в резолюции Совета Безопасности 1333, принятой в 2000 г. В ней выдвигалось требование ООН к правительству талибов в Афганистане закрыть все лагеря по подготовке террористов и начать сотрудничество по борьбе с терроризмом, оставленные без внимания, как и все предыдущие. После атак террористов в Нью-Йорке 11 сентября 2001 г. ультиматум президента США Джорджа Буша не был чем-то принципиально новым. В нем также содержались требования закрыть лагеря террористов, выдать руководителей Аль-Каиды и возвратить в свои страны всех иностранных граждан, находившихся в Афганистане. В этом документе Джордж Буш не сделал различия между террористами Аль-Каиды и органами талибского правительства в Афганистане. Однако подчеркнул, что лица, готовившие террористические акты 11 сентября 2001 года в Нью-Йорке, независимо от их положения в обществе, будут отвечать за свои преступления персонально. Заметим, что совершенные в городах США в 2001 году преступления унесли жизни многих людей и относятся к преступлениям особой тяжести. Они должны преследоваться не только по внутренним законам государств международного сообщества, особенно государств, на территории которых были совершены подобные преступления, но и по международному праву.

Следует особо подчеркнуть, что квалификация актов терроризма как международных преступлений до сих пор не имеет однозначного решения ввиду того, что деяния подобного рода зачастую рассматривались как «преступления, определенные договором» (treaty crimes), то есть преступления, определенные отдельными договорами, направленными на прекращение различающихся меж

ду собой конкретных действий. По всей совокупности они должны быть определены, на наш взгляд, как преступления против мира, или как военные преступления и преступления против человечества, что позволит отнести их к сфере компетенции международных трибуналов, основные положения которых содержатся в резолюциях 827(1993 г.) и 955 (1994 г.) Совета Безопасности ООН и Международного суда (1998 г.).

Договоры, по которым терроризм рассматривается как преступление, или как «преступление, определенное договором» (*treaty crime*), на сегодняшний день многочисленны, но несводимы к единому целому. Это положение прослеживается от Токийской (1963 г.), Гаагской (1970 г.) и Монреальской (1971 г.) конвенций о воздушном терроризме вплоть до Конвенции о захвате заложников (1979 г.), а также от Конвенции о морском терроризме (1988 г.) до Нью-Йоркской конвенции о борьбе с терроризмом (1997 г.) и о мерах против финансирования терроризма (1999 г.). Такое положение способствует тому, что до сегодняшнего дня ни Международный суд, чья юрисдикция будет лишь дополнять юрисдикцию государств международного сообщества, ни международные уголовные суды, созданные Советом Безопасности ООН для бывшей Югославии и Руанды, не могут судить Усаму бен-Ладена и других руководителей террористической организации Аль-Каида и режима талибов в Афганистане. Чтобы сделать возможным суд над террористами, Совет Безопасности ООН «должен изменить статут судов *ad hoc*, распространяя юрисдикцию на акты терроризма, совершенные 11 сентября 2001 г. в Нью-Йорке, или же создать третий суд *ad hoc* с аналогичной компетенцией». ⁴⁴⁷ Но эта идея явно проигрышна, так как не решает проблему в целом, а ведет лишь к увеличению числа создаваемых постфактум специализированных судов на каждый отдельный случай. Чтобы избежать этой череды создаваемых постфактум судов, на конференции в Риме было принято решение исключить преступления терроризма из юрисдикции Международного суда. Было бы идеально, «если бы Международный суд, после ввода в действие его устава, смог бы судить преступников, совершивших покушения 11 сентября 2001 года в Нью-Йорке, за преступления против человечества». ⁴⁴⁸ Обращаем внимание на то, что на данный момент реализация этой идеи сталкивается с двумя проблемами: 1) ограниченность юрисдикции Международного суда; 2) в его уставе терроризм не определен как «преступление против человечества». Это, в свою очередь, с учетом принципа дополнения, которого будет придерживаться Международный суд в своих действиях, ставит любое государство в двусмысленное положение, когда оно не хочет или не может судить преступников и вынуждено действовать по аналогии, что всегда исключается в уголовном праве и заводит процесс в тупик.

Чтобы устранить возникшую двусмысленность, необходимо, по нашему убеждению, согласовать на международном уровне единое

определение терроризма как преступления, преодолеть все существующие политические препятствия, определить составляющие его элементы, «принимая во внимание, что приравнение терроризма к преступлениям против человечества не позволит подчеркнуть специфический характер этого преступления, имеющего целью посеять панику среди гражданского населения и разрушить ценности, на которых основываются демократические общества»¹¹⁹

Обращаем внимание на то, что в последнее время выдвигается много различных предложений по юридической практике терроризма, но наиболее приемлемым и уместным с юридической точки зрения, относительно атаки на Всемирный торговый центр в 2001 году, была бы передача задержанных преступников американской федеральной судебной системе (это уже имело место при осуждении окружным судом штата Вирджиния Захарии Массауи, обвиненного в причастности к нападениям 11 сентября 2001 года). Но предложения о создании военных трибуналов вполне обоснованно вызывают значительные опасения мирового сообщества относительно сохранения основных прав и свобод человека. Это подтверждает расследование, проведенное сначала американскими журналистами, а затем и официальными властями в тюрьме АбуГрейб по факту вопиющих нарушений в содержании и издевательствах над заключенными со стороны американских военнослужащих.

Существуют и такие предложения, как передача Усамы бен-Ладена и других лидеров Аль-Каиды в руки американского правосудия, но с условием, чтобы суд состоялся в каком-либо третьем государстве. Для достижения этого сначала необходимо добиться, чтобы заинтересованные государства, включая те, на территории которых будут схвачены террористы, согласились бы принять все меры для проведения такого процесса на их территории и внесли необходимые изменения в собственное уголовное право. Также необходимо заключить соглашение между государством, которое будет вершить суд, и государством, в котором будет вестись процесс. При этом надлежит помнить, что право и правосудие только тогда окончательно смогут победить террор, когда они будут последовательно опираться в своей деятельности на силу и понимание всех стран мирового сообщества.

В контексте рассматриваемого вопроса, на наш взгляд, нелишне будет ознакомиться с тактическими приемами и методами борьбы с этим социальным явлением единственной оставшейся в мире супердержавы Соединенных Штатов Америки накануне трагических событий 2001 года, освещенными в ежегодном докладе о терроризме «Модели терроризма: 1999», изданном государственным департаментом США. Общеизвестно, что терроризм — явление не новое, которое в современных условиях, из-за исчезновения Варшавского договора, распада Советского Союза и социалистического содружества, войны в Персидском заливе, распространения во всем мире демократии, в том числе и через кровопролитные войны, развязан-

ные США в некоторых странах Европы и Азии, свободы передвижения, ассоциаций и слова, получило благоприятную обстановку для своего распространения по всему миру. В короткие сроки всем стало понятно, что терроризм является реальной угрозой не только отдельным странам, но и всему международному сообществу. Из-за развала устоявшихся политических, экономических отношений между государствами террористы получили широкие возможности по добыванию денег, оружия, по объединению отдельных своих организаций и почти беспрепятственному преодолению межгосударственных границ. В начале XXI века стала очевидна возможность приобретения террористами оружия массового уничтожения.

В докладе о терроризме «Модели терроризма: 1999» отмечено, что, как правило, численность террористических групп невелика и борются они против правительств отдельных государств, решая своими действиями основную задачу — создание угрозы тем, кого они считают угнетателями, врагами или препятствием для достижения своих целей. У всех террористов общая тактика — похищение людей, взятие заложников, убийства, поджоги, взрывы, диверсии и другие методы, заимствованные по большей части у спецподразделений регулярных армий. Но необходимо отметить, что насилие для них не является самоцелью. Главное — это получение психологических, а не практических результатов. Предполагается своими действиями создать чувство неуверенности в способности существующей власти контролировать ситуацию в стране, вызвать постоянное чувство страха у народа и правительства. В конечном счете такое положение должно привести, по логике вдохновителей террора, к изменению поведенческих моделей в обществе и разрушению структуры его управления. По мнению американских исследователей проблемы, центр международного терроризма переместился с Ближнего и Среднего Востока в Южную Азию, где произошел резкий скачок его силы и активности. Например, «в Шри Ланке правительственные войска уже не в состоянии контролировать некоторые районы. Хотя количество жертв террористических акций в 1999 г. сократилось (233 убитых и 706 раненых) по сравнению с 1998 г. (741 убитых и 5952 раненых), число террористических нападений увеличилось на 43% (соответственно, 392 и 274)».⁴⁵⁶

Обращаем внимание и на то, что в 1999 г. усилились террористические акции против интересов США (на 52% по сравнению с предыдущим годом) в четырех странах: Колумбии, Греции, Нигерии и Йемене, расположенных на значительном удалении друг от друга и позволяющих охарактеризовать их как события, имеющие одну основу — недовольство глобальной политикой США. В докладе о терроризме «Модели терроризма. 1999» также перечислены 28 иностранных террористических организаций (ИТО) и семь стран, содействующих международному терроризму — Иран, Ирак, Сирия, Ливия, Северная Корея, Куба и Судан. Отмечено, что Иран поддерживает несколько мусульманских террористических групп в

Ливане, а Ирак — оппозиционные нынешнему (на 1999 год) иранскому режиму группировки. Сирия поддерживает ряд групп, выступающих против мирного урегулирования ближневосточного кризиса. Северная Корея, Куба и Судан предоставляют территорию и обеспечивают боевую подготовку отрядов террористов. Далее в докладе отмечено, что значительно возросла угроза использования террористами оружия массового поражения (химического, биологического, радиационного, ядерного).

Способы действий японской секты Аум Сенрике свидетельствуют о том, что террористические группы способны перейти от обычного оружия и тактики к другим видам вооружения и способам действий, так как стали более доступны базовые материалы средств массового поражения, технология их изготовления, информация и способы доставки к местам запланированной акции.

В вышеупомянутом докладе о терроризме были определены критерии контртеррористической политики США, которая, по мнению специалистов, должна соответствовать новым тенденциям. К ним относятся, «во-первых, принять во внимание тот факт, что на смену хорошо организованным локальным группам, поддерживаемым государствами-спонсорами, приходят «свободно организованные сети террористов», которые получают основные финансовые средства не от этих спонсоров, а с помощью новых форм типа поставок наркотиков, финансирования из частных источников, криминальной и незаконной торговли; во-вторых, следует учитывать происходящие сдвиги от «преимущественно политически мотивированного терроризма» к «терроризму с более религиозными или идеологическими мотивациями»; в-третьих, нужно иметь в виду сдвиг центра терроризма с Ближнего Востока в Южную Азию и прежде всего в Афганистан, который в 1992 г. стал главной базой исламских экстремистов во всем мире — от Северной Америки до Юго-Восточной Азии».⁴⁵⁷ В докладе отмечено также, что позиция Пакистана в отношении терроризма двойственна. Его правительство способствует арестам и выдаче террористов и одновременно не препятствует их проживанию в стране и выезду за рубеж. США намеренно не включили Пакистан в список стран—спонсоров терроризма — лишь потому, что он считался их другом. Это, на наш взгляд, еще раз подчеркивает субъективность проводимой политики и наличие проблемы двойных стандартов, что вновь наводит на мысль о том, что США выгодно такое положение, когда по их инициативе мировому сообществу можно навязать любое определение террористической акции: либо терроризм — враг всему миру (читай враг США), либо повстанческая борьба за справедливость.

В целом контртеррористическая политика США базируется на принципах: никаких уступок террористам, судебное преследование за совершенные или готовящиеся преступления, изоляция. США наряду с уже давно использовавшимися методами давления на страны—спонсоры терроризма (указание на них, изоляция и санкции

против них), стремятся к многостороннему}' и двустороннему сотрудничеству с союзниками и другими органами в борьбе против терроризма. Например, с 2000 г. действует американо-индийская совместная рабочая группа по контртерроризму. Другими документальными подтверждениями законотворческой деятельности США в деле борьбы с терроризмом авторы монографии не располагают. Поэтому далее обозначенная проблема рассматривается с позиции ближайших союзников Соединенных Штатов — Великобритании и Франции.

Вошедший в силу в феврале 2001 г. в Великобритании закон о борьбе с терроризмом заменил собой Закон о предупреждении терроризма от 1989 г. и Закон о чрезвычайных мерах в Северной Ирландии от 1996 г. В нем повторяются многие положения написанных ранее законов. Однако он значительно от них отличается, главным образом, тем, что данный закон постоянно действующий и в нем дается более конкретное новое определение терроризма. Закон предусматривает распространение своего действия не только на североирландские проблемы, но и на террористические акты на международной арене и в самой Великобритании. Содержащееся в законе понятие проскрипции (объявление вне закона) распространяется на все виды терроризма. Создана апелляционная комиссия по объявленным вне закона организациям. Разрешается арест и конфискация наличных денег на границах по решению суда по гражданским делам. Финансовым институтам может быть предъявлено требование идентификации денежных счетов, если в этом возникнет необходимость во время расследований террористической деятельности. Решение о продлении заключения под стражу подозреваемых в терроризме лиц принимается судебным чиновником, а не министром, как прежде. Заключение под стражу уже не является частью законодательства по предупреждению терроризма, как и запрещение на въезд в страну.

Несмотря на всю необходимость и своевременность издания такого закона, он может вызвать протесты со стороны мирового сообщества не столько в связи с возможным нарушением Европейской конвенции о правах человека вообще, сколько по причине возможности их нарушений в отдельно взятых случаях. Ряд статей этого документа «предусматривает арест и заключение под страж}', проведение допросов и обысков, возложение на обвиняемого бремени доказательства, разглашение сведений, объявление вне закона и высылку из страны и т.д.».⁴⁵² Возражения вызывает и то, что закон не является тщательно отработанным документом, несмотря на то, что Европейская конвенция по судебной практике требует, чтобы внутренние законы были точными и ясными, не имеющими двойного толкования. Им создается предпосылка для того, чтобы ответственные за борьбу с террористами государственные органы (полиция, вооруженные силы, таможня и т.д.) при нарушении свобод простых граждан, не имеющих никакого отношения к террористам, ссылались на то, что они действуют в рамках закона в защиту демо

критического общества, одновременно их (силовые структуры) нельзя лишать инициативы и свободы действий. Следует согласиться с мнением автора статьи о британском Законе о борьбе с терроризмом — Дж. Роузом, что к терроризму и к законодательству о борьбе с ним требуется особый подход, когда «насилие над правом или свободой можно с готовностью оправдать» (как уже не раз случалось в британских судах различных инстанций) ссылаясь на «насущную необходимость», продиктованную обстоятельствами, даже в тех случаях, когда затронутые лица не были связаны с терроризмом». ⁴⁵³ Главная проблема в деле борьбы с этим социальным явлением заключается в том, чтобы ограничение прав и свобод каждого индивида во всех случаях было законным, соразмерным с обстановкой, чтобы был абсолютно исключен произвол со стороны стражей порядка. Заметим, что сердцевиной данного закона является довольно точное определение терроризма, требующее осмотрительного применения этого понятия в каждом конкретном случае.

В рассматриваемом законе (в первом разделе) терроризм имеет следующее определение: «Терроризм — это действие или угроза действия использовать или угрожать, оказать воздействие на правительство, запугать общество или его часть; действие или угроза предпринимаются с целью продвижения какой-либо политической, религиозной или идеологической концепции». ⁴⁵⁴ Далее к терроризму по закону отнесены такие деяния, которые «подразумевают серьезное насилие в отношении того или иного лица; нанесение серьезного ущерба собственности; подвергают опасности чью-либо жизнь, помимо лица, совершающего это действие; создают серьезный риск для благосостояния и безопасности общества или его части; направлены на вмешательство или серьезные нарушения какой-либо электронной системы». ⁴⁵⁵ В том же законе говорится, что «проведение или угроза проведения действий с применением огнестрельного оружия или взрывчатых веществ являются терроризмом, независимо от того, имеют ли они целью воздействие на правительство, запугивание общества или его части». ⁴⁵⁶ Далее в законе к террористическим отнесены действия, производимые подозреваемыми в интересах запрещенных организаций.

На основании вышеизложенного можно сделать вывод: «доказательство причастности к терроризму требует наличия трех элементов: серьезный вред или опасность, намерение воздействовать на правительство или запугать общество, а также политическое, религиозное или идеологическое основания. Кроме того, это определение применимо к любому терроризму как на международной арене, так и в Северной Ирландии или только на территории Великобритании». ⁴⁵⁷ Таким образом, из первого раздела закона следует, что равнозначные терроризму действия могут быть совершены за пределами Великобритании, могут затрагивать лиц и события за ее пределами, но в любом случае по существующему закону эти действия получают должное определение и оценку.

Широкое толкование данного определения создает ситуацию, при которой при определенных обстоятельствах существует риск его распространения на другие сферы социума. По мнению юристов, содержащиеся в упомянутом законе определения не должны распространяться на споры в промышленности, массовые демонстрации, политически мотивированные массовые бойкоты ведущих нефтяных компаний или забастовку медицинских сестер и другие действия, не связанные с террористической деятельностью. При всех слабых сторонах этого документа, настойчивых утверждениях критиков, что закон несовершенен, содержащаяся в нем концепция терроризма служит той отправной точкой, которая дает основания «для применения мер по предупреждению, выявлению и расследованию терроризма, перехвату его денежных средств и собственности».⁴⁵⁸

Интересным представляется и опыт Франции по борьбе с терроризмом. Во Франции 15 ноября 2001 г. был опубликован Закон об общественной безопасности. Этот важный государственный документ готовился давно и в самом начале был направлен на борьбу с нарушениями общественной безопасности, но в дальнейшем в него срочно были внесены 13 дополнений, получивших название «анти-террористические». Они фактически, по мнению исследователя-юриста М.-Э Гоцци, являются посягательством на основные права и свободы граждан. При всей серьезности угрозы терроризма, указывает он, применяемые средства и способы действий не должны пренебрегать принципами, на которых основывается правовое государство. По его мнению, в ходе разработки документа законодатели «не устояли перед соблазном ввиду столь опасной угрозы принять репрессивный документ, который в других случаях вызвал бы возмущение. Направленность закона понятна, но его методы и содержание достойны порицания».⁴⁵⁹

Заметим, что описание методов в документе излишне насыщена всякими мелочами и подробностями, не относящимися напрямую к его сути, что делает его перегруженным. Так, например, во-первых, в уставах, разделенных на 70 статей и содержащих положения об антитеррористической борьбе, перемешаны такие разные сферы, как мошенничество с банковскими карточками, дорожное движение, безопасность транспортных средств и т.д. Во-вторых, наиболее значимые антитеррористические положения закона носили почему-то временный характер и действовали только до 31 декабря 2003 г. После этой даты парламент Франции вернулся к рассмотрению эффективности принятых мер. Одни были оставлены в силе, другие — отменены. Таким образом, законодатели Франции отдают себе отчет в опасности предложенных мер для общественных свобод и поэтому ограничили их применение во времени. Получается, что на деле французские парламентарии, находясь «в здравом уме и твердой памяти», «наделили наш репрессивный аппарат незаконными средствами».⁴⁶⁰ В-третьих, этот документ не был в установленном порядке представлен в Конституционный совет, что указывает на

наличие явного сговора правительства и оппозиции, стремившихся таким образом избежать любых попыток заинтересованных лиц или групп в парламенте его отклонения или объявления ряда положений этого закона неконституционными. Это, вполне вероятно, могло произойти, если учесть, что одна из его статей предусматривает шестимесячное тюремное заключение за проезд в поезде без проездных документов. Особого анализа по соблюдению конституционности требует пятая глава закона, содержащая положения по усилению борьбы против терроризма, так как значительная их часть нарушает гарантированные Конституцией Французской Республики свободы.

Особые меры безопасности, предусмотренные в законе, «разрешают служащим судебной полиции — по письменному разрешению прокурора республики — производить в течение определенного времени и в определенных местах обыск автомобилей, передвигающихся, остановившихся или стоящих в общественных местах или в местах скопления людей».⁴⁶¹ Это обращает на себя внимание в связи с тем, что до сих пор только таможенникам разрешалось производить досмотр автомобилей, а полицейские и жандармы не имели права открывать багажник автомобиля. Французские юристы предполагают, что в некоторых ситуациях вполне реальна возможность злоупотребления этой мерой. То же самое видится им в обысках в помещении, когда согласно ст. 24 этого закона обыски могут производиться в ходе предварительного следствия по преступлениям, связанным с оружием, взрывчатыми веществами или наркотиками, «без согласия лица, у которого производится обыск», но по требованию прокурора республики. Далее указано, что обыски в помещениях (но не в жилых помещениях) могут производиться в ночное время, что ранее было запрещено (до 6 часов утра). По этому же закону⁴⁶² стали разрешены обыск гаражей и подвалов. Прежде этот вид расследования требовал либо совершения подозреваемым явного преступления, либо открытия предварительного следствия по делу. Очевидно, что по данному закону служащим судебной полиции необходимо предоставить элементы расследования должностному лицу прокуратуры и получить соответствующее разрешение. Здесь явно просматривается попытка действовать в обход судьи, производящего предварительное следствие. Далее возмущение юристов вызывает разрешение агентам частного сыска — правда, при наличии у них разрешения префектуры и при согласии заинтересованного лица — заниматься «ощупыванием» и контролем багажа подозреваемых в морских и речных портах, аэро портах и других «местах прибытия людей».

Вызывают неоднозначную оценку у юристов и некоторые другие нововведения. Так например, провайдеры Интернета теперь по новому закону обязаны сохранять сведения о связях своих клиентов в течение года, а магистраты, ведущие какое-либо дело, имеют возможность приказать расшифровать зашифрованные электронные сообщения подозреваемого. С этой целью в ст. 230 уголовно-процессуального кодекса Франции введено положение IV, озаглавленное

лепное «Общие распоряжения». Однако на самом деле расшифровкой электронных сообщений занимается Центральное управление по борьбе с преступностью, связанной с информационной и коммуникационной техникой.

Законом также предусматривается, в случае необходимости, проведение «videобесед» с лицами, проходящими по делу, либо проведение очной ставки нескольких лиц, если в этом возникнет необходимость, в период допросов или по ходу ведения следствия. Этот способ закреплен в новой ст. 706—71 уголовно-процессуального кодекса, которая также гарантирует конфиденциальность процедуры. Но у многих вызывает сомнение действенность «аз'диовизуальной» очной ставки — то, что она даст такие же результаты, как и очная ставка в кабинете следователя.

В рассматриваемом законе увеличился список преступлений, которые можно квалифицировать как террористические. Борьба с терроризмом должна вестись по всем направлениям, и в связи с этим обращается особое внимание на поиск и изоляцию источников финансирования террористических актов. Эти вопросы рассматривались в Нью-Йоркской Международной конвенции (2000 г.) и, вполне возможно, послужили детонатором в трагедии 11 сентября 2001 г. в Нью-Йорке. Теперь преступное отмывание денег или злоупотребление информацией становятся, при определенных обстоятельствах, преступлением террористического характера. За преступления, связанные со злоупотреблением информацией, наказание ужесточилось, теперь оно составляет: до 1 года тюрьмы и штраф 150 тыс. евро (тогда как ранее — до 6 месяцев тюрьмы и штраф до 100 тыс. франков).⁴⁶² Расширилось и само понятие этого вида преступлений. Теперь оно распространяется на любое лицо, являющееся носителем особой информации, а не только на руководство фирм или специалистов, обладающих этой информацией в силу своей профессии.

Следует согласиться с французскими исследователями в том, что перечисленные меры, возможно, будут эффективными, и при этом остается сожалеть вместе с ними, что безопасность может быть «фундаментальным правом»⁴⁶³ (согласно ст. 1 данного закона), но за него приходится ежедневно бороться всем — юристам, политикам, представителям общественных и религиозных организаций. Следует всегда помнить, что безопасность подвергается реальным угрозам практически во всех странах мира.

4. Некоторые вопросы организации борьбы с терроризмом на современном этапе

Меры по борьбе с терроризмом, принимаемые в некоторых странах, являющихся мировыми лидерами, представляют, на наш взгляд, несомненный интерес. Но еще больший интерес представляют внутророссийские аспекты борьбы с терроризмом. На наш взгляд, про

тивоедействие этом)' социальному явлению нельзя рассматривать в отрыве от борьбы с преступностью вообще. То, что терроризм сам по себе является преступлением, ни у кого не вызывает сомнения, но в каких формах он проявляется и под какие социально опасные явления маскируется, заставляет исследователей и практиков для организации системного и целенаправленного воздействия всех субъектов борьбы с этим социальным злом учитывать все возможные аспекты его проявления. При этом необходимо добиваться полного соответствия применяемых методов современным требованиям правового государства и общепризнанным мировым стандартам международной законности и безопасности.

Сегодня концептуальные основы борьбы с терроризмом в Российской Федерации осуществляются главным образом в следующих формах:

— в объеме федерального законодательства (в основном в рамках федеральных законов «О борьбе с терроризмом» 1998 г., «О противодействии терроризму» 2006 г. и указа президента РФ «О мерах по противодействию терроризму» 2006 г.) и нормативно-политического регулирования обеспечения национальной безопасности Российской Федерации (в соответствии с Концепцией национальной безопасности Российской Федерации в редакции 2000 г.);

— в рамках проводимых научно-теоретических и научно-прикладных исследований на уровне центральных и региональных институтов РАН, ведомственной науки спецслужб, правоохранительных органов;

— в процессе определения высшими органами государственной власти основных направлений борьбы с терроризмом в глобальном, региональном и национальном (внутрироссийском) масштабах;

— в аспекте формирования спецслужбами и правоохранительными органами страны (в пределах их компетенции) организационных установок по борьбе с терроризмом.

Давно назрела необходимость разработки общегосударственной антитеррористической концепции, охватывающей вопросы как политического, так и социального характера. Она стала бы играть роль отправной точки для формирования единого подхода на всех уровнях государства к осуществлению антитеррористической деятельности на ближайшую и среднесрочную перспективы. Она также способствовала бы созданию системы противодействия терроризму, определению ее целей и основных задач, развитию правовой основы борьбы с терроризмом и воспитанию антитеррористического сознания у граждан Российской Федерации.

Масштабы терроризма в Российской Федерации, характер преступных проявлений и обуславливающих их факторов придают этому явлению значение одной из наиболее серьезных и долговременных угроз национальным интересам страны, безопасности личности, общества и государства в целом. В разделе I Концепции национальной безопасности Российской Федерации подчеркнуто: «Во многих стра

нах, в том числе в Российской Федерации, резко обострилась проблема терроризма, имеющего транснациональный характер и угрожающего стабильности в мире, что обуславливает необходимость объединения усилий всего международного сообщества, повышения эффективности имеющихся форм и методов борьбы с этой угрозой, принятия безотлагательных мер по ее нейтрализации».¹¹ В этом же документе в разделе III отмечается причинно-следственная связь терроризма в Российской Федерации с развитием политического и религиозного экстремизма, этнического сепаратизма, возникновением межэтнических и религиозных конфликтов, с ростом организованной преступности: «Масштабы терроризма и организованной преступности возрастают вследствие зачастую сопровождающегося конфликтами изменения форм собственности, обострения борьбы за власть на основе групповых и этнонационалистических интересов. Отсутствие эффективной системы социальной профилактики правонарушений, недостаточная правовая и материально-техническая обеспеченность деятельности по предупреждению терроризма и организованной преступности, правовой нигилизм, отток из органов обеспечения правопорядка квалифицированных кадров увеличивают степень воздействия этой угрозы на личность, общество и государство».¹¹⁵

В период 70—80-х годов XX века рядом зарубежных государств был накоплен опыт создания концептуальных документов по борьбе с терроризмом, имеющих большое организационное и политико-правовое значение (обычно они назывались в этих странах программы, планы и др.). Как показал опыт, в США, ФРГ, Италии и некоторых других государствах они стали эффективным средством объединения ресурсов государства и общества для решения приоритетных задач антитеррористической деятельности. Важнейшими факторами, повлиявшими на появление и содержание таких концептуальных документов, являлись «значительная активность и высокая степень опасности угроз терроризма для безопасности личности и общества, большие масштабы и возрастающая динамика террористических проявлений, недостаточная эффективность антитеррористической деятельности, осуществление которой в основном возлагалось на спецслужбы и правоохранительные органы».¹⁷ Во многом ситуация в Российской Федерации уже длительное время соответствует таким же критериям, но общая картина значительно усложнена экономическими трудностями и безудержным ростом криминализации общества на фоне процветающей коррупции во всех эшелонах власти.

Как было показано в предыдущей главе, особенностью концептуальных документов по борьбе с терроризмом в США, Великобритании и Франции является их гласный характер и применение определенных форм их легитимации (например, подписание главами государств или правительств, оглашение в представительных органах этих стран, другие формы официального публичного объявле

ния). Это используется главным образом в интересах профилактики терроризма, обеспечения широкой поддержки антитеррористической деятельности населением.

Распространенность политического экстремизма в России и его наиболее опасной формы — терроризма (особенно в северокавказском регионе), высокий уровень правового нигилизма в обществе, усложненный общим снижением уровня образования, недостаточный авторитет правоохранительных органов, периодически сотрясаемых сенсационными разоблачениями, низкая политическая и правовая культура населения, недостатки и трудности в формировании правового, демократического общества, кадрового состава органов исполнительной власти, которые должны принимать участие в борьбе с терроризмом, широкое распространение местничества и ведомственности — эти и другие факторы обуславливают особую актуальность разработки и принятия единой, общегосударственной концепции борьбы с терроризмом с учетом положений Концепции национальной безопасности Российской Федерации, принятой указом президента Российской Федерации от 17 декабря 1997 г. № 1300. Такая концепция, на наш взгляд, во многом помогла бы осмыслить, гармонизировать и привести в соответствие с законодательной базой деятельность всех структур исполнительной власти. При этом необходимо выдерживать ряд базовых требований, касающихся ее содержания:

- добиться соответствия интересов личности, общества и государства основам политики обеспечения национальной безопасности Российской Федерации;

- соответствия концепции демократическому и правовому характеру формирующейся российской государственности, в том числе системы правосудия;

- обязательного соблюдения демократических процедур легитимации высших государственных актов;

- соответствия концепции характеру и степени опасности существующих и прогнозируемых угроз терроризма Российской Федерации и международному сообществу;

- всестороннего учета накопленного положительного опыта антитеррористической деятельности в других государствах мирового сообщества;

- неукоснительного соблюдения Российской Федерации взятых международных обязательств в области защиты прав человека и борьбы с терроризмом, не противоречащих независимости и территориальной целостности государства.

Для реализации своего назначения концепция в обязательном порядке должна содержать точную характеристику терроризма как особо опасного социального явления, современной угрозы национальной, региональной и глобальной безопасности. Кроме того, в ней должны быть показаны тенденции развития явления; дана оценка реальной и прогнозируемой террористической преступности в общем для Российской Федерации и в потенциально опасных регио

нах; должны быть определены основные принципы, цели и задачи борьбы с терроризмом. В документе должна быть характеристика общегосударственной системы антитеррористической деятельности и системы мер борьбы с терроризмом, определены механизмы участия общественности в этом процессе и роль СМИ в осуществлении задач, направленных на повышение эффективности и гласности этой деятельности, а также ряд других вопросов, имеющих принципиальное значение для организации и ведения борьбы с терроризмом.

В научных исследованиях в сфере политологии, права, истории и других дисциплин, занимающихся изучением этой проблемы, неоднократно высказывались суждения, в которых предлагается отказаться от термина «борьба» как некоего пережитка социалистического прошлого. Взамен в официальных документах предложено использовать термин «противодействие», как более современный и адекватный. По мнению современных экспертов в этой области, конфликтный характер взаимодействия террористических и антитеррористических сил, связан, помимо всего прочего, с усилиями противостоящих сторон по достижению взаимоисключающих целей, поэтому наименование антитеррористической концепции как Федеральной концепции борьбы с терроризмом представляется предпочтительным, а применяемые к месту слова «борьба» и «противодействие» наполнят документ необходимым смыслом.

В концептуальных основах борьбы с терроризмом значительного внимания требует вопрос о базовом определении понятия «терроризм». Важно при этом учитывать критическое отношение многих ученых и практиков к тем определениям данного явления, которые содержатся в федеральном законе Российской Федерации «О противодействии терроризму» (ст. 3), где сказано: «Терроризм — идеология насилия и практика воздействия на принятие решения органами государственной власти, органами местного самоуправления или международными организациями, связанные с устрашением населения и (или) иными формами противоправных насильственных действий»¹¹⁶⁷. В статье 205 Уголовного кодекса Российской Федерации имеется определение терроризма: «Терроризм, то есть совершение взрыва, поджога или иных действий, создающих опасность гибели людей, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных общественно опасных последствий, если эти действия совершены в целях нарушения общественной безопасности, устрашения населения либо оказания воздействия на принятие решений органами власти, а также угроза совершения указанных действий в тех же целях... (в ред. Федерального закона от 21.07.2004 № 74-ФЗ)»¹¹⁶⁸. Обращаем внимание на то, что приведенные нами определения не совсем совпадают. Необходимо, на наш взгляд, решить вопрос о выборе подхода к определениям: социально-политического, криминологического, уголовно-правового или других в контексте рассматриваемой проблемы. Кроме того, существует необходимость приведения в концеп

ции определения понятия «терроризм» не только как криминального, но и как социально-политического явления, так как терроризм представляет собой угрозу обществу проявлениями, которые уже получили криминальное определение уголовным законодательством и квалифицируются в УК РФ в качестве преступных деяний террористического характера, и необходима еще общественно-политическая оценка.

Следует подчеркнуть, что за пределами существующих уголовно-правовых оценок терроризма остается ряд имеющих высокую общественную опасность идейно-пропагандистских проявлений терроризма, таких как пропаганда терроризма, публичное обоснование его целесообразности и правомерности и т.д., а также ряд деяний организационного характера, часто не связанных с подготовкой отдельных террористических акций. Ненавязчивую подсказку в этом отношении, на наш взгляд, делают положения резолюции Совета Безопасности ООН от 28 сентября 2001 г. № 1373 (2001), в которых, наряду с прочим, указывается: **«признавая** необходимость того, чтобы государства в дополнение к международному сотрудничеству принимали дополнительные меры с целью предотвращения и пресечения на своей территории, с использованием всех законных средств, финансирования и подготовки любых актов терроризма, **вновь подтверждая** провозглашенный Генеральной Ассамблеей в ее декларации от октября 1970 года (2625 (XXV)) и подтвержденный Советом Безопасности в его резолюции 1189 (1998) от 13 августа 1998 года принцип, заключающийся, в частности, в том, что каждое государство-член обязано воздерживаться от организации, подстрекательства, оказания помощи или участия в террористических актах в другом государстве или от потворствования организационной деятельности в пределах своей территории, направленной на совершение таких актов»⁴⁶⁹. Данное положение резолюции Совета Безопасности ООН, как видим, обязывает государства не допускать и пресекать широкий комплекс организационных действий, направленных на подготовку и совершение актов терроризма, в том числе посредством внесения необходимых поправок и дополнений в национальное уголовное законодательство (например, об ответственности за сбор и предоставление финансовых средств и иных услуг террористам, поддержку актов терроризма и т.д.).

Заметим, что дальнейшая криминализация ряда вышеупомянутых социально политических и других проявлений как в Российской Федерации, так и за рубежом, «уже привела к формированию новых составов преступлений террористического характера. При этом должно быть, однако, подчеркнуто, что в организации борьбы с терроризмом следует учитывать определенную неполноту криминализации ряда проявлений современного терроризма, /[ля борьбы с ними следует применять иные законные способы, прежде всего административно-правовые].⁴⁷⁰

Анализ проявлений терроризма свидетельствует о том, что к на

стоящему времени четко определился круг его субъектов, который сегодня и в ближайшем будущем останется основным носителем террористической угрозы для Российской Федерации. Ко внешним субъектам терроризма следует отнести международные террористические и экстремистские структуры этнонационалистической и исламско-фундаменталистской направленности, экстремистские националистические эмигрантские организации выходцев из СССР и Российской Федерации (прежде всего из северокавказского региона). Такому развитию событий, на наш взгляд, способствуют реальные и потенциальные предпосылки существующих явных и латентных процессов националистического и сепаратистского характера внутри Российской Федерации. Не исключена опасность инспирирования экстремизма, в том числе терроризма, или спонсирования его деятельности определенными политическими кругами тех иностранных государств, которые стремятся к политическому и экономическому проникновению в интересующие их сырьевые и иные районы страны или к установлению в них своего религиозно-политического влияния, а при благоприятных условиях, и контроля, в ущерб Российской Федерации.

К внутренним субъектам терроризма в течение ближайших трех-пяти лет с высокой степенью вероятности можно отнести террористические и иные экстремистские структуры сепаратистской направленности, национал-экстремистского и религиозно-экстремистского толка. Есть основания для предположений о возможном усилении участия структур организованной преступности в экстремистской деятельности, связанной с переделом собственности и настойчивого стремления последних укрепить свое влияние путем занятия влиятельных позиций во власти. Обращаем внимание и на то, что происходящий неконтролируемый процесс изменения традиционного соотношения различных этнических групп в целом ряде регионов Российской Федерации за счет внутренней и внешней миграции может, при определенных обстоятельствах, сопровождаться экстремистскими эксцессами и усилением деятельности криминально-экстремистских структур на крайне правой шовинистической и иной националистической основе.

Необходимость анализа и точного определения угрозы терроризма требует, на наш взгляд, объективной характеристики того многопланового и динамичного комплекса процессов, которые являются причинами такой угрозы или условиями, благоприятствующими ее возникновению и усилению. Важным является умение «видеть диалектику изменений в указанном комплексе, учитывать происходящие сдвиги в значении внутренних и внешних факторов, характер взаимосвязи между ними, в частности, сохранение значительной роли внешнего фактора (активная деятельность определенных зарубежных антироссийских политических кругов, экстремистских, в том числе террористических организаций, по внутриполитической дестабилизации Российской Федерации в отдельных ре

гионах, оказанию поддержки внутренним сепаратистским силам с целью ее (России. — Авт.) дезинтеграции)».⁴⁷¹ Наличие этих факторов обуславливает сохранение, а при определенных условиях, быстрый рост опасности международного терроризма для Российской Федерации.

При формировании концепции в целях раскрытия содержания угрозы терроризма и обоснования сложного характера борьбы с ним необходимо, на наш взгляд, раскрыть сложную природу объектов терроризма. Основными объектами непосредственного террористического воздействия, как правило, являются физические лица, группы лиц, материальные объекты: военного, научного, промышленного назначения и т.д. Ко второй группе объектов следует отнести объекты подрыва и ослабления государства. К ним, главным образом, относятся конституционный строй Российской Федерации, ее территориальная целостность, суверенитет, независимость во внутренней и внешней политике и др. Воздействие на эту группу объектов осуществляется субъектами терроризма опосредованно — через устрашение и понуждение должностных лиц, государственных органов, общественных объединений, международных организаций и т.д., к принятию решений (или воздержанию от принятия решений) в интересах террористов. Отсюда вытекает необходимость применения сложной системы антитеррористических мер. Следует учитывать, что применение насилия в рамках иррегулярных военных действий, развязанных террористами, вызывает необходимость новых подходов и новой политики безопасности в каждом отдельном случае, так как на данный момент нет единой международной концепции борьбы с терроризмом, и каждое государство сначала само решает возникшую проблему, а уж потом следует общественный резонанс в виде резолюции ООН. Накопленный опыт выводит мотивацию противодействия на отказ от традиционного понимания политики безопасности с доминирующей военной составляющей. Примером тому могут быть события конца XX — нач. XXI века, когда регулярные армии в Алжире, Египте, Израиле, Афганистане, Сербии и т.д. оказывались и оказываются в большинстве случаев беспомощными перед лицом террористических актов, а усиление репрессий чаще перерастает в геноцид. В силу такого развития событий на первый план выдвигаются невоенные аспекты политики безопасности.

По этому поводу интересно мнение профессора Бассам Тиби, эксперта по исламу, который подчеркивает: «Любая концепция такой политики, нацеленная против фундаментализма, должна строго различать политических активистов нового течения (исламистов) и верующих мусульман, что особенно важно в отношении ев ропейской исламской диаспоры, которая значительно возросла в последние годы. Если не удастся провести водораздел между исламом как религией и злоупотреблениями со стороны исламистов, то это может превратить исламскую диаспору в базу политической

деятельности фундаменталистов».⁴⁷² На наш взгляд, это весьма симптоматично для Российской Федерации с ее почти 30 миллионным мусульманским коренным населением некоторых регионов, не говоря уже о диаспорах в крупных городах и промышленных центрах. Отсутствие диалога правительства с лидерами общественности и духовенства может превратить исламскую диаспору и исламские регионы Российской Федерации в базу политической деятельности фундаменталистов, что уже было предпринято на Северном Кавказе и в настоящее время лишь временно утихло и перешло в латентное состояние. Изучая европейский и мировой опыт по противодействию терроризму, необходимо, на наш взгляд, помнить, что право на получение политического убежища на Западе позволило фундаменталистам и этническим националистам создавать исламистские движения и организации, обеспечивая здесь тылы для своей деятельности. Именно в Европе были обнаружены корни терактов, совершенных в США и в других странах, а корни потенциальных терактов в Российской Федерации будут прорастать в странах, давших убежище А. Закаеву, З. Яндарбиеву[^], М. Удугову, Х.-А. Нуха-еву и другим.

В современных исследованиях терроризма как социально опасного явления предложено несколько вариантов подходов к характеристике его основных тенденций. Один из них — системный подход, предусматривающий выделение в общей системе терроризма тенденций в рамках ее основных составляющих — идеологической, организационной и насильственно-террористической.

На сегодняшний день имеется достаточно оснований для предположения, что террористическая угроза для Российской Федерации наряду с общими для терроризма как глобального явления характеристическими чертами, будет иметь и целый ряд «национальных» особенностей. К ним можно отнести российский феномен существования и роста этнического уголовного терроризма, активную деятельность зарубежных эмигрантских этнорелигиозных экстремистских организаций, использование террористами территорий сопредельных государств для компактного проживания семей террористов, совершающих вылазки на российскую территорию и др.

При всех стараниях террористов, стремящихся придать своим действиям политическую направленность и нередко преследующих политические цели, антигуманный и разрушительный характер применяемых методов таковы, что международный террор нельзя относить к числу политических акций, а действия международных террористов — к политическим деяниям. Их следует рассматривать именно как уголовные деяния, «политическая мотивация которым придается их организаторами и исполнителями лишь для самооправдания и привлечения сторонников».¹⁷³ Давая оценку событию, важно, на наш взгляд, не попасть в ловушку субъективной оценки происходящего, когда симпатии к организаторам и участникам теракта не позволяют дать объективную оценку происходящему. Существу-

ет мнение, что главное при разграничении терроризма и иных действий, в том числе и национально-освободительных движений, заключается не в используемых способах борьбы, а в преследуемых ими целях, и «если основная цель перестает соответствовать Уставу ООН и не может быть признанной международным правом законной, то определяющим для квалификации деяний становятся методы ее достижения».⁴⁷⁴ С этим трудно не согласиться. Вместе с тем иногда весьма затруднительно определить грань, разделяющую международный терроризм и деятельность национально-освободительного характера.

В связи с этим обращают на себя внимание два взаимосвязанных явления. С одной стороны, за последние годы террор, который ранее осуществлялся небольшими по численности группами или даже отдельными лицами, главным образом, в отношении относительно небольшого круга лиц, влияние которых было ограниченным и, как правило, не выходило за пределы одного государства. Сегодня террор стал организовываться крупными и влиятельными международными организациями, лидеры которых всемирно известны, но пока неуловимы даже для могучей американской армии. Эти люди и их организации превратили в поле своей битвы значительную часть земного шара и стремятся не только опираться на большие массы людей (например, фанатичных сторонников крайнего религиозного экстремизма), но и сделать их агентами международного терроризма во всех немусульманских странах или исполнителями террористических актов. Парадокс ситуации заключается в том, что эти лидеры (например, Усама бен-Ладен) регулярно выступают с воззваниями в Интернете, по телевидению (канал Аль Джазира), но никак не предстанут перед судом за совершенные деяния и к ним, возможно, из-за гуманизации мирового судопроизводства, не применят наказание, постигшее Садама Хусейна.

Важно помнить, что борьба с терроризмом не может быть успешной без объединения усилий всех государств под эгидой ООН, а также без пропаганды убедительных обоснованных принципов равенства прав человека, независимо от его национальности и религиозной принадлежности, провозглашенных в документах ООН. Ведь в настоящее время основными стимулами международного терроризма являются именно пропаганда национальной исключительности и преимуществ определенного вероисповедания. Такая целенаправленность в деятельности международного терроризма не позволяет рассматривать его действия как политические или национально-освободительные, или направленные на достижение каких-либо целей, или распространение каких-либо взглядов, включая те из них, которые маскируются под религиозные, хотя таковыми не являются.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В конце XX века глобальной проблемой человечества стали межнациональные конфликты и войны. История и раньше знала много войн, которые в большинстве своем были порождением политики государств. Национализм широко распространен во многих странах и проявляется в общественной жизни. Он приобретает особую опасность в многонациональных государствах со слабой экономикой и проблемами во взаимоотношениях больших и малочисленных народов. Национальные движения в СССР в конце 80-х годов XX в., а затем его распад в 1991 году по национальному признаку упрочили позиции национализма в общественной жизни стран СНГ и породили новую проблему — в республиках возникли движения русскоязычных граждан, борющихся за свои права. Сказанное отчасти касается республик Северного Кавказа, где национализм достаточно разнообразен по конкретному содержанию, формам проявления, за исключением того, что пока не звучат претензии со стороны тех же русскоязычных граждан, осознающих, что живут все-таки в Российской Федерации, но не располагающих достаточным количеством фактического материала — всеми ли правами пользуются в полной мере. А национализм выступал и продолжает кое-где выступать в облике суверенизации республик и под маской утонченной научности «справедливого» демократизма, «полной» и «окончательной» реабилитации наказанных народов и т.д.

Для Чеченской Республики с начала 90-х годов XX века процесс обретения независимости и создания собственной государственности стал определяющим. Этому способствовали многие факторы: распад СССР, слабость основ государственности Российской Федерации, чеченский национализм, рост национального самосознания чеченцев, необдуманно политические обещания первого президента Российской Федерации Б.Н. Ельцина и т.д.

Современный мир переживает кризис государственности — особого признака, которым отмечено историческое развитие стран (наций, группы национальностей, союза племен и т.д.), сумевших создать собственное государство, являющееся не только достоянием общества, но и показателем уровня его развития. Государство — это еще и идеология, общественная, политическая, религиозная, а также культурная ориентация, способствующие его защите, авторитету, совершенствованию политической организации. Анализ событий, происходящих во многих многонациональных государствах, позволяет говорить о том, что и в начале XXI века мы остаемся свидетелями бурного роста национализма, национального самосознания, сепаратизма, политического и религиозного экстремизма, терроризма. Процесс появления новых национально-государственных образований, в том числе и независимых, имеет объективный характер, так как трудно запретить народам, особенно преобладающим миллион по численности, иметь свою государственность. События, происходящие сегодня по всему постсоветскому пространству и в

других уголках земного шара (Абхазия, Южная Осетия, Нагорный Карабах, Чеченская Республика, Приднестровье, Косово, Северная Ирландия и т.д.) являются подтверждением сказанному.

Для исследования причин чеченского кризиса 90-х годов XX века, противостояния федерального центра и Чеченской Республики, российско-чеченских войн 1994—1996 и 1999—2002 гг. использовалась совокупность общетеоретических и прикладных методов, позволяющих рассмотреть одну из сложнейших проблем современной Российской Федерации. Все произошедшее в предгорьях и на северных склонах Большого Кавказского хребта в диалектической взаимосвязи объективных и субъективных причин уже стало достоянием современной отечественной истории и политологии. Именно поэтому в настоящем исследовании использовался исторический подход, который позволил определить первопричины, сущность, особенности, содержание и динамику российско-чеченского противостояния.

Исследование межнациональных конфликтов на Северном Кавказе связано, прежде всего, с изучением геополитического значения данного региона. В этом плане нами делается вывод о том, что всесторонне осмыслить причины межнациональной напряженности возможно лишь с учетом современных геополитических реалий. Нами проанализированы принципы геополитики, эволюция основных геополитических парадигм межгосударственных отношений и сделан вывод о том, что межнациональная напряженность на Северном Кавказе во многом связана с узлами геополитической напряженности на Среднем Востоке.

В контексте разрешения межнациональных конфликтов на Северном Кавказе выявлено, что они являются существенным фактором нестабильности и угрозой национальной безопасности Российской Федерации. Рассмотрены проблемы национальной безопасности Российской Федерации, ориентированной на гарантии безопасности малочисленных народов, имеющих в составе Российской Федерации статус административно-государственных образований. В исследовании рассмотрена и концепция евразийства при толерантном сосуществовании различных конфессий в многонациональном обществе как геополитическая доктрина мирного сосуществования народов, избравших своей исторической судьбой развитие и прогресс в составе Российской Федерации.

Главными предметами настоящего исследования являлись сущность, особенности, содержание и динамика развития конфликтности чеченцев под влиянием внутренних и внешних факторов, российско-чеченского противостояния в 90-е годы XX века, российско-чеченских войн 1994—1996 и 1999—2002 годов. Однако разработанная модель политико-правового анализа этих вопросов может быть применена при исследовании аналогичных проблем и в других регионах Российской Федерации с многонациональным и многоконфессиональным составом населения.

Проведенный анализ позволяет говорить о том, что причины

чеченского кризиса 90-х годов имеют глубокие исторические, политические и правовые корни, к которым можно отнести ряд просчетов российской имперской политики, советской национальной политики, федерального центра и руководства Чеченской Республики в политической, экономической, социальной и правовой сферах. Большой ошибкой, следует признать отсутствие эффективной национальной политики Российской Федерации на Северном Кавказе с начала 90-х годов XX века. Все это в совокупности способствовало переходу конфликтной ситуации в Чеченской Республике из латентного состояния в открытую фазу.

Необходимо особо подчеркнуть, что российско-чеченские противоречия с начала 90-х годов не находились в фазе антагонизма, то есть была реальная возможность достичь компромисса интересов и разрешения самого противостояния без кровопролития до начала военных действий на территории Чеченской Республики в 1994 году. С началом же войны противоречия перешли в форму антагонизма, а значит, противостояние федерального центра и мятежной Чеченской Республики после этого стало непримиримым (мирными средствами). Обострение отношений Москвы и Грозного имело немало и объективных причин. Однако война в 1994—1996 годах и последовавшее за ней сильнейшее противостояние «независимой» Чеченской Республики и федерального центра было следствием серьезных и роковых ошибок руководства Российской Федерации. Конечно, за чеченский кризис и особенно за войны 1994—1996 и 1999—2002 гг. большая ответственность лежит на «архитекторах» независимости Чеченской Республики, вдохновителях чеченского сепаратизма, экстремизма и терроризма, таких как Д. Дудаев, З. Яндарбиев, Л. Масхадов, М. Удугов, Ш. Басаев и др. Однако руководство Российской Федерации несет еще большую ответственность за неподготовленные и непродуманные боевые действия, с последующими огромными людскими и материальными потерями, за создание на собственной территории очагов общественно-политического кризиса, баз террористов, школ и учреждений ваххабитов, незаконных вооруженных формирований, реально угрожающих безопасности и территориальной целостности государства. Это подтверждает факт нападения чеченских бандформирований летом 1999 года на Республику Дагестан. Это была самая настоящая агрессия международных террористов на Российскую Федерацию. Последующие события августа—сентября 1999 года в Дагестане со всей ясностью показали всю серьезность угрозы со стороны сепаратистов, радикального национализма, политического и религиозного экстремизма не только для республик Северного Кавказа, но и в целом Российской Федерации. Это еще одна веская причина необходимости научного подхода, более глубокого анализа этнополитической обстановки в республиках Северного Кавказа, причин, порождающих кризис, его последствий для стабильного развития многонационального региона в составе Российской Федерации.

ПРИЛОЖЕНИЕ⁴⁷⁵

МЕЖДУНАРОДНЫЕ КОНВЕНЦИИ ПО БОРЬБЕ С ТЕРРОРИЗМОМ

1. Декларация о мерах по ликвидации международного терроризма

***Утверждена резолюцией 49/60 Генеральной Ассамблеи от 9
декабря 1994 г.***

Генеральная Ассамблея, руководствуясь целями и принципами Устава Организации Объединенных Наций, ссылаясь на Декларацию о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций,⁴⁷⁶ Декларацию об укреплении международной безопасности,⁴⁷⁷ Определение агрессии,⁴⁷⁸ Декларацию об усилении эффективности принципа отказа от угрозы силой или ее применения в международных отношениях,⁴⁷⁹ Венскую декларацию и Программу действий, принятые Всемирной конференцией по правам человека,⁴⁸⁰ Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах⁴⁸¹ и Международный пакт о гражданских и политических правах,

будучи глубоко обеспокоена продолжающимися во всем мире актами международного терроризма во всех его формах и проявлениях, включая те, в которых прямо или косвенно участвуют государства, которые угрожают жизни ни в чем не повинных людей или приводят к их гибели, имеют пагубные последствия для международных отношений и могут поставить под угрозу безопасность государств,

будучи глубоко озабочена тем, что во многих регионах мира все чаще совершаются акты терроризма, в основе которых лежит нетерпимость или экстремизм,

будучи озабочена по поводу возрастающих и опасных связей между террористическими группами и торговцами наркотиками и их полувоенными бандами, которые прибегают к любым видам насилия, тем самым создавая угрозу конституционному строю государств и нарушая основные права человека,

будучи убеждена в целесообразности более тесной координации и сотрудничества между государствами в борьбе с преступлениями, тесно связанными с терроризмом, включая оборот наркотиков, незаконную торговлю оружием, «отмывание денег» и контрабанду ядерных и других потенциально смертоносных материалов, и учитывая ту роль, которую могли бы играть в этом деле Организация Объединенных Наций и региональные организации,

будучи преисполнена твердой решимости ликвидировать международный терроризм во всех его формах и проявлениях,

будучи убеждена также в том, что пресечение актов международного терроризма, включая те, в которых прямо или косвенно участвуют государства, служит одним из важнейших элементов для поддержания международного мира и безопасности,

будучи убеждена далее в том, что несущие ответственность за акты международного терроризма должны быть привлечены к суду,

подчеркивая настоятельную необходимость дальнейшего укрепления международного сотрудничества между государствами для принятия и утверждения практических и эффективных мер по предотвращению, пресечению и ликвидации всех форм терроризма, которые затрагивают все международное сообщество,

сознавая, что Организация Объединенных Наций, соответствующие специализированные учреждения и государства могли бы играть важную роль в укреплении широкомасштабного сотрудничества в предупреждении и ликвидации международного терроризма, в частности, путем повышения осведомленности общественности об этой проблеме,

ссылаясь на существующие международные договоры, касающиеся различных аспектов проблемы международного терроризма, в частности на Конвенцию о преступлениях и некоторых других актах, совершаемых на борту воздушных судов,¹⁸³ подписанную в Токио 14 сентября 1963 года, Конвенцию о борьбе с незаконным захватом воздушных судов,¹⁸³ подписанную в Гааге 16 декабря 1970 года, Конвенцию о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности гражданской авиации/⁸⁴ заключенную в Монреале 23 сентября 1971 года, Конвенцию о предотвращении и наказании преступлений против лиц, пользующихся международной защитой, в том числе дипломатических агентов,¹ принятую в Нью-Йорке 14 декабря 1973 года, Международную конвенцию о борьбе с захватом заложников,¹⁸⁴ принятую в Нью-Йорке 17 декабря 1979 года, Конвенцию о физической защите ядерного материала,¹⁸⁵ принятую в Вене 3 марта 1980 года, Протокол о борьбе с незаконными актами насилия в аэропортах, обслуживающих международную гражданскую авиацию, дополняющий Конвенцию о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности гражданской авиации,¹⁸⁶ подписанный в Монреале 24 февраля 1988 года, Конвенцию о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности морского судоходства,¹⁸⁷ совершенную в Риме 10 марта 1988 года, Протокол о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности стационарных платформ, расположенных на континентальном шельфе,¹⁸⁸ совершенный в Риме 10 марта 1988 года, и Конвенцию о маркировке пластических взрывчатых веществ в целях их обнаружения,¹⁸⁹ совершенную в Монреале 1 марта 1991 года,

приветствуя заключение региональных соглашений и принятие взаимно согласованных деклараций о борьбе с терроризмом и его ликвидации во всех (и) формах и проявлениях,

будучи убеждена в желательности продолжать осуществлять обзор существующих международно правовых положений в области борьбы с терроризмом во всех его формах и проявлениях в целях обеспечения всеобъемлющих правовых рамок для предотвращения и ликвидации терроризма,

торжественно заявляет следующее:

I

1. Государства — члены Организации Объединенных Наций — торжественно подтверждают, что они безоговорочно осуждают как преступные и не имеющие оправдания все акты, методы и практику терроризма, где бы и кем бы они ни осуществлялись, в том числе те, которые ставят под угрозу дружественные отношения между государствами и народами и угрожают территориальной целостности и безопасности государств.

2. Акты, методы и практика терроризма представляют собой грубое

пренебрежение целями и принципами Организации Объединенных Наций, что может угрожать международному миру и безопасности, ставить под угрозу дружественные отношения между государствами, препятствовать международному сотрудничеству и вести к подрыву прав человека, основных свобод и демократических основ общества.

3. Преступные акты, направленные или рассчитанные на создание обстановки террора среди широкой общественности, группы лиц или конкретных лиц в политических целях, ни при каких обстоятельствах не могут быть оправданы, какими бы ни были соображения политического, философского, идеологического, расового, этнического, религиозного или любого другого характера, которые могут приводиться в их оправдание.

II

4. Государства, руководствуясь целями и принципами Устава Организации Объединенных Наций и другими соответствующими нормами международного права, обязаны воздерживаться от организации террористических актов на территориях других государств, подстрекательства к ним, пособничества им или участия в них, а также от попустительства или поощрения деятельности на своей территории, направленной на совершение таких актов.

5. Государства обязаны также выполнять свои обязательства по Уставу Организации Объединенных Наций и согласно другим положениям международного права в отношении борьбы с международным терроризмом, и им настоятельно предлагается принять эффективные и решительные меры согласно соответствующим положениям международного права и международным стандартам прав человека для скорейшей и окончательной ликвидации международного терроризма, в частности:

а) воздерживаться от организации террористической деятельности, подстрекательства к ней, содействия ее осуществлению, финансирования, поощрения или проявления терпимости к ней и принимать надлежащие практические меры к обеспечению того, чтобы их соответствующие территории не использовались для создания террористических баз или учебных лагерей или для подготовки или организации террористических актов, направленных против других государств или их граждан;

б) обеспечивать задержание и судебное преследование или выдачу лиц, совершивших террористические акты, согласно соответствующим положениям их национального права;

с) стремиться к заключению специальных соглашений с этой целью на двусторонней, региональной и многосторонней основе и разработать с этой целью типовые соглашения о сотрудничестве;

д) сотрудничать друг с другом в обмене соответствующей информацией относительно предотвращения терроризма и борьбы с ним;

е) оперативно предпринимать все необходимые шаги к претворению в жизнь существующих международных конвенций по этому вопросу, участниками которых они являются, включая приведение своего внутреннего законодательства в соответствие с этими конвенциями;

О принимать надлежащие меры до предоставления убежища в целях установления того, что ищущее убежище лицо не занималось террористической деятельностью, и после предоставления убежища в целях обеспечения того, чтобы статус беженца не использовался в целях, противоречащих положениям, изложенным в подпункте **а**, выше.

6. Для эффективной борьбы с увеличением числа и возрастанием международного характера и последствий актов терроризма государства должны усиливать свое сотрудничество в этой области путем, в частности, систематизации обмена информацией о предупреждении терроризма и борьбе с ним, а также эффективного осуществления соответствующих международных конвенций и заключения соглашений о взаимной правовой помощи и выдаче на двусторонней, региональной и многосторонней основе.

7. В этом контексте государствам предлагается в срочном порядке провести обзор сферы применения существующих международно-правовых положений о предупреждении, пресечении и ликвидации терроризма во всех его формах и проявлениях с целью обеспечить наличие всеобъемлющих правовых рамок, включающих все аспекты этого вопроса.

8. Кроме того, государствам, которые еще не сделали этого, настоятельно предлагается в первоочередном порядке стать участниками международных конвенций и протоколов по различным аспектам международного терроризма, о которых говорится в преамбуле к настоящей Декларации.

III

9. Организация Объединенных Наций, соответствующие специализированные учреждения и межправительственные организации, а также другие соответствующие органы обязаны приложить все усилия с целью содействия осуществлению мер по борьбе с актами терроризма и их ликвидации, а также укреплению их роли в этой области.

10. Генеральный секретарь должен оказывать содействие в осуществлении настоящей Декларации путем принятия в пределах имеющихся ресурсов следующих практических мер по усилению международного сотрудничества:

а) сбора данных о статусе и осуществлении существующих многосторонних, региональных и двусторонних соглашений, касающихся международного терроризма, включая информацию об инцидентах, причиной которых был международный терроризм, а также об уголовном преследовании и наказании, на основе информации, полученной от депозитариев этих соглашений и государств-членов;

б) подготовки сборника национальных законов и постановлений о предупреждении и ликвидации международного терроризма во всех его формах и проявлениях, на основе информации, полученной от государств-членов;

в) аналитического обзора существующих международно-правовых документов, касающихся международного терроризма, с тем, чтобы содействовать государствам в определении аспектов этого вопроса, которые не были охвачены такими документами и могли бы быть изучены в целях дальнейшего развития правовых рамок конвенций, касающихся международного терроризма;

г) обзора имеющихся в рамках системы Организации Объединенных Наций возможностей по оказанию помощи государствам в организации семинаров и учебных курсов по борьбе с преступлениями, связанными с международным терроризмом.

IV

11. Всем государствам настоятельно предлагается добросовестно и эффективно претворять в жизнь и осуществлять положения настоящей Декларации во всех ее аспектах.

12. Подчеркивается необходимость предпринимать усилия, направленные на окончательную ликвидацию всех актов терроризма путем укрепления международного сотрудничества и прогрессивного развития международного права и его кодификации, а также усиления координации между Организацией Объединенных Наций и соответствующими специализированными учреждениями, организациями и органами и повышения их эффективности.

Источник: Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи, сорок девятая сессия, Дополнение № 49 (A/49/49), с. 409-412.

2. Декларация, дополняющая Декларацию о мерах по ликвидации международного терроризма 1994 года

Утверждена резолюцией 51/210 Генеральной Ассамблеи от 17 декабря 1996 г.

Генеральная Ассамблея, руководствуясь целями и принципами Устава Организации Объединенных Наций, ссылаясь на Декларацию о мерах по ликвидации международного терроризма, принятую Генеральной Ассамблеей в ее резолюции 49/60 от 9 декабря 1994 года, ссылаясь также на Декларацию по случаю пятидесятой годовщины Организации Объединенных Наций,⁴⁹²

будучи глубоко обеспокоена непрекращающимися во всем мире актами международного терроризма во всех его формах и проявлениях, — включая те, в которых прямо или косвенно участвуют государства, — которые угрожают жизни ни в чем не повинных людей или приводят к их гибели, имеют пагубные последствия для международных отношений и могут поставить под угрозу безопасность государств,

подчеркивая важное значение выработки государствами соглашений или, при необходимости, договоренностей о выдаче в целях обеспечения предания правосудию лиц, ответственных за совершение террористических актов, отмечая, что Конвенция о статусе беженцев,⁴⁹³ совершенная в Женеве 28 июля 1951 года, не содержит оснований для защиты лиц, совершающих террористические акты, также отмечая в этом контексте статьи 1, 2, 32 и 33 Конвенции и подчеркивая в этой связи необходимость обеспечения государствами-участниками надлежащего применения Конвенции,

подчеркивая важное значение полного соблюдения государствами своих обязательств в соответствии с положениями Конвенции 1951 года⁴⁹¹ и Протокола 1967 года, касающегося статуса беженцев, включая принцип запрещения принудительного возвращения беженцев в те места, где их жизни или свободе угрожает опасность вследствие их расы, религии, гражданства, принадлежности к определенной социальной группе или политических убеждений, и подтверждая, что настоящая Декларация не затрагивает защиту, предоставляемую в соответствии с положениями Конвенции и Протокола и другими положениями международного права,

ссылаясь на статью 4 Декларации о территориальном убежище, принятой Генеральной Ассамблеей в ее резолюции 2312 (XXII) от 14 декабря 1967 года,

подчеркивая необходимость дальнейшего укрепления международного сотрудничества между государствами в целях предотвращения, пресечения и ликвидации терроризма во всех его формах и проявлениях,

торжественно заявляет следующее:

1) государства-члены Организации Объединенных Наций торжественно подтверждают, что они безоговорочно осуждают как преступные и не имеющие оправдания все акты, методы и практику терроризма, где бы и кем бы они ни осуществлялись, в том числе те, которые ставят под угрозу дружественные отношения между государствами и народами и угрожают территориальной целостности и безопасности государств;

2) государства-члены Организации Объединенных Наций подтверждают, что акты, методы и практика терроризма противоречат целям и принципам Организации Объединенных Наций; они заявляют, что сознательное финансирование, планирование террористических актов и подстрекательство к их совершению также противоречат целям и принципам Организации Объединенных Наций;

3) государства-члены Организации Объединенных Наций подтверждают, что государствам согласно соответствующим положениям национального и международного права, включая международные стандарты в области прав человека, следует, прежде чем предоставлять статус беженца, принимать надлежащие меры в целях установления того, что ищущее убежище лицо не участвовало в совершении террористических актов, путем изучения в этой связи соответствующей информации на предмет выяснения того, не находится ли ищущее убежище лицо под следствием, не предъявлено ли ему обвинение, не осуждено ли оно за преступления, связанные с терроризмом, а после предоставления статуса беженца — в целях обеспечения того, чтобы этот статус не использовался в целях подготовки или организации террористических актов, направленных против других государств или их граждан;

4) государства-члены Организации Объединенных Наций подчеркивают, что ищущие убежище лица, которые ждут рассмотрения их ходатайств о предоставлении убежища, не могут в силу этого избегать преследования за совершение террористических актов;

5) государства-члены Организации Объединенных Наций подтверждают важное значение обеспечения эффективного сотрудничества между государствами-членами для того, чтобы те, кто участвует в террористических актах, в том числе путем финансирования, планирования таких актов или подстрекательства к их совершению, предавались правосудию; они подчеркивают свое обязательство, согласно соответствующим положениям международного права, включая международные стандарты в области права человека, взаимодействовать в деле предотвращения, пресечения и ликвидации терроризма и принимать все надлежащие меры в соответствии с их внутренним законодательством либо для выдачи террористов, либо для передачи их дел компетентным органам для целей судебного преследования;

6) в этом контексте — и с учетом суверенных прав государств в вопросах выдачи — государствам рекомендуется при заключении или применении соглашений о выдаче не рассматривать в качестве политических преступлений, исключенных из сферы действия этих соглашений, преступления, связанные с терроризмом, которые являются источником опасности или физической угрозы для безопасности и защиты лиц, какими бы ни были бы мотивы, которые могут приводиться в их оправдание;

7) государствам рекомендуется также, даже в условиях отсутствия договора, рассматривать возможность оказания содействия в выдаче лиц, подозреваемых в совершении террористических актов, в той мере, в какой это допускается их национальным законодательством;

8) государства-члены Организации Объединенных Наций подчеркивают важное значение принятия мер по обмену специальными сведениями и ин

формацией о террористах, их передвижениях, получаемой ими поддержке и их оружии, а также обмену информацией о расследовании террористических актов и судебном преследовании за их совершение.

Источник: Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи, пятьдесят первая сессия, Дополнение № 49 (A/51/49), с. 344—345.

3. Международная конвенция о борьбе с финансированием терроризма

Принята резолюцией 54/109 Генеральной Ассамблеи ООН от 9 декабря 1999 г.

Преамбула

Государства-участники настоящей Конвенции, принимая во внимание цели и принципы Устава Организации Объединенных Наций, касающиеся поддержания международного мира и безопасности и поощрения добрососедских и дружественных отношений и сотрудничества между государствами,

будучи глубоко обеспокоены эскалацией актов терроризма во всех его формах и проявлениях по всему миру,

ссылаясь на Декларацию по случаю пятидесятой годовщины Организации Объединенных Наций, содержащуюся в резолюции 50/6 Генеральной Ассамблеи от 24 октября 1995 года,

ссылаясь также на все соответствующие резолюции Генеральной Ассамблеи по данному вопросу, включая резолюцию 49/60 от 9 декабря 1994 года и приложение к ней, содержащее Декларацию о мерах по ликвидации международного терроризма, в которой государства-члены Организации Объединенных Наций торжественно подтвердили, что они безоговорочно осуждают как преступные и не имеющие оправдания все акты, методы и практику терроризма, где бы и кем бы они ни осуществлялись, в том числе те, которые ставят под угрозу дружественные отношения между государствами и народами и угрожают территориальной целостности и безопасности государств,

отмечая, что в Декларации о мерах по ликвидации международного терроризма государствам предлагается также в срочном порядке провести обзор сферы применения существующих международно-правовых положений о предупреждении, пресечении и ликвидации терроризма во всех его формах и проявлениях с целью обеспечить наличие всеобъемлющих правовых рамок, включающих все аспекты этого вопроса,

ссылаясь на подпункт f пункта 3 резолюции 51/210 Генеральной Ассамблеи от 17 декабря 1996 года, в котором Ассамблея призвала все государства предпринять шаги с тем, чтобы воспрепятствовать и противодействовать посредством соответствующих внутренних мер финансированию террористов и террористических организаций, независимо от того, осуществляется такое финансирование прямо или косвенно через организации, которые также преследуют или утверждают, что преследуют, благотворительные, общественные или культурные цели, или также вовлечены в запрещенные виды деятельности, такие, как незаконные поставки оружия, незаконный оборот наркотиков и вымогательство, включая использование лиц в целях финансирования террористической деятельности, и, в частности, где это уместно, рассмотреть вопрос о принятии мер регулирования.

для того, чтобы воспрепятствовать и противодействовать движению средств, в отношении которых есть подозрения, что они предназначаются для террористических целей, ни в коей мере не ущемляя при этом свободу движения законного капитала, и активизировать обмен информацией о международном движении таких средств,

ссылаясь также на резолюцию 52/165 Генеральной Ассамблеи от 15 декабря 1997 года, в которой Ассамблея призвала государства рассмотреть, в частности, вопрос об осуществлении мер, изложенных в подпунктах а — f пункта 3 ее резолюции 51/210 от 17 декабря 1996 года,

ссылаясь далее на резолюцию 53/108 Генеральной Ассамблеи от 8 декабря 1998 года, в которой Ассамблея постановила, что Специальному комитету, учрежденному резолюцией 51/210 Генеральной Ассамблеи от 17 декабря 1996 года, следует разработать проект международной конвенции о борьбе с финансированием терроризма, которая дополнит соответствующие существующие международные документы,

учитывая, что финансирование терроризма является предметом серьезной озабоченности международного сообщества в целом,

отмечая, что количество и тяжесть актов международного терроризма зависят от финансирования, к которому террористы могут получить доступ,

отмечая также, что в существующих многосторонних правовых документах такое финансирование конкретно не рассматривается,

будучи убеждены в настоятельной необходимости укрепить международное сотрудничество между государствами в деле разработки и принятия эффективных мер по недопущению финансирования терроризма, а также борьбе с ним путем преследования и наказания совершающих его лиц,

договорились о нижеследующем:

Статья 1

Для целей настоящей Конвенции:

1. «Средства» означают активы любого рода, осязаемые или неосязаемые, движимые или недвижимые, независимо от способа их приобретения, а также юридические документы или акты в любой форме, в том числе в электронной или цифровой, удостоверяющие право на такие активы или участие в них, включая банковские кредиты, дорожные чеки, банковские чеки, почтовые переводы, акции, ценные бумаги, облигации, векселя, аккредитивы, но не ограничиваясь ими.

2. «Государственный или правительственный объект» означает любой постоянный или временный объект или транспортное средство, используемые или занимаемые представителями государства, членами правительства, представителями законодательного или судебного органа, либо должностными лицами или служащими государства или любого другого государственного органа или учреждения, либо служащими или должностными лицами межправительственной организации в связи с выполнением ими своих служебных обязанностей.

3. «Поступления» означают любые средства, полученные или приобретенные прямо или косвенно, посредством совершения преступления, указанного в статье 2.

Статья 2

1. Любое лицо совершает преступление по смыслу настоящей Конвенции, если оно любыми методами, прямо или косвенно, незаконно и умышленно предоставляет средства или осуществляет их сбор с намерением, чтобы они использовались, или при осознании

того, что они будут использованы, полностью или частично, для совершения:

а) какого-либо деяния, представляющего собой преступление согласно

сфере применения одного из договоров, перечисленных в приложении, и содержащемуся в нем определению;

Б) любого другого деяния, направленного на то, чтобы вызвать смерть какого-либо гражданского лица или любого другого лица, не принимающего активного участия в военных действиях в ситуации вооруженного конфликта, или причинить ему тяжкое телесное повреждение, когда цель такого деяния в силу его характера или контекста заключается в том, чтобы запугать население или заставить правительство или международную организацию совершить какое-либо действие или воздержаться от его совершения.

2. а) После сдачи на хранение своих ратификационных грамот или документов о принятии, утверждении или присоединении государство, которое не является стороной, участвующей в одном из договоров, перечисленных в приложении, может заявить, что при применении настоящей Конвенции к данному государству-участнику считается, что этот договор не включен в приложение, упомянутое в подпункте *а* пункта 1. Такое заявление перестает действовать, как только этот договор вступает в силу для данного государства-участника, которое уведомляет об этом факте депозитария.

Б) Когда государство-участник перестает быть стороной одного из договоров, перечисленных в приложении, оно может сделать, как это предусматривается в настоящей статье, заявление в отношении этого договора.

3. Для того, чтобы какое-либо деяние составило преступление, указанное в пункте 1, необязательно, чтобы средства фактически использовались для совершения преступления, упомянутого в подпунктах *а* или *Б* пункта 1.

4. Любое лицо также совершает преступление, если оно пытается совершить какое-либо из преступлений, указанных в пункте 1 настоящей статьи.

5. Любое лицо также совершает преступление, если оно:

а) участвует в качестве соучастника в совершении какого-либо из преступлений, указанных в пунктах 1 или 4 настоящей статьи;

б) организует других лиц или руководит ими с целью совершения какого-либо из преступлений, указанных в пунктах 1 или 4 настоящей статьи;

с) способствует совершению одного или нескольких преступлений, указанных в пунктах 1 или 4 настоящей статьи, группой лиц, действующих с общей целью. Такое содействие должно носить умышленный характер и должно оказываться:

I) либо в целях поддержки преступной деятельности или преступных целей группы, когда такая деятельность или цель предполагают совершение одного из преступлений, указанных в пункте 1 настоящей статьи;

II) либо при осознании умысла группы совершить одно из преступлений, указанных в пункте 1 настоящей статьи.

Статья 3

Настоящая Конвенция не применяется в случаях, когда преступление совершено в одном государстве, предполагаемый преступник является гражданином этого государства и находится на территории этого государства и никакое другое государство не имеет оснований для осуществления своей юрисдикции в соответствии с пунктом 1 или 2 статьи 7 настоящей Конвенции, что не исключает применения к этим случаям при соответствующих обстоятельствах положений статей 12—18.

Статья 4

Каждое государство-участник принимает такие меры, которые могут оказаться необходимыми:

а) для признания уголовными преступлениями согласно его внутреннему праву преступлений, указанных в статье 2;

б) для установления за эти преступления соразмерных наказаний с учетом тяжести этих преступлений. **Статья 5**

1. Каждое государство-участник в соответствии с принципами своего внутреннего права принимает необходимые меры для того, чтобы можно было привлечь юридическое лицо, находящееся на его территории или учрежденное по его законам, к ответственности в случае совершения физическим лицом, ответственным за управление этим юридическим лицом, или контроль за ним, которое выступает в своем официальном качестве, преступления, указанного в статье 2. Такая ответственность может носить уголовный, гражданский или административный характер.

2. Такая ответственность наступает без ущерба для уголовной ответственности физических лиц, совершивших эти преступления.

3. Каждое государство-участник обеспечивает, в частности, чтобы к юридическим лицам, несущим ответственность согласно пункту 1 выше, применялись эффективные, соразмерные и действенные уголовные, гражданско-правовые или административные санкции. Такие санкции могут включать финансовые санкции.

Статья 6

Каждое государство-участник принимает такие меры, какие могут оказаться необходимыми, в том числе в соответствующих случаях в области внутреннего законодательства, для обеспечения того, чтобы преступные деяния, подпадающие под действие настоящей Конвенции, ни при каких обстоятельствах не подлежали оправданию по каким бы то ни было соображениям политического, философского, идеологического, расового, этнического, религиозного или иного аналогичного характера.

Статья 7

1. Каждое государство-участник принимает такие меры, которые могут оказаться необходимыми для установления его юрисдикции в отношении преступлений, указанных в статье 2, когда:

- а) преступление совершено на территории этого государства;
- б) преступление совершено на борту судна, плавающего под флагом этого государства, или летательного аппарата, имеющего регистрацию в соответствии с законами этого государства во время совершения преступления;
- с) преступление совершено гражданином этого государства.

2. Государство-участник может также установить свою юрисдикцию в отношении любого такого преступления, когда:

- а) преступление было направлено на совершение преступления, указанного в подпункте *a* или *b* пункта 1 статьи 2, на территории или в отношении одного из граждан этого государства, либо такое преступление было его результатом;
- б) преступление было направлено на совершение преступления, указанного в подпункте *a* или *b* пункта 1 статьи 2, против государственного или правительственного объекта указанного государства за границей, включая помещения дипломатического или консульского представительства этого государства, либо такое преступление было его результатом;
- с) преступление было направлено на совершение преступления, указанного в подпунктах *a* или *b* пункта 1 статьи 2, в попытке принудить это государство совершить какое-либо действие или

воздержаться от его совершения или такое преступление привело к его совершению;

d) преступление совершено лицом без гражданства, которое обычно проживает на территории этого государства;

е) преступление совершено на борту воздушного судна, эксплуатируемого правительством этого государства.

3. При ратификации, принятии, одобрении настоящей Конвенции или присоединении к ней каждое государство-участник уведомляет Генерального секретаря Организации Объединенных Наций об установлении им юрисдикции в соответствии с пунктом 2. В случае каких-либо изменений соответствующее государство-участник немедленно уведомляет об этом Генерального секретаря.

4. Каждое государство-участник принимает также такие меры, которые могут оказаться необходимыми для установления его юрисдикции в отношении преступлений, указанных в статье 2, в случаях, когда лицо, предположительно совершившее преступление, находится на его территории и оно не выдает его ни одному из государств-участников, которые установили свою юрисдикцию в соответствии с пунктами 1 или 2.

5. Когда более чем одно государство-участник претендует на юрисдикцию в отношении одного из преступлений, указанных в статье 2, соответствующие государства-участники стремятся надлежащим образом координировать свои действия, в частности, в отношении порядка уголовного преследования и способов осуществления взаимной правовой помощи.

6. Без ущерба для норм общего международного права настоящая Конвенция не исключает возможности осуществления любой уголовной юрисдикции, установленной государством-участником в соответствии с его внутренним правом.

Статья 8

1. Каждое государство-участник принимает в соответствии с принципами своего внутреннего права необходимые меры для того, чтобы определить, обнаружить, заблокировать или арестовать любые средства, используемые или выделенные в целях совершения преступлений, указанных в статье 2, а также поступления, полученные в результате таких преступлений, для целей возможной конфискации.

2. Каждое государство-участник принимает в соответствии с принципами своего внутреннего права надлежащие меры для конфискации средств, которые использовались или были выделены для целей совершения преступлений, указанных в статье 2, и поступлений, полученных в результате таких преступлений.

3. Каждое соответствующее государство-участник может рассмотреть вопрос о заключении соглашений о разделе с другими государствами на регулярной основе или в каждом конкретном случае средств, полученных в результате конфискации, предусмотренной в этой статье.

4. Каждое государство-участник рассматривает возможность создания механизмов, с помощью которых средства, полученные в результате конфискации, предусмотренной в настоящей статье, использовались бы для выплаты компенсации жертвам преступлений, указанных в подпункте *a* или *b* пункта 1 статьи 2, или членам их семей.

5. Применение положений настоящей статьи осуществляется при условии соблюдения прав добросовестных третьих лиц.

Статья 9

1. Получив информацию о том, что лицо, которое совершило или предположительно совершило преступление, указанное в статье 2, может находиться на его территории, соответствующее государство-участник принимает такие меры, которые могут потребоваться в

соответствии с его внутренним законодательством для расследования фактов, указанных в этой информации.

2. Убедившись, что обстоятельства дают основания для этого, государство-участник, на территории которого находится лицо, совершившее или предположительно совершившее преступление, принимает в соответствии с его внутренним законодательством надлежащие меры по обеспечению присутствия этого лица для целей уголовного преследования или выдачи.

3. Любое лицо, в отношении которого принимаются меры, указанные в пункте 2, имеет право:

а) безотлагательно связаться с ближайшим соответствующим представителем государства, гражданином которого оно является или которое иным образом правомочно защищать права этого лица, или, если оно является лицом без гражданства, — с представителем государства, на территории которого это лицо обычно проживает;

б) на посещение его представителем этого государства;

с) быть информированным о своих правах согласно подпунктам *a* и *б*.

4. Права, указанные в пункте 3, осуществляются в соответствии с законами и постановлениями государства, на территории которого находится лицо, совершившее или предположительно совершившее преступление, с учетом положения о том, что упомянутые законы и постановления должны обеспечивать возможность полного достижения целей, для которых предоставляются права согласно пункту 3 настоящей статьи.

5. Положения пунктов 3 и 4 не наносят ущерба праву любого государства-участника, претендующего на юрисдикцию согласно подпункту *b* пункта 1 или подпункту *b* пункта 2 статьи 7, просить Международный комитет Красного Креста связаться с лицом, предположительно совершившим преступление, и посетить его.

6. После того, как государство-участник в соответствии с настоящей статьей заключило лицо под стражу, оно напрямую или через Генерального секретаря Организации Объединенных Наций безотлагательно уведомляет государства-участники, которые установили юрисдикцию согласно пунктам 1 или 2 статьи 7, и, если оно считает целесообразным, любые другие заинтересованные государства-участники о факте нахождения такого лица под стражей и об обстоятельствах, служащих основанием для задержания этого лица. Государство, которое проводит расследование согласно пункту 1, оперативно сообщает о его результатах упомянутым государствам-участникам и указывает, намерено ли оно осуществить свою юрисдикцию.

Статья 10

1. Государство-участник, на территории которого находится лицо, совершившее или предположительно совершившее преступление, в случаях, к которым применима статья 7, если оно не выдает это лицо, обязано без каких бы то ни было исключений и независимо от того, совершено ли преступление на его территории, без излишних задержек передать дело своим компетентным органам для целей судебного преследования путем проведения разбирательства в соответствии с законодательством этого государства. Эти органы принимают решение таким же образом, как и в случае любого другого преступления тяжкого характера согласно законам этого государства.

2. Во всех случаях, когда внутреннее законодательство государства-участника позволяет ему выдать или иным образом передать одного из своих граждан только при том условии, что это лицо будет возвращено в это государство для отбытия наказания по приговору, вынесенному в результате судебного разбирательства или рассмотрения дела в суде, для которого испрашивалась выдача или передача этого лица, и данное госу-

дарство и государство, ходатайствующее о выдаче этого лица, согласны с этим вариантом и другими условиями, которые они могут признать уместными, такой обусловленной выдачи или передачи будет достаточно для выполнения обязанностей, о которых говорится в пункте 1. Ст а т ь я 11

1. Преступления, указанные в статье 2, считаются подлежащими включению в качестве преступлений, влекущих выдачу, в любой договор о выдаче, заключенный между какими-либо государствами-участниками до вступления настоящей Конвенции в силу. Государства-участники обязуются включать такие преступления в качестве преступлений, влекущих выдачу, во все договоры о выдаче, которые будут впоследствии заключаться между ними.

2. Когда государство-участник, которое обуславливает выдачу наличием договора, получает просьбу о выдаче от другого государства-участника, с которым оно не имеет договора о выдаче, запрашиваемое государство-участник может по своему усмотрению рассматривать настоящую Конвенцию в качестве правового основания для выдачи в связи с преступлениями, указанными в статье 2. Выдача осуществляется с соблюдением других условий, предусмотренных законодательством запрашиваемого государства.

3. Государства-участники, не обуславливающие выдачу наличием договора, рассматривают в отношениях между собой преступления, указанные в статье 2, в качестве преступлений, влекущих выдачу, с соблюдением условий, предусмотренных законодательством запрашиваемого государства.

4. В случае необходимости преступления, указанные в статье 2, рассматриваются государствами-участниками для целей выдачи, как если бы они были совершены не только в месте их совершения, но и на территории государств, которые установили свою юрисдикцию в соответствии с пунктами 1 и 2 статьи 7.

5. Положения всех договоров и договоренностей о выдаче между государствами-участниками, в связи с преступлениями, указанными в статье 2, считаются измененными в отношениях между государствами-участниками в той мере, в какой они несовместимы с настоящей Конвенцией.

Статья 12

1. Государства-участники оказывают друг другу максимальную помощь в связи с уголовными расследованиями, уголовным преследованием или процедурами выдачи в связи с преступлениями, указанными в статье 2, включая содействие в получении имеющихся у них доказательств, которые необходимы для разбирательства.

2. Государства-участники не могут отклонять просьбы о взаимной правовой помощи, ссылаясь на банковскую тайну.

3. Запрашивающая сторона не передает и не использует информацию или доказательства, представленные запрашиваемой стороной, для проведения расследований, уголовного преследования или судебного разбирательства, иных, чем те, которые указаны в просьбе, без предварительного согласия на это запрашиваемой стороны.

4. Каждое государство-участник может рассмотреть вопрос о создании механизмов для того, чтобы делиться с другими государствами-участниками информацией или доказательствами,

необходимыми для установления уголовной, гражданской или административной ответственности согласно статье 5.

5. Государства-участники выполняют свои обязательства по пунктам 1 и 2 в соответствии с любыми договорами или другими договоренностями о взаимной правовой помощи или обмене информацией, которые могут су-

ществовать между ними. В отсутствие таких договоров или договоренностей государства-участники оказывают друг другу помощь согласно их внутреннему законодательству. **Статья 13**

Ни одно из преступлений, указанных в статье 2, не рассматривается для целей выдачи или взаимной правовой помощи как преступление, связанное с налогами. Государства-участники не могут отклонять просьбу о выдаче или взаимной правовой помощи только на основании того, что она касается преступления, связанного с налогами.

Статья 14

Ни одно из преступлений, указанных в статье 2, не рассматривается для целей выдачи или взаимной правовой помощи между государствами-участниками как политическое преступление или преступление, связанное с политическим преступлением, или преступление, совершенное по политическим мотивам. Вследствие этого связанная с таким преступлением просьба о выдаче или взаимной правовой помощи не может быть отклонена лишь на том основании, что она касается политического преступления или преступления, связанного с политическим преступлением, или преступления, совершенного по политическим мотивам.

Статья 15

Ничто в настоящей Конвенции не должно толковаться как налагающее обязательство выдавать какое-либо лицо или оказывать взаимную помощь, если запрашиваемое государство-участник имеет веские основания полагать, что просьба о выдаче в связи с преступлением, упомянутыми в статье 2, или о взаимной правовой помощи в отношении таких преступлений имеет целью судебное преследование или наказание этого лица по причине его расы, вероисповедания, гражданства, этнического происхождения или политических убеждений или что удовлетворение этой просьбы нанесло бы ущерб положению этого лица по любой из этих причин.

Статья 16

1. Лицо, которое находится под стражей или отбывает срок тюремного заключения в одном государстве-участнике и присутствие которого в другом государстве-участнике требуется для целей установления личности, дачи показаний или оказания иной помощи в получении доказательств для расследования или уголовного преследования в связи с преступлениями, указанными в статье 2, может быть передано с соблюдением следующих условий:

а) это лицо свободно дает на то свое согласие на основе полной информации;

б) компетентные власти обоих государств достигли согласия на таких условиях, которые эти государства могут счесть приемлемыми.

2. Для целей настоящей статьи:

а) государство, которому передается лицо, правомочно и обязано содержать переданное лицо под стражей, если только государство, которое передало это лицо, не просило об ином или не санкционировало иное;

б) государство, которому передано лицо, без задержек выполняет свое обязательство по возвращению этого лица в распоряжение государства, которое ранее передало это лицо, как это было согласовано заранее или как это было иным образом согласовано компетентными властями обоих государств;

с) государство, которому передано лицо, не должно требовать от государства, которое передало это лицо, возбуждения процедуры выдачи для его возвращения;

d) переданному лицу в срок наказания, отбываемого в государстве, из которого оно передано, зачитывается срок содержания под стражей в государстве, которому оно передано.

3. Без согласия государства-участника, из которого в соответствии с настоящей статьей должно быть передано то или иное лицо, это лицо, независимо от его гражданства, не подлежит преследованию или содержанию под стражей и не может подвергаться какому-либо иному ограничению в отношении его личной свободы на территории государства, которому передано это лицо, в связи с действиями или вынесенными в отношении него приговорами до его отбытия с территории государства, из которого оно передано.

Статья 17

Любому лицу, которое взято под стражу или в отношении которого приняты любые другие меры или осуществляется разбирательство в соответствии с настоящей Конвенцией, гарантируется справедливое обращение, в том числе пользование всеми правами и гарантиями в соответствии с законодательством государства, на территории которого это лицо находится, и применимыми положениями международного права, включая международные стандарты в области прав человека.

Статья 18

1. Государства-участники сотрудничают в предупреждении преступлений, указанных в статье 2, путем принятия всех практически осуществимых мер, в частности, путем изменения, при необходимости, их внутреннего законодательства для воспрепятствования или противодействия подготовке в пределах их соответствующих территорий к совершению этих преступлений на их территории или за ее пределами, в том числе:

a) мер, запрещающих на их территориях незаконную деятельность лиц или организаций, которые умышленно поощряют, подстрекают, организуют или совершают преступления, указанные в статье 2;

b) мер, обязывающих финансовые учреждения и другие организации, участвующие в совершении финансовых операций, принимать самые эффективные из имеющихся в их распоряжении мер для идентификации их постоянных или случайных клиентов, а также клиентов, в пользу которых открыты счета, и обращать особое внимание на необычные или подозрительные операции и сообщать об операциях, предположительно связанных с преступной деятельностью. С этой целью государства-участники изучают возможность:

I) принятия правил, запрещающих открытие счетов, владельцы или бенефициары которых не идентифицированы или не могут быть идентифицированы, и мер для обеспечения проверки такими учреждениями личности настоящих участников таких операций;

II) в отношении идентификации юридических лиц — к предъявления финансовым учреждениям требования, когда это необходимо, принимать меры по проверке юридического статуса и структуры клиента посредством получения — от государственного регистрационного органа, клиента или от обоих — доказательства оформления клиента как юридического лица, включая данные о наименовании клиента, его юридической форме, адресе, руководителях и положениях, регулирующих полномочия по принятию

обязательств от имени этого юридического лица;

III) принятия правил, налагающих на финансовые учреждения обязательство оперативно сообщать компетентным властям обо всех сложных, необычайно крупных операциях и о необычной динамике операций, не

имеющих явной экономической или очевидно законной причины, не опасаясь при этом уголовной или гражданской ответственности за нарушение любых ограничений на разглашение информации, если они добросовестно сообщают о своих подозрениях;

/^предъявления к финансовым учреждениям требования хранить в течение как минимум пяти лет все необходимые документы по операциям, как внутренним, так и международным.

2. Государства-участники сотрудничают далее в предупреждении преступлений, указанных в статье 2, изучая возможность:

a) принятия мер по наблюдению за работой всех агентств, осуществляющих денежные переводы, включая, например, их лицензирование;

b) принятия реально осуществимых мер по выявлению или отслеживанию физического перемещения наличных средств и оборотных документов на предъявителя через границу при строгом соблюдении гарантий надлежащего использования информации и без ограничения в какой бы то ни было форме свободы движения капитала.

4. Государства-участники сотрудничают далее в предупреждении преступлений, указанных в статье 2, путем обмена точными и проверенными данными в соответствии с их внутренним законодательством и координации административных и других мер, принимаемых, когда это необходимо, в целях предупреждения совершения преступлений, указанных в статье 2, в частности, путем:

a) создания и обеспечения функционирования каналов связи между их компетентными учреждениями и службами с целью содействовать защитному и оперативному обмену информацией обо всех аспектах преступлений, указанных в статье 2;

b) сотрудничества друг с другом в проведении расследований в связи с преступлениями, указанными в статье 2, касающихся:

I) личности, местонахождения и рода занятий лиц, в отношении которых существуют обоснованные подозрения в том, что они причастны к таким преступлениям;

II) перемещения финансовых средств, имеющих отношение к совершению таких преступлений.

4. Государства-участники могут обмениваться информацией через Международную организацию уголовной полиции (Интерпол). **Статья 19**

Государство-участник, в котором предполагаемый преступник подвергается уголовному преследованию, сообщает в соответствии со своим внутренним законодательством или применимыми процедурами об окончательных результатах разбирательства Генеральному секретарю Организации Объединенных Наций, который направляет эту информацию другим государствам-участникам.

Статья 20

Государства-участники выполняют свои обязательства по настоящей Конвенции таким образом, чтобы это отвечало принципам суверенного равенства и территориальной целостности государств и принципу невмешательства во внутренние дела других государств.

Статья 21

Ничто в настоящей Конвенции не затрагивает других прав, обязательств и обязанностей государств и отдельных лиц согласно международному праву, в частности, целям Устава Организации Объединенных Наций, международному гуманитарному праву и другим соответствующим конвенциям.

Статья 22

Ничто в настоящей Конвенции не наделяет государство-участника правом осуществлять на территории другого государства-участника юрисдикцию и функции, которые входят исключительно в компетенцию властей этого другого государства-участника в соответствии с его внутренним законодательством.

Статья 23

1. В приложение можно вносить поправки посредством добавления договоров, которые:

а) открыты для участия всех государств;

б) вступили в силу;

в) ратифицировали, приняли, одобрили или к которым присоединились по крайней мере двадцать два государства-участника настоящей Конвенции.

2. После вступления в силу настоящей Конвенции любое государство-участник может предложить такую поправку. Любое предложение о внесении поправки препровождается депозитарию в письменном виде. Депозитарий уведомляет обо всех предложениях, отвечающих требованиям пункта 1, все государства-участники и запрашивает их мнение в отношении того, следует ли принимать предлагаемую поправку.

3. Предлагаемая поправка считается принятой, за исключением случаев, когда одна треть государств-участников возражает против нее, письменно уведомив об этом не позднее чем через 180 дней после ее распространения.

4. Принятая поправка к приложению вступает в силу через 30 дней после сдачи на хранение двадцать второй ратификационной грамоты или документа о принятии, или одобрении такой поправки для всех государств-участников, сдавших на хранение такой документ. Для каждого государства-участника, ратифицирующего, принимающего или одобряющего поправку после сдачи на хранение двадцать второй ратификационной грамоты, поправка вступает в силу на тридцатый день после сдачи на хранение таким государством-участником его ратификационной грамоты или документа о принятии или одобрении. г

Статья 24

1. Любой спор между двумя или более государствами-участниками относительно толкования или применения настоящей Конвенции, который не может быть урегулирован путем переговоров в течение разумного периода времени, передается по просьбе одного из них на арбитраж. Если в течение шести месяцев со дня обращения с просьбой об арбитраже стороны не смогут договориться о его организации, любая из этих сторон может передать спор в Международный Суд, обратившись с заявлением в соответствии со статусом Суда.

2. Каждое государство может при подписании, ратификации, принятии, одобрении настоящей Конвенции или присоединении к ней заявить о том, что оно не считает себя связанным положениями пункта 1. Другие государства-участники не будут связаны положениями пункта 1 в отношении любого государства-участника, сделавшего такую оговорку.

3. Любое государство, сделавшее оговорку в соответствии с пунктом 2, может в любое время снять эту оговорку путем уведомления Генерального секретаря Организации Объединенных Наций.

Статья 25

1. Настоящая Конвенция открыта для подписания всеми государствами

с 10 января 2000 года по 31 декабря 2001 года в Центральных учреждениях Организации Объединенных Наций в Нью-Йорке.

2. Настоящая Конвенция подлежит ратификации, принятию или одобрению. Ратификационные грамоты или документы о принятии или одобрении сдаются на хранение Генеральному секретарю Организации Объединенных Наций.

3. Настоящая Конвенция открыта для присоединения любого государства. Документы о присоединении сдаются на хранение Генеральному секретарю Организации Объединенных Наций.

Статья 26

1. Настоящая Конвенция вступает в силу на тридцатый день после сдачи на хранение Генеральному секретарю Организации Объединенных Наций двадцати двух ратификационных грамот или документов о принятии, одобрении или присоединении.

2. Для каждого государства, которое ратифицирует, принимает, одобряет настоящую Конвенцию или присоединяется к ней после сдачи на хранение двадцати двух ратификационных грамот или документов о принятии, одобрении или присоединении, Конвенция вступает в силу на тридцатый день после сдачи на хранение этим государством его ратификационной грамоты или документа о принятии, одобрении или присоединении.

Статья 27

1. Любое государство-участник может денонсировать настоящую Конвенцию путем письменного уведомления Генерального секретаря Организации Объединенных Наций.

2. Денонсация вступает в силу по истечении одного года с даты получения уведомления Генеральным секретарем Организации Объединенных Наций.

Статья 28

Подлинник настоящей Конвенции, тексты которой на английском, арабском, испанском, китайском, русском и французском языках являются равно аутентичными, сдается на хранение Генеральному секретарю Организации Объединенных Наций, который рассылает заверенные копии настоящей Конвенции всем государствам.

В удостоверение чего нижеподписавшиеся, должным образом на то уполномоченные своими соответствующими правительствами, подписали настоящую Конвенцию, открытую для подписания в Центральных учреждениях Организации Объединенных Наций в Нью-Йорке 10 января 2000 года.

Приложение

1. Конвенция о борьбе с незаконным захватом воздушных судов, совершенная в Гааге 16 декабря 1970 года.

2. Конвенция о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности гражданской авиации, совершенная в Монреале 23 сентября 1971 года.

3. Конвенция о предотвращении и наказании преступлений против лиц, пользующихся международной защитой, в том числе дипломатических агентов, принятая Генеральной Ассамблеей Организации Объединенных Наций 14 декабря 1973 года.

4. Международная конвенция о борьбе с захватом заложников, принятая Генеральной Ассамблеей Организации Объединенных Наций 17 декабря 1979 года.

5. Конвенция о физической защите ядерного материала, принятая в Вене 3 марта 1980 года.

6. Протокол о борьбе с незаконными актами насилия в аэропортах, обслуживающих международную гражданскую авиацию, дополняющий Конвенцию о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности гражданской авиации, совершенный в Монреале 24 февраля 1988 года.

7. Конвенция о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности морского судоходства, совершенная в Риме 10 марта 1988 года.

8. Протокол о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности стационарных платформ, расположенных на континентальном шельфе, совершенный в Риме 10 марта 1988 года.

9. Международная конвенция о борьбе с бомбовым терроризмом, принятая Генеральной Ассамблеей Организации Объединенных Наций 15 декабря 1997 года.

Текст сверен по документу ООН A/54/615.

4. Резолюция 1373 (2001), принятая Советом Безопасности на его 4385-м заседании, 28 сентября 2001 года

Совет Безопасности, подтверждая свои резолюции 1269 (1999) от 19 октября 1999 года и 1368 (2001) от 12 сентября 2001 года,

подтверждая также свое безоговорочное осуждение террористических нападений, которые были совершены 11 сентября 2001 года в Нью-Йорке, Вашингтоне (округ Колумбия) и Пенсильвании, и заявляя о своей решимости предотвращать все подобные акты,

подтверждая далее, что такие действия, как и любой акт международного терроризма, представляет собой угрозу для международного мира и безопасности,

подтверждая неотъемлемое право на индивидуальную или коллективную самооборону, признанное в Уставе Организации Объединенных Наций и подтвержденное в резолюции 1368 (2001),

подтверждая необходимость бороться всеми средствами, в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций, с угрозами для международного мира и безопасности, создаваемыми террористическими актами,

будучи глубоко озабочен увеличением в различных регионах мира числа актов терроризма, мотивами которых являются нетерпимость или экстремизм,

призывая государства срочно предпринять совместные усилия с целью предотвращения и пресечения террористических актов, в том числе путем расширения сотрудничества и обеспечения полного осуществления соответствующих международных конвенций, касающихся терроризма,

признавая необходимость того, чтобы государства в дополнение к международному сотрудничеству принимали дополнительные меры с целью предотвращения и пресечения на своей территории, с использованием всех законных средств, финансирования и подготовки любых актов терроризма,

вновь подтверждая провозглашенный Генеральной Ассамблеей в ее Декларации от октября 1970 года (2625 (XXV)) и подтвержденный Советом Безопасности в его резолюции 1189 (1998) от 13 августа 1998 года принцип, заключающийся, в частности, в том, что каждое государство-член обязано воздерживаться от организации, подстрекательства, оказания по мощи или участия в террористических актах в другом государстве или от потворствования организационной деятельности в пределах своей территории, направленной на совершение таких актов,

действуя на основании главы VII Устава Организации Объединенных Наций,

1) постановляет, что все государства должны:

a) предотвращать и пресекать финансирование террористических актов;

b) ввести уголовную ответственность за умышленное предоставление или сбор средств, любыми методами, прямо или косвенно, их гражданами или на их территории с намерением, чтобы такие средства использовались — или при осознании того, что они будут использованы, — для совершения террористических актов;

c) безотлагательно заблокировать средства и другие финансовые активы или экономические ресурсы лиц, которые совершают или пытаются совершить террористические акты, или участвуют в совершении террористических актов, или содействуют их совершению; организаций, прямо или косвенно находящихся в собственности или под контролем таких лиц, а также и лиц, и организаций, действующих от имени или по указанию таких лиц и организаций, включая средства, полученные или приобретенные с помощью собственности, прямо или косвенно находящейся во владении или под контролем таких лиц и связанных с ними лиц и организаций;

d) запретить своим гражданам или любым лицам и организациям на своей территории предоставление любых средств, финансовых активов или экономических ресурсов, или финансовых или иных соответствующих услуг, прямо или косвенно, для использования в интересах лиц, которые совершают или пытаются совершить террористические акты, или содействуют или участвуют в их совершении, организаций, прямо или косвенно находящихся в собственности или под контролем таких лиц, а также лиц и организаций, действующих от имени или по указанию таких лиц;

2) постановляет также, что все государства должны:

a) воздерживаться от предоставления в любой форме поддержки — активной или пассивной — организациям или лицам, замешанным в террористических актах, в том числе путем пресечения вербовки членов террористических групп и ликвидации каналов поставок оружия террористам;

b) принять необходимые меры в целях предотвращения совершения террористических актов, в том числе путем раннего предупреждения других государств с помощью обмена информацией;

c) отказывать в убежище тем, кто финансирует, планирует, поддерживает или совершает террористические акты, или предоставляет убежище;

d) не допускать, чтобы те, кто финансирует, планирует, оказывает содействие или совершает террористические акты, использовали свою территорию в этих целях против других государств или их граждан;

e) обеспечивать, чтобы любое лицо, принимающее участие в финансировании, планировании, подготовке или совершении террористических

актов или в поддержке террористических актов, привлекалось к судебной

ответственности, и обеспечить, чтобы, помимо любых других мер в отно-

шении этих лиц, такие террористические акты квалифицировались как

серьезные уголовные правонарушения во внутригосударственных

законах и чтобы наказание должным образом отражало и
положениях и чтобы наказание должным образом отражало
серьезность
таких террористических актов;

О оказывать друг другу всемерное содействие в связи с
уголовными расследованиями или уголовным преследованием,
которые имеют отношение к финансированию или поддержке
террористических актов, включая содействие в получении
имеющихся у них доказательств, необходимых для такого
преследования;

g) предотвращать передвижение террористов или террористических групп с помощью эффективного пограничного контроля и контроля за выдачей документов, удостоверяющих личность, и проездных документов, а также с помощью мер предупреждения фальсификации, подделки или незаконного использования документов, удостоверяющих личность, и проездных документов;

3) призывает все государства:

a) найти возможности активизации и ускорения обмена оперативной информацией, особенно о действиях или передвижениях террористов или террористических сетей; подделанных или фальсифицированных проездных документах; торговле оружием, взрывчатыми веществами или материалами двойного назначения; использовании террористическими группами коммуникационных технологий; и угрозе, которую представляет владение террористическими группами оружием массового уничтожения;

b) обмениваться информацией в соответствии с международным правом и внутригосударственным законодательством и сотрудничать в административных и судебных вопросах в целях предотвращения совершения террористических актов;

c) сотрудничать, особенно в рамках двусторонних и многосторонних механизмов и соглашений, в целях предотвращения и пресечения террористических нападений и принимать меры против виновных в совершении таких актов;

d) стать как можно скорее участниками соответствующих международных конвенций и протоколов о борьбе с терроризмом, включая Конвенцию о борьбе с финансированием терроризма от 9 декабря 1999 года;

e) полностью осуществить соответствующие международные конвенции и протоколы, касающиеся терроризма, и резолюции 1269 (1999) и 1368 (2001) Совета Безопасности и расширить сотрудничество в этой области;

О принимать, до предоставления статуса беженца, надлежащие меры согласно соответствующим положениям внутригосударственного законодательства и международного права, включая международные стандарты в области прав человека, с целью удостовериться в том, что лица, ищущие убежище, не планировали террористических актов, не содействовали им и не участвовали в их совершении;

g) обеспечить, чтобы в соответствии с международным правом исполнители и организаторы террористических актов или их пособники не злоупотребляли статусом беженца и чтобы ссылки на политические мотивы не признавались в качестве основания для отклонения просьб о выдаче подозреваемых в причастности к терроризму лиц;

4) с озабоченностью отмечает тесную связь между международным терроризмом и транснациональной организованной преступностью, незаконными наркотиками, отмыванием денег, незаконным оборотом оружия и незаконными перевозками ядерных, химических, биологических и других потенциально смертоносных материалов и в этой связи подчеркивает необходимость улучшения координации усилий на национальном, субрегиональном, региональном и международном уровнях с целью усиления всемирной реакции на этот серьезный вызов и угрозу международной безопасности;

5) заявляет, что акты, методы и практика терроризма противоречат целям и принципам Организации Объединенных Наций и что сознательное финансирование и планирование террористических актов и подстрекательство к ним также противоречат целям и принципам Организации Объединенных Наций;

6) постановляет учредить, в соответствии с правилом 28 своих временных правил процедуры, комитет Совета Безопасности, состоящий из всех членов Совета, для контроля за осуществлением настоящей резолюции, с использованием необходимых экспертов, и призывает все государства представить этому комитету не позднее чем через 90 дней после даты принятия настоящей резолюции доклад, а в дальнейшем представлять, согласно графику, который будет предложен комитетом, доклады о шагах, предпринятых ими для осуществления настоящей резолюции;

7) поручает этому комитету организовать свою работу, определить свои задачи, представить программу работы в течение 30 дней после принятия настоящей резолюции и рассмотреть вопрос о необходимой ему поддержке в консультации с Генеральным секретарем;

8) выражает свою решимость предпринять все необходимые шаги с целью обеспечить полное осуществление настоящей резолюции в соответствии со своими обязанностями по Уставу;

9) постановляет продолжать заниматься этим вопросом.

ПРИМЕЧАНИЯ

Введение

¹ В 1990 году Верховный Совет Чечено-Ингушской ЛССР принял Декларацию о государственном суверенитете. В сентябре 1991 года общественное движение Общенациональный конгресс чеченского народа (ОКЧН) объявил о государственном суверенитете и республика стала называться Чечено-Ингушской Республикой. 1 ноября 1991 года Парламент Чеченской Республики объявил о государственном суверенитете и выходе республики из состава Российской Федерации. Эти акты не признаны Российской Федерацией.

В 1992 г. образована Ингушская Республика (вскоре переименованная в Республику Ингушетия) в составе Российской Федерации. Граница между Чечней и Ингушетией до сих пор не демаркирована из-за спорного между Чечней и Ингушетией Сунженского района.

² В 1830 году Д. Уэбстер объявил Конституцию актом высшего волеизъявления американского народа, в результате которого была образована единая нация, а штаты, сохранив второстепенные атрибуты власти, отказались от важнейшего права — выхода из США. После Гражданской войны (1865) такое толкование Конституции США стало общепризнанным.

³ Дзидзоев В.Д. Национальная политика: уроки опыта (3-е издание). Владикавказ, 2002, с. 11.

* Латентный (от лат. latent) — скрытый, невидимый.

Глава I

⁵ Тернистый путь к свободе. Грозный, 1992, с.3.

^с А й д а е в Ю. А. (составление и общая редакция сборника статей) Чеченцы: история и современность. М., 1996; А в т о р х а н о в А. Г. Краткий историко-культурный и экономический очерк о Чечне. Ростов-на-Дону, 1931; А л б а к о в а Ф. Ю. Проблемы развития традиционной культуры вайнахов. М., 1999; А л и р о е в И. Ю. Язык, история и культура вайнахов. Грозный, 1990; А р у т ю н о в С. А., К о б ы ч е в В. П.-В краю гор и виноградников. М., 1989; Б е р ж е А. П. Чечня и чеченцы (второе издание). Грозный, 1991; Волкова Н.Г. Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII — начале XIX вв. М., 1974; Волкова Н. Г. Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа. М., 1973; Д а - у е в С. А. Чечня; коварные таинства истории. М., 1999; З а к с А. Б. Северный Кавказ: историко-бытовая экспедиция Государственного института музея: 1936—1937 гг. М., 1991; К а л о е в Б. А. Дневник кавказоведа. Владикавказ, 2002; К о с в е н М. О. Этнография и история Кавказа. М., 1961; К р у п н о е Е. И. Средневековая Ингушетия. М., 1971; К у д а е в С. Г. Огнем и железом. Майкоп, 1998; Л а в р о в Л. И. Этнография Кавказа (По полевым материалам 1924—1978 гг.). Л., 1982; М а л ь с а г о в А. П. На горной тропе (Очерки о людях чечено-ингушской деревни). Грозный, 1966; М е ж и д о в Д. Д. Мудрость обычая (Обычаи, традиции вайнахов). Грозный, 1989; Народы Кавказа / Под ред. М.О.Косвена и др. М., 1960; Н у н у е в С. Х. Нахи и священная история. Ярославль, 1998; О ш а е в Х. Д. В сердце Чечни. Грозный, 1928; П о ж и д а е в В. П. Горцы Северного Кавказа. Ингуши, чеченцы, хевсуры, осетины и кабардинцы. М. Л., 1926; А н и к а н о в М. М. Чеченцы. Набережные Челны—

Москва, 1995; Б л и е в М. М. К вопросу о хозяйственном строе Чечни XVIII — первой половины XIX в. // Вопросы истории народов Кавказа. Сборник статей, посвященный памяти З.В.Анчабадзе. Тбилиси, 1988, с.211 — 234; Г р и ц е н к о Н. П. Современники середины XIX века о Чечне и чеченцах // Археолого-этнографический сборник. Т.П. Грозный, 1968, с.290—307; Л а у д а е в У. Вольный, как волк // Родина, 2000, №1/2, с.22—27; Л а у д а е в У. Чеченское племя// Сборник сведений о кавказских горцах. Вып. VI. Тифлис, 1872; История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. М., 1988; и др.

¹ Д з и д з о е в В. Д. Национальная политика: уроки опыта (3-е издание). Владикавказ, 2002; Его же. Анализ концепции «разорванной страны» сквозь призму современных российско-чеченских отношений // Современные гуманитарные исследования, 2005, №4, с. 18—24 (в соавторстве с Н.Н.Левченко); Санглибаев А.А. Этнонациональные проблемы северокавказской геополитики. Черкесск, 2002; Б а л к о е в Т. М. Национальная политика советского государства на Северном Кавказе в годы Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.). Владикавказ, 2002 (в соавторстве с Е.О.Медоевым); Его же. К историографии национальной политики на Северном Кавказе в годы Великой Отечественной войны // История и философия культуры: актуальные проблемы. Вып. 4, Владикавказ, 1999, с.80—94. Его же. Политика национального единства в годы Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.) // Вестник СОГУ. Общественные науки. № 2, с.71-75; Владикавказ, 2000. Его же. К вопросу о заселении земель на Северном Кавказе в 1943—1946 гг. // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. № 2, Ростов-на-Дону, 2003, с.48—51; Его же. Национальная политика советского государства на Северном Кавказе в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. Диссертация докт. ист. наук. Северо-Осетинский го-суниверситетим. К. Л. Хетагурова. Владикавказ, 2003; Г а т е е в В. М. Межнациональные и этнополитические процессы на Северном Кавказе в период демократических реформ (1991-2005 гг.). Владикавказ, 2005; К р а в ч е н к о И. Н. Чеченский кризис: причины, характер, последствия (90-е годы XX в.). Владикавказ, 2004; Б у г а й Н. Ф. Правда о депортации чеченского и ингушского народов // Вопросы истории. М., 1990, №7, с.32—44; Б о к о в Х. Х. Эхо невозвратного прошлого // Москва, 1989, №1, с. 160—167; И б р а г и м б е й л и Х.-М. Сказать правду о трагедии народов // Политическое образование. М., 1989, № 4, с. 58—63; Г о н о в А. М. Проблемы депортации и реабилитации репрессированных народов Северного Кавказа: 20-е—90-е годы XX века. Диссертация докт. ист. наук. Ростовский госуниверситет. Ростов-на-Дону, 1998; Б у г а е в А. М. Развитие Чечено-Ингушетии как советской автономии. 1957—1978 гг. Диссертация канд. ист. наук. Институт истории СССР АН СССР. М., 1987; С у л - т ы г о в а Л. А. Национальная политика большевистской партии и Советского государства на Северном Кавказе (1917-1924 гг.). Диссертация канд. ист. наук. М., 1991 и др.

⁸ Цит. по: Кравченко И.Н. Чеченский кризис: причины, характер последствия (90-е годы XX века). Владикавказ, 2004, с. 13.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же, с. 15-16.

¹¹ Там же, с. 16.

¹² Там же.

¹³ Там же.

¹⁴ II съезд народов Терека — или II Пятигорско-Владикавказский съезд народов Терека (23.02—28.02.1918 г.). Главным было решение вопросов о социализации земли, признания равенства всех народов, населяющих регион, и признание советской власти на Северном Кавказе. Подробнее см.: Дзидзоев В.Д. Белый и красный террор на Северном Кавказе в 1917—1918 годах. (Издание второе, исправленное и дополненное). Владикавказ, 2000, с.46—85.

¹⁵ Дзидзоев В. Д. Белый и красный террор на Северном Кавказе в 1917-1918 годах, с.77.

¹⁶ Кравченко И. Н. Указ. соч., с. 16.

"Хасбулатов Р. И. Чечня: мне не дали остановить войну (Записки миротворца). М., 1995, с.9.

¹⁸ Чеченцы: история и современность (Составление и общая редакция Ю.А. Айдаева). М., 1996, с. 15.

¹⁹ Там же.

"Угланов А., Колесниченко А. Крестовый поход за нефтью // Аргументы и факты, № 24, 2004, с.8.

²¹ Нетребат, Цепляев В. Национальные регионы «под нож»? // Аргументы и факты, № 15, 2006, с.4.

²² Кравченко И. Н. Указ. соч., с. 25.

²³ Там же.

²⁴ Хасбулатов Р. И. Указ. соч., с.8.

²⁵ Там же.

²⁶ Абдулатипов Р. Г. Управление этнополитическими процессами: вопросы теории и практики. М., 2001, с.357.

²⁷ Иванов В. Н. Межнациональные конфликты: социопсихологический аспект // Социс, № 4, 1992, с. 18.

²⁸ Государственный архив Российской Федерации (далее ГАРФ), Ф. 10026, оп.4, д.46, л.88.

²⁹ Там же, л.89-90.

³⁰ Там же.

³¹ Центральный государственный архив Республики Дагестан (в дальнейшем ЦГА РД), Ф.Р-174, оп.36, д.21, л.210-211.

³² Там же, л.212.

³³ Там же, л.213.

³⁴ Российский государственный архив социально-политической истории (в дальнейшем РГАСПИ), ф.82, оп.46, д.20, л. 10.

³⁵ Барни А. Фавориты Б. Ельцина // Аргументы и факты, № 29, 1994, с.3.

³⁶ Блицкриг не удался // Аргументы и факты, №1—2, 1995, с.2.

³⁷ Макаров Д. Почему же не вернули Березовского? // Аргументы и факты, №44, 2003, с. 4.

³⁸ Форман Д. Е. Наши десять лет. Политический процесс в России с 1992 по 2001 год, М.-СПб., 2001, с. 185.

³⁹ Куликов А., Лембик С. Чеченский узел. Хроника вооруженного конфликта 1994-1996 гг. М., 2000, с. 50.

⁴⁰ Санглибаев А. А. Этнонациональные проблемы северокавказской геополитики. Черкесск, 2002, с. 13.

⁴¹ Козлов В. А. Массовые беспорядки в СССР при Хрущеве и Брежнев. Новосибирск, 1999, с. 103.

"Хасбулатов Р. И. Указ.соч., с. 19.

⁴³ Дзидзоев В. Д., Кадилаев А. М. В поисках национального согласия. Махачкала, 1992, с.22.

- ⁴⁴ Там же.
- ⁴⁵ Х а с б у л а т о в Р. И. Указ. соч., с.6.
- ⁴⁶ Одинокий волк на троне независимости. М., 1996, с.22.
- ⁴⁷ Г а к а е в Дж. Дж. Очерки политической истории Чечни. XX век. В 2-х частях. М., 1997, с.182.
- ⁴⁸ Там же.
- ⁴⁹ Там же.
- ⁵⁰ А б д у л а т и п о в Р. Г. Национальный вопрос и государственное устройство России. М., 2000, с.302.
- ⁵¹ Основные направления государственной и национальной политики Российской Федерации на Северном Кавказе. М., 1999, с. 105.
- ⁵² Тернистый путь к свободе. Грозный, 1992, с. 12—13.
- ⁵³ К о з л о в В. А. Указ. соч., с. 100.
- ⁵⁴ К о з л о в В. А. Указ. соч., с.101.
- ⁵⁵ Т р и ф о н о в Е. Дружба народов с шашкой наголо // Новое время, М° 5, 1999, с.И.
- ⁵⁶ И с к а н д а р я н А. Чеченский тупик: выхода нет? Или он с другой стороны? // Новое время, № 49, 1994, с.7.
- ⁵⁷ Т и ш к о в В. А. Общество в вооруженном конфликте. Этнография чеченской войны. М., 2001, с. 247.
- ⁵⁸ Т а м ж е, с. 246.
- ⁵⁹ Т а м ж е, с. 248.
- ⁶⁰ Яков В. Свидетеля лучше убрать // Известия, 1995, 14 января.
- ⁶¹ Там же.
- ⁶² Г а к а е в Дж. Дж. Указ. соч., с. 192.
- ⁶³ Там же, с. 193.
- ⁶⁴ Там же.
- ⁶⁵ П а и н Э., П о п о в А. Российская политика в Чечне: как она зарождалась, как привела к войне и чем отзовется завтра (Криминальный режим) // Известия, 1995, 8 февраля.
- ⁶⁶ Ш а х р а и С. Что там в Чечне? // Аргументы и факты, №28, 1994, с.2.
- ⁶⁷ ГАРФ, ф. 10026, оп.4, д.42, л. 180-181.
- ⁶⁸ Одинокий волк на троне независимости. М., 1996, с. 17. ⁶⁹ Гакаев Дж. Дж. Указ. соч., с. 146.
- ⁷⁰ Д ж о х а р Д у д а е в : «Брать силой чеченцев — занятие бессмысленное» // Аргументы и факты, № 49, 1994, с.6. " Г а к а е в Дж. Дж. Указ. соч., с. 143.
- ⁷¹ Там же.
- ⁷² Террор без границ // Аргументы и факты, № 5, 1998, с.7.
- ⁷³ РГАСПИ, ф.82, оп.46, Д.22, л. 166-167.
- ⁷⁴ Д з и д з о е в В. Д. Кавказ конца XX века: тенденции этнополитического развития (историко-политологическое исследование). Второе издание. Владикавказ, 2004, с. 258-259.
- ⁷⁵ ГАРФ, ф. 10026, оп.4, д.42, л. 158-159.
- ⁷⁶ Д з и д з о е в В. Д. Указ. соч., с.272.
- ⁷⁷ Г а к а е в Дж. Дж. Указ. соч., с. 144.
- ⁷⁸ Конституция Российской Федерации. Официальный текст. М., 2004, с.4.
- ⁷⁹ Указ. соч., с.18.
- ⁸⁰ Указ. соч., с. 17.
- ⁸¹ «Афганский» вариант для решения «чеченского» вопроса // Новое время, № 49, 1994, с.8.
- ⁸² Л ю б а р с к и й К. Проигранная война // Новое время, № 49, 1994, с.14.

⁸⁴ ГАРФ, Ф. 10026, оп.4, д.42, л. 168.

⁸⁵ Там же, л. 169.

⁸⁶ Там же, л. 170.

⁸⁷ Тернистый путь к свободе. Грозный, 1992, с.3.

«Хасбулатов Р. И. Указ. соч., с.27-28.

Таджиев Г. А. Конституционно-правовой анализ конфликта в Чечне // Этнополитический вестник, 1995, №5, с.90—92.

"Макаров Д., А. Стерлигов: «Следующим президентом в России будет генерал» // Аргументы и факты, №37, 1994, с.2.

⁹¹ Дзидзоев В.Д. Указ. соч., с. 307.

⁹² Кузнецова Т. Басаеву Запад поможет. Нам - нет // Аргументы и факты, № 47, 2005, с. 12.

⁹³ Интервью Дж. М. Дудаева корреспонденту радио «Свобода» // Хасэ, 1995, 7 января; Обращение Елены Боннэр к родителям российских солдат, вовлеченных в бессмысленную бойню на территории Чеченской Республики // Хасэ, 1995, 7 января; Обращение российских военнослужащих, взятых в плен во время штурма Грозного 31.12.94 — 1.01.95 г. // Хасэ, 1995, 7 января; Трагические результаты войны в Чеченской Республике // Хасэ, 1995, 7 января; Резолюция Съезда народов Кавказа (принята на Съезде народов Кавказа 11 января 1995 года в Махачкале) // Хасэ, 1995, 14 января; Обращение международной черкесской ассоциации к руководителям республик, краев и областей Северного Кавказа // Хасэ, 1995, 14 января; Маев М. Там страшная война // Хасэ, 1995, 7 января; Хатажуков В. «Чеченский народ можно только истребить, но никогда не покорить» // Хасэ, 1995, 7 января; Халидов Д. В Чечне не беззаконие, а другие законы // Хасэ, 1995, 21 января; Яганов И. Вряд ли «целостность России» оправдает тысячи жертв // Хасэ, 1995, 21 января; Шанибов Ю. М. Такая Россия обречена на гибель // Хасэ, 1995, 14 января; Шугунов В. В. Психология войны // Хасэ, 1995, 4 февраля; Хаткова В. А. Нет оправданий бесчинству в Чечне // Хасэ, 1995, 4 февраля; Калмыков Ю. X. Совет безопасности - Политбюро наших дней // Хасэ, 1995, 28 января; Ухлин Д. Российского флага над президентским дворцом в Грозном нет // Хасэ, 1995, 28 января; Обращение мусульман - старейшин к президенту КБР В.М.Кокову и Парламенту КБР // Хасэ, 1995, 28 января; Обращение правления Адыгской народной партии к матерям Кабардино-Балкарской Республики, чьи дети воюют в Чеченской Республике — Ичкерия, или непосредственно обслуживают эту войну // Хасэ, 1995, 28 января; Шогенов С. А. Взгляд на события в сужающейся Родине // Хасэ, 1995, 18 февраля, 25 февраля; Шанибов Ю. М. Русско-чеченская война: судьбы Кавказа // Хасэ, 1995, 11 февраля; Налоев З. М. Россия — матушка? Россия - мачеха? // Хасэ, 1995, 11 февраля; Кучмазов И. Когда никто ни за что не отвечает // Хасэ, 1995, 7 марта; Кумаров Б. А. Это приведет к углублению кризиса // Хасэ, 1995, 25 февраля; Солженицын А. И. Нет выше задачи, чем сбережение народа // Российская газета, 1994, 1 ноября; Дышеков А. Несчастливая, великая Россия // Хасэ, 1995, 25 февраля; Минкин А. Чем ты помог фронту? // Хасэ, 1995, 1 и 8 апреля; Кучмазов И. Не горжусь величием и мудростью государства // Хасэ, 1995, 8 апреля; Степанов Г. Гражданская война, «конституционно» сгущенная сверху // Хасэ, 1995, 1 апреля; Боровой К. Н. Мы потеряли больше, чем чеченцы // Хасэ, 1995, 25 марта; Дудаев Дж. М. Чеченская война придет и в ваши дома // Хасэ, 1995, 18 марта; Юнусов С. Истоки чеченской трагедии // Хасэ, 1995, 20 мая и др.

⁹¹ Олигархия (олигархический режим) — режим, при котором политическая власть в стране принадлежит узкой группе лиц, например, крупным бизнесменам, военным, государственным служащим и т.д. В Российской Федерации против олигархического режима из руководителей высшего ранга выступал лишь Б.Е. Немцов.

Лвторханов Абдурахман — чеченец, историк, журналист, известный западный политолог, автор трудов по истории Чечни и чеченского народа. Жил в Германии. Женат на украинке, имеет сына Тамерлана и дочь Жанну.

⁹⁶ Хасэ, 1995, 14 октября, №41, с.2.

⁹⁷ Независимая газета, 1996, 31 октября.

⁹⁸ Венгеров А. Б. Прямое действие конституции: правовые, социальные и психологические аспекты // Общественные науки и современность, 1995, №5, с. 50—51; Привалов К. Не принимать страшную игру // Российские вести, 1995, 21 июня; Па и и Э. Годы правления Дудаева — это жизнь по методологии Ш. Басаева // Российские вести, 1995, 20 июня; Злодеяния дудаевцев в Буденновске — кровавый вызов всей России / Красная звезда, 1995, 16 июня; Криминальный режим. Чечня. 1991 - 1995 годы. М., 1995; Подмоостков В. Чеченский урок должен помочь нам сплотиться // Российские милицейские ведомости, 1995, № 9 и др.

⁹⁹ Лу ч и н В. О. Чеченский вопрос: конституционный аспект // Диалог, 1995, №10, с. 19 — 23; Комиссия С. Говорухина. Кто развязал кровавый конфликт в Чечне? Правда, которую не хотят знать // Свидетельства, заключения, документы, М., 1995; М а т у з о в Н. И., М а л ь к о А. В. Политико-правовые режимы: актуальные аспекты // Общественные науки и современность, 1997, №1, с. 13 — 71; Х а с б у л а т о в Р. И. Чечня: мне не дали остановить войну (записки миротворца). М., 1995; А б у м у с - л и м о в С. Х. Геноцид продолжается. К вопросу о российской экспансии в Чечне. Киев, 1995; Д е м е н т ь е в а И. Мы не прибавим себе свободы, отняв ее у других // Московские новости, 1991, № 46; А в т о р х а - н о в А. Забудьте о газавате // Литературная газета, 1991, № 43; Он же. Связь веков и поколений // Хасэ, 1995, 14 октября; Г у б а ч и к о в Ж. М. Чечня - наша боль // Хасэ, 1994, 31 декабря; П а м ф и л о в а Э. А. Не хочу, чтобы матери получали похоронки // Хасэ, 1994, 17 декабря и др.

¹⁰⁰ Подмоостков В. Чеченский урок должен помочь нам сплотиться // Российские милицейские ведомости, 1995, № 9.

¹⁰¹ Это не газават. Это зверства // Граница России, 1995, № 5; К у л и - к о в А.С. Войска не применяют силу без необходимости // Красная звезда, 1995, 1 апреля; П а в л ю т к и н В. Добровольцы едут в Чечню. Что стоит за этим поступком сотен и сотен воинов запаса? // Красная звезда, 1995, 5 апреля; Р о м а н о в А. С каким «ополчением» мы столкнулись в Чечне // Российские милицейские ведомости, 1995, №7; Д м и т р и е в Ю. За 30 минут до приказа // Труд, 1995, 23 марта и др.

¹⁰² Русский Восток, 1995, №14, с.1.

¹⁰³ Там же.

¹⁰⁴ Там же, с.2.

¹⁰⁵ Там же.

¹⁰⁶ К а р д а н о в А. Иметь врагов стало необходимостью // Хасэ, 1995, 12 августа.

¹⁰⁷ Там же.

¹⁰⁸ Всего было сослано 13 «народов-предателей», из которых до сих пор не могут вернуться на родину крымские татары, турки-месхетинцы, немцы Поволжья, ингерманландские финны и др.

^{1^}Федеративная Республика Германия в послевоенный период на протяжении десятилетий должна была выплатить многомиллиардную контрибуцию СССР. Однако Н.С. Хрущев, сделав жест доброй воли, не стал требовать от федерального канцлера ФРГ Конрада Аденауэра (1876—1967) в 1949-1963 гг. возвращения долга на погашение убытка, нанесенного Германией СССР в Великой Отечественной войне. Н.С. Хрущев не иная право дарить такую огромную сумму, т.к. она была оплачена ценой 27 млн человеческих жизней советских людей. В послевоенный период у нас были и другие разорительные военные, полувоенные, финансовые затраты на Чехословакию, Венгрию, Кубу, Вьетнам, Камбоджу, др. страны социалистической ориентации.

Глава II

^{1.0} Плиева З.Т. Мюридизм — идеология Кавказской войны. Диссертация канд. ист. наук. Владикавказ, 2001, с.168.

^{1.1} Там же, с. 169.

^{1.2} Емельянова Н. М. Мусульмане Осетии в свете культурной традиции Республики Северная Осетия—Алания: долгий путь к исламу// Культурология от прошлого к будущему (сборник статей). М., 2002, с. 113.

^{1.3} Абдулатипов Р. Г. Судьбы ислама в России. История и перспективы. М., 2002, с.205.

^{1.4} Фадеев Р. А. Указ. соч., с.48.

^{1.5} Там же, с.49.

^{1.6} Соболев Б. И. Штурм будет стоить дорого... Кавказская война XIX века в лицах. М., 2001, с. 120."

^{1.7} Примаков Е.М. Анатомия ближневосточного кризиса, М., 1978, с.437.

^{1.8} Там же.

^{1.9} Говард М. Большая стратегия. Август 1942 — сентябрь 1943, М., 1980, с. 54.

^{1.10} Коэн С. Американская политика и будущее России // Полис, III, 1993, с.11.

^{1.11} Тодд Э. После империи: Pax Americana — начало конца, <http://top100.km.ru/reader.asp?id=34065&page=1>.

^{1.12} Гушер А. Последствия кризиса вокруг Ирака для мира, международной безопасности и интересов России (тезисы), <http://www.openforum.ru/meeting/57>.

^{1.13} Тодд Э. Указ. соч. (page=31).

^{1.14} Там же, (page=30).

^{1.15} Там же, (page=1).

^{1.16} Там же, (page=32).

^{1.17} Куликов А., Лембик С. Указ. соч., с.126.

^{1.18} Мартынкин А. В. Ассоциация братьев-мусульман и ее влияние на развитие исламского экстремизма (1928-1999 гг.). Диссертация канд. ист. наук. Севастополь. 2001, с. 27.

^{1.19} Там же, с.37.

^{1.20} Там же, с.38.

^{1.21} Там же с.40.

^{1.22} Там же, с.41.

^{1.23} Там же, с.42.

^{1.24} Тодд Э. Указ. соч. (page—31).

^{1.25} Климович Л. И. Книга о Коране, его происхождении и мифологии (2-е изд., доп.). М., 1988, с.254.

- ¹³⁶ Там же с.255.
- ¹³⁷ Там же, с.255.
- ¹³⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т.10, с.167.
- ¹³⁹ Мартынкин А. В. Указ. соч., с.42.
- ¹⁴⁰ Там же, с. 14.
- ¹⁴¹ Емельянова Н. М. Мусульмане Осетии в свете культурной традиции Республики Северная Осетия—Алания: долгий путь к исламу, с. 118.
- ¹⁴² Абдулатипов Р. Г. Судьбы ислама в России. История и перспективы. М., 2002, с.282.
- ¹⁴³ Ланда Р. «Политическая весна» и гражданская война в Алжире// Страны Ближнего Востока (актуальные проблемы современности и истории). М, 1998, с. 98.
- ¹⁴⁴ Мартынкин А. В. Указ. соч., с. 102.
- ¹⁴⁵ Ланда Р. Указ. соч., с.98.
- ^ш Там же, с.97.
- ¹⁴⁷ Сладков А. Военная программа. Телеканал Россия, эфир 03.12.2005, <http://www.rutv.ru>.
- ¹⁴⁸ Там же.
- ¹⁴⁹ Брасс А. Палестинские истоки. Терроризм: история и современность. М., 2004, с.34-35.
- ¹⁵⁰ Там же, с.41.
- ¹⁵¹ Там же, с.45.
- ¹⁵² Мартынкин А. В. Указ. соч., с. 165.
- ¹⁵³ Матяш В. Операция проходит по плану// Красная звезда, 1999, 6 ноября, с.Т.
- ¹⁵⁴ Мартынкин А. В. Указ. соч., с. 165.
- ¹⁵⁵ Там же, с. 166.
- ¹⁵⁶ Солдатенко Б. Ни один террорист не уйдет от возмездия / Красная звезда, 1999, 28 октября, с.1.
- ¹⁵⁷ Несарев А. Е. Война... ведет государство властным определенным руслом. Философия войны // Военно-исторический журнал, № 3, 2002, с.8.
- ¹⁵⁸ Там же.
- ¹⁵⁹ Там же, с.9.
- ¹⁶⁰ Ермаков СМ. Понятийные аспекты терроризма // Терроризм — угроза человечеству в XXI веке. М., 2003, с.49.
- ¹⁶¹ Абдулатипов Р. Г. Указ. соч, с.8.
- ¹⁶² Чапан Э. Ислам о терроре и акциях террористов-смертников. М., 2005, с. 14-15.
- ¹⁶³ Там же, с. 18.
- ¹⁶⁴ Там же, с. 20.
- ¹⁶⁵ Там же, с.22.
- ^т Чапан Э. Указ. соч, с.58.
- ¹⁶⁷ Там же.
- ¹⁶⁸ Там же, с.63.
- ¹⁶⁹ Там же, с.65.
- ¹⁷⁰ Там же, с.69.
- ¹⁷¹ Там же, с. 150.
- ¹⁷² Там же, с. 153.
- ¹⁷³ Там же, с. 154.
- ¹⁷⁴ Агапов П. Уголовная ответственность за вовлечение в соверше-

ние преступлений террористического характера или иное содействие их совершению, [http://sartraccc.sgap.ru/Pub/agapov\(25-05-04\)_p%20.htm](http://sartraccc.sgap.ru/Pub/agapov(25-05-04)_p%20.htm).

¹⁷⁵ См. <http://sartraccc.sgap.ru/Pub/#26>.

¹⁷⁶ См. <http://sartraccc.sgap.ru/Pub/#28>.

¹⁷⁷ А г а п о в П. Указ.соч, [http://sartraccc.sgap.ru/Pub/agapov\(25-05-04\)_p%20.htm](http://sartraccc.sgap.ru/Pub/agapov(25-05-04)_p%20.htm).

¹⁷⁸ См. <http://sartraccc.sgap.ru/Pub/#43>.

¹⁷⁹ См. <http://sartraccc.sgap.ru/Pub/#44>.

¹⁸⁰ Е р м а к о в С М. Указ. соч., с.53.

¹⁸¹ Там же.

¹⁸² Б р а с с А. Указ. соч., с.36—38.

¹⁸³ Там же, с.20.

[†] Ф у р м а н Д. Е. Наши десять лет. Политический процесс в России с 1991 по 2001 годы. М.-СПб., 2001, с.298. ¹⁸⁵ См. <http://sartraccc.sgap.ru/Pub/#47>.

Глава III

¹⁸⁶ Д р а г у н с к и й Д. В. Этнополитические процессы на постсоветском пространстве и реконструкция северной Евразии // Полис, 1995. №3, с.40.

¹⁸⁷ См.: К о р к м а з о в А. Ю. Этнополитические процессы и их специфика на Северном Кавказе. Автореферат дисс. канд. пол. наук. Ставрополь, 1997.

" П у г а ч е в В. П. Дестабилизация России: причины и пути преодоления// Вестник Московского университета. Сер. 12. Социально-политические исследования. 1994. № 4, с.3.

¹⁸⁹ О с и п о в Г. В. Реформирование России: итоги и перспективы. // Вестник Московского университета. Сер. 18. Социология и политология. 1995, № 3. С.15.

¹⁹⁰ Ц ю р х е р К. Мультикультурализм и этнополитический порядок в постсоветской России // Полис, 1999. № 2, с.46.

¹⁹¹ Там же, с. 47.

¹⁹² Д р о б и ж е в а Л. М. Федеративные и межнациональные отношения в Российской Федерации // Социальные конфликты: экспертиза, прогнозирование, технология разрешения. Вып. 18: Этническая и региональная конфликтология. Москва—Ставрополь, 2002, с. 196.

¹⁹³ О с и п о в Г. В. Указ. соч., с. 18.

" А в к с е н т ь е в В. А. Проблемы теории и моделирования этнических конфликтов // Социальные конфликты: экспертиза, прогнозирование, технологии разрешения. Вып. 18, с.29.

¹⁹⁵ Там же, с.29.

¹⁹⁶ North D.C. Institutions, Institutional Change and Economic Performance. Cambridge, 1990. P.6

¹⁹⁷ Ц ю р х е р К. Указ. соч., с.51.

¹⁹⁸ См.: Этнические проблемы современности. Вып.5. Проблемы гармонизации межэтнических отношений в регионе. Материалы научной конференции (14—15 сентября 1999 г.). Ставрополь, 1999, с.3.

¹⁹⁹ H o b s b a w m E., R a n g e r T., eds. The Invention of Tradition. Cambridge, 1983.

²⁰⁰ B r e u I l l y J. Nationalism and the State. Chicago, 1982.

²⁰¹ D e u t s c h K. Nationalism and Communication. Cambridge, 1953;

Gellner E. Nations and Nationalism. Oxford, 1983; Hobsbawm E. Nations and nationalism since 1780. Programme, Myth, Reality. Cambridge, 1990.

²⁰² В а р т у м я н А. А. Развитие политического процесса и проблемы южнороссийской конфликтологии // Социальные конфликты: экспертиза, прогнозирование, технология разрешения. Вып. 18, с.312.

²⁰³ Т о щ е н к о Ж. Т. Этнократия: История и современность. Социологические очерки. М., 2003, с.270.

²⁰⁴ Пути мира на Северном Кавказе. Независимый экспертный доклад под редакцией В.А. Тишкова. М., 1999. с. 13.

²⁰⁵ Ц ю р х е р К. Указ. соч., с.54.

²⁰⁰ И в а н о в а С Ю. Мультикультурализм: идеология и политика социальной и этнокультурной стабильности полиэтнических обществ // Социальные конфликты: экспертиза, прогнозирование, технология разрешения. Вып. 18, с.204.

²⁰⁷ Сказанное относится не только к республикам Северного Кавказа, но и к другим республикам Российской Федерации.

²⁰⁸ Д р о б и ж е в а Л. М. Федеративные и межнациональные отношения в Российской Федерации // Социальные конфликты: экспертиза, прогнозирование, технология разрешения. Вып. 18, с. 196.

²⁰⁹ С т е п а н о в Е. И. Уроки вооруженного конфликта в Чечне: глобальный и региональный аспекты // Этнические конфликты и их урегулирование: взаимодействие науки, власти и гражданского общества (Сборник научных статей). Москва—Ставрополь, 2002, с.96.

²¹⁰ О с и п о в Г. В. Указ.соч., с. 21-22.

" ' А в к с е н т ь е в А. В., А в к с е н т ь е в В. А. Этнические проблемы современности и культура межнационального общения (учебное пособие). Ставрополь, 1993, с. 143.

²¹² В о р о б ь е в С М. Этнополитические процессы на Северном Кавказе в постсоветский период. Диссертация канд. полит. Наук. Ставрополь, 2001, с.36.

²¹³ Там же.

²¹⁴ А р н о л ь д В. И. Теория катастроф. М., 1990, с.4.

²¹⁵ Там же, с.7.

²¹⁶ К у л и к о в А. С, Л е м б и к С. А. Чеченский узел. Хроника вооруженного конфликта 1994-1996 гг. М., 2000, с.31.

²¹⁷ ГАРФ, ф. 10026, оп.4, д.970, л.2.

²¹⁸ К р а в ч е н к о И. П. Чеченский кризис: причины, характер, последствия (90-е годы XX в.). Владикавказ, 2004, с.40.

²¹⁸ ГАРФ, ф. 10026, оп.4, л. 19.

²²⁰ ГАРФ, ф. 10026, оп.4, д. 3341, л.86.

²²⁰ ГАРФ, ф. 10026, оп.4, д. 3341, л.48.

²²² А в к с е и т ь е в А. В., Авксентьев В.А. Указ. соч., с.168.

²²³ Д з и д з о е в В. Д. Исторические мифы и реальность (искажения истории прошлого и настоящего народов Северного Кавказа в современной отечественной историографии)// Факты и историю исказать нельзя (По поводу книги «Пережитое» А. Галазова и не только...). Владикавказ, 2003, с.127-161.

²²⁴ Д з и д з о е в В. Д. Национальная политика: уроки опыта (третье издание). Владикавказ, 2002, с. 126.

²²⁵ К у л и к о в А. С, Л е м б и к С. А. Указ. соч., с.24.

²²⁰ Д м и т р и е в а Д. Национальный вопрос в региональном преломлении // Аргументы и факты — Северный Кавказ. № 23, 2005, с.1.

- ²²⁷ Тишков В. А. Общество в вооруженном конфликте. Этнография чеченской войны. М., 2001, с.213.
- ²²⁸ Куликов А. С, Лембик С.А. Указ. соч., с.282.
- ²²⁹ Поборцев А., Васькова Н. Серия документальных фильмов о войне в Чечне под общим названием «По ту сторону войны», демонстрировавшихся на канале НТВ в 2005 г.
- ²³⁰ Тишков В.А. Указ. соч., с.213.
- ²³¹ Батуев В. Дудаева «сделали» Москва и оппозиция // Аргументы и факты, № 5, 1995, с.3.
- ²³² Там же.
- ²³³ Ленин В. И. Поли. собр. соч., т.34, М., с.379.
- ²³¹ Куликов А. С, Лембик С.А. Указ.соч., с.49.
- ²³⁵ Князев А. Махмуд Эсамбаев: «Пусть нас лучше еще раз сошлют» // Аргументы и факты, № 49, 1994, с.3.
- ²³⁶ Там же, с.50.
- ²³⁷ Эпиграф к номеру // Аргументы и факты, №49, 1994, с.1.
- ²³⁸ Ковальская Г. Мы проиграли, даже если выиграем // Новое время, № 50 1994, с.8.
- ²³⁹ Там же.
- ²⁴⁰ Там же.
- " Кибрик А. Чечня рассудит... // Новое время, № 52, 1994, с.8. ²⁴² Там же, с. 9.
- ^ Куликов А., Лембик С. Указ. соч., с.47.
- ²⁴⁴ Там же.
- ²⁴⁵ Тишков В. А. Общество в вооруженном конфликте (Этнография чеченской войны). М., 2001, с.236.
- ²⁴⁰ Ленин В. И. Поли. собр. соч., т.44. с. 146.
- ²⁴⁷ Коваленко А. И. Теоретические проблемы советской национальной государственности (логический способ исследования). Диссертация докт. юрид. наук. М., 1989, с.36.
- ²⁴⁸ Котляревский С. А. СССР и союзные республики. М., 1926, с. 139.
- ²⁴⁹ Коваленко А. И. Указ. соч., с.39.
- «Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд., т. 3, с. 442.
- " Коваленко А. И. Указ. соч., с.59.
- ²⁴² Мишин А. А., Язков Е. Ф. Конституция США: история и современность. М., 1988, <http://www.kra.ru>.
- ²⁴³ Куликов А. С, Лембик С. А. Указ. соч, с.39.
- ²⁵⁴ Трошев Г. Н. Моя война. Чеченский дневник окопного генерала. М., 2001, с.44.
- ²⁵⁵ Куликов А. С, Лембик С. А. Указ. соч., с.62.
- ²⁵⁰ Там же, с. 65.
- ²⁵⁷ Трошев Г. Н. Указ.соч., с. 12.
- ²⁵⁸ Там же.
- ²⁵⁷ Там же, с. 13.
- ²⁶⁰ Куликов А. С, Лембик С. А. Указ. соч., с.65.
- ²⁶¹ Трошев Г. Н. Указ. соч, с. 19.
- ²⁶² Борзенко И. Исповедь генерала. Канал ТВЦ, эфир 17.15 16.01.2005 г.
- ²⁶³ Куликов А. С, Лембик С. А. Указ. соч., с.280.

^{2М} Там же, с. 281.

²⁶⁵ Ч е н о в Я. Россия и чеченцы // Открытая политика. 1995, №2, с.12.

²⁶⁰ С м. И с а е в а Т. Л. Политические взаимоотношения Чечено-Ингушетии с Россией в конце XVI — первой половине XVII века. Грозный, 1981; Чеченцы: история и современность (составление и общая редакция Ю. А.Айдасва). М., 1996; А л е к с е е в В. П. Происхождение народов Кавказа. М., 1974; М у з а е в Т., Т о д у а З. Новая Чечено-Ингушетия. М., 1992; Ш а х б и е в З. Судьба чечено-ингушского народа. М., 1996; И б р а г и м о в а З - Х. Чеченская история (Политика, экономика, культура). М., 2002; Г р и ц е н к о Н. П. Экономическое развитие Чечено-Ингушетии в пореформенный период (1861—1900 гг.). Грозный, 1963; Б л и е в М. М. Кавказ в политике России XVIII — первой половины XIX в. Орджоникидзе, 1989; Е го же: Осетия, Кавказ: история и современность. Владикавказ, 1999; Е го же (в соавторстве с В. В. Д е г о е в ы м): Кавказская война. М., 1994; Е го же: Россия и горцы Большого Кавказа на пути к цивилизации. М., 2004; Д з и д з о с в В. Д. Национальные отношения на Кавказе. Владикавказ, 1995; 1997; 2000; Е го же: Национальная политика: уроки опыта. Владикавказ, 1994; 1998; 2002; Е го же: Из истории досоветских национально-государственных образований на Северном Кавказе (1917-1920 гг.). Владикавказ, 2004 и др.

²⁰⁷ Д з и д з о с в В. Д. Кавказ конца XX века: тенденции этнополитического развития (историко-политологическое исследование) (2-е изд.). Владикавказ, 2004; Г а к а е в Д. Д. Очерки политической истории Чечни (XX век) (в двух частях). М., 1997; Чечня: от конфликта к стабильности (проблемы реконструкции) // Материалы международной научно-практической конференции. М., 2001; К р а в ч е н к о И. Н. Чеченский кризис: причины, характер, последствия (90-е годы XX в.). Владикавказ, 2004; Г а т е е в В. М. Межнациональные и этнополитические процессы на Северном Кавказе в период демократических реформ (1991—2005 гг.). Владикавказ, 2005 и др.

^{III} К о в а л е в Э., С е д ы х И. Лабиринтами провокации. М., 1988, с.24.

*" Фурман Д.Е. Наши десять лет. Политический процесс в России с 1991 по 2001 годы. М.-СПб, 2001, с. 298.

²⁷⁰ А р у т ю н о в С. А. Вперед назад, к естественному праву// Россия и Чечня. Поиски выхода. СПб, 2003, с. 11.

²⁷¹ Там же, с.12.

²⁷² Б у х а р а е в Р. И. О духовной России и грехе взаимной подозрительности // Россия и Чечня. Поиски выхода. СПб, 2003, с. 101.

²⁷³ А б д у л а т и п о в Р. Г. Судьбы ислама в России. История и перспективы. М., 2002, с.279.

²⁷⁴ К у л и к о в А. С., Л е м б и к С. А. Чеченский узел. Хроника вооруженного конфликта 1994—1996 гг. М., 2000, с.29.

²⁷⁵ С е р е б р я н н и к о в В. В. Война в Чечне: порождение смуты // Чеченцы: история и современность (Составление и общая редакция Ю.А. Айдасва). М., 1996, с. 15.

²⁷⁶ К у л и к о в А. С., Л е м б и к С. А. Указ. соч., с.47.

²⁷⁷ Там же, с.39.

²⁷⁸ Ю н с и н ь Ю. Российские СМИ в постсоветский период // Аспирант и соискатель, № 6 (25), 2004, с.40.

²⁷⁹ Дзидзоев В.Д. Национальная политика: уроки опыта (3-е изд.). Владикавказ, 2002, с. 147.

²⁸⁰ Лебедева Н. Б. Борьба с терроризмом: глобальный и региональный аспекты // Терроризм — угроза человечеству в XXI веке. М., 2003, с.223.

²⁸¹ Слуцкая Т. И. Террористические акции 11 сентября 2001 года в США и позиции стран Закавказья // Терроризм — угроза человечеству в XXI веке. М., 2003, с.253.

²⁸² Затулин К. ... когда «усохнет» Грузия? // Аргументы и факты, № 9, 2006, с.9.

Глава IV

^ж Кисриев Э. Ф. Ислам в общественно-политической жизни Дагестана // Мусульмане изменяющейся России. М., 2002, с. 261.

²⁸⁴ Джамааты — замкнутые территориальные общества, куда входят, как правило, представители одной или нескольких населенных пунктов. Джамааты имеют своеобразные кодексы правил и чести, нарушать которых никто не имеет право. Они представляют собой общества, характерные для общественно-политического развития многих коренных народов Северного Кавказа, в том числе и горцев Дагестана. Члены джамаата отличаются особой солидарностью в решении всех вопросов, в том числе в сфере общественно-политической жизни.

²⁸⁵ Касриев Э. Ф. Указ. соч., с. 264.

²⁸⁶ Вагабов М. В., Вагабов Н. М. Ислам: история и современность. Махачкала, 2002, с. 260.

²⁸⁷ Тарикатисты — мусульмане, отличающиеся отличной и хорошей подготовкой в идеологическом и организационном плане и объединенные в религиозные суфийские «братства» во главе со своими признанными и влиятельными шейхами. Распространение суфизма в Дагестане имеет несколько этапов (начиная с XIII—XIV вв.). Этот вопрос недостаточно исследован. Однако известно, что столкновение на Кавказе политических интересов России, Турции и Персии в конце XVIII - начале XIX в. сыграло заметную роль для восприятия мусульманскими народами Кавказа, в том числе дагестанцами, тарикатских идей (тарикатского мюридизма). В начале XIX века в Дагестане и Чечне под флагом ислама усилилась борьба горцев против царизма. Мусульманские лидеры выступили против христиан-кяфиров с лозунгами исламской солидарности, которые получили распространение в мусульманских частях Кавказа, в том числе и в Дагестане. Национально-освободительная борьба горцев Дагестана приобрела и религиозную форму. Тарикатский мюридизм, получивший в XIX веке в Дагестане особый оттенок, требовал беспощадной борьбы против христиан-кяфиров на Кавказе.

²⁸⁸ Вагабов М. В., Вагабов Н. М. Указ. соч., с. 260.

²⁸⁹ Смирнов Н. А. Мюридизм на Кавказе. М., 1963, с. 142.

²⁹⁰ Вагабов М. В., Вагабов Н. М. Указ. соч., с. 261.

²⁹¹ Кисриев Э. Ф. Указ. соч., с. 264.

²⁹² Там же, с. 265.

^ Могилевкин И. М. Мегастратегия. Проблемы пространства и времени в политике России. М., 1997, с. 5.

^ Гаджиев К. С. Геополитика Кавказа. М., 2001, с. 258. ²⁹⁵ Там же.

²⁹⁰ Термин «ваххабизм» («ваххабиты») применяется в данном случае

лишь в силу сложившейся в российской историографии традиции. Сами при верженцы этого направления ислама, т.е. чистого ислама, где центральное место занимает безоговорочный возврат к священным истокам Корана и сунны, к строгому соблюдению всех догматических предписаний и культовых действий чистого, т.е. первоначального ислама и четырех праведных халифов, так себя не называют и, более того, считают такое обращение к себе если не оскорбительным, то уж точно неприемлемым. Основателем этого религиозно-политического движения был Мухаммад ибн Абд аль Ваххаб (1703—1787), последователь идей ортодоксального мазхаба Ибн-Ханбала и исламского ортодокса-правоведа Ибн-Таймийа (1263—1328), выступавших против введения в ислам новшеств (бид'а), не согласованных с решением авторитетных бога словов (иджмы). Однако термин «ваххабиты» в Российской Федерации вошел в научную и общественно-политическую литературу, и авторы руководствовались этим при выборе терминологии. Термин «ваххабизм» специально берется в кавычки, т.к. мы считаем неправомерным отождествлять радикальное течение в исламе с учением Мухаммада ибн Абд аль-Ваххаба. «Ваххабиты» называют себя «муваххидун», т.е. «единобожники». ²⁹⁷ К и с р и е в Э. Ф. Указ. соч., с. 265.

²⁹⁵ Там же. ^ В а г а б о в М. В., В а г а б о в Н. М. Указ. соч., с. 246.

³⁰⁰ Там же.

от Пути мира на Северном Кавказе / Независимый экспертный доклад. М., 1999, сс. 16, 23, 26; Новая народная газета (г. Черкесск). 1999, № 1, 1999, 11-17 августа.

³⁰² Р у б а н Л. С. Геополитическая ситуация на Кавказе // Polemika: Интернет-журнал программ обмена для ученых-исследователей и актуальные вопросы современности. 2001, № 8. old. [irex.ru / publications / polemika / 8 / index.htm](http://irex.ru/publications/polemika/8/index.htm).

³⁰³ Большой энциклопедический словарь (Изд. 2-е, переработанное и дополненное). М. — СПб., 2000, с. 434.

^ С а х а р о в А. Д. Степень свободы // Огонек, 1989, №31 (июль), с.27.

^ Г е м к р е л и д з е Б.В.К вопросу о расселении осетин в Грузии // Осетинский вопрос. Тбилиси, 1994, с. 184.

" Я н о в с к и й А. Г. Осетия. Цхинвал, 1993. с. 16.

³⁰⁷ Там же, с. 16-17.

³⁰⁸ Г е м к р е л и д з е Б. В, Указ. соч., с. 184.

³⁰⁹ Там же, с. 185.

³¹⁰ Там же.

³¹¹ См.: Ковалевский Максим Максимович (1881-1916) - выдающийся ученый-историк, юрист, этнограф, социолог, позитивист. Окончил в 1872 году юридический факультет Харьковского университета. Завершал образование в Берлине, Вене, Париже и Лондоне. Лично знал многих крупных ученых мира, в том числе К. Маркса, Ф. Энгельса, К. Каутского, состоял в ними в переписке. С 1878 года — профессор государственного права и сравнительной истории права юридического факультета МГУ. Автор фундаментальных научных исследований, получивших мировое признание. Среди них: «Современный обычай и древний закон. Обычное право осетин в историко-сравнительном освещении» (т. 1—2, М., 1886); «Закон и обычай на Кавказе» (т. 1—2, М., 1890); «Родовой быт в настоящем, недавнем отдаленном прошлом» (СПб., 1905) и др. Эти труды основывались прежде всего на собранном самим М.М. Ковалевским этнографическом материале осетин и других народов Кавказа.

³¹² К о в а л е в с к и й М. М. Современный обычай и древний закон. Обычное право осетин в историко-сравнительном освещении. В 2-х томах (Репринтное воспроизведение). Владикавказ, 1995, с.48—49.

³¹³ Там же, с.49.

³¹⁴ Там же, с.59.

³¹⁵ Там же.

³¹⁶ Центральный государственный архив Республики Северная Осетия-Алания (В дальнейшем ЦГА РСО—А), ф.291, оп.1, д.10, л.2. ³¹⁷ Там же, л.2.

³¹⁸ Там же, л.2—3.

³¹⁹ Акты Кавказской археографической комиссии (АКАК), т.6, с.685; К о в а л е в с к и й М. М. Указ. соч., с.50—51.

³²⁰ Там же, с.51.

³²¹ Там же.

³²² См.: Г е м к р е л и д з е Б. В. Указ. соч., с. 185.

³²³ Там же.

³²⁴ Джавахишвили (псевдоним Адамашвили) Михаил Саввич (1880—1937). Грузинский писатель. Репрессирован. Реабилитирован посмертно. Автор литературных произведений, в том числе романа «Хизаны Джако» (Тбилиси, 1924, на груз. яз.). Роман был издан с новым названием «Обвал» на русском языке в 1959 г. в Тбилиси.

³²⁵ Д ж а в а х и ш в и л и М. С. Обвал. Тбилиси, 1959, с.64.

³²⁶ Там же, с.64.

³²⁷ Там же, с. 50.

³²⁸ Там же, с.50, 66.

³²⁹ Там же, с.92.

³³⁰ Там же, с. 138.

³³¹ Там же, с. 111.

³³² Л е б е д е в а Н. Б. Борьба с терроризмом: глобальный и региональный аспекты. Терроризм - угро-л человечеству в ХХI веке. М., 2003, С 242.

³³³ Союз можно было сохранить. Белая книга: документы и факты о политике М.С. Горбачева по реформированию и сохранению многонационального государства. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2007, с. 47.

³³⁴ Я з о в Д. Т. Удары судьбы. Воспоминания солдата и маршала. М., 1999, с. 395.

³³⁵ К у р б а н о в Г. М. Религия и политика террора. Махачкала, 2002, с.6.

³³⁶ Я з о в Д. Т. Указ. соч., с. 419.

³³⁷ К у р б а н о в Г. М. Указ. соч., с. 16.

³³⁸ Там же, с. 16.

³³⁹ Там же, с. 17.

³⁴⁰ Там же, с.20.

³⁴¹ Там же, с.21.

³⁴² Там же, с.43.

³⁴³ Н у х а е в Х.-А. Возвращение варваров. М., 2002. с. 159.

³⁴⁴ Там же, с. 159.

³⁴⁵ Там же, с. 159.

³⁴⁶ К у р б а н о в Г. М. Указ. соч., с.45.

³⁴⁷ Там же, с.47.

³⁴⁸ Там же, с.48.

³⁴⁹ Б е р н с К. Загадки восточной мудрости. От Заратустры до Мао. М., 2007, с. 144.

³⁵⁰ К у р б а н о в Г. М. Указ.соч., с.51—52.

³⁵² Там же, с.73.
Северо-Кавказский военный округ на пути к профессиональной армии (Под общей редакцией генерала армии А.И.Баранова;. Ростов-на-Дону, 2005, с. 148.

^М Там же, с. 149.

³⁵¹ Там же, с. 151.

^{ГМ} Курбанов Г.М. Указ. соч., с.53.

Глава V

^{35В} Глухова А. В., Красова Е. Ю. Политико-психологические контроверзы этнических конфликтов //Социальные конфликты: экспертиза, прогнозирование, технология разрешения. Вып. 18, с.41.

³⁵⁷ Тощенко Ж. Т. Этнократия: История и современность. Социологические очерки. М., 2003, с.416.

³⁵⁸ Там же.

³⁵⁹ Иванова С.Ю. Мультикультурализм: идеология и политика социальной и этнокультурной стабильности полиэтнических обществ // Социальные конфликты: экспертиза, прогнозирование, технология разрешения. Вып. 18, с.200.

¹⁰ Глухова А. В., Красова Е. Ю. Указ. соч., с.44.

³⁶¹ Уланов В. П. Полифония этнонациональных идеологий: в поисках «культурной» модели модернизации // Социальные конфликты: экспертиза, прогнозирование, технология разрешения. Вып. 18, с.316.

³⁶² Иванова С.Ю. Указ. соч., с.200.

³⁶³ Степанов Е. И. Регионализация этноконфликтологии в России как альтернатива современному глобализму // Социальные конфликты: экспертиза, прогнозирование, технология разрешения. Вып. 18, с.292.

^ш Там же.

³⁶⁵ Там же, с.294.

[^] Панагин А. С. Политология. М., 1997, с. 103.

³⁶⁷ Абдулатипов Р. Г. Кавказская цивилизация: самобытность и целостность // Научная мысль Кавказа. 1995. № 1; Кцоева Г. У. Кавказский суперэтнос // Эхо Кавказа. 1994. № 2.

[^] Черноус В.В.К вопросу о горской цивилизации // Россия в XIX - начале XX вв. Ростов-на-Дону, 1992.

["] Черноус В. В. Россия и народы Северного Кавказа: проблемы культурно-цивилизационного диалога // Научная мысль Кавказа, 1999. № 3.

³⁷⁰ Черноус В. В. Роль казачества в диалоге русской и кавказской горской цивилизаций // Россия: прошлые, сегодняшние реалии и перспективы развития. Новочеркасск, 1994.

³⁷¹ Сохрокков Х. Живая судьба народов // Эльбрус (Нальчик). 1999. № 2, с.6.

³⁷² Гаджисв К. С. Геополитика Кавказа. М. 2001, с.41.

³⁷³ Пути мира на Северном Кавказе. Независимый экспертный доклад под редакцией В.А. Тишкова. М., 1999, с.7.

³⁷⁴ Черноус В. В. Социально-политический процесс на Юге России: от вспышки ксенофобии к регенерации этнокультурного взаимодействия и осознанного единого гражданства // Ксенофобия на юге России: сепаратизм, конфликты и пути их преодоления / Южнороссийское обозрение Центра системных региональных исследований и прогнозирования ИППК при РГУ. Вып. 6. (Отв. редактор В.В. Черноус). Ростов-на-Дону, 2002, с.64.

- [†] Аргументы и факты, - Северный Кавказ. 2005. №23.
- ³⁷⁶ Г а д ж и е в К. С. Указ.соч., с.347.
- ³⁷⁷ С т е п а н о в Е. И. Уроки вооруженного конфликта в Чечне: глобальный и региональный аспекты // Этнические конфликты и их урегулирование: взаимодействие науки, власти и гражданского общества. Москва—Ставрополь, 2002, с. 108.
- ³⁷⁸ Степанов Е.И. Указ. соч., с. 101.
- ³⁷⁹ Б а б и н И. А. Миростроительство в контексте культуры мира // Социальные конфликты: экспертиза, прогнозирование, технология разрешения. Вып. 18, с.252.
- ³⁸⁰ С т е п а н о в Е. И. Указ. соч., с. 108.
- ³⁸¹ Г а д ж и е в К. С. Указ. соч., с.425.
- ³⁸² Там же, с.425-426.
- ³⁸³ Т и ш к о в В. А. Общество в вооруженном конфликте (Этнография чеченской войны). М.: Наука, 2001, с. 22.
- [^] В а р т у м я н А. А. Развитие политического процесса и проблемы южнороссийской конфликтологии // Социальные конфликты: экспертиза, прогнозирование, технология разрешения. Вып. 18, с. 313.
- ³⁸⁵ Г а д ж и е в К. С. Указ.соч., с. 255.
- ³⁸⁶ К а п у с т и н Б. Г. Морачь и политика в западно-европейской политической философии // От абсолюта свободы к романтике равенства (Из истории политической философии). М., 1994, с. 7.
- ³⁸⁷ Г л у х о в а А. В., К р а с о в а Е. Ю. Указ.соч., с. 41-42.
- ³⁸⁸ Там же.
- ³⁸⁹ Г а д ж и е в К. С. Указ. соч., с. 255.
- ³⁹⁰ К о р о т е е в а В. Существуют ли общепризнанные истины о национализме? // Pro et contra. 1997, т.2. №3, с. 188.
- ³⁹¹ А н д е р с о н Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М., 2001, с.35.
- ³⁹² Там же, с.30.
- ³⁹³ К о р о т е е в а В. Указ. сое, с. 196.
- ^{''} П у г а ч е в В. П. Дестабилизация России: причины и пути преодоления // Вестник Московского университета. Сер. 12. Социально-политические исследования. 1994. №4, с.3.
- ³⁹⁵ Г а д ж и е в К. С. Указ. соч., с.255.
- ³⁹⁶ Там же, с.254.
- [^] С е в о с т ь я н о в И. «Исламский фундаментализм» и исламский экстремизм — это совсем не одно и то же // Международная жизнь. 1996. № 5, с. 32,
- ³⁹⁸ Там же.
- ³⁹⁹ Там же, с. 32-33.
- ⁴⁰⁰ П у г а ч е в В. П. Указ. соч., с.4.
- ^{''} С т е п а н о в Е. И. Уроки вооруженного конфликта в Чечне: глобальный и региональный аспекты // Этнические конфликты и их урегулирование: взаимодействие науки, власти и гражданского общества, Москва—Ставрополь, 2002, с. 141.
- ⁴⁰² Там же, с. 137.
- ⁴⁰⁸ Ш ю ц А. Формирование понятия и теории в общественных науках // Американская социологическая мысль: Тексты, (Под ред. В.И. Добренко). М., 1996, с. 528-529.
- ⁴⁰⁴ Т о щ е н к о Ж. Т. Этнокрафия: история и современность. Социологические очерки. М., 2003. с.405

" " А р у т ю н о в С. А. Шариату на Северном Кавказе необходимо создать легальную правовую нишу // Итоги. 1999. 19 января, с. 16.

⁴⁰⁶ Ш у л ь ж е н к о В. И. Кавказский феномен русской прозы (вторая половина XX века) Пятигорск, 2001, с.52.

■ " " С м и р н о в А. Н. Этнополитические процессы на Северном Кавказе: особенности и основные тенденции. М, 2001, с. 37.

⁴⁰⁸ С м.: В ы з о в Л. Г. О перспективах сохранения целостной этнокультурной матрицы этносов России в условиях процесса «догоняющей» модернизации // Вестник Московского университета. Сер. 12. Социально-политические исследования. 1994. № 6, с. 35.

" " Т и ш к о в В. А. Общество в вооруженном конфликте (этнография чеченской войны). М. 2001, с. 141.

^{4,0} Там же, с. 141-142.

⁴¹¹ Г у р е в и ч А. Я. Проблемы средневековой народной культуры. М., 1981, с. 32.

^{4,2} Т и ш к о в В. А. Указ. соч., с. 45 ⁴¹³

Там же.

^{4,4} Т о щ е н к о Ж. Т. Указ. соч., с.405.

⁴¹⁵ М о р е в а Л. М., Спивак Д.И. Динамика современной культуры: поиск оптимального в современных условиях. Культурология: от прошлого к будущему. М., 2002, с. 153.

⁴¹⁶ М о р е в а Л. М., Спивак Д.И. Указ. соч., с. 153.

⁴¹⁷ Т и ш к о в В. А. Указ. соч., с. 45.

⁴¹⁸ С м и р н о в А. Н. Этнополитические процессы на Северном Кавказе: особенности и основные тенденции. М. 2001, с.36.

^{4,9} Т и ш к о в В. А. Указ. соч., с. 187-189.

⁴²⁰ С м и р н о в А. П. Указ. соч., с.48.

⁴²¹ А р у т ю н о в С. А. Указ. соч., с. 16.

⁴²² С м и р н о в А.Н. Указ. соч., с.36.

⁴²³ Т и ш к о в В.А. Указ.соч., с. 45.

⁴²⁴ Там же, с. 52.

⁴²⁵ Т и ш к о в В. А. Указ. соч., с. 53.

⁴²⁶ Международное право. Учебник для вузов/ Отв. ред. Г.В. Игнатенко и О.И. Тиунов). (4-е изд., перераб. и доп.) М., 2007, с.549.

⁴²⁷ Там же.

⁴²⁸ Б ь я н к и А. Международное сообщество перед лицом терроризма: роль права (реферат Г.А. Антоноса) // Международный терроризм и право (реферативный сборник). М., 2002, с.71.

⁴²⁹ Там же, с.72.

⁴³⁰ Там же, с.73.

⁴³¹ Там же.

⁴³² Там же, с. 74.

⁴³³ Там же, с.77.

⁴³⁴ Там же, с. 74

⁴³¹ Там же, с.78.

⁴³⁶ Х и г г и н с Р. Терроризм и международное право (реферат Г.А. Антоноса) // Международный терроризм и право (реферативный сборник). М., 2002, с.85.

⁴³⁷ Там же, с.86.

⁴³⁸ Там же, с.88.

⁴³⁹ Там же.

⁴⁴⁰ Там же, с.91.

- ⁴⁴¹ Там же, с.92.
- ⁴⁴² <http://www.uu.org/russian/documen/scresol/res1992>.
- ♦ "М а р к и з и о С. ООН, право и террор (реферат Г. А. Антоноса) // Международный терроризм и право (реферативный сборник). М., 2002, с. 104.
- ⁴⁴⁴ Там же, с. 105.
- ⁴⁴⁵ Там же.
- ⁴⁴⁶ Там же, с. 106.
- ⁴⁴⁷ Там же, с. 108.
- ⁴⁴⁸ Там же.
- ⁴⁴⁹ Там же, с. 109.
- ⁴³⁰ Р а д ж е с в а р и П. Р. Борьба США против терроризма: модели терроризма образца 1999 г. (реферат Г. А. Антоноса) // Международный терроризм и право (реферативный сборник). М., 2002, с.117.
- ⁴⁵¹ Там же, с. 117-118.
- ⁴⁵² Р о у в Д ж. Д ж. Закон о борьбе с терроризмом 2000 г. (реферат Г.А. Антоноса). Международный терроризм и право (реферативный сборник). М., 2002, с. 120.
- ⁴⁵³ Там же, с. 120.
- ⁴⁵⁴ Там же.
- ⁴⁵⁵ Там же.
- ⁴⁵⁶ Там же, с. 121.
- ⁴⁵⁷ Там же.
- ⁴⁵⁸ Там же.
- ⁴⁵⁹ Г о ц ц и М.-Э. Закон об общественной безопасности и антитеррористическая борьба (реферат Г.А. Антоноса) // Международный терроризм и право (реферативный сборник). М., 2002, с. 126.
- ⁴⁶⁰ Там же, с. 127.
- ⁴⁸¹ Там же, с. 127.
- ⁴⁶² Там же, с. 129.
- ^{№1} Там же, с. 129.
- ^ш <http://www.geo-garant.ru/cgi-bin/content.pl?p=79&nid=25> ^{49я} Там же.
- ^т А в д е е в Ю. И. Некоторые вопросы совершенствования организации борьбы с терроризмом // Борьба с терроризмом (Науч. ред. В.Н. Кудрявцев; сост. Л.В. Брятова). М., 2004, с. 168.
- ^{4"} Федеральный закон «О противодействии терроризму». Положение о национальном антитеррористическом комитете (вступили в силу с 10 марта 2006 года). Новосибирск, 2006, с.6.
- ⁴⁶⁸ Уголовный кодекс Российской Федерации. М., 2005. С.96.
- ⁴⁶⁹ <http://www.un.org/russian/documen/scresol/res2001>.
- " " А в д е е в Ю. И. Указ.соч., с.171.
- ⁴⁷¹ Там же, с. 173-174.
- ⁴⁷² Л е б е д е в а Н. Б. Борьба с терроризмом: глобальный и региональный аспекты// Терроризм — угроза человечеству в XXI веке. М., 2003, с.225.
- ⁴⁷³ К р ы л о в Б. С. Международное право и проблемы создания правового акта о борьбе с международным терроризмом // Борьба с терроризмом, М., 2004, с. 196.
- ⁴⁷⁴ Там же.
- ⁴⁷⁵ Международный терроризм и право (реферативный сборник). М., 2002.
- ⁴⁷⁶ Резолюция 2625 (XXV), приложение.

⁴⁷⁷ Резолюция 2734 (XXV).

⁴⁷⁸ Резолюция 3314 (XXIX), приложение.

⁴⁷⁹ Резолюция 42/22, приложение.

⁴⁸⁰ A/CONF. 157/24 (Part I), глава III.

⁴⁸¹ См. резолюцию 2200A (XXI), приложение.

⁴⁸² United Nations, Treaty Series, Vol. 704, No. 10106.

⁴⁸³ Ibid., Vol. 860, No. 12325.

⁴⁸⁴ Ibid., Vol. 974, No. 14118.

⁴⁸⁵ United Nations, Treaty Series, Vol. 1035, No. 15410.

⁴⁸⁶ Резолюция 34/146, приложение.

⁴⁸⁷ United Nations, Treaty Series, Vol. 1456, No. 24631.

⁴⁸⁸ Международная организация гражданской авиации, документ

DOC

9518.

⁴⁸⁹ International Maritime Organization, document.

SUA/CONF/15/Rev.1.

⁴⁹⁰ Ibid., document SUA/CONF/16/Rev. 2.

⁴⁹¹ S/22393; см. Официальные отчеты Совета Безопасности, сорок

ше-

стой год. Дополнение за январь, февраль и март 1991 года, документ

S/

22393.

⁴⁹² См. резолюцию 50/6.

⁴⁹³ United Nations, Treaty Series, Vol. 189, No. 2545.

⁴⁹⁴ United Nations, Treaty Series, Vol. 606, No. 8791.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Глава I. Методологический анализ чеченского сепаратизма	
1. Причины обострения этнополитической ситуации в Чеченской Республике в начале 90-х годов XX века	11
2. Противоречия в межэтнических отношениях в Чеченской Республике в конце XX века	25
3. Предпосылки возникновения и развития чеченского сепаратизма	37
4. Уроки и перспективы окончательного преодоления чеченского кризиса	46
Глава II. Причины ослабления российской государственности на Северном Кавказе в 90-е годы XX века	
1. Экспансия исламистов на Северном Кавказе	58
2. Исламский радикализм на Северном Кавказе	69
3. Связь сепаратистов и террористов Северного Кавказа с иностранными террористическими организациями	80
Глава III. Вооруженное противостояние федерального центра и Чеченской Республики в конце XX – начале XXI века	
1. Национально-государственное строительство в Чеченской Республике и этнополитические процессы на Северном Кавказе	93
2. Предпосылки развязывания военных действий на Северном Кавказе	103
3. Характер и особенности военных операций на территории Чеченской Республики	118
4. Объективные и субъективные причины противостояния федерального центра и Чеченской Республики. Перспективы стабилизации этнополитической обстановки на Северном Кавказе	131
Глава IV. Северный Кавказ – объект геополитики ислама	
1. Общественно-политические процессы в республиках Северного Кавказа	148
2. Идеологический фактор в современных межэтнических отношениях на Северном Кавказе	156
3. Религиозный фактор в современных этнополитических процессах на Северном Кавказе	168
Глава V. Необходимость усиления борьбы с терроризмом и экстремизмом	
1. Конфликт национальных идеологий в конце XX – начале XXI века и его геополитические составляющие	182
2. Повседневная самоорганизация и социальная жизнь чеченского народа в период обострения этнополитической обстановки на Северном Кавказе	200
3. Международное право о борьбе с терроризмом	212
4. Некоторые вопросы организации борьбы с терроризмом на современном этапе	232
Заключение	242
Приложение	245
Примечания	267

Научно-популярное издание

ДЗИДЗОЕВ ВАЛЕРИЙ ДУДАРОВИЧ
ЛЕВЧЕНКО НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ

**Сепаратизм, терроризм и экстремизм
на Северном Кавказе: политико-правовой анализ**

Редактор
А.У. Голиева
Художник
В.С. Григорян
Художественный редактор
Г.Э. Чеджемты
Технический редактор
А.В. Ядыкина
Корректор
Г.Б. Карданова
Компьютерная верстка
Э.С. Мисиковой

Сдано в набор 10.09.08. Подписано к печати 21.10.08. Формат бумаги 60x90¹/₁₆. Бум. офс. №1. Гарн. шрифта «Kudrashov». Печать офсетная. Усл.-п. л. 18. Учетно-изд. л. 20,81. Тираж 1000 экз. Заказ № 1148. С 51.
Комитет Республики Северная Осетия–Алания по печати и делам издательств.
ГУП РСО–Алания «Издательство «Ир», 362040, г. Владикавказ, проспект Мира, 25.
Отпечатано с готовых диапозитивов в ОАО «Издательско-полиграфическое предприятие им. В.А. Гассиева», 362011, г. Владикавказ, ул. Тельмана, 16.

В.Д. Дзидзоев
Н.Н. Левченко

**Сепаратизм,
терроризм и
экстремизм
на Северном Кавказе:**
политико-правовой анализ